

Н. В. Жилина

Тисненый убор по древнерусскимкладам X—XIII вв. (от орнаментального рифления до эмблемы княжеской власти)

N. V. Zhilina.

Stamped Jewel Attire Reconstructed Based on Old Rus Hoards of 10th — 13th Centuries (from the ornamental stamping to the emblem of the princely power).

Stamping began to develop in Old Rus from the second half of the 10th century. The top level of the stamping came up to the 12th century, when it transformed into self-sufficient jewel mode and was working out its own ways of ornamentation and forms of jewelry items. Some of these items played an additional role in the metal attire and costume: chains for *ryasno* (necklace), beads, pendants for diadems. The other played more important role: they joined the metal attire and costume into one stylistic ensemble and served as a sign of social — princely — rank. These items were ornamented in vegetal style: necklaces of crin-shaped pendants and sewn-on metal plates.

At the beginning, stamping technology used geometrical and scroll ornaments of granulation and filigree and the techniques of perforation of metal plate and engraving. However, such methods did not entirely correspond to the facture of a thin metal plate. The embossed and vegetal ornamentation could best reveal the aesthetic possibilities of stamping.

The monograph studies typology and stylistics of 1015 stamped jewel items. They correspond to such main categories as: pendants to diadems — 23; temporal rings of beads — 24; *ryasno*-chains — 78; beads for necklaces — 237; pendants for necklaces — 76; sewn-on metal plates — 550; buttons — 10. Seventeen matrices for these items were also used.

Based on the revealed stylistic groups for each category, all the items are distributed into several styles: I — geometrical; II — wave-shaped; III — scroll-shaped; IV — vegetal (crin-shaped); V — watted; VI — splendor. Three stages are defined within the vegetal style: geometrical, natural and exaggerate.

In order to establish the dating of the typological subdivisions and stylistic groups of the stamped items, some analogous items with archaeological stratigraphic dates have been used. As for the dating of styles, some wider parallels among artefacts of medieval art have been used.

As a result, the following dates have been received for the styles: geometrical — 1050—1150; wave-shaped — 900—1230; scroll-shaped — late 11th c. — 1150; vegetal — the middle of the 11th c. — 1230; watted — the middle of the 12th — early 13th centuries; splendour — the turn of 12/13th — 13th centuries. It became possible to define the time for the three stages of the vegetal style: geometrical — the middle and the second half of the 11th c. — 1150; natural — the 12th century; exaggerate — 1150 — 1230.

Sets of jewelry items have been distinguished for each style and stylistic stage.

Based on analysis of typological forms and constructional details of the items, the author offered some preliminary reconstructions. They help locating the place of surviving details within the whole construction of an item, as well as revealing the role of categories in the metal attire. The resulting reconstructions give an idea of the complete variants of the stamped attire.

Double chains-*ryasno*, combined of the stamped miniature «logs», narrowed from 3,0 cm to 2,0 cm. The length of the chains shortened simultaneously with the decrease in the width: 20 cm, 12—13 cm and 10 cm. The ending «logs» of the *ryasno*-chain of triangle form appeared, the chain became singular. Universal chains, combined of stamped links with wave-shaped ornamentation, had appeared by late 12th century. All these modifications led to the forming of lighter chains, suitable for different types of kolts.

The beads, ornamented only by stamping, were used in necklaces of crin-shaped pendants.

The type of crin-shaped pendant (trefoil and tetrafoil) was worked out for special necklaces which belonged to the best achievements of the Russian jewelry art. The stamped sewn-on metal plates and crin-shaped pendants shaped the stylistic ensemble.

The tradition of ornamentation of the aristocratic costume by crin-shaped adornments and their combinations penetrated into Russian court culture from Byzantine Empire. Trefoil ornaments were emblems of princes and their power. Necklaces could have in their composition a pendant with the figure of Michael the Archangel and were connected with the image of the divine patron of the Russian princes.

Spread of stamped metal sewn-on plates shows the tendency of the metal attire to unite with the costume. The seldom preserved examples of the attaching of the metal plates to the clothes are used for the reconstructions.

Ornamental compositions of vegetal elements, known by works of different arts were also used as a source for ornamental reconstruction made on the basis of stamped jewelry.

As a result of this small investigation, the author offers a chronology of stamped jewelry items and explains their role in the costume. Also, it became possible to understand the historical and cultural role of the stamped trefoil items in Old Rus. In Russian metal attire, they passed a way from some additional details and background ornamentation to the important laconic emblem of princely power.

N. V. Zhilina.

Podoabe executate în tehnica imprimării în tezaurele Rusiei Kievene din sec. X—XIII (de la stampare ornamentală la emblema puterii princiare).

Procedeele de imprimare începe să se dezvolte în Rusia Kieveenă din a doua jum. a sec. X. Răspîndirea cea mai înaltă a lui are loc în sec. XII, cînd imprimarea s-a transformat într-un component aparte al giuvaieriei, căruia i-au devenit caracteristice propriile tipuri de ornamentare și forme de podoabe. Unele dintre aceste obiecte aveau un rol secundar în costumul și setul de podoabe metalice: lăntișoare pentru *reasno* (colier), mărgelă, detalii ale diadelmelor. Altele, însă, jucau un rol mult mai important, conectînd podoabele metalice și costumul într-un ansamblu stilistic unic și servind drept semne ale statutului social — celui princiar. Aceste obiecte erau ornamentate în stil vegetal: coliere, executate din elemente în formă de crin și plăcuțe, ce erau cusute pe haine.

La început, în tehnica imprimării se utilizau ornamentele geometrice buclate, formate din granule și filigran, precum și tehnica de tăiere a bazei metalice și gravarea. Însă, asemenea procedee nu corespundeau complet structurii plăcii metalice subțiri. În cel mai deplin mod, posibilitățile estetice ale tehnicii imprimării au fost redată prin intermediul reliefării și stilului vegetal de ornamentare.

În monografie sunt prezentate rezultatele analizei tipologico-stilistice ale 1015 podoabe, executate prin imprimare. Ele corespund următoarelor categorii principale: elemente ale diadelmelor — 23; cercei de tîmplă în formă de mărgelă — 24, lanțurii-*reasno* — 78; mărgelă pentru coliere — 237; elemente ale colierelor — 76; plăcuțe metalice cusute pe îmbrăcăminte — 550; nasturi — 10. De asemenea, s-au cercetat 17 matrici pentru aceste obiecte.

În baza determinării grupurilor stilistice pentru fiecare categorie în parte, toate obiectele pot fi distribuite pe cîteva stiluri: I — geometric, II — canelat; III — buclat; IV — vegetal (în formă de crin); V — împletit; VI — somptuos. În limitele stilului vegetal, au fost definite trei etape — geometrică, naturală și exagerată.

Pentru datarea subdiviziunilor tipologice și a grupurilor stilistice ale obiectelor imprimate, au fost utilizate analogiile cu datele stratigrafice arheologice exacte. Pentru datarea stilurilor, au fost utilizate paralele dintr-un spectru mai larg al materialelor artei medievale.

Ca rezultat, următoarele date au fost determinate pentru stilurile respective: geometric — a doua jumătate a sec. XI — prima jumătate a sec. XII; canelat — sec. X — prima treime a sec. XIII; buclat — sfîrșitul sec. XI — prima jumătate a sec. XII; vegetal — mijlocul sec. XI — prima treime a sec. XIII; împletit — jumătatea sec. XIII — începutul sec. XIII; somptuos — hotarul sec. XII/XIII—XIII. Au fost definite limitele cronologice ale celor trei etape a stilului vegetal: geometrică — mijlocul și a doua jumătate a sec. XI — începutul sec. XII; naturală — sec. XII; exagerată — jumătatea a doua a sec. XII — prima treime a sec. XIII.

Au fost evidențiate seturile de podoabe pentru fiecare etapă în parte.

În baza determinării poziției și detaliilor constructive ale obiectelor, au fost executate reconstrucții ale lor. Ele sunt utile pentru stabilirea poziției fragmentelor păstrate în construcția unui obiect întreg, precum și pentru determinarea rolului categoriilor în seturile de podoabe metalice.

Lanțurile-*reasno* duble, formate din blocuri miniaturale imprimate, s-au îngustat de la lățimea de 3,0 cm la 2,0 cm. Lungimea lanțurilor s-a micșorat simultan cu micșorarea lățimii: 20 cm, 12—13 cm și 10 cm. Au apărut extremități ale lanțurilor-*reasno* în formă de blocuri triunghiulare, lanțul a devenit ordinar. Lanțurile universale, constituite din verigi imprimate cu ornamentare canelată au apărut la sfîrșitul sec. XII. Toate aceste modificări au adus la formarea unor lanțuri mai ușoare, utilizate la diferite tipuri de kolt.

Mărgelă, ornamentate doar cu imprimare, se foloseau în coliere cu elemente în formă de crin.

Tipurile de elemente în formă de crin (trifoliolate și tetrafoliate) se produceau pentru coliere speciale, care aparțin celor mai bune realizări ale artei de giuvaierie rusească. Plăcuțele pentru cusut imprimate și elementele în formă de crin constituiau ansamblul stilistic.

Tradiția de ornamentare a costumului nobililor cu figuri în formă de crin sau combinațiile lor au ajuns în cultura curteană rusă din Imperiul Bizantin. Ornamentele trifoliolate erau semnele statutului princiar și ale puterii lor. Unele coliere conțineau în compoziția sa podoabe cu reprezentarea Arhanghelului Mihail, fiind conectate cu imaginea patronului divin al prinților ruși.

Răspîndirea plăcuțelor imprimate metalice ilustrează tendința podoabelor metalice de a se contopi cu costumul. Rar păstratele exemple ale conexiunii plăcuțelor metalice cu veșmîntul sunt utilizate în reconstrucții. Compozițiile ornamentale cu figuri de crin, cunoscute după diferite obiecte de artă, au devenit sursa reconstrucției ornamentale, executate în baza podoabelor imprimate.

Ca rezultat al unui studiu special, au fost determinate limitele orientative cronologice ale acestor obiecte, a fost precizată menirea lor și locul în costum. În complexul de podoabe al Rusiei Kievene, ele au parcurs traseul de la detalii suplimentare și de fundal la embleme laconice ale puterii princiare.

№5. 2010

*Н. В. Жилина.***Тисненный убор по древнерусскимкладам X—XIII вв. (от орнаментального рифления до эмблемы княжеской власти).**

Тиснение начинает развитие в Древней Руси со второй половины X в. Наивысшего уровня тиснение достигает к XII в., когда оно превращается в самостоятельный ювелирный прием и вырабатывает свои собственные способы орнаментации и формы и типы ювелирных изделий. Некоторые из этих ювелирных изделий играли вспомогательную дополнительную роль в металлическом уборе и костюме: цепи для рясен, бусины, подвески к диадемам. Другие играли значительно более важную роль: они соединяли металлический убор и костюм в единый стилистический ансамбль и служили знаком социального — княжеского — ранга. Эти украшения были орнаментированы в растительном стиле: ожерелья, составленные из кринообразных подвесок, и нашивные на одежду бляшки.

Вначале в технике тиснения использовались геометрические и завитковые орнаменты зерни и филигранны, а также — техника прорезания металлической основы и гравировка. Но такие приемы не полностью соответствовали фактуре тонкой металлической пластины. Наилучшим образом эстетические возможности тиснения выразили техника рельефа и растительный стиль орнаментации.

В монографии проведено типолого-стилистическое изучение 1015 тисненых ювелирных изделий. Они относятся к таким основным категориям: подвески к диадемам — 23; бусинные височные кольца — 24; рясна-цепи — 78; бусины ожерелий — 237; подвески к ожерельям — 76; нашивные бляшки — 550; пуговицы — 10. Изучено также 17 матриц для вещей этих категорий.

На основании выделения стилистических групп для каждой категории все изделия распределены между несколькими стилями: I — геометрический; II — рифленный; III — завитковый; IV — растительный (кринообразный); V — плетеный; VI — пышный. В рамках растительного стиля выделены три стадии: геометрическая, естественная и утрированная.

Для датирования типологических подразделений и стилистических групп тисненых изделий привлечены аналогичные вещи с археологическими стратиграфическими датами. Для датирования стилей использованы параллели из широкого круга материалов произведений средневекового искусства.

В результате получены следующие даты стилей: геометрический — вторая половина XI — первая половина XII вв.; рифленный — X — первая треть XIII вв.; завитковый — конец XI — первая половина XII вв.; растительный — середина XI — первая треть XIII вв.; плетеный — середина XII — начало XIII вв.; пышный — рубеж XII/XIII—XIII вв. Оказалось возможным определить время для трех стадий растительного стиля: геометрическая — середина-вторая половина XI — первая половина XII вв.; естественная — XII в.; утрированная — вторая половина XII — первая треть XIII вв.

Выделены наборы ювелирных изделий для каждого стиля и стадий.

На основании анализа типологических форм и конструктивных деталей украшений выполнены рабочие реконструкции. Они помогают прояснить расположение сохранившихся фрагментов в конструкции целостной вещи, а также выявить роль категорий в металлическом уборе. Итоговые реконструкции дают представление о полных вариантах тисненого убора.

Двойные рясна-цепи, состоящие из миниатюрных штампованных «колодочек», сузились от ширины в 3,0 см до 2,0 см. Длина цепей уменьшалась параллельно с уменьшением ширины: 20 см, 12—13 см, 10 см. Появились окончания рясен-цепей в виде колодочек треугольной формы, цепь стала одинарной. Универсальные цепи, состоящие из штампованных звеньев с рифленой орнаментацией, появились в конце XII в. Все эти изменения вели к формированию более легких цепей, удобных для различных типов колтов.

Бусины, орнаментированные исключительно тиснением, использовались в ожерельях из кринообразных подвесок.

Тип кринообразной подвески (трилистной и четырехлистной) выработался для особых ожерелий, которые относятся к лучшим достижениям русского ювелирного дела. Тисненные нашивные бляшки и кринообразные подвески составляли стилистический ансамбль.

Традиция украшения уборов знати кринообразными украшениями и их комбинациями перешла в русскую княжескую придворную культуру из Византии. Кринообразные украшения были символическим обозначением княжеского достоинства и власти. Ожерелья могли включать подвеску с изображением Михаила Архангела и связывались с образом небесного патрона русских князей.

Распространение тисненых нашивных бляшек показывает тенденцию металлического убора слиться с костюмом. Редкие сохранившиеся примеры соединения металлических бляшек с одеждой использованы в реконструкциях. Орнаментальные композиции из растительных элементов, известные по произведениям различных видов искусства, выступили как источник для орнаментальной реконструкции, проделанной на базе тисненых ювелирных украшений.

В результате небольшого конкретного исследования установлена ориентировочная хронология тисненых изделий, уточнены их назначение и роль в костюме. В древнерусском металлическом уборе они прошли путь от фоновых и вспомогательных деталей до лаконичной эмблемы княжеской власти.

Keywords: jewelry, stamping, ornamentation, styles, stylistic group, stylistics, chronology.

Cuvinte cheie: podoabe, imprimare, ornamentare, stiluri, grupuri stilistice, stilistică, cronologie.

Ключевые слова: ювелирное дело, тиснение, орнаментация, стили, стилистическая группа, стилистика, хронология.

Введение

1. Обоснование цели работы

Предлагаемая работа является очередной частью в выполнении общей задачи типологического и стилистического исследования ювелирных изделий различных техник и реконструкции древнерусского металлического убора и костюма. В основу монографии положена работа, выполненная в качестве плановой в Институте археологии РАН (Москва) в 2006 г.

Тисненые украшения древнерусских кладов впервые выделены для специального изучения, несмотря на то, что довольно широко и давно известны по археологическим находкам, а кринообразные тисненые подвески к ожерелью и нашивные бляшки на одежду являются одной из вершин русского городского ювелирного ремесла. Тем не менее, до сего времени этот разряд ювелирных изделий оставался на втором плане, как бы «в тени» роскошных образцов из перегородчатой эмали и золотой филигрании. Имеются в виду ювелирные украшения, изготовленные исключительно тиснением, как самостоятельным ювелирным приемом, когда декор создается рельефом на гладкой поверхности, иногда сочетаясь с прорезанием.

При типолого-стилистическом изучении тисненых изделий выполнены такие основные задачи:

- составлена типология тисненых изделий;
- выделены стилистические группы изделий в каждой категории;
- стилистические группы отнесены к основным стилям древнерусского ювелирного искусства X—XIII вв.;
- построены относительные и абсолютные хронологические ряды категорий тисненых изделий и общая итоговая хронологическая таблица;
- выполнены различные виды реконструкций с использованием тисненых изделий в княжеском уборе и костюме;
- составлен каталог тисненых изделий со сведениями об их происхождении, размерах, месте хранения, публикациях.

Кринообразная (растительная) орнаментация, характерная для большинства тисненых украшений, в особенности для подвесок ожерелий и нашивных бляшек, играет важную роль в княжеском костюме эпохи. Сами украшения являются социально значимыми, их можно оценивать как обозначающие именно княжеский костюм или набор украшений.

Изучение нашивных бляшек дает большие возможности для реконструкции

костюма по сравнению с другими категориями, поскольку эти металлические украшения непосредственно соединяются с костюмом. По их форме и размеру можно ориентировочно судить о форме орнаментируемых тканых деталей костюма. Эта важная категория изделий создает переход от реконструкций металлического убора к реконструкциям костюма.

2. Источники

Непосредственным источником являются сами тисненые ювелирные изделия из древнерусских кладов X—XIII вв.

Общее количество исследованных тисненых изделий — **1015**.

Тисненые украшения относятся к таким основным категориям:

- подвески к диадемам и сионцам — **23 экз.**;
- бусинные височные кольца — **24 экз.**;
- рясна — **78 экз.** (типы — I — цепи из круглых бляшек — 2 экз.; II — цепи из колдочек — 64 экз.; III — цепи из пластинчатых звеньев — 12);
- бусины ожерелий — **237 экз.**;
- подвески к ожерельям — **76 экз.**;
- нашивные бляшки — **550 экз.**;
- пуговицы — **10 экз.**

Изучено также **17** матриц для тисненых изделий.

Источником также являются иконографические материалы с изображениями средневекового костюма, произведения древнерусского прикладного искусства с кринообразным (растительным) орнаментом. В качестве аналогий приводятся изображения и орнаменты древнерусских и византийских произведений.

Проанализированы византийские мозаики и фрески VI—XIV вв. Внимание уделено изображениям архангелов и святых воинов-мучеников. Важным для темы материалом являются также орнаментальные поля станковых произведений.

Использованы известные, но, к сожалению, немногочисленные произведения византийской перегородчатой эмали и ткани. Другие, наоборот, довольно обширные, орнаментальные параллели почерпнуты из комплекса материала по древнерусскому прикладному искусству: произведений художественной чеканки, перегородчатой эмали и черни, орнаментации тканей и вышивки. В качестве аналогий привлекаются находки из погребений и культурного слоя городов. Привлечены и единичные сведения письменных источников.

В рисунках и таблицах использованы изображения произведений искусства и ювелирных изделий из публикаций, на которые сделаны конкретные ссылки в тексте работы и каталоге, а также прорисовки автора.

3. Методика

Основой для заключений о развитии украшений является построение типологии и выделение стилистических групп изделий. Это делается по формальным признакам или формальному описанию.

На основании этой работы вещи располагаются в эволюционный ряд. Для определения направления относительного эволюционного ряда используется два метода:

1) метод типологических и стилистических аналогий с произведениями искусства других видов и с ориентировкой на их датировки;

2) метод логического объяснения развития изделий каждой категории с учетом ее движения к рациональной форме и конструкции.

Для абсолютного датирования используются отдельные вещи с точными датами, как из числа непосредственно исследуемых тисненных изделий, так и из числа аналогий.

Стилистические группы, выделенные по материалу различных категорий, сопостав-

ляются между собой. Материал стилистических групп сопоставляется и с материалом произведений других видов древнерусского искусства. На основании этого сопоставления для всех изделий выделяются стили, которым дается определение и формальная характеристика.

Реконструктивная работа также складывается из нескольких этапов. На первом этапе по материалу каждой категории восстанавливается деталь убора или костюма, в которую данное изделие входило: рясо, ожерелье, нашивной бордюры и т.д. Эти частичные реконструкции позволяют выявить типологическую и конструктивную роль вещи в уборе. При выполнении этих реконструкций учитываются все имеющиеся в находках конструктивные связи вещей, а также данные об их совместном ношении.

На втором этапе выполняются реконструкции стилистически единых уборов или их частей с опорой на выявленные на предыдущем этапе типологические и конструктивные связи. Данный вид реконструкций позволяет увидеть, какие типы украшений соответствуют друг другу в рамках одного стиля. Это позволяет уточнить время бытования и типов, и стилей.

Глава 1. Ювелирный прием тиснение

Тиснение — это рельефная обработка металлической пластины путем отпечатывания (оттискивания) на матрице. Тиснение широко применялось в ювелирном деле древней Руси с X в., постепенно вытесняя ручную чеканку, будучи более быстрым и массовым способом создания рельефа (Рыбаков 1948: 301—320).

1. Изучение техники тиснения и тисненных изделий

По мнению Б.А. Рыбакова и Г.Ф. Корзухиной, древнейшими тиснеными ювелирными украшениями, появившимися на древнерусской территории, являются гроздевидные наушницы второй половины X в., так называемые «серьги вольнского типа» (Корзухина 1946, 1954; Рыбаков 1948).

Таким образом, середина X в., эпоха Ольги и Святослава, вырисовывается как время распространения на Руси техники тиснения. Это было одним из проявлений воздействия византийской ювелирной культуры и ремесла. Тисненные изделия и сложные матрицы известны по материалам средневекового Херсонеса.

В книге «Ремесло древней Руси» Б.А. Рыбаков таким образом реконструи-

рует процесс тиснения: удары молотком по тонкому листу металла (золота или серебра), наносимые через свинцовую прокладку. находка такой прокладки диаметром 6 см известна в Вышгороде из раскопок Л.А. Голубевой.

Изготовление матрицы было для ювелира одной из важнейших предпосылок работы. В этом отношении Б.А. Рыбаков сравнивает тиснение с литьем, благодаря которому также обеспечивалась массовость изготовления. Но, в отличие от литья, тиснение более экономно: лист для тиснения очень тонкий. Ремесленное оборудование мастеров по тиснению не было особенно громоздким.

Б.А. Рыбаков отметил особое значение техники тиснения для работ по серебру, с помощью этого приема создается рельефная основа для нанесения черни. Более конкретно исследователь остановился на изготовлении черных колтов. По его мнению, тиснение под тонкий рисунок, имитирующий гравировку, возникло во второй половине XII в. (Рыбаков 1948: 315).

Кратко охарактеризованы основные категории тисненных изделий, дата которых определяется в целом как XII—XIII вв. Проведен краткий обзор кладов с криновидными под-

весками, одной из наиболее ярких и красивых категорий. Отмечено их отсутствие во владимирских древностях, несмотря на наличие фрагментов подвесок и бляшек во владимирском кладе 1896 г.

Цепи из тисненых колодочек определяются как рясна для колтов (Рыбаков 1949: 317). Эти вещи встречены в кладах Киева, Чернигова, Старой Рязани, Поросья, верхней Оки, но отсутствуют в кладах Владимира, Новгородской и Смоленской земли. Отмечено наличие матрицы для колодочек из Сахновки. Б. А. Рыбаков отметил, что по материалам Новгорода известны случаи нашивания колодочек на очелье. К сожалению, это замечание не сопровождается точной ссылкой.

Образцом применения другой категории предметов, нашивных бляшек на одежду, является саккос митрополита Алексия, по мнению Б. А. Рыбакова, переделанный из одежды XIII в. Нашивные бляшки имеют или вдавленный рельеф, или прорезь в середине, сделать которую было довольно сложно. В отличие от подвесок, нашивные бляшки не имеют нижней стороны. Как правило, они покрыты позолотой.

Исследователь обратил внимание также на матрицы для тиснения икон и изображений евангелистов. Как технологическая аналогия приводится матрица для тиснения болгарских блях XIII—XIV вв.

Выделен вид *басменного тиснения*, при котором большие листы серебра и меди штампуются многократно одной или несколькими матрицами, с переходом на все новые и новые участки, в результате чего образуется сплошной рельефный узор на большой площади и по большой длине. Указаны два примера басменной чеканки из Великого Новгорода: 1) оклад Корсунской иконы Петра и Павла (с подчеканкой) XII в., где матрица многократно употреблена для тиснения розеток; 2) крест новгородского архиепископа Антония, выполненный в период с 1211 по 1238 г. (уничтожен в 1848 г.), где басменным тиснением выполнен растительный орнамент. По мнению Б. А. Рыбакова, басменное тиснение широко применялось и развивалось на Руси в XIV—XVII вв.

В итоге, согласно выводам Б. А. Рыбакова:

- 1) тиснение серебра появляется в середине X в. для изделий в технике зерни;
- 2) тиснение серебра под чернь на медных матрицах, имитирующее крупную чеканку, относится к XI в.;
- 3) создание сложного плетеного орнамента тиснением под чернь появилось в XII в.;

4) имитация тиснением тонкой гравировки сложного рисунка под чернь известно с конца XII в.; в это же время возникает и басменное тиснение;

5) глубина рельефа, создаваемого тиснением, увеличивается в XIII в.; в это же время подражание плоской чеканке (Черниговское княжество) вытесняется подражением рельефной чеканке (Новгород) и гравировке (Чернигов и Киев); налаживается и производство тисненых нашивных бляшек.

Г. Ф. Корзухина отметила, что тисненные украшения с зернью из кладов второй половины X в. — рубежа X—XI вв. составили первый ювелирный стилистически единый убор на Руси: ожерелья из лунниц и медальонов, лопастные бусины, гроздевидные наушницы и напускные бусины-пуговицы (Корзухина 1954: 23). Г. Ф. Корзухина обратила внимание на находку набора матриц для тиснения из погребения ювелира в Пересопницком могильнике на Вольни и рассмотрела ее как подтверждающую русское ювелирное изготовление тисненых украшений с зернью. Это стало для нее решающим аргументом, позволяющим отвергнуть взгляд на арабское происхождение зерненных украшений (Корзухина 1954: 73, рис. 15).

Г. Ф. Корзухина возражала против определения наборных колодочек как рясен для колтов, не предлагая какой-либо определенной версии об их назначении (Корзухина 1954: 53, 54).

В результате находок кладов в Старой Рязани в 1970—2000-х гг. материал о тисненых изделиях значительно пополнился, окончательно прояснилось и назначение ряда категорий. Общее количество тисненых изделий, известных исключительно по материалам Старой Рязани — более 130, а только матриц для тиснения найдено 20. Матрицы предназначены для различных украшений и их частей, орнаментированных в технике тиснения, черни, зерни и скани. А. Л. Монгайт и В. П. Даркевич подчеркнули, что наличие матриц является важным доказательством существования самостоятельного ювелирного производства в Рязани. Кроме того, исследователи удачно сопоставили матрицы и тисненные изделия кладов 1868 и 1822 гг., найдя выразительные параллели (Монгайт 1955: 135, 136; Монгайт 1967; Даркевич, Борисевич 1995: 191, 192).

Очень важной оказалась и находка клада в Старой Рязани в 2005 г. (Буланкина, Стрикалов, Чернецов 2005: 198—210). Материал клада позволил уточнить представление о роли и назначении ряда тисненых

и скано-зерновых изделий. В процессе раскопок жилых слоев городища также найден ряд интересных тисненных изделий, они учтены в данной работе.¹

Из современных исследователей технологии тиснения касается при анализе конкретных материалов — гроздевидных наушниц — Н.В. Ениосова (Ениосова 1998: 262—264, рис. 2).

2. Тиснение в Древней Руси

С X в. тиснение находит все более широкое применение для изготовления полых частей украшений. Наиболее хорошо этот процесс можно наблюдать по категории гроздевидных наушниц, первые варианты которых обходятся еще без тиснения, выполняясь только в технике объемной грануляции и филигрании (или *объемно-геометрическом* стиле) (Жилина 2005: 45—51, рис. 10).

Перелом к распространению тиснения по западнославянским материалам улавливается на рубеже IX/X вв., развитые тисненные формы датируются по первую половину X в. включительно (Dostal 1966: 37—39, obr. 7, 7—20, 26—31).

Пользуясь нумизматическими датировками русских кладов X в., можно установить более точные ориентиры для даты распространения тиснения.

Вещи в кладах X в. преимущественно накапливались до или после периода роста активности денежных накоплений, который, по подсчетам Т. Нуннена, относится ко второй четверти X в.: 925—950 гг. Клад из Копиевки содержит большой набор гроздевидных украшений только с грануляцией, и меньший — с ограниченным применением тисненных деталей. Вероятно, ранний комплекс материалов этого клада накопился в период от второй половины IX по первую четверть X вв., что соответствует и датировке данных наушниц. Основой для датировки тисненных наушниц служит клад из Гнездово 1993 г. Согласно определению монет А.В. Фоминым, промежуток в накоплении двух денежных сумм клада падает на 40—50-гг. X в. Это и можно выделить как датировку *ante quem* для тисненных наушниц (Кирпичников 2002: 48—50; Фомин 1996: 188).

Таким образом, тиснение активно распространяется в русском ювелирном деле около середины X в.

Самый элементарный способ образования рельефа — создание волнообразной или «ребристой» поверхности — наиболее рано начинает применяться для орнаментации поверхности или фона изделий. Этот способ уходит корнями в традиции зернового производства, где таким образом подготавливалась поверхность для укладки рядов зерна.

По кладу X в. из с. Юрковцы Липовецкого у., Киевской губ., 1864 г. впервые известны гладкие лопастные бусы, орнаментальная форма которых образована исключительно тиснением. Предшествующей формой лопастных бусин были экземпляры, покрытые зернью, входящие в состав целого ряда кладов X в., их датировка тяготеет к середине столетия (Жилина 2005: 55—60, рис. 12). Следовательно, появление гладких лопастных или «ребристых» бусин можно относить к концу столетия.

Тисненные изделия имеются и в русских кладах XI в. Некоторые из них встречены в виде обрезков и лома: гладкие лопастные бусины из клада в с. Старая Ладога 1920 г. Монетная датировка данного клада ограничивается первой четвертью — тридцатыми годами XI в. Очевидно, что ко второй четверти XI в., когда наступает спад монетного обращения (по подсчетам Т. Нуннена — около 1025 г.), первое поколение тисненных изделий уже отслужило, и они собирались в качестве лома.

С расцветом тиснения в XII—XIII вв. связаны сходные изменения в облике скано-зерновых и черневых украшений. В этот период, помимо изготовления тиснением основных частей корпуса колтов — лунниц, лучей и центральных медальонов, тиснением все более начинают изготавливать декоративные и второстепенные детали — шарики на боковых лучах колтов и декоративные полусферы на ободке их центрального луча. Тисненные полые шарики на концах лучей скано-зерновых колтов заменили собой крупную зернь. Так же и полусферы на ободке этих колтов заменили собой крупные гранулы между лучами и сплошные выкладки из мелкой зерни. Аналогичные изменения фиксируются и по материалу черневых колтов: обнизь из крупных полых тисненных шариков пришла на смену зерни, имитирующей жемчужную обнизь (Макарова 1986: 52—58). С помощью тиснения изготавливались и скано-зерновые оправы каменных крестиков и бусин.

Наиболее высоким этапом развития тиснения является становление его в качестве самостоятельного ювелирного приема. Техника тиснения применяется для значительно более

¹ Благодарю начальника Старо-Рязанской археологической экспедиции Института археологии РАН д.и.н. А.В. Чернецова за возможность использовать новые материалы в данной работе.

сложного и разнообразного орнаментирования поверхности по сравнению с созданием только волнообразного рельефа.

На основе техники тиснения рождаются новые формы украшений: криновидные подвески, нашивные бляшки, «ребристые» бусы, колодочки для рясен, цепи из тисненых полосок. В итоге к XII в. в древнерусском ювелирном уборе сформировался обширный разряд ювелирных изделий, форма и орнаментация которых изготовлены исключительно с помощью тиснения.

Эти изделия в своем подавляющем большинстве встречены в последней хронологической группе кладов, датируемых от 70-х гг. XII по первую треть XIII в. Некоторые из них играли дополняющую или служебную роль: наборные звенья рясен и звенья рясен-цепей; бусины, создававшие основу тяжелых ожерелий; подвески к диадемам и сионцам. Другие же играли в уборе важную конструктивную и эстетическую роль, связывали металлический убор и одежду в единый костюмный ансамбль: кринообразные подвески и нашивные бляшки. Общее количество таких тисненых изделий, известных покладам, как уже указывалось, более 1000.

Матрицы для тиснения изделий и их частей дополняют наши представления о вариантах тисненых изделий, оставшихся неизвестными по основному комплексу материала. По имеющемуся материалу параллели между матрицами и изделиями могут быть уточнены и продолжены.

3. Технологическая и художественная специфика тиснения как ювелирного приема

Гладкая металлическая поверхность сама по себе может быть красива и способна создавать определенный эстетический эффект. Гладкие металлические бусы были довольно долго — вплоть до XIII—XIV вв. — распространены у финских народов и в Новгородской земле (Седова 1981: 14, 15; рис. 2: 10, 11). В христианском искусстве гладкая металлическая поверхность, главным образом золотая, воспринимается и ценится как светоносный материал.

Но с точки зрения эстетических потребностей, которым подчиняется ювелирное искусство, этого оказывается недостаточно. Гладкий неорнаментированный металл — это то пустое пространство, которого и средневековый мастер, и вообще человек неосознанно боится.

Первоначально тиснение очень выигрышное объединилось с накладной филигранью,

зернью, сканью и другой накладной миниатюрной орнаментацией. Для ее укладки необходимо было создавать на поверхности металлического корпуса украшения определенный рельеф, ложбинки для проволоки и скани, углубления геометрических форм для укладки треугольников и ромбов зерни. Для лучшего скрепления деталей в некоторых случаях следовало придать поверхности неровность или ребристость.

Эти технические приемы одновременно показали и свою эстетическую ценность. Стало складываться орнаментальное тиснение, как ювелирный прием. Орнаментация металлической поверхности тиснением стала происходить независимо от других накладных приемов — преобразованием и обработкой самой поверхности.

Подобная орнаментация поверхности была возможна двумя техническими путями: созданием рельефа и прорезанием. Прорезание и рельеф могли быть использованы и одновременно. Тиснение требовалось для формирования края орнаментальной прорези.

Первоначально орнаментальное тиснение повторяло филигранные орнаменты в геометрическом, линейно-геометрическом и завитковом стилях. Это вполне объяснимо, поскольку такая рельефная обработка и требовалась как вспомогательный прием для сочетания с зернью и филигранью. Но идеальные для филигрании и зерни виды орнаментов, завитковый и геометрический, не вполне соответствовали данному материалу — тонкой металлической пластине — и указанным способам ее обработки.

Они остались актуальными при обработке поверхности — под гравировку, чернь или зернь, когда основной эстетический эффект создавался не тиснением, а каким-либо другим ювелирным приемом.

Но исключительно для тиснения геометрические, линейные и завитковые орнаментальные элементы, слишком графичные и тонкие, не подходят. Они не соответствуют поверхностным гладко-рельефным волнистым изгибам металлической пластины, линейные контуры в них пропадают.

Прорезной способ орнаментации применялся в искусстве тиснения достаточно долго. Но он также не является наиболее выигрышным и специфичным для самого тиснения. Прорезь нацелена на то, чтобы показать красоту другого материала — ткани, драгоценных камней или стеклянных вставок в контрасте с металлом. Кроме того, правильная орнаментальная форма прорези в тонкой пластине без дополнительных укреплений недолговечна,

края ее могут порваться, она может деформироваться, что довольно часто и наблюдается.

Поэтому, как только тиснение стало отходить от своей исключительно технической и служебной роли создания корпуса украшений и их дополнительных деталей, начали формироваться специфические для тиснения орнаментальные приемы.

Наиболее всего выразила специфику тиснения в орнаментации именно рельефность.

Наиболее простой способ рельефного орнаментирования — создание рифления или «ребристой» поверхности. Технически такой прием связан с филигранным искусством, изготовлением штампованной проволоки с отпечатками зерен — «beaded wire». Узкие ребристые пояски на тисненых изделиях можно считать подражанием бордюрам штампованной проволоки. Аналогичные подражания известны и в технике литья (цепь со звериноголовыми наконечниками в кладе XI в. из Мироновского Фольварка). При создании сложнопрофилированных форм украшений использовалось создание параллельных рельефных долей, применяемых для последующей укладки филигранной орнаментации, например, рядов зерни (гроздевидные наушницы).

Уже известная в ювелирном деле техническая и орнаментальная ребристость соединяется с задачами нового самостоятельного ювелирного приема оригинальным образом.

Исконная форма тисненого изделия — бусина — соединяет ребристость со своей сферической формой, и возникают бусины, разделенные на гладкие рельефные доли, сужающиеся к концам. Типологически они выглядят как упрощение лопастных скано-зерновых бусин с внутренней полостью или без нее. На нашивных бляшках ребристость обнаруживает тенденцию к превращению в кринообразный орнамент: ребра и рельефные доли начинают скругляться у краев и приобретают кривизну, как листья.

Глава 2. Типология и стилистика тисненых изделий²

В данной главе ставится задача выделения типов и стилистических групп тисненых изделий³.

² Разделы главы 2 обозначены римскими цифрами, соответствующими принятой нумерации категорий вещей, отраженной в прилагаемом каталоге и ссылках на изделия в тексте и на иллюстрациях.

³ Отделы обозначены арабскими цифрами, категории, типы и подтипы — римскими. Ссылка на каталог для каждой конкретной вещи дается в скобках: в случае выделения отдела в начале указывается его номер арабской

В итоге выявляется, что растительный (кринообразный) орнамент для техники тиснения наиболее выигрышен. Растительные элементы предполагают мягкие сглаженные очертания, отсутствие угловатости и прямолинейности исключительно импонирует тиснению. Поэтому тиснение, как самостоятельный орнаментальный прием, достигает эстетической вершины именно в воспроизведении рельефом растительных орнаментов естественных очертаний.

Среди тисненой растительной орнаментации выделяется несколько внутренних стилей, которые отличаются друг от друга именно по продвижению от былой геометричности к криволинейным или растительным орнаментам вплоть до утрирования.

Воздействия других стилей прикладного искусства на тиснение продолжается и после оформления его как самостоятельного ювелирного приема. Различной формы дополнительные орнаментальные элементы усложняют растительные. Эти явления находят в русле общего развития русской орнаментики к «пышности». Эта волна ощутима в древнерусском ювелирном искусстве на рубеже XII—XIII веков в таких техниках, как золотая филигрань, золотая наводка на меди, шитье и вышивка. После лаконичной стадии преодолевшего геометричность естественного растительного стиля новые орнаментальные явления характеризуются эклектичностью. В техническом отношении они также не очень выигрышны. Отображение в рельефе тонкой пластины вазонов, человеческих рук, шишечек и бутонов усложняет процесс тиснения, мелкие детали хуже просматриваются, вновь усиливается вероятность технических дефектов.

Материал нашивных тисненых украшений саккоса митрополита Алексея показывает, что естественный растительный стиль сохранил свое значение и в тисненом орнаментальном искусстве XIV века.

Категории изделий расположены в соответствии с порядком их размещения в металлическом уборе: сверху вниз, от головного убора до оплечья и некоторых других деталей

цифрой; первая римская цифра обозначает категорию и соответствующий раздел каталога, вторая римская цифра обозначает номер типа, третья римская цифра — подтипа (если он выделяется); первая арабская цифра обозначает номер варианта, вторая (курсивом) — номер экземпляра или группы экземпляров.

украшений, возможно, находившихся на зарукавьях и подоле.

Типологическая классификация тисненых изделий строится по следующим принципам. Тип выделяется по форме изделия. Как правило, форма сопоставляется с геометрической фигурой, если это возможно. В других случаях тип характеризуется описательно. Варианты выделяются и учитываются на основании разнообразия в орнаментации.

В стилистические группы объединяются варианты, имеющие в основе орнаментации сходные черты или сходные приемы орнаментации. Орнаментальные композиции, созданные на основании этих приемов, могут быть различны.

I/II. Детали диадем и рясен⁴

Типология, стилистика и хронология

К этой категории отнесены подвески к различным деталям головных уборов, имевшие дополняющее значение. Их связь с основой, к которой они были прикреплены, к сожалению, утрачена, и это заставляет анализировать их типологию и стилистику отдельно и несколько условно. Однако анализ этих вещей может оказаться полезным для прояснения некоторых деталей реконструкций.

Общее количество изделий, включенных в данный раздел — 23 (но в состав одной из подвесок входит 163 золотых тисненых колечка).

При разрозненности и некоторой условности выделения данной категории предметов следует отметить, что она объединяется драгоценным материалом, соответствующим достаточно высокому статусу владельцев. Диадемы и сионцевидные рясна являлись принадлежностью княжеского убора. Почти все изделия изготовлены из золота, лишь отдельные — из серебра.

Для того чтобы подкрепить материал данной категории, в нем учитываются детали скано-зерненных филигранных рясен, выполненные исключительно в технике тиснения: промежуточные бусины и концевые подвески цепочек⁵.

Тип I — лунничные (3 экз., золото, серебро).

Вариант 1 — разомкнутые (1 экз., золото) из раскопок в Старой Рязани, Южное городище, раскоп № 7 (I/II, I, 1, 1) (рис. 1: 1).

⁴ В этой работе не рассматриваются дужки очелий, изготавливаемые и орнаментируемые в различных техниках, в том числе и тиснением, их целесообразно рассмотреть совокупно.

⁵ Каждый случай встречаемости учитывается как одна единица, несмотря на то, что тисненых деталей в каждой подвеске-рясне несколько.

Вариант 2 — сомкнутые (2 экз., серебро) из клада в Болоховском городище Хмельницкой обл., 1970 г. (Якубовский: 51—69, рис. 40) (I/II, I, 2, 1) (рис. 1: 2).

Тип II — бусинные (6 экз., серебро, золото) (рис. 1: 3—5).

Вариант 1 — сферические (2 экз., серебро) из клада в Болоховском городище Хмельницкой обл., 1970 г. (Якубовский: 51—69, рис. 40) (I/II, II, 1, 1) (рис. 1: 3). Бусины являются промежуточными на цепочках.

Вариант 2 — биконические (1 экз., серебро) из клада в Княжей Горе 1891 г. (Беляшевский 1892: табл. II: 7). Подвеска с двумя бусинами прикреплена к двойному шарниру цепи-рясна из круглых бляшек (I/II, II, 2, 1) (рис. 1: 4).

Вариант 3 — граненые поперек и продольно (3 экз., золото, серебро) из кладов в Старой Рязани, 1822 г., Чернигове 1958 г., случайная находка из Смелы Каневского у. Киевской губ. (ДРГ, 1851. Отделение II. Табл. 36; Попудренко 1975: 82—83, рис. 1; Бобринский 1887: табл. XIX: 1) (I/II, II, 3, 1—3).

Тип III — сферические (1 экз., золото) из Старой Рязани, раскопки 1992 г. (I/II, III, 1) (рис. 1: 6).

Тип IV — каплевидные (3 экз., золото, жемчуг) из находок в Старой Рязани на Южном городище, раскоп № 7, а также в Новогрудке (I/II, IV, 1—3) (рис. 1: 7—9).

Тип V — кольцеобразные (1 экз., подвески из 163 колечек, золото, жемчуг) из клада в Киеве в Михайловском монастыре, 1887 г. (I/II, V, 1) (рис. 1: 10)⁶.

Тип VI — грушевидные (9 экз., золото, серебро с позолотой).

Вариант 1 — гладкие (1 экз., золото) из раскопок в Старой Рязани, Северное городище, раскоп № 28 (Чернецов Отчет 2000: 14, 15, рис. 24). Изделие сохранилось фрагментарно (I/II, VI, 1, 1) (рис. 1: 11).

Вариант 2 — граненые поперечно (6 экз., серебро с позолотой) из клада № II в с. Телиженцы Хмельницкой обл., 1978 г. (Якубовский 2003: 86, рис. 54) (I/II, VI, 2, 1) (рис. 1: 12).

Вариант 3 — граненые поперечно и продольно в верхней части, сферические в нижней (1 экз., золото) из клада в Чернигове, 1958 г. (Попудренко 1975: 82—83, рис. 1). Являются концевыми на цепочках (I/II, VI, 3, 1) (рис. 1: 13).

Вариант 4 — граненые поперечно и продольно (1 экз., золото) из клада в Киеве, в Михайловском монастыре, 1887 г. (Кондаков

⁶ Фотография с реконструкцией любезно передана мне сотрудником ГРМ к.и.н. С.М. Новаковской. Благодарю за возможность воспользоваться ею в данной работе.

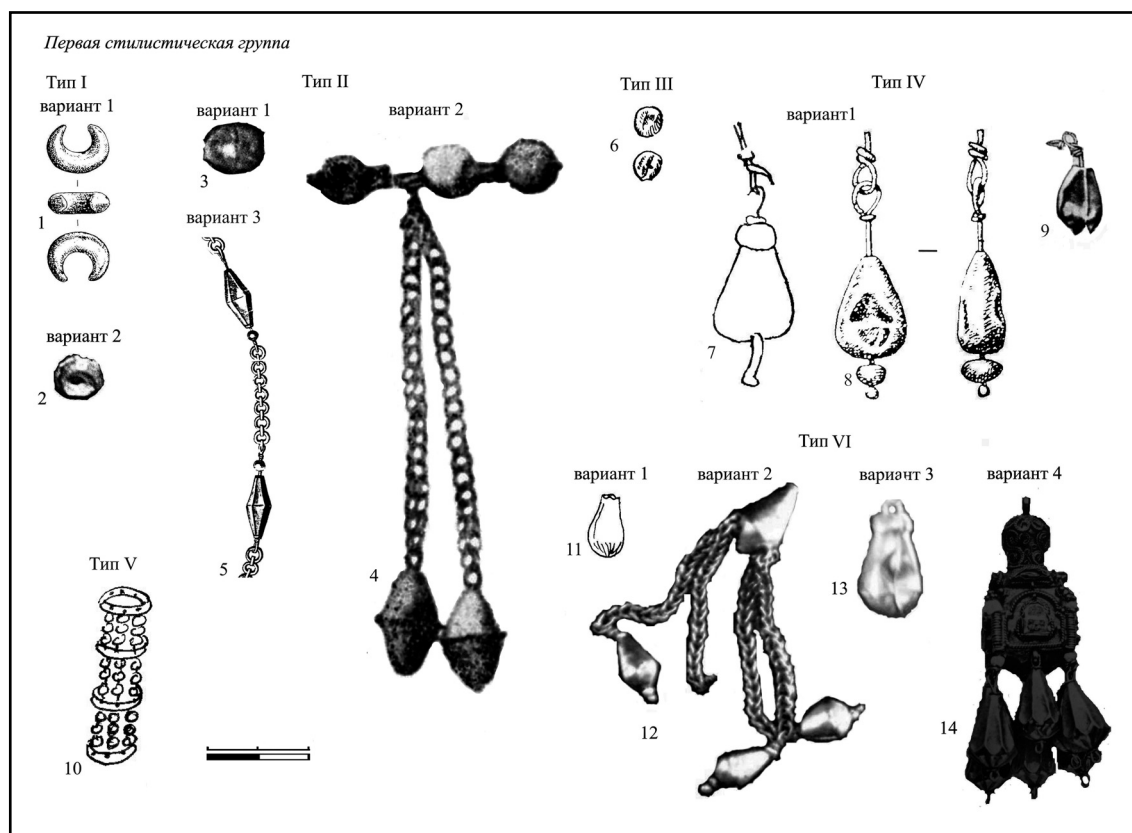

Рис. 1. Типология деталей диадем и рясен: 1 — Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 7 (I/II, I, 1); 2, 3 — Болоховское городище Хмельницкой обл., 1970 г. (I/II, I, 2, 1) (I/II, II, 1, 1); 4 — Княжая Гора, 1891 (I/II, II, 2, 1); 5 — Старая Рязань, 1822 (I/II, II, 3, 3), 6 — охранные раскопки, 1992 (I/II, III, 1); 7 — Южное городище, раскоп № 7 (I/II, IV, 1); 8 — Южное городище, раскоп № 7аб (I/II, IV, 2); 9 — Новогрудок (I/II, IV, 3); 10, 14 — Киев, 1887 (I/II, V, 1) (I/II, VI, 4, 1); 11 — Северное городище, раскоп № 28 (I/II, VI, 1, 1); 12 — Клад II, 1978, с. Телиженцы, Хмельницкой обл. (I/II, VI, 2, 1); 13 — Чернигов, 1958 (I/II, VI, 3, 1).

1896: 134—136, табл. VII: 8; Корзухина 1954: 119, 120, № 102: 5). Подвески прикреплены непосредственно к нижней части сионца (I/II, VI, 4, 1) (рис. 1: 14).

Все подвески можно отнести к одной *первой стилистической группе* гладкометаллических, выделение которой не требует особых комментариев. На имеющихся экземплярах какой-либо дополнительной орнаментации не наблюдается. Такая ситуация хорошо соответствует дополняющей роли этих предметов. Они могли соответствовать изделиям различных стилей.

Лунничная и бусинная подвески типологически и стилистически аналогичны подвескам скано-зерненого тисненого убора славянской знати X в.

Другие типы подвесок: каплевидные, грушевидные и бусинные граненые относятся к новому христианскому провизантийскому убору, связаны с диадемами и сионцевидными подвесками. Колечки в сочетании с жемчугом позволяют восстановить один из вариантов княжеского рясна, применявшегося, очевидно, для подвесок-сионцев. Они соответствуют

золотому строгому стилю в филигрании и наиболее раннему геометризованному стилю в перегородчатой эмали. Как сохранение типологически ранних форм, так и строгое следование византийским нормам ношения драгоценного убора свойственно Руси в начальный период ее вхождения в христианскую культуру. Поэтому рассмотренные детали можно относить к периоду от конца XI в. по первую половину XII в. включительно. Новые материалы помогут уточнить их датировки.

III. Бусинные кольца/дужки

Височные кольца с гладкометаллическими бусинами в кладах встречаются единично, подобные находки более широко известны по погребениям и культурному слою городов. Поэтому в материал этого типологического раздела добавлены отдельные наиболее характерные варианты из других археологических памятников помимо кладов. Первое появление гладких тисненных бусин на кольцах, вероятно, относится к рубежу VIII/IX вв. (Ляпушкин 1958: рис. 58: 3; Жилина 2007: рис. 2). В дальнейшем в состав бусинных колец и дужек вхо-

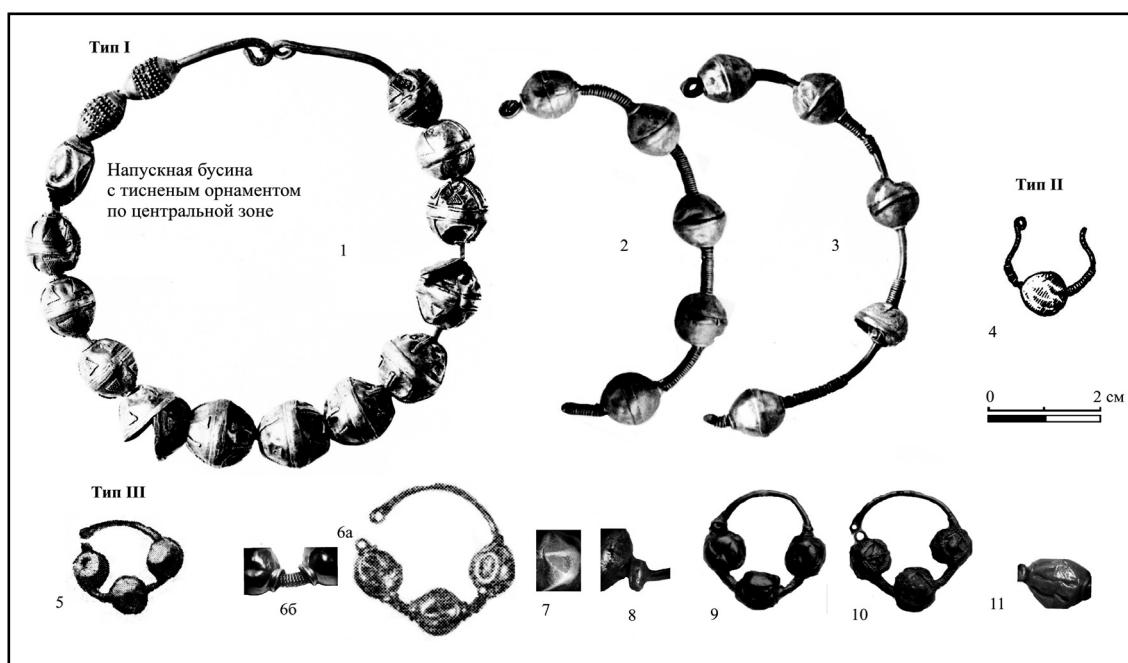

Рис. 2. Бусинные кольца с тиснеными бусинами: 1—3 — клад из д. Шалахова, Невельской у. Витебской губ., 1892 (III, I, 1, 1, 2); 4 — Старая Рязань, погребение № 2, раскоп № 11 (III, II, 1, 1); 5 — Княжая Гора, 1898 (III, III, 1, 1); 6 — Новгород, Ильинский раскоп, 30—50 гг. XII в. (III, III, 2, 1); 7, 8 — Псков; 9, 10 — Киев, 1885; 11 — могильник Новоселки под Суздалем (III, III, 2, 2).

дят тисненные бусины различных вариантов. Учтено 24 изделия.

Типология

Тип I — кольца/дужки многобусинные.

Вариант 1 — с разнообразными филигранными и тиснеными бусинами.

Кольцо многобусинное (1 экз., серебро) имеется в кладе из д. Шалахова Невельского у. Витебской губ., 1892 г. У одной бусины, овальной в продольном сечении, на центральной зоне в технике тиснения выполнены выпуклые ромбы (III, I, 1, 1) (рис. 2: 1). Большинство же напусковых бусин относится к типу шарообразных и имеет декор из зерни в геометрическом стиле.

Вариант 2 — с гладкими бусинами.

Дужки многобусинные (2 экз., серебро) есть в кладе из д. Шалахова Невельской у. Витебской губ., 1892 г. Все бусины относятся к типу шарообразных и являются гладкими. На каждой из дужек, образовавшейся от разлома первоначального височного кольца, находится по 5 гладких шарообразных бусин (III, I, 1, 2) (рис. 2: 2, 3).

Тип II — кольцо однобусинное.

Вариант 1 — с шарообразной гладкой бусиной (1 экз., серебро) из Старой Рязани, погребение № 2, раскоп № 11 (III, II, 1, 1) (рис. 2: 4).

Тип III — кольца трехбусинные (20 экз.).

Вариант 1 — с шарообразными гладкими бусинами (4 экз., серебро, бронза) из клада

в Княжей Горе, 1898 г.; из Новгорода (Корзухина 1954: № 123/2. Табл. L: 4) (рис. 2: 5).

Вариант 2 — с лопастными («ребристыми») бусинами (1 экз., серебро) из могильника Новоселки под Суздалем (III, III, 2, 1) (рис. 2: 11).

Вариант 3 — с шарообразными бусинами с ромбическими уплощениями-вдавлениями (15 экз., золото, серебро, бронза) из Новгорода, Пскова и Киева, клада в ус. Есикорского, 1885 г., клада в Княжей Горе, 1898 г. (Седова 1981: 14, рис. 3: 13; Сергина 1983: 97—100, рис. 17; Ханенко, Ханенко 1902: табл. XVII: № 983) (III, III, 1, 3, 1, 2) (рис. 2: 5—10). На бусинах колец из клада в Киеве 1885 г. наряду с тиснением использованы зерновые выкладки сетчатого орнамента (рис. 2: 9, 10). Экземпляр из городских слоев Новгорода датируется 30—50 гг. XII в. (Седова 1981: 14, рис. 3: 13).

Стилистический анализ в данном случае применен не к категории в целом — то есть, к височным кольцам — а к составляющим их элементам — бусинам. Эта работа проделана в разделе VII, посвященном бусинам ожерелий, поскольку варианты бусин ожерелий и височных колец сходны.

Бусины с ромбическими вдавлениями колец типа III, варианта 3 отнесены к четвертой стилистической группе геометрического стиля.

Височные кольца с тиснеными бусинами, преимущественно гладкими, бытовали

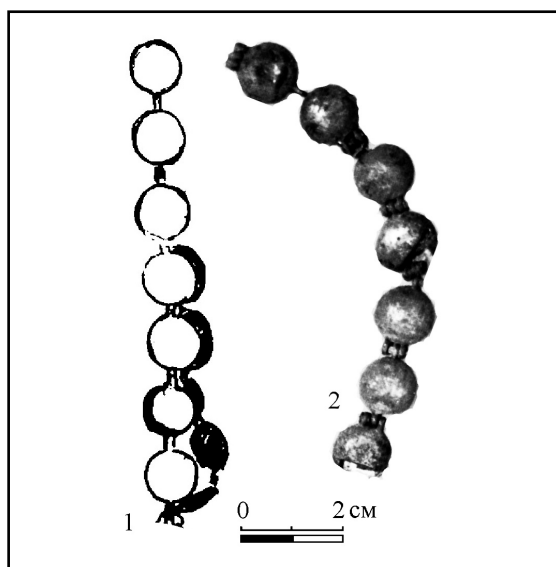

Рис. 3. Рясна-цепи из круглых бляшек:
Тип 1: 1 — Княжая Гора, 1891 г. (IV, I, 1);
2 — клад на городище летописного Губина, 1997,
(IV, I, 2).

продолжительный период. В литературе существует мнение, что эти украшения характерны для финских народов (Седова 1981: 14, рис. 2: 10, 11). Видимо, на периферии Древней Руси такие относительно простые, практически без декора, бусины колец держались довольно долго. Это объясняется провинциальным характером ювелирного дела в этих землях. В древнерусских городах гладкие бусины довольно быстро отошли в прошлое и, видимо, не считались престижными. Покладам и городским слоям бытование их в основном относится к XI в. Для кладов имеется единственный случай — из Княжей Горы. Они единично известны и по коллекции В. Н. и Б. И. Ханенко (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XVII: 982). Такие украшения изготавливались и из бронзы. Тисненная орнаментация лопастями и геометрическими фигурами имела продолжение в XII в. Такие бусины имеют типологическую связь с зерновыми с сетчатой орнаментацией и, возможно, являются их упрощением. Они распространены в XII—XIII вв. Новгородское украшение имеет стратиграфическую дату 30—50-е гг. XII—XIII вв. (Седова 1981: 14, рис. 3: 13). Известны такие трехбусинные украшения и по коллекции В. Н. и Б. И. Ханенко (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XVII: № 983).

IV. Рясна-цепи

Рясна-цепи являются служебной деталью, соединяющей колты и головной убор. От этой важной категории в значительной мере зави-

сит сохранение ансамбля всего драгоценного убора. После широкого распространения эмалевого, различные типы рясен-цепей стали вырабатываться для серебряных уборов, черногового и скано-зерненого. Наряду с подражанием эмалевым типам, здесь разрабатываются и оригинальные. Главное значение в выработке удобных рациональных конструкций и типов рясен-цепей принадлежит технике тиснения. Наибольшую популярность и распространение завоевали рясна, выполненные только с ее использованием. Они оказались более легкими и мобильными и в прямом смысле, и в переносном — то есть освобожденными от дополнительного декора, стилистически связывавшего их с убором какой-либо одной техники. Они могли использоваться с различными уборами (позолоченные — даже с эмалевым), поскольку сохраняли лишь необходимую фоновую орнаментацию, чаще всего образуемую приемом рифления поверхности.

Тип I. Рясна-цепи из круглых бляшек

Цепи-рясна из круглых гладких тисненных бляшек возникли в подражание цепям-ряснам эмалевого убора. Это был один из первых видов цепей, предназначенных для крепления колтов менее дорогого убора. Аналогичное подражание отмечается в скано-зерненом уборе, где возникают рясна-цепи из круглых бляшек со скано-зерненным орнаментом (Жилина 1999: 169, рис. 5; 2002; 2003: 185—189).

Какое-то время в XII в. гладкие тисненные цепи находили созвучие с полыми тисненными шарами на обнизях и лучах скано-зерненных и черневых колтов. Но из-за отсутствия орнаментации, которая могла бы составить художественный ансамбль с колтами других техник, тип гладких, очевидно, бытовал недолго. Его с успехом заменили другие типы орнаментированных цепей-рясен, стилистически более соответствующие серебряным колтам различных типов (см. раздел IV, II и III).

В настоящее время известно всего 2 серебряных экземпляра рясен-цепей из круглых бляшек. Диаметр бляшки составляет 15 мм.

Одна цепь изклада в Княжей Горе 1891 г. являлась полной. К сожалению, сам клад известен только по публикации, а опубликованным оказался только фрагмент из трех бляшек с бусиной-подвеской. Поэтому данных о способе крепления цепи к головному убору нет, можно предполагать, что это были цепочка и кольцо. Сложенная вдвое с помощью центрального шарнира, цепь, очевидно, составляла в длину приблизительно 13 см (IV/I, 1) (рис 3: 1).

Фрагмент другой цепи-рясна состоит из семи полусферических круглых бляшек, он найден в кладе на городище летописного Губина в 1997 г. Исходя из того, что семью бляшками представлена половина двойной цепи, общая длина фрагмента как раз показывает общую длину рясна — приблизительно 13 см (IV/I, 2) (рис. 3: 2).

Тип II. Рясна-цепи из колодочек

Возникновение рясен-цепей из удлиненных колодочек произошло, вероятно, тогда, когда возникла острая необходимость создать рясна-цепи к уборам различных техник для крепления колтов по конструктивной аналогии с цепями-ряснами господствующего эмалевого убора. Это происходит тогда, когда византийская культура достаточно окрепла на почве Руси, а изготовление княжеских уборов приняло достаточно крупные масштабы, то есть, по крайней мере, к рубежу XI и XII вв. Предпосылкой для этого стало также и развитие техники тиснения к XII в. Возможно, одним из образцов при возникновении формы рифленых продолговатых колодочек стали шарниры византийских христианских предметов культа (рис. 4: а).

Типология

Подтипы рясен-цепей выделены по их конструкции, варианты — по форме и орнамен-

тации составляющих колодочек. Поскольку варианты колодочек у различных подтипов рясен повторяются, нумерация вариантов внутри подтипов является сквозной (рис. 4).

Типология усложняется наличием двух видов колодочек по назначению их в цепочке: подпрямоугольные наборные и треугольные концевые. Для каждого вида колодочек предусмотрена отдельная нумерация вариантов.

Общее количество изделий 64.

Подтип I — двойные, из наборных колодочек подпрямоугольной формы с застежкой на цепочку и кольцо (42 экз.) (рис. 5; рис. 6).

Вариант 1 — с шестью ребристыми поперечными полосами (6 экз., серебро) из кладов в Киеве на б. Владимирской ул., 1872 г., Трехсвятительской ул., 1906 г. (IV, II, I, 1, 1, 2) (рис. 5: 1, 2). Одна цепь состоит из 32 колодочек, общая длина 25,5 см; в сложенном вдвое виде — 12—13 см. (рис. 5: 1) (IV, II, I, 1, 1). Средние размеры колодочек 30×8 мм.

Вариант 2 — с пятью поперечными ребристыми полосами (6 экз., серебро) из кладов в Киеве у Десятинной церкви 1936 г. и в ус. Есикорского, 1885 г., Михайловском монастыре 1903 г. (IV, II, I, 2, 1—3) (рис. 5: 3). В сложенном вдвое варианте рясна из клада 1903 г. составляли приблизительно 10 см,

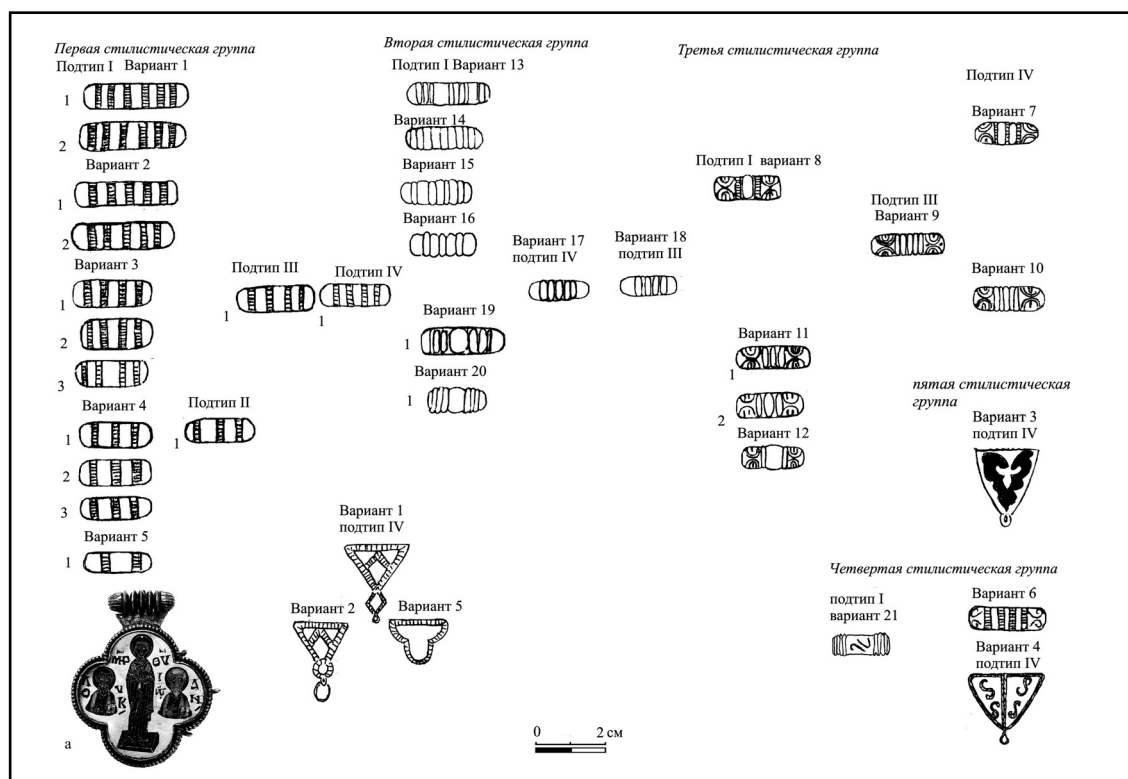

Рис. 4. Варианты колодочек рясен-цепей и их стилистические группы (IV/II): номера изделий соответствуют номерам экземпляров; а — энколпион, конец X — начало XI вв. (The Glory of Byzantium, № 109).

Рис. 5. Подтип I рясен-цепей (первая и третья стилистическая группы): 1 — Киев, 1872 (IV, II, I, 1, 1); 2 — Киев, 1906 (IV, II, I, 1, 1); 3 — Киев, 1936 (IV, II, I, 2, 1); 4 — Княжая Гора, 1892 (IV, II, I, 3, 1); 5 — Божск Болоховской земли, 1970 (IV, II, I, 3, 3); 6 — Княжая Гора, 1891 (IV, II, I, 4, 2); 7 — Киев, 1914 (IV, II, I, 4, 1); 8 — с. Кресты Тульской обл., 1876 (IV, II, I, 8, 1); 9 — д. Терихово Орловской обл., 1876 (IV, II, I, 11, 1); 10, 11 — Сахновка 1900 (IV, II, I, 4, 3).

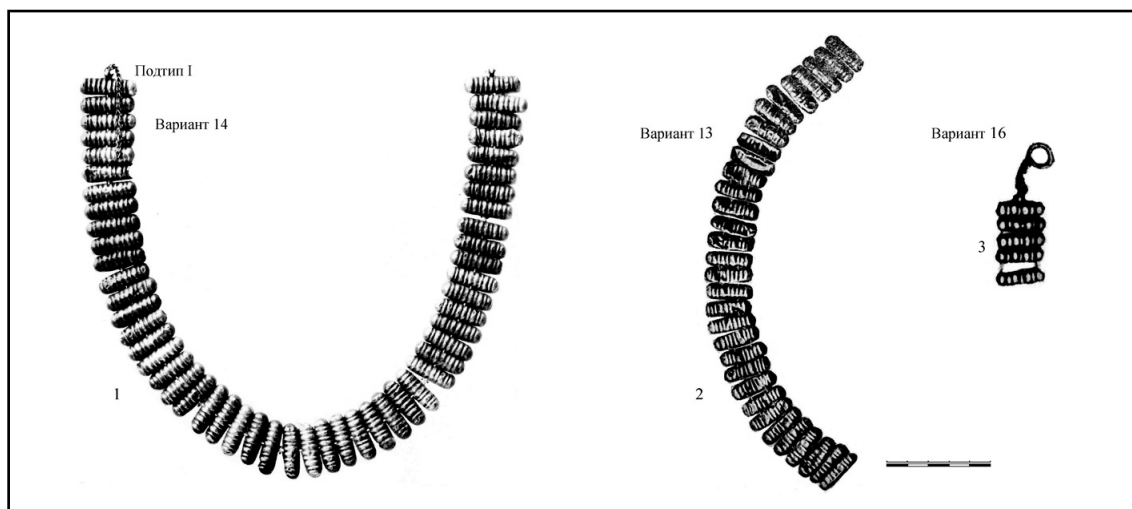

Рис. 6. Подтип I рясен-цепей (вторая стилистическая группа): 1 — д. Льгов Черниговской губ., 1879 (IV, II, I, 14, 1); 2 — Княжая Гора, 1897 (IV/II, I, 13, 1); 3 — Княжая Гора, 1892 (IV, II, I, 16, 1).

в одинарном — 20 см. Средний размер колодочек 28×8 мм.

Вариант 3 — с четырьмя поперечными ребристыми полосами (5 экз., золото и серебро) из кладов в Княжей Горе 1892 г., Мартыновки Каневского у., Киевской губ., 1886 г., Божска Болоховской земли, 1970 г. (рис. 5: 4, 5) (IV, II, I, 3; 1—4).

Средний размер одной колодочки — 23—25×8 мм. У экз. из Княжей Горы 1892 г. застежка цепи не сохранилась (рис. 5: 4)

(IV, II, I, 3, 1). У экземпляра из Мартыновки Киевской губ. колодочки данного варианта чередуются в цепях с колодочками с гладкими рельефными долями (IV, II, I, 3, 3). Рясна-цепи из Божска состоят каждая из 28 колодочек, общая длина составляет около 22 см, в сложенном вдвое виде — 10—11 см (рис. 5: 5) (IV, II, I, 3, 4).

Вариант 4 — с тремя поперечными ребристыми полосами — (6 экз., золото, серебро) из кладов в Киеве, ул. Стрелецкая, 1914 г.,

Княжей Горы, 1892 г. и 1896 г., с. Сахновки Киевской обл., 1900 г. (рис. 5: 6, 7) (IV, II, I, 4, 1—4).

Целый экземпляр двойной цепи сохранился в кладе из Киева на ул. Стрелецкой, 1914 г.: длина цепи около 26 см, в сложенном вдвое виде — около 13 см (рис. 5: 7) (IV, II, I, 4, 1). В кладе из Княжей Горы 1891 г. сохранился целый экземпляр цепи из 11 колодочек длиной около 7 см, которая, возможно, использовалась как одинарная (рис. 5: 6) (IV, II, I, 4, 2). В кладе из Сахновки 1900 г. сохранилось 2 целых экземпляра общей длиной 20—21 см, в сложенном вдвое виде — несколько более 10 см (рис. 5: 10, 11). Средний размер одной колодочки 15—20×5—6 мм.

Вариант 5 — с двумя поперечными ребристыми полосами — (1 экз., серебро) из клада в Княжей Горе 1896 г.

Сохранился целый экз. с двумя цепочками длиной 22 см, в сложенном вдвое виде около 11 см (IV, II, I, 5, 1).

Вариант 8 — с двумя поперечными ребристыми полосами и реликтом завитково-кринообразного орнамента (1 экз., серебро) из клада в с. Кресты Тульской обл., 1876 г. (IV, II, I, 8, 1). Сохранился фрагмент рясна-цепи из 6 колодочек без приспособлений для крепления, хотя проволоки, соеди-

няющие колодочки, не разорваны. Возможно, такова была форма хранения колодочек в кладе. Размер одной колодочки 25×8 мм (рис. 5: 8) (IV, II, I, 8, 1).

Вариант 11 — с тремя гладкими рельефными долями в центральной части и реликтом кринообразного орнамента по концам (6 экз., серебро) из кладов в д. Терихово Орловской обл., 1876 г., Чернигове 1883 г. (рис. 5: 9) (IV, II, I, 11, 1, 2). Средний размер одной колодочки 25×8 мм. Общая длина цепи, судя по экземпляру из Чернигова, — около 20 см, сложенной вдвое — 10 см (IV, II, I, 11, 1, 2).

Вариант 12 — с тремя гладкими рельефными долями, из которых центральная крупнее, и дериватом кринообразного орнамента (2 экз., серебро) из ур. Святое Озеро Черниговской губ., 1908 г. (IV, II, I, 12, 1).

Вариант 13 — с нерегулярным количеством и величиной рельефных долей (около 9) (1 экз., серебро с позолотой) из клада в Княжей Горе, 1897 г. (рис. 6: 2) (IV, II, I, 13, 1).

Вариант 14 — с регулярными рельефными долями (около 9) (1 экз., серебро) из клада в д. Льгове Черниговской губ., 1879 г. Общая длина цепи более 40 см, в сложенном вдвое виде — более 20 см) (рис. 6: 1) (IV, II, I, 14, 1).

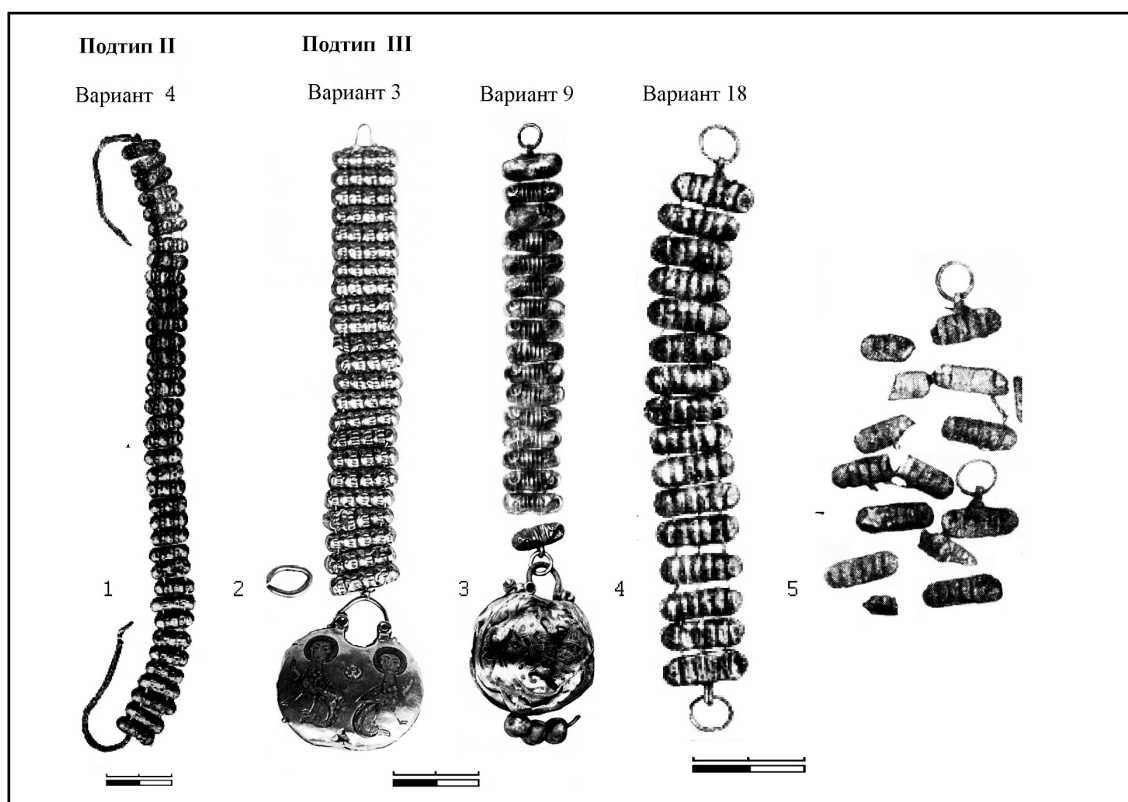

Рис. 7. Подтипы II и III рясен-цепей: 1 — Княжая Гора, 1896 (IV/II, II, 4, 1); 2 — Киев, 1936 (IV/II, III, 3, 1); 3 — Старая Рязань, 1970 (IV/II, III, 9, 1); 4, 5 — Старая Рязань, 1967 (IV/II, III, 18, 1).

Вариант 15 — с нерегулярными рельефными долями (около 7) (1 экз., серебро) из клада в Мартыновке Каневского у., Киевской губ., 1886 (IV, II, I, 15, 1).

Вариант 16 — с двумя более крупными и тремя узкими рельефными долями (1 экз., серебро) из клада в Княжей Горе, 1892 г. (рис. 6: 3) (IV, II, I, 16, 1).

Вариант 19 — с более крупной центральной рельефной долей и четырьмя узкими (1 экз., серебро) из клада в Киеве, 1889 г. (IV, II, I, 19, 1).

Вариант 20 — с более крупной центральной рельефной долей и узкими долями по краям (2 экз., золото) из ур. Святое Озеро Черниговской губ., 1908 г. (IV, II, I, 20, 1, 2).

Вариант 21 — на более крупной центральной рельефной доле завитковый геометризованный орнамент, по краям узкие доли (2 экз., золото) из клада в Чернигове, 1887 г.

Подтип II — с застежкой на две цепочки (1 экз.) (рис. 7: 1). (известный экземпляр мог быть использован и как двойная и как одинарная цепь).

Вариант 4 — с тремя ребристыми полосами (1 экз., серебро) из клада в Княжей Горе, 1896 г. (IV, II, II, 4, 1).

Подтип III — одинарная цепь, с застежкой на два кольца или две петли по концам, из наборных колодочек подпрямоугольной формы (5 экз.) (рис. 7: 2—5). Данный подтип мог быть переходным к одинарной рясне-цепи с концевой колодочкой особой формы.

Вариант 3 — с четырьмя поперечными ребристыми полосами (1 экз., золото) из клада в Киеве, 1936 г. Застежка на кольцо и небольшую петлю (рис. 7: 2) (IV, II, III, 3, 1).

Вариант 9 — с пятью рельефными долями в центральной части и реликтом кринообразного орнамента по концам (2 экз., серебро) из клада в Старой Рязани, 1970 г. Средний размер одной колодочки 27×8 мм (IV, II, III, 9, 1).

Вариант 18 — с четырьмя узкими рельефными долями (2 экз., серебро) Старая Рязань, 1967 (рис. 7: 4, 5) (IV, II, III, 18, 1).

Подтип IV — одинарные с нижней колодочкой особой формы, в петлю которой

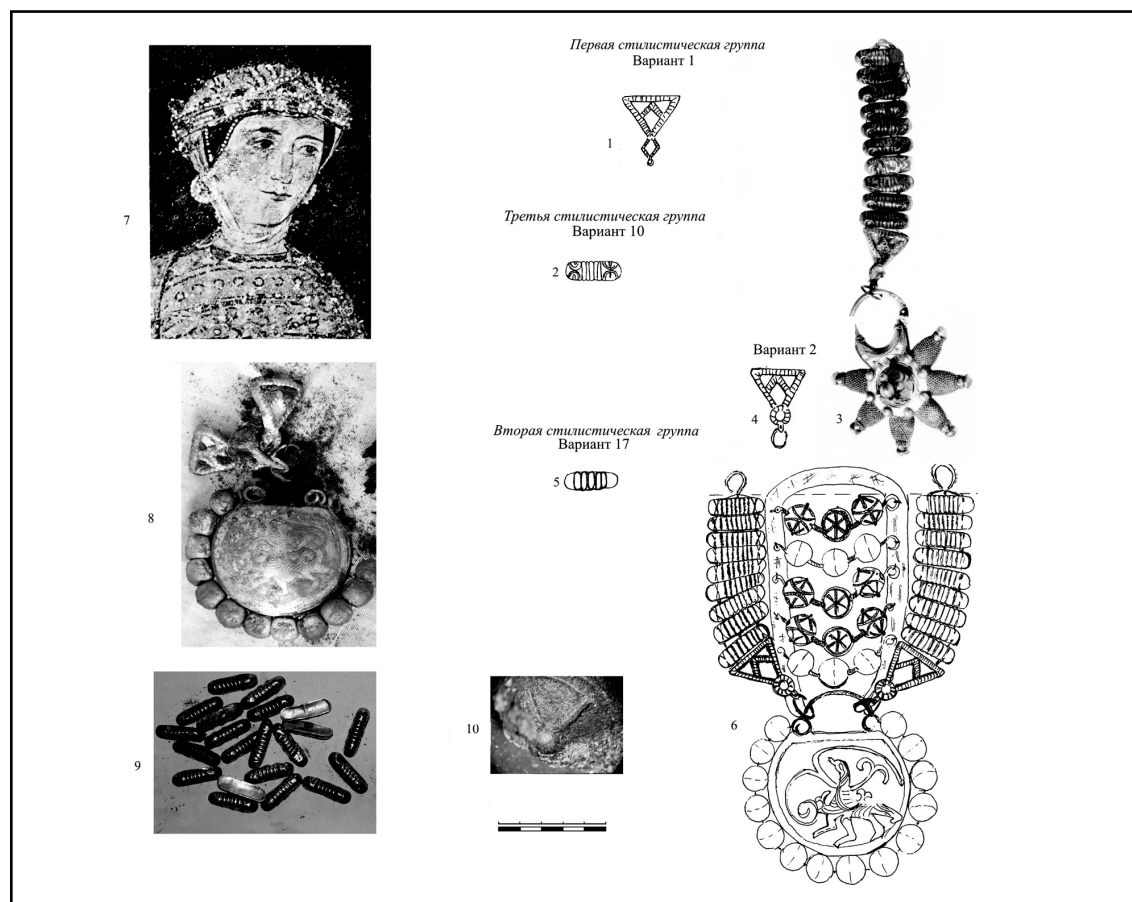

Рис. 8. Подтип IV рясне-цепей (первая стилистическая группа): 1—3 — Старая Рязань, 1974 (IV/II, IV, 1 и 10, 1); 4—6, 8, 9 — Старая Рязань, 2005 (IV/II, IV, 1 и 10, 2); 7 — узор Десиславы на фреске в Боянской церкви середины XIII в.; 10 — отпечаток филигранной орнаментации трехбусинного кольца на кожаной детали убора (микрофото Н.В. Жилиной).

вставлено сплошное кольцо для крепления к дужке колта (16 экз.) (рис. 7, рис. 8).

— Треугольная колодочка **варианта 1** с геометрическим орнаментом из ребристых полос, ромбической переходной деталью; наборные колодочки **варианта 10** с четырьмя рельефными долями в центральной части и с дериватом кринообразного орнамента по краям. (3 экз., серебро) из клада в Старой Рязани 1974 г. Общая длина цепи-рясна 10—12 см (рис. 7: 1—3) (IV, II, IV, 1, 10; 1).

— Треугольная колодочка **варианта 2** с округлым завершением и ребристым геометрическим орнаментом, наборные колодочки **варианта 17** с пятью рельефными долями (4 экз., серебро) из клада в Старой Рязани 2005 г. Данные рясна цепи использовались попарно (к одному колту прикреплялось по две цепи-рясна). Общая длина цепи-рясна 10—12 см (рис. 7: 4—9) (IV, II, IV, 2, 17, 1).

— Треугольная колодочка **варианта 3** с кринообразным орнаментом, наборные колодочки **варианта 6** с четырьмя ребристыми полосами и кринообразным орнаментом по краям — (3 экз., серебро) из клада в с. Вербов, Березанского р-на, Львовской обл., 20-е гг. XX в. Общая длина цепи-рясна приблизительно 14 см (рис. 9: 1, 2) (IV, II, IV, 3, 6, 1)

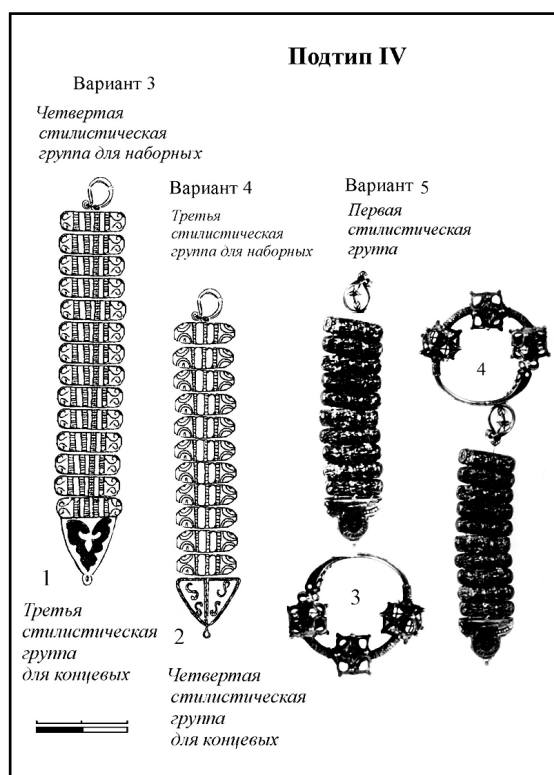

Рис. 9. Подтип IV рясен цепей (первая, третья и четвертая стилистическая группы): 1 — с. Вербов, Львовской обл., 20-е гг. XX в. (IV/II, IV, 3, 6; 1); 2 — городище близ Шепетовки (IV/II, IV, 4, 7; 1); 3, 4 — Киев, до 1899 (IV/II, IV, 5, 3, 1).

— Треугольная колодочка **варианта 4** с филигранным завитковым орнаментом в строгом стиле, наборные колодочки **варианта 7** с тремя ребристыми полосами и кринообразным орнаментом по краям (4 экз., серебро) из клада № 5 из городища близ Шепетовки. Общая длина цепи-рясна приблизительно 12 см (рис. 9: 3, 4) (IV/II, IV, 4, 7; 1).

— Полуквадрифолийная колодочка **варианта 5** с полосой ребристого орнамента по краю, наборная колодочка **варианта 3** с четырьмя ребристыми полосами (2 экз., серебро) из клада в Киеве, в Десятинной церкви, до 1899 г. Размер наборной колодочки 22×7 мм. Общая длина цепи-рясна 10—12 см (рис. 9: 5) (IV, II, IV, 5, 3, 1).

Стилистика

По орнаментальному оформлению колодочек рясен-цепей выделяются четыре стилистические группы.

1. *Первая стилистическая группа* объединяет колодочки с орнаментальным разделением поверхности на рельефные доли ребристыми поясками (рис. 5: варианты 1—5 подпрямоугольных колодочек; варианты 1, 2, 5 — треугольных колодочек).

2. *Вторая стилистическая группа* объединяет колодочки с разделением поверхности на гладкие доли, иногда с выделением центральной зоны величиной (рис. 5: варианты 13—20 подпрямоугольных колодочек).

3. *Третья стилистическая группа* объединяет колодочки с кринообразным орнаментом по концам и с центральной зоной, разделенной на гладкие доли, иногда отделенные друг от друга ребристыми поясками (рис. 5: варианты 8—12 подпрямоугольных колодочек; вариант 3 треугольных колодочек).

4. *Четвертая стилистическая группа* объединяет колодочки в сканном завитковом стиле. Концевые колодочки этой стилистической группы в реальной находке сочетаются с наборными колодочками со схематизированным кринообразно-завитковым орнаментом (рис. 5: вариант 4 треугольных колодочек; вариант 21 подпрямоугольных колодочек).

5. *Пятая стилистическая группа* включает единственный пример треугольных колодочек с кринообразным орнаментом, не характеризующимся схематичностью (рис. 5, подтип IV, вариант 3).

При сопоставлении типолого-стилистического деления колодочек с их размером выявляются следующие наблюдения.

Наиболее крупные колодочки до 3 см длиной (то есть, задающие такую ширину

рясенной ленты) наблюдаются среди цепей *1 стилистической группы* (с ребристыми поясками). Но в целом, в рамках первой стилистической группы представлены все возможные размеры с различным количеством поясков и долей, в том числе и самые маленькие по длине, задающие наименьшую ширину ленты 2 см. Таким образом, в целом ширина рясенной ленты колеблется от 3 до 2 см.

Среди гладких колодочек *2 стилистической группы* (без ребристых поясков, а только с гладкими рельефными долями) представлен несколько меньший диапазон размеров длины колодочек (или ширины рясенной ленты): от 2,5 до 2 см и даже несколько менее. В числе этой группы наиболее миниатюрны золотые изделия.

Выявляется также связь типологических изменений (подтипов рясен-цепей и вариантов колодочек) с длиной самой цепи-рясна.

Наиболее длинная цепь-рясно — 20 см в сложенном вдвое виде — известна для подтипа I и *второй стилистической группы* колодочек с поверхностью, состоящей из гладких рельефных долей. Размер колодочек 25×8 мм. Целый серебряный экземпляр такой длины сохранился в кладах из Льгова, цепь состоит из 52 колодочек (рис. 6: 1) (IV, II, I, 14, 1). Аналогична по длине более узкая рясно-цепь из клада в Киеве на ул. Стрелецкой, 1914 г. *варианта 4* (рис. 5: 7) (IV, II, I, 4, 1).

Для *подтипа I первой стилистической группы* с ребристыми поясками и наиболее крупными колодочками 30×8 мм (то есть, широкой рясно-цепью) *варианта 1* типична длина цепи 12—13 см. Например, рясно-цепь из клада в Киеве на б. Владимирской ул., 1872 г. состоит из 32 колодочек (рис. 5: 1) (IV, II, I, 1, 1). Таковы и рясна-цепи из Божска *варианта 3*, они состоят каждая примерно из 28 колодочек, общая длина в сложенном вдвое виде — приблизительно 12 см (рис. 5: 5) (IV, II, I, 3, 4).

В этой стилистической подгруппе с уменьшением размера колодочек, задающего ширину рясенной ленты, постепенно уменьшается и общая длина рясно-цепи. В кладах из Княжей Горы 1892 г. сохранился экземпляр цепи подтипа I *варианта 4* с застежкой на цепочку и кольцо из 11 колодочек. Общая длина цепи составляет около 7 см (рис. 5: 6) (IV, II, I, 4, 2). Средний размер одной колодочки 15—20×5—6 мм.

Аналогичная длина рясен-цепей *подтипа I* наблюдается и в *третьей стилистической группе* с кринообразным орнаментом. У цепи *варианта 11* из Чернигова она составляла от 10 см и несколько более (IV, II, I, 11, 2). Размер колодочек 23—25×8 мм.

В целом несколько меньшая длина по сравнению с цепями *I подтипа* характерна для одинарных рясен-цепей *подтипов II—IV*: она находится в диапазоне от 10 до 18 см (рис. 7, рис. 8).

Цепь из клада в Княжей Горе 1896 г. *подтипа II варианта 4* с застежкой на две цепочки из 37 колодочек могла быть использована и как двойная, и как одинарная. Размер одной колодочки 18×5 мм; общая длина цепи в расправленном виде около 20 см, в сложенном вдвое — около 10 см (рис. 7: 1) (IV, II, II, 4, 1).

Наиболее длинной из одинарных является цепь *подтипа III* варианта 3 из клада в Киеве 1936 г. — 18 см (рис. 7: 2) (IV, II, III, 3, 1).

У цепи *подтипа III варианта 18* из клада в Старой Рязани 1967 г. в одной цепи 16 колодочек, общая длина цепи 13 см, размер колодочки 20×8 мм (рис. 7: 4, 5) (IV, II, III, 18, 1). Аналогична длина цепи из клада в Старой Рязани 1970 г. *варианта 9* (рис. 7: 2) (IV, II, II, 9, 1).

Для цепей *подтипа IV* с концевыми колодочками особой формы характерна длина 10—14 см: *вариант 1* — из клада в Старой Рязани 1974 г. (рис. 8: 1—3) (IV, II, IV, 1, 1); *вариант 2* — из клада в Старой Рязани 2005 г. (рис. 8: 4—9) (IV, II, IV, 2, 1), размер наборной колодочки 8×25 мм, треугольной — 20—28×25—30 мм; *вариант 3* — из клада в с. Вербов Львовской обл., 20-е гг. XX в. (рис. 9: 1, 2) (IV, II, IV, 3, 1); *вариант 4* — из клада № 5 из городища близ Шепетовки (IV/II, IV, 4, 1) (рис. 9: 3, 4); *варианта 5* — из клада в Киеве в Десятинной церкви (IV, II, IV, 5, 1) (рис. 9: 5).

Таким образом, с развитием конструкции цепи-рясна из колодочек постепенно сужаются и укорачиваются (Жилина 2006). Аналогичную закономерность можно наблюдать и у рясен для колтов эмалевого убора. Более ранние цепи с круглыми бляшками имеют длину от 15 см, ширину или диаметр бляшек — около 3 см. Квадрифолийные цепи становятся уже и короче — 2 см шириной и 12—13 см длиной (Макарова 1986: 40—44).

Рясна-цепи из колодочек были одним из основных типов рясен-цепей в Древней Руси. Они соответствуют конструкции обильно-металлического драгоценного убора с крупными украшениями и обильным подвесным ярусом. Они используются в скано-зерненном уборе, где продолжают традиции славянского убора, сочетаясь с лентами из трехбусинных колец, используя для ношения более крупных колтов. Тенденция к общему облегчению убора с лунничными колтами вызывает и облегчение рясен из ко-

лодочек: они становятся одинарными, более узкими и короткими.

Тип III. Рясна-цепи из тисненых пластинчатых звеньев

Данный тип рясен-цепей отличается наибольшей рациональностью как в смысле производства, так и в смысле ношения. Узкая и легкая цепь варьируемой длины позволяет закрепить практически любое украшение, не загромождая при этом боковую сторону головы. Орнаментация звеньев цепей рифлением, скорее всего, отразила подражание либо шарнирам рясен-цепей из круглых бляшек, либо — проволочным цепям, звенья которых образованы спирально свернутой проволокой. Однако этот тип рясен, вопреки известному мнению Г. Ф. Корзухиной, далеко не был единственным. Он, вероятно, был вызван к изготовлению более массовым спросом на уборы с колтами, возникшим не только в княжеско-боярском сословии Руси, но и в более широкой среде зажиточного населения посадов городов. Для эмалевого убора такой тип цепей-рясен, несмотря на удобство, представляется

слишком простым. Мало подходит он и для тяжелых крупных звездчатых колтов. Вероятно, чаще всего с ним сочетались небольшие лунничные колты с чернью.

Типология

Рясна-цепи типа III состоят из подквадратных по очертаниям сбоку звеньев, изготовленных из согнутой пластины. На пластину способом тиснения нанесено мелкое рифление («ребристость») (рис. 10). Варианты выделены по форме (пропорциям) звеньев.

Общее количество цепей 12. Многие изделия представлены фрагментами. Цепи изготовлены как из золота (8 экз.), так и из серебра (4 экз., в том числе 1 с позолотой).

К **варианту 1** относится большинство изделий (11 экз.): *ширина звена цепочки приблизительно равна длине* — 6×6 мм (IV, III, 1, 1—7) (рис. 10: 1—5). Сюда относятся экземпляры из кладов в Киеве: Десятинная церковь 1911 г., дом Климовича 1862 г., Большая Житомирская ул., 1902 г., усадьба Лескова, 1876 г., ул. Малая Житомирская 1938 г.; из кладов Княжей Горы 1891 г., с. Вербов Березанского р-на Львовской обл. 20-е гг. XX в.

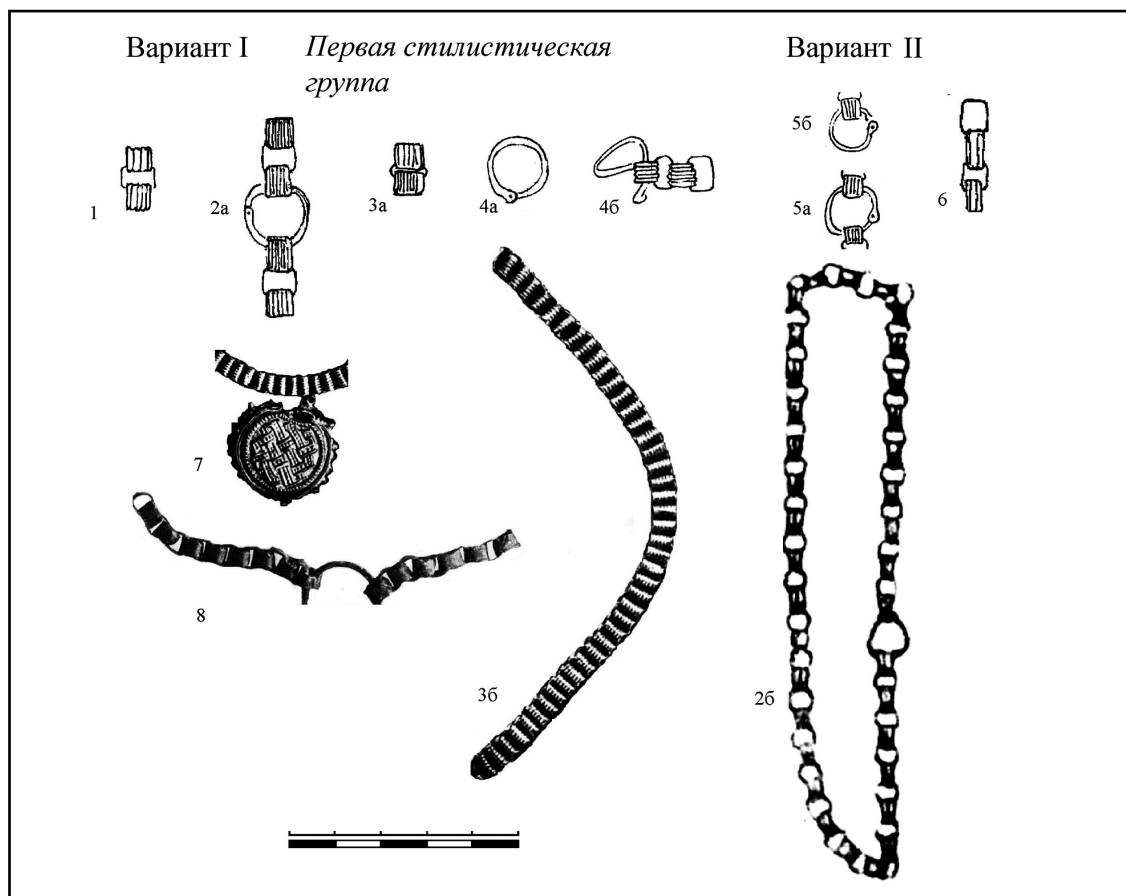

Рис. 10. Рясна-цепи III типа из тисненых рифленых пластинчатых звеньев: 1—5 — вариант 1; 6 — вариант 2; 1 — Киев, Десятинная церковь, 1911 (IV, III, 1, 1); 2 — Княжая Гора, 1891 (IV, III, 1, 4); 3 — Вербов Львовской обл., 1920 (IV, III, 1, 5); 4 — Киев, усадьба Лескова, 1876 (IV, III, 1, 6); 5 — Киев, ул. Малая Житомирская, 1938 (IV, III, 1, 7); 6 — Переяслав Полтавской губ., 1884 (IV, III, 2, 1); 7 — колт из клада в с. Вербов Львовской обл. в ансамбле с цепью; 8 — цепь нагрудная, Новгород (14—11—694).

Вариант 2 — ширина звеньев цепочки меньше длины — 3×6 мм (1 экз., серебро) (IV/III, 2, 1). К нему относится экземпляр из клада в Переяславе Полтавской губ., 1884 г. (рис. 10: 6).

Стилистика

Все рясна-цепи относятся к одной — *первой стилистической группе*, объединяемой ребристым рифлением (рис. 10).

Рифление, как орнаментация, носит фоновый характер. Аналогичное рифление наблюдается на бусинах, накладных бляшках, поясах колодочек рясен-цепей **типа II**. Важно отметить, что полностью аналогичны по технике изготовления и по орнаментации звеньям цепочек данного **типа III** — подвесные петельки кринообразных подвесок. Кроме того, данные цепочки составили бы ансамбль с дужками очелей, орнаментированными штампованным жгутом, орнаментация которых также разделена на узкие продольные пояски. Наиболее яркой параллелью здесь являются золотые дужки очеля из клада в Киеве из усадьбы Августиновича, 1827 г. (Корзухина 1954: № 95: 4, рис. 9).

Этот простой орнамент в виде рифления не создает диссонанса с различными стилями орнаментации колтов, присутствующая на скромных цепях, игравших служебную роль. Использование одного только рифленого орнамента можно считать поздней чертой, поскольку она косвенно свидетельствует о нарастании массовости производства.

Общая характеристика типа и хронология

Общая длина цепочек варьирует. Судя по сохранившимся целым экземплярам, она могла составлять около 55 см (клад из Киева, усадьба Лескова, 1876 г., IV, III, 7). Следовательно, при сложении цепочки вдвое для укрепления колта длина цепи рясна составляла около 25 см. Такая длина позволяет предполагать наличие высоких головных уборов. По кладу из Княжей Горы 1891 г. восстанавливается цепь меньшей длины, в сложенном вдвое варианте она составляет 13—15 см (рис. 10: 2б) (IV, III, 4).

Рясна-цепи такого типа являются наиболее мобильными и удобными, их можно приспособить к любым колтам и любому типу убора. Г. Ф. Корзухина склонялась к мнению, что колты носились только на таких цепях-ряснах, указывая на случай соединения подобной цепи с колтом в киевском кладе из Десятинной церкви 1911 г. (Корзухина 1954: 54). В настоящее время по находкам кладов из Старой Рязани 1974 г. и 2005 г. безусловно ясно, что в роли цепей-рясен употреблялись и цепи из тисненных колодочек, причем, по-видимому,

они даже предшествовали цепям из пластинчатых звеньев.

В качестве ориентировочной датировки для цепей из пластинчатых звеньев можно использовать дату нагрудной цепи из пластинчатых гладких звеньев в слоях Новгорода — 1238—1268 г. (Седова 1981: 52, рис. 17: 4). Размеры пластинчатых звеньев гладкой цепи аналогичны размерам звеньев рифленых тисненных цепей.

Рифление на пластинчатых звеньях, скорее всего, возникает как подражание звеньям из проволоки, свернутой в несколько рядов. В качестве источника для подражания можно видеть также узкий шарнир, соединяющий круглые бляшки рясен-цепей с перегородчатой эмалью, с филигранью или гладкие.

Среди всех известных типов рясен-цепей **тип III** был наиболее прост в изготовлении, его логично связывать с более массовым ювелирным производством, характерным для Руси со второй половины XII в. Поскольку тиснение, как самостоятельный вид ювелирного ремесла, наиболее активно развивается именно во второй половине столетия, данные цепи вероятней относить **к концу XII в.**, они все чаще заменяли собой красивые, но более громоздкие рясна-цепи из колодочек. Данное мнение подкрепляется также тем, что рясна-цепи из пластинчатых звеньев продолжают процесс сужения и облегчения рясна, который ранее наметился по ряснам из тисненных колодочек.

В такой последовательности развития помогает убедиться и комплекс клада из с. Вербов Львовской обл. Цепи-рясна из колодочек с треугольными окончаниями, оформленные чернью в растительном стиле, вероятно, относятся к более раннему комплексу клада (рис. 9: 1, 2). К более позднему — относятся колты с плетеным орнаментом, выполненным с использованием мелкого рифления, и составляющие ансамбль с цепочками-ряснами из пластинчатых звеньев (рис. 10: 7).

Рясна-цепи из тисненных пластинчатых звеньев показывают тенденцию к общему облегчению металлического убора и сужению рясна, которая будет продолжена в послемонгольский период (Жилина 2003: 283, 284, рис. 5; 2006: 60—62).

V. Бусины

Тисненные бусины существовали в древнерусском уборе очень длительное время: с IX—X вв. (Ляпушкин 1958: рис. 58: 3). Они отразили своей историей связь с бусинами других, более дорогих техник. Образно выражаясь, они являются их тенью. Преобладающей

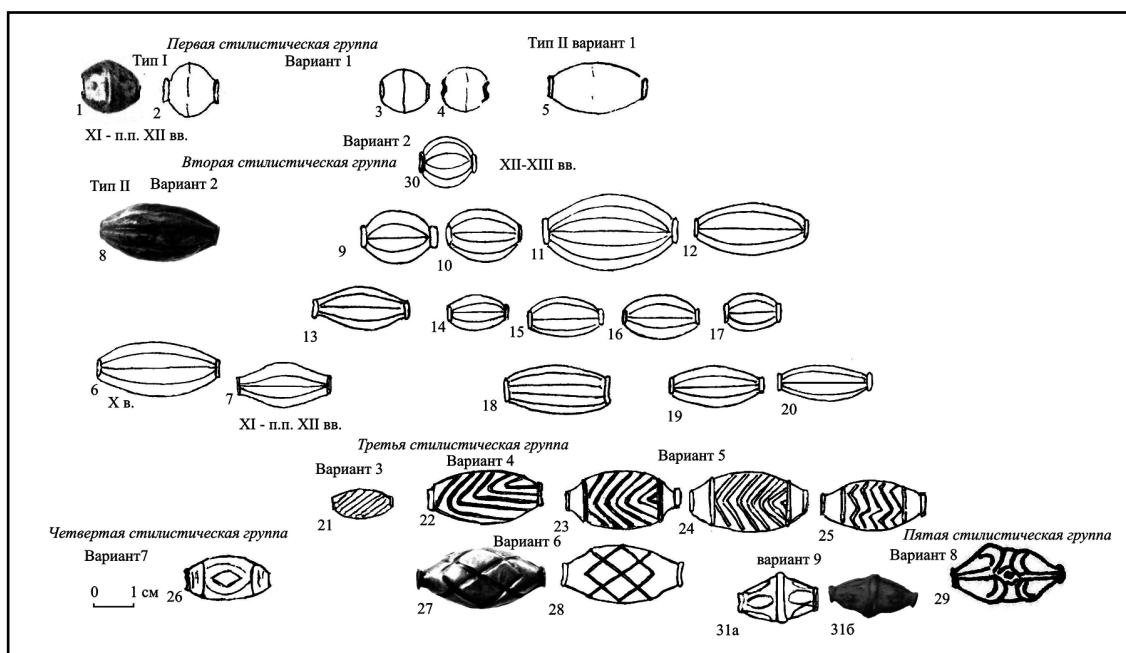

Рис. 11. Типология и стилистические группы тисненых бусин: 1, 26 — д. Шалахова Невельского у. Витебской обл., 1892 (III, III, I, 1, 2) (III, I, 1, 1); 2 — близ Белогостицкого монастыря у г. Ростова, 1836 (V, I, 1, 1); 3 — Дягунино, Тверской губ., 1893 (V, I, 1, 2); 4, 5 — с. Телиженци, Хмельницкой обл., 1978 (V, I, 1, 3) (V, II, 1, 1); 6 — с. Юрковцы, Киевской губ., 1864 (V, II, 2, 1); 7 — Старая Ладога, Петербургской губ., 1920 (V, II, 2, 2); 8, 12, 27, 28 — Старая Рязань, 1979 (V, II, 2, 13) (V, II, 6, 1); 9, 19, 20 — Киев, 1949 (V, II, 2, 9—11); 10, 15 — Сахновка, Киевской губ., 1900 (V, II, 2, 15, 16); 11, 13, 18, 31 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 (V, II, 2, 5—7) (V, II, IV, 9, 1); 14, 21 — Княжая Гора, 1891 (V, II, 2, 12) (V, II, 3, 1); 16 — Киев, 1901 (V, II, 2, 4); 17 — Старая Рязань, раскоп № 20, Южное городище (V, II, 2, 14); 22 — Владимир, 1865 (V, II, 4, 1); 23, 24 — д. Сельцо Новгородской обл., 1892 (V, II, 5, 1); 25 — с. Великие Болгары, Казанской губ. (V, II, 5, 2); 29 — с. Телиженци клад II, 1978, Божск, Хмельницкая обл., клад 1970 (V, II, 8, 1, 2); 30 — Владимир 1993 (V, I, 2, 1).

формой бусины здесь также становятся бусины, овальные в продольном сечении (причем даже тогда, когда бусина кажется шарообразной, она бывает слегка удлинена). Тиснение не удовлетворяется изготовлением гладких бусин, а воссоздает на бусинах геометрические, линейно-геометрические и даже более сложные растительные орнаменты. Однако все это уходит в прошлое и не завоевывает существенного распространения. Пользуясь одним из своих основных приемов — рифлением, тиснение вырабатывает свой оригинальный и рациональный тип *ребристых* бусин.

Типология

В данном разделе учтено 237 бусин, относящихся в основном к ожерельям. Но в данную типологию включены и бусины височных колец, поскольку типы и варианты бусин этих категорий совпадают. Типы бусин выделены по форме с учетом продольного и поперечного сечения, почти все бусины относятся к подтипу III — без какого-либо отчетливого орнаментального членения⁷. Варианты бусин выделены по орнаментации (Жилина 1998б).

⁷ Пользуемся в данном случае типологией, предусмотренной для скано-зерновых бусин: подтип I — продольное членение, подтип II — поперечное членение, подтип

XI — начало XII вв.

Тип: I — шарообразные (96 экз., серебро) (рис. 11: 1—4).

Вариант 1 — гладкие (4 экз., серебро) из клада близ Белогостицкого монастыря у г. Ростова Ярославской обл. 1836 г. (рис. 11: 2) (V, I, 1, 1).

XII — первая треть XIII вв. — (82 экз., серебро) из кладов в с. Дягунино Зубцовского у. Тверской губ., 1893 г. и с. Телиженци Хмельницкой обл. 1978 г. (V, I, 1, 2, 3) (рис. 11: 3, 4).

Вариант 2: с прямыми продольными рельефными ребрами (10 экз., серебро) (рис. 11: 30) из клада во Владимире 1993 г. (V, I, 2, 1).

Тип II: овальные в продольном сечении (141 экз.) (рис. 11: 6—29).

Вариант 1: гладкие (8 экз, серебро с позолотой) из клада в с. Телиженци Хмельницкой обл. 1978 (рис. 11: 5) (V, II, 1, 1).

Вариант 2: с прямыми продольными рельефными ребрами (99 экз., серебро, золото) (рис. 11: 6—20).

Это наиболее ранний и распространенный для техники тиснения вариант бусин. В на-

III — отсутствие орнаментального членения; подтип IV — совмещение поперечного и продольного членения.

учной литературе за такими бусинами закрепилось название «ребристые». Наиболее ранний экземпляр (1 экз.) известен в кладе X в. из с. Юрковцы Липовецкого у., Киевской губ., 1864 г. (рис. 11: 6) (V, II, 2, 1).

Ребристые бусины известны и в кладе XI — начала XII вв. из Старой Ладogi Петербургской губ., 1920 г. (2 экз.). Здесь бусины разрезаны на части, вероятно, их фрагменты хранились как драгоценный металл (рис. 11: 7) (V, II, 2, 2).

Возможно, на какое-то время их изготовление прерывается, но потом эту форму снова начинают воспроизводить русские мастера. В XII — первой трети XIII в. появляется новое поколение этих бусин. Всего известно 96 экз. (84 бусины из серебра, 12 из золота). Они носились в ожерельях в ансамбле с криновидными подвесками (рис. 11: 8—20) (V, II, 2, 3—16). В одном случае, в кладе из Киева в Михайловском монастыре 1903 г., зафиксирована связь бусин на пучке нескрученных нитей (V, II, 2, 5). Бусины различаются размерами, пропорциями, степенью выпуклости корпуса и рельефных ребер. Наблюдаются архаичные признаки формы. Иногда сохраняется реликт более резкого диаметрального ребра (рис. 11: 13). Некоторые бусины приближаются к шарообразным (рис. 11: 9, 10).

Бусины из серебра известны вкладах из Киева в ус. Лескова, 1876 г., в ус. Орлова, 1901 г., в Михайловском монастыре 1903 г., на Трехсвятительской ул., 1906 г., 1949 г., изклада в Старой Рязани 1979 № 1. Бусины из золота известны изкладов в Княжей Горе 1891 г. и Сахновке Киевской губ., Старой Рязани, раскопа № 20 на Южном городище (V, II, 2, 3—16) (рис. 11: 8—20).

Вариант 3 — с косым расположением ребер (1 экз., золото) изклада в Княжей Горе 1891 г. (рис. 11: 21) (V, II, 3, 1).

Вариант 4 — с зигзагообразным расположением ребер (6 экз., серебро с позолотой) изклада во Владимире 1865 г. (рис. 11: 22) (V, II, 4, 1).

Вариант 5 — с центральной зоной, выделенной двумя поперечными рельефными ободками, и с зигзагообразным расположением ребер (6 экз., серебро) изкладов из д. Сельцо Новгородской обл., 1892 г. и из с. Великие Болгары Казанской губ., 1888 г. (рис. 11: 23—25) (V, II, 5, 1, 2).

Вариант 6 — с тисненным геометрическим сетчатым узором по центральной зоне (2 экз., серебро) изклада в Старой Рязани, 1979 г. (V, II, 6, 1) (рис. 11: 27, 28).

XI — первая половина XII вв.

Вариант 7 — с тисненным геометрическим узором по центральной зоне (1 экз., се-

ребро) изклада в д. Шалахова Невельского у. Витебской губ. (рис. 11: 26) (V, II, 7, 1).

XII — первая треть XIII в.

Подтип II, вариант 8 — с поперечным членением и тиснеными рельефными лопастями-полусферами (8 экз., серебро с позолотой) изкладов в с. Телиженци 1978 г. и летописного Божска 1970 г. (V, II, II, 8, 1, 2) (рис. 11: 29).

Подтип IV, вариант 9 — с выделенным гладким поперечным валиком и четырьмя овальными выпуклыми фигурами на каждой половине (10 экз., серебро) изклада в Киеве в Михайловском монастыре 1903 г. (V, II, IV, 9, 1) (рис. 11: 31).

Стилистика

Наиболее распространенными среди тисненных являются гладкие шарообразные и ребристые, овальные в поперечном сечении, бусины. Именно эти типы бусин являются характерными для техники тиснения и связаны с ней происхождением.

Среди тисненных бусин выделяются следующие стилистические группы.

1. Первую стилистическую группу составляют гладкие бусины. Несмотря на отсутствие какой-либо орнаментации, эстетический эффект создается красотой глади металла, а также использованием нескольких бусин в многобусинных височных кольцах и ожерельях (тип I, вариант 1; тип II, вариант 1).

Гладкая бусина — наиболее естественная и простая форма украшения. Это своеобразный строительный элемент для возникновения новых типов изделий, это и основа для восприятия новой орнаментации, филигранной или рельефной. Гладкие бусины изготавливаются везде там, где существует ювелирное дело, но чаще всего ювелирное дело высокого уровня на них не останавливается и ими не удовлетворяется. Поэтому в древнерусскихкладах, характеризующих высокоразвитое ювелирное дело, гладких бусин крайне мало. Гладкобусинные украшения остаются в народной, более простой среде.

2. Во вторую стилистическую группу объединяются ребристые бусины (тип II, вариант 2). Поверхность бусин орнаментирована рельефными долями (как правило, шестью). Этот свойственный технике тиснения прием орнаментации используется и на других категориях украшений — звеньях цепочек, нашивных бляшках, подвесках. Ребристость создает фон, удачно сочетающийся с орнаментацией других стилистических групп и техник.

Гладкие лопастные («ребристые») бусины, очевидно, возникли как упрощение лопастных скано-зерненных бусин X—XI вв. с внутренней полостью и расположенной в ней

миниатюрно-скульптурной орнаментальной композицией. Известны промежуточные варианты бусин с зерновой геометрической орнаментацией на рельефных долях, которая аналогична геометрической орнаментации на лопастях фигурных бусин (клад X в., с. Денис Полтавской губ., 1912 г.).

Для других бусин отмечается использование рельефных долей в определенных геометрических комбинациях. Среди них выделяются две стилистические группы.

3. *Третья стилистическая группа* характеризуется расположением рельефных долей по косым линиям, в чем можно увидеть связь с линейно-геометрическим стилем зерни (**Тип II, варианты 3—5**).

4. *Четвертая стилистическая группа* характеризуется использованием тисненых геометрических фигур, в чем можно увидеть связь с геометрическим стилем зерни (**Тип II, вариант 6, подтип II, вариант 7**).

Геометрическая орнаментация не оригинальна для тиснения, используя ее, тиснение отражает воздействие искусства зерни, подражает свойственным ей линейно-геометрическому и геометрическому стилям. Орнаментация таких бусин выглядит как не вполне завершенная. Поэтому в рамках геометрического стиля предпочтение и отдавалось богато орнаментированным бусинам со сканью и зернью. Среди тисненых бусин наиболее популярными стали гладкие лопастные («ребристые»), создавшие идеальную основу для более лаконичных по убранству тисненых ожерелий.

Тисненые бусины отражают влияние и более сложной растительной орнаментации.

5. *Пятая стилистическая группа* объединяет бусины со схематическим геометризованным растительным орнаментом (**Тип II, вариант 8; подтип IV, вариант 9**). Эта орнаментация испытала воздействие украшений эмалевого и черногого уборов.

Итак, тисненые бусины действительно отразили своими формами весь стилистический и типологический путь категории ювелирной металлической бусины в целом: от шарообразных гладких бусин до удлиненных строго-рифленых. Рифленые, или ребристые бусины сыграли особую роль, они стали частью ансамбля, основой ожерелья собственно тисненого убора.

VI. Кринообразные подвески

Подвески в форме трехлепестника, или крина являются центральной категорией собственно тисненого убора, они входили в со-

став ожерелья одного из вариантов княжеского костюма.

Типология

Кринообразные подвески (или подвески в виде растительных фигур) к ожерелью являются наиболее яркой категорией среди тисненых изделий, одним из лучших достижений техники тиснения. Общее количество изделий 76.

Тип I — подвески в виде трилистника (54 экз.) (рис. 12).

Вариант 1 — центральная часть удлиненная и с заостренными концами, боковые в виде полукруглых волнообразных фигур, разделены полосой с ребристым орнаментом — 4 экз., серебро — из кладов в Киеве, ус. Орлова 1901 г., Михайловском монастыре 1903 г. (рис. 12: 1, 2) (VI, I, 1, 1, 2).

Вариант 2 — центральная часть удлиненная с заостренными концами, боковые в виде полукруглых волнообразных фигур — 7 экз., серебро и золото из кладов в Киеве в Михайловском монастыре 1903 г. и Княжей Горы (рис. 12: 3, 4) (VI, I, 2, 1, 2).

Вариант 3 — центральная часть удлиненная асимметричная с заостренным концом, боковые в виде округлых фигур — 1 экз., серебро с позолотой из клада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 12: 5) (VI, I, 3, 1).

Вариант 4 — боковые части удлинены и слегка изогнуты и разделены полосой с ребристым орнаментом — 6 экз., золото — из клада в Сахновке 1900 г. (рис. 12: 6) (VI, I, 4, 1).

Для производства варианта 4 подвесок предназначены также две бронзовых матрицы, одна происходит из Сахновки, происхождение другой неизвестно (рис. 12: 7, 8).

Вариант 5 — центральная и боковые части удлинены и слегка изогнуты и разделены гладкой полосой — 13 экз., серебро из кладов в Путивльском у. Курской губ., 1878 г. и в с. Телиженцы Хмельницкой обл., 1978 г. (рис. 12: 9) (VI, I, 5, 1, 2).

Вариант 6 — центральная и боковые части удлинены и слегка изогнуты — 15 экз., серебро из кладов в Киеве в ус. Лескова, 1876 г. и ус. Орлова, 1901 г. (рис. 12: 10, 11) (VI, I, 6, 1, 2).

Вариант 7 — нижние концы боковых частей утончены и удлинены, средняя часть укорочена — 1 экз., серебро с позолотой из клада в Киеве на ул. Трехсвятительская, 1949 г. (рис. 12: 12) (VI, I, 7, 1).

Вариант 8 — нижние концы боковых частей увеличены, верхние — укорочены, нижний конец средней части оформлен в виде шишечки — 6 экз., серебро с позолотой из клада

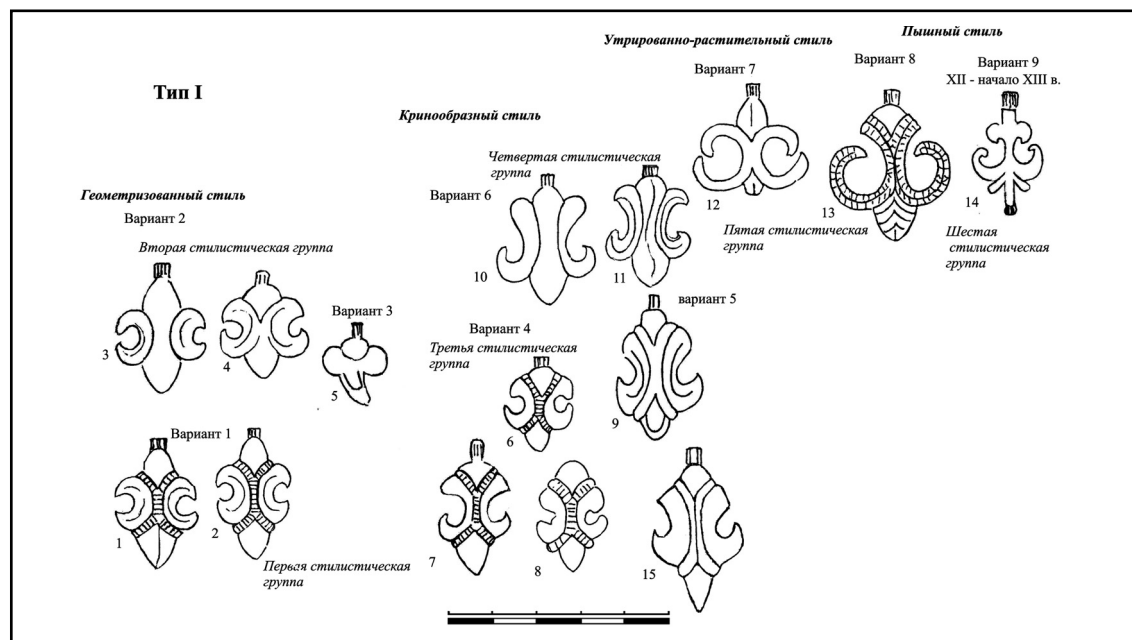

Рис. 12. Типология и стилистика кривоногих подвесок типа I: 1 — Киев, 1901 (VI, I, 1, 1); 2, 3 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 (VI, I, 1, 2) (VI, I, 2, 1); 4 — Княжая Гора (VI, I, 2, 2); 5 — Старая Рязань, 1868 (VI, I, 3, 1); 6 — Сахновка, 1900 (VI, I, 4, 1); 7 — Сахновка, матрица (IX, I, 1, 4, 1); 8 — матрица, ГИМ (IX, I, 1, 4, 2); 9 — с. Телиженцы Хмельницкой обл., 1978 (VI, I, 5, 1); 10 — Киев, 1876 (VI, I, 6, 1); 11 — Киев, 1901 (VI, I, 6, 2); 12, 13 — Киев, 1949 (V, I, 7, 1) (V, I, 8, 1); 14 — полуфабрикат литой подвески, Суздаль, XII — начала XIII вв. (V, I, 9, 1); 15 — Курская губ., Путивльский у., 1878 (VI, I, 5, 2).

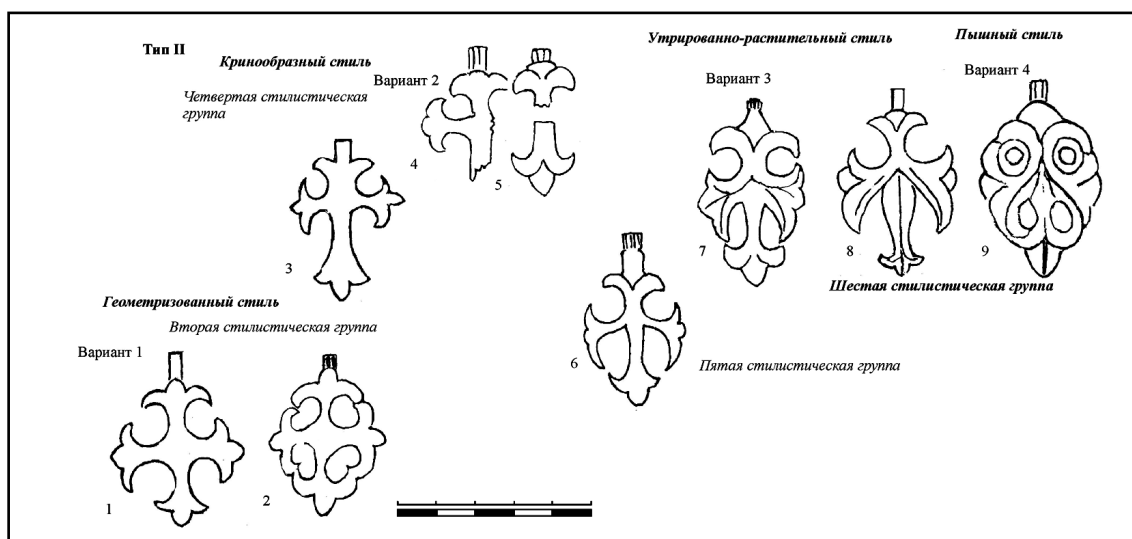

Рис. 13. Типология и стилистика кривоногих подвесок типа II: 1, 8 — Киев, 1949 (VI, II, 1, 1) (VI, II, 3, 2); 2 — с. Залесье Подольской губ. (VI, II, 1, 2); 3 — Старая Рязань, Южное городище, 1995 (VI, II, 2, 2); 4, 5 — Владимир, 1865 (VI, II, 2, 1); 6 — Владимир, 1993 (VI, II, 3, 1); 7 — с. Кресты Тульской обл., 1876 (VI, II, 3, 2); 9 — Старая Рязань 2005 (VI, II, 4, 1).

в Киеве на ул. Трехсвятительская, 1949 г. (рис. 12: 13) (VI, I, 8, 1).

Вариант 9 — нижние концы боковых частей увеличены, верхние — укорочены, нижний конец средней части оформлен в виде кисти руки и усложнен двумя дополнительными листочками — 1 экз., полуфабрикат литой подвески из свинцово-оловянистого

сплава из Суздаля, слой XII — начала XIII вв. (рис. 12: 14) (VI, I, 9, 1).

Тип II. Подвески четырехконечные с трилистным завершением каждого конца (22 экз.) (рис. 13).

Вариант 1 — равноконечные — 5 экз., серебро — из кладов в с. Залесье Каменецкого р-на Подольской губ. и из Киева, ул. Трех-

святительская 1949 г. (рис. 13: 1, 2) (VI, II, 1, 1, 2).

Вариант 2 — с удлинённым нижним концом — 4 экз., серебро и серебро с позолотой из кладов во Владимире 1865 г., из Старой Рязани из находок на Южном городище (рис. 13: 3—5) (VI, II, 2, 1, 2).

Вариант 3 — с удлинённым нижним концом и удлинёнными, утолщёнными и изогнутыми нижними листьями боковых трилистников, концы нижнего и боковых трилистников сближены — 12 экз., серебро и серебро с позолотой из кладов во Владимире 1993 г., в Киеве по ул. Трёхсвятительская 1949 г. и с. Кресты Тульской обл. 1876 г. (рис. 13: 6—8) (VI, II, 3, 1—3).

Вариант 4 — с удлинённым нижним концом и удлинёнными и изогнутыми нижними листьями боковых трилистников, с соединёнными (сросшимися) концами всех трилистников — 1 экз., серебро из клада в Старой Рязани 2005 г. (рис. 13: 9) (VI, II, 4, 1).

Стилистика

Подвески обоих типов делятся на следующие стилистические группы.

1. В первую стилистическую группу объединяются подвески со схематизированными, геометризованными очертаниями листьев (приближающимися к геометрическим фигурам), удлинённым и заостренным центральным листом, разделённые в соответствии с частями крина ребристыми поясками. Ребристые пояски отделяют зоны украшения друг от друга и закрепляют геометричность очертаний. Этой стилистической группе соответствуют подвески **типа I, варианта 1** (рис. 12: 1, 2). Среди подвесок **типа II** экземпляры такой стилистической группы пока не встречены.

2. Во вторую стилистическую группу объединяются подвески также с правильными геометрическими очертаниями боковых листьев и удлинённым и заостренным центральным листом, но без разделения ребристыми поясками. Отсутствие разделительных поясков создаёт предпосылку для дальнейшего освобождения общей композиции украшения от геометризма. Этой стилистической группе соответствуют подвески варианта **типа I, вариантов 2 и 3** (рис. 12: 3—5), а также **типа II, варианта 1** (рис. 13: 1, 2).

3. Третья стилистическая группа является промежуточной между второй и четвертой. Наблюдается частичное сохранение разделительных поясков, и в то же время очертания листьев теряют строгую геометричность. К этой группе относятся **варианты 4 и 5 типа I** (рис. 12: 6—9, 15), а среди экзем-

пляров **типа II** вариантов этой группы пока не наблюдается.

4. Четвертая стилистическая группа объединяет подвески с более свободными, слегка удлинёнными и изогнутыми листьями кринообразных фигур. Сюда относятся подвески **типа I, варианта 6** (рис. 12: 10, 11) и **типа II, варианта 2** (рис. 13: 3—5).

5. Пятая стилистическая группа характеризуется неестественным преувеличенным удлинением и изгибистостью отдельных деталей кринообразных фигур, приданием им неестественных размеров и пропорций. В частности, полные листья превращаются в узкие стебли и бутоны. Этой группе соответствуют **варианты 7 и 8 типа I** (рис. 12: 12, 13), а также **вариант 3 типа II** (рис. 13: 6—8).

6. В шестую стилистическую группу выделяются кринообразные подвески, к растительным деталям которых добавляются иные элементы, как связанные с растительным декором, так и не связанные: шишечки, орнаментально изображенные детали человеческого тела. Это **варианты 8 и 9 типа I** (рис. 12: 14), **вариант 4 типа II** (рис. 13: 9). Литая кринообразная подвеска **типа I, варианта 9** найдена в слоях Суздаля XII — начала XIII вв. (Седова 1997: 177, рис. 63: 4). Это косвенно подтверждает более позднее распространение **пышного** стиля и расположение эволюционных рядов в указанном направлении (рис. 12, 13).

Типология и стилистика кринообразных подвесок наиболее четко показывает тенденцию развития тисненого убора в целом: от рифления и геометризма к отображению важнейшего символа эпохи — крина, эмблемы княжеской и императорской власти. Кринообразные подвески иногда являлись основой ожерелья с медальоном или подвеской с изображением Михаила Архангела: клад из Владимира 1993 г., материалы из Княжей Горы 1891 г.

В металлическом уборе кринообразные подвески играли важную роль: они стали обозначением представителей княжеского рода (женщин и мужчин) и, возможно, их ближайших слуг. Кринообразная орнаментика связана с иконографией и орнаментикой образов святых князей, воинов и архангелов. Тисненный узор смог выразить ее наиболее явственно (см. Главу 5, раздел 3).

VII. Нашивные бляшки

В изготовлении разнообразных нашивных бляшек тиснение буквально «нашло себя», в искусстве тонкой художественной орнаментации металлом одежды техника

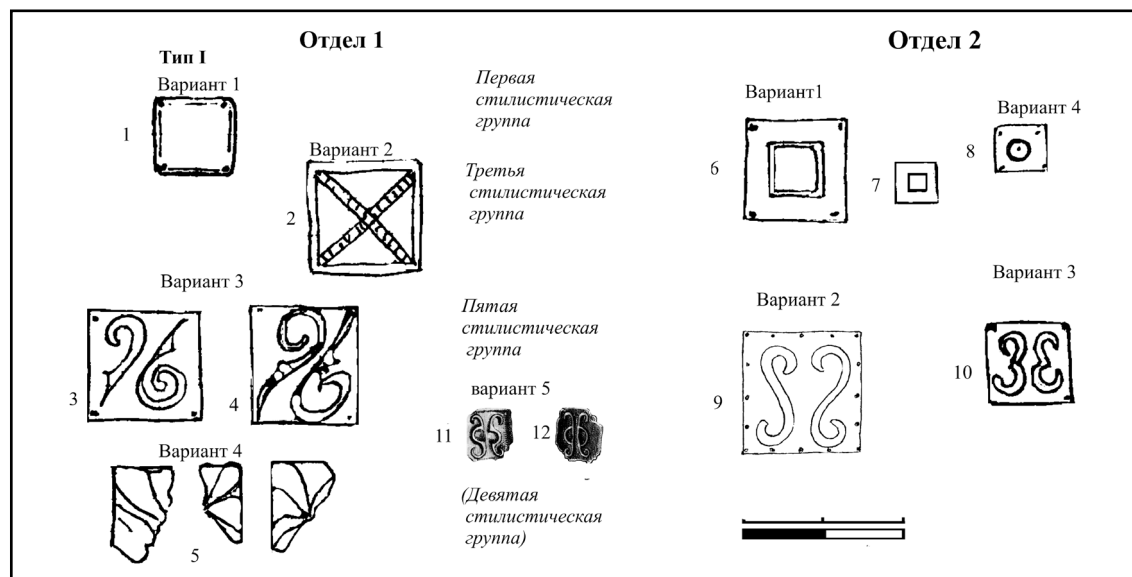

Рис. 14. Тип I нашивных бляшек и его стилистические группы: 1 — Киев, 1903, Старая Рязань, 1967, раскоп № 7 Южного городища (1, VII, I, 1, 1—3); 2 — Старая Рязань, 1822 (1, VII, I, 2, 1); 3 — Святое Озеро Черниговской губ., 1908 (1, VII, I, 3, 2); 4 — Старая Рязань, 1887 (1, VII, I, 3, 1); 5, 7 — Мартыновка Киевской губ., 1886 (1, VII, I, 4, 1) (2, VII, I, 1, 2); 6, 8 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 (2, VII, I, 1, 1) (2, VII, I, 4, 1); 9 — Киев, 1824 (2, VII, I, 2, 1); 10 — Киев, 1939 (2, VII, I, 3, 1); 11, 12 — Владимир, Ветшаный город, 1837 (2, VII, I, 5, 1).

тиснения стала незаменима. Именно рельефная, неброская и лаконичная, орнаментация вносила важный штрих в великолепие княжеского костюма.

Нашивные бляшки относительно легки и тонки, своими размерами и формой они соответствуют ткани парадного костюма. Каждая бляшка выполнена из одной тисненой детали и имеет одностороннее изображение (с обратной стороны не закрыта). По краю на расстоянии от 0,5 до 1 см друг от друга расположены точечные отверстия для пришивания. Отверстия обязательно делаются на угловых частях и пересечениях линий внешнего контура, поскольку бляшки довольно непрочны, могут деформироваться и сгибаться, если не пришиты прочно. Их общая толщина (или высота) в тисненом виде составляет от 2 до 4 мм. Толщина пластины, из которой сделаны бляшки, как правило, меньше 1 мм.

Типология

Нашивные бляшки разделены на два основных отдела: **отдел 1 — сплошные** (без прорезей); **отдел 2 — прорезные** (ажурные).

Типы нашивных бляшек выделены по их общей форме; варианты — по орнаментации.

Общее количество учтенных изделий составило **550 экз.**⁸

⁸ Сведения и фотографии тисненых изделий из клада в Старой Рязани 1868 г. любезно переданы мне сотрудником ГРМ к. и. н. С. М. Новаковской. Пользуюсь случаем выразить ей большую благодарность.

Тип I — квадратные (72 экз.).

Отдел 1 (32 экз.).

Вариант 1 — гладкие (13 экз., серебро) из кладов в Киеве в Михайловском монастыре 1903 г., в Старой Рязани 1967 г., а также из находок на раскопе № 7 Южного городища (рис. 14: 1) (1, VII, I, 1, 1—3).

Вариант 2 — с двумя диагональными полосами с ребристым орнаментом (1 экз., золото) из клада в Старой Рязани 1822 г. (рис. 14: 2) (1, VII, I, 2).

Вариант 3 с завитковым орнаментом в виде двух односторонних завитков, развернутых в противоположные стороны (13 экз., серебро) из клада в Старой Рязани 1887 г. и в Святом Озере Черниговской губ., 1908 г. (рис. 14: 3, 4) (1, VII, I, 3; 1, 2). Бляшки из старорязанского клада были закреплены на шелковой ленте и обнизаны мелким жемчугом. В составе клада имелись и другие фрагменты парчовой ткани.

Вариант 4 с рельефным асимметричным растительным орнаментом (3 экз., золото и серебро) из клада в Мартыновке Киевской губ., 1886 (рис. 14: 5) (1, VII, I, 4, 1).

Вариант 5 — с геометризованным, дугообразно-завитковым орнаментом (2 экз., серебро) из клада во Владимире, 1837 г. (рис. 14: 11, 12) (1, VII, I, 4; 1).

Отдел 2 (40 экз.).

Вариант 1 — с квадратной прорезью (5 экз., золото, серебро) из клада в Киеве, в Михайловском монастыре, 1903 г.,

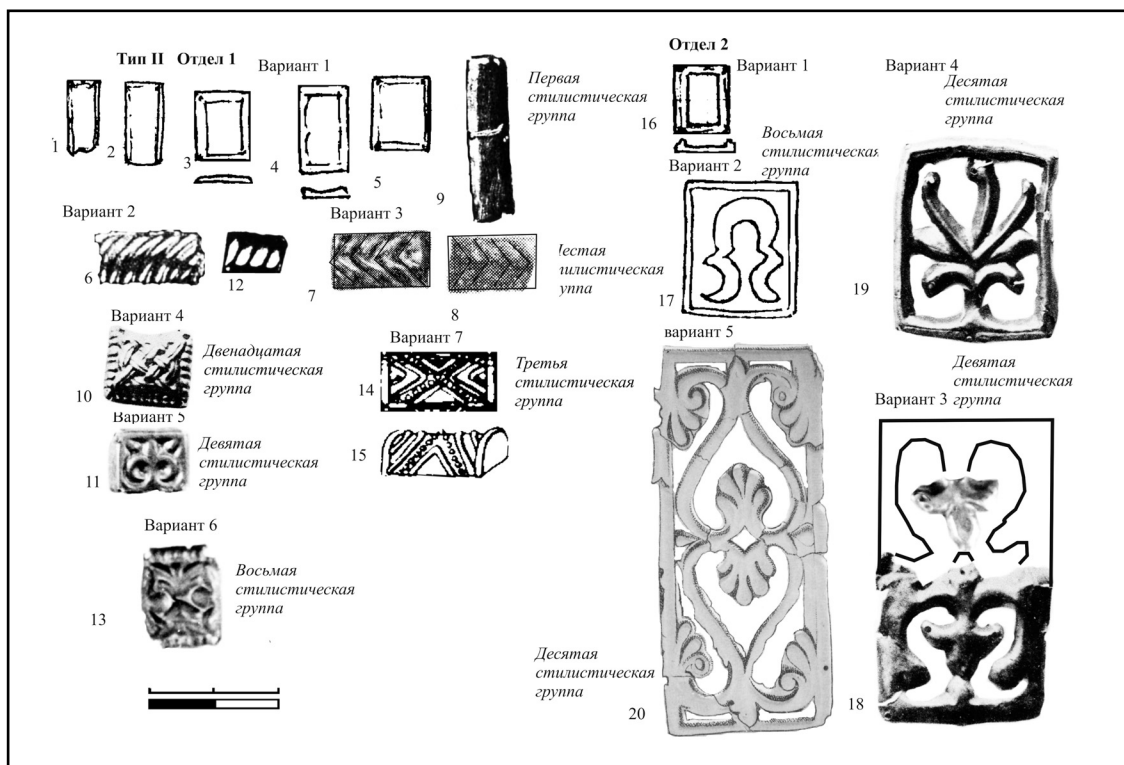

Рис. 15. Тип II нашивных бляшек и его стилистические группы: 1, 2, 6 — Киев, 1903 (1, VII, II, 1, 2) (1, VII, II, 2, 1); 3 — Мартыновка, Киевской губ., 1886 (1, VII, II, 1, 1); 4, 5, 17 — Киев, 1936 (1, VII, II, 1, 3, 4) (2, VII, II, 2, 1); 7 — Старая Рязань, 1967 (1, VII, II, 3, 1); 8 — Старая Рязань, Южное городище, раскопы № 6 и 7 (1, VII, II, 3, 2, 3); 9, 12 — Сахновка Киевской губ. (1, VII, II, 1, 5) (1, VII, II, 2, 2); 10, 11, 13, 18, 19 — Старая Рязань, 1868 (1, VII, II, 4, 2) (1, VII, II, 5, 1) (1, VII, II, 6, 1) (2, VII, II, 3, 1) (2, VII, II, 4, 1); 14, 15 — Новгород Великий, погребение Софийского собора (1, VII, II, 7, 1); 16 — Мартыновка Киевской губ., 1886 (2, VII, II, 1, 1); 20 — Владимир, Ветшаный город, 1837 (2, VII, II, 5, 1).

из Мартыновки Киевской губ., 1886 г. (рис. 14: 6, 7) (2, VII, I, 1; 1, 2).

Вариант 2 — с орнаментом из S-овидных завитков (серебро с позолотой, 20 экз.) из клада в Киеве в Михайловском монастыре 1824 г. (рис. 14: 9) (2, VII, I, 2, 1).

Вариант 3 — с орнаментом из двойных волнообразных завитков со средней частью в виде угла (7 экз., золото) из Киева, из тайника под Десятинной церковью 1939 г. (2, VII, I, 3, 1).

Вариант 4 — выпукло-четырёхгранная с центральным гнездом (8 экз., серебро) из клада в Киеве, в Михайловском монастыре, 1903 г. (рис. 14: 8) (2, VII, I, 4, 1).

Тип II — прямоугольные (153 экз.).

Отдел 1 (134 экз.).

Вариант 1 — гладкие (59 экз., серебро/золото) из кладов в Киеве, в Михайловском монастыре, 1903 г., из тайника под Десятинной церковью 1936 г., из Сахновки и Мартыновки, Киевской губ., 1886 г. Часть экземпляров имеет выпуклый рельеф (рис. 15: 1—5, 9) (1, VII, II, 1, 1—5).

Вариант 2 — с ребристым орнаментом из косых рельефных полос, направленных в одну сторону (9 экз., серебро и серебро с по-

золотой) из клада в Киеве, в Михайловском монастыре, 1903 г. (рис. 15: 6, 12) (1, VII, II, 2; 1, 2). Эти бляшки в первом случае найдены нашитыми на ткань, во втором случае — на верхнюю и нижнюю часть ремешка с треугольным окончанием.

Вариант 3 — с ребристым орнаментом из косых рельефных полос, направленных в разные стороны из одной вершины («в елочку») (3 экз., серебро) из находок в Старой Рязани на Южном городище и клада 1967 г. № 2 (рис. 15: 7, 8) (1, VII, II, 3, 1—3).

Вариант 4 — с рельефным плетеным орнаментом и ребристым бордюром по краю (на экземплярах из Старой Рязани) (1 экз., золото) из тайника в Киеве под Десятинной церковью; (17 экз., серебро с позолотой) из клада в Старой Рязани 1868 г. (1, VII, II, 4; 1, 2). Бляшка из Киева была нашита на полоску ткани (она, вместе с другими, не сохранившимися бляшками, была оконтурена рядами жемчуга (рис. 15: 10) (1, VII, II, 4, 1).

Вариант 5 — с рельефным изображением крина и двумя дополнительными листьями в углах (1 экз., серебро и 17 экз., серебро с позолотой) из кладов в Старой Рязани 1868 и 1888 гг. (рис. 15: 11) (1, VII, II, 5; 1, 2).

Вариант 6 — с рельефным растительным орнаментом в виде удвоенного крина, прорастающего из двух удлиненных листьев, расположенных в виде косоугольного креста и ребристым бордюром по двум сторонам (8 экз., серебро с позолотой) из клада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 15: 13) (1, VII, II, 6, 1).

Вариант 7 — с выпуклой поверхностью в виде валика, сетчатым рельефным линейно-геометрическим орнаментом по поверхности, приспособленным для укладки жемчуга (серебро, 28 экз.) из погребения Софийского собора в Новгороде. Бляшки входили в состав стоячего воротника с застежкой на петли и пуговицы (рис. 15: 14, 15) (1, VII, II, 7, 1).

Вариант 8 — с рифлеными бордюрами, бордюрами из рельефных точек, с рельефными округлыми фигурами в центре (серебро с позолотой, 6 экз. и фрагменты) из клада в Московском Кремле, 1988 г.⁹ (1, VII, II, 8, 1).

Вариант 9 — с рифлеными бордюрами, орнаментом из треугольных фигур, складывающихся в крестообразную фигуру (серебро с позолотой, 2 экз.) из клада в Московском Кремле, 1988 г. (1, VII, II, 9, 1).

Отдел 2 — прорезные (19 экз.).

Вариант 1 — с прямоугольной прорезью (5 экз., золото/серебро) из клада в Мартыновке Киевской губ., 1886 г. (рис. 15: 16) (2, VII, II, 1, 1).

Вариант 2 — с фигурной несомкнутой прорезью, очерчивающей фигуру крина (8 экз., золото) из клада в Киеве под Десятинной церковью 1936 г. (рис. 15: 17) (2, VII, II, 2, 1). Бляшки нашиты на полоску ткани — очелье.

Вариант 3 — с фигурными несомкнутыми прорезями, очерчивающими фигуры двух кринов (1 экз., серебро с позолотой) из клада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 15: 18) (2, VII, II, 3, 1). В материалах из раскопок домонгольского городского слоя Старой Рязани имеется типологически аналогичная матрица.

Вариант 4 — с фигурной несомкнутой прорезью, очерчивающей растительную фигуру с четырьмя листьями и тремя длинными изогнутыми побегами или лепестками (4 экз., серебро с позолотой) из клада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 15: 19) (2, VII, II, 4, 1, 2). На прямоугольной рамке одной из бляшек нанесен бордюр из чередующихся зон ребристого орнамента и гладкой поверхности.

Вариант 5 — с фигурными прорезями, очерчивающими две встречно расположенные сердцевидные фигуры из пар завитков, концы которых оформлены в виде трех и пяти ле-

пестков (1 экз., серебро) из клада во Владимире, 1837 г. (рис. 15: 20) (2, VII, II, 5, 1).

Тип III — ромбические (3 экз.).

Отдел 1 — сплошные.

Вариант 1 — гладкие (3 экз., серебро, золото) из клада в Киеве, в Михайловском монастыре 1903 г. и в Старой Рязани 1822 г. (рис. 16: 1, 2) (1, VII, III, 1; 1, 2).

Тип IV — в виде параллелограмма (1 экз.).

Вариант 1 — с рельефным ребристым орнаментом (9 экз., серебро с позолотой) из клада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 16: 12) (1, VII, IV, 1, 1).

Тип V — в виде прямоугольника с одной косо срезанной стороной (1 экз.).

Вариант 1 — с рельефным ребристым орнаментом и орнаментом из округлых фигур (1 экз., условно, точное количество неизвестно, серебро с позолотой) из клада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 16: 13) (1, VII, V, 1, 1).

Тип VI — треугольные (25 экз.).

Отдел 1 — сплошные

Вариант 1 — гладкие (11 экз., серебро, серебро с позолотой, золото) из кладов в Мартыновке Киевской губ., 1886 г., Московском Кремле 1988 г., Святом Озере, Черниговской губ., 1908 г., (рис. 16: 3, 4) (1, VII, VI, 1, 1—3).

Отдел 2 — прорезные.

Вариант 1 — треугольная деталь с отверстием и двумя завитковыми фигурами с отверстиями по сторонам, обрисовывающими фигуру крина в центре (5 экз., серебро) из клада в Киеве в Михайловском монастыре, 1903 г. (рис. 16: 5a) (2, VII, VI, 1, 1).

Вариант 2 — треугольно-трапециевидные с треугольной прорезью (4 экз., серебро) из клада в Любече, 1960 (рис. 16: 5b) (2, VII, VI, 2, 1).

Вариант 3 — с прорезями, оформляющими фигуры кринообразных завитков, расположенных в композиции вихревой розетки (5 экз., серебро с позолотой) из клада в Московском Кремле 1988 г. (2, VII, VI, 3, 1).

Тип VII — в виде соединенных треугольников (1 экз.). **Отдел 1.**

Вариант 1 — гладкие (1 экз., серебро) из клада в Киеве в Михайловском монастыре, 1903 г. (рис. 16: 10) (1, VII, VII, 1, 1). Бляшка закреплена на фрагменте ткани, предположительно, головной повязки.

Тип VIII — многоугольные (4 экз.).

Отдел 1, вариант 1 — гладкие (1 экз., золото) из клада в Киеве, в Десятинной церкви, 1936 г. Бляшка является концевой для очелья, вместе с другими прямоугольными нашита на узкую полоску ткани (рис. 16: 8) (1, VII, VIII, 1, 1).

⁹ Автор благодарит Т.Д. Панову за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами клада 1988 г. в Московском Кремле.

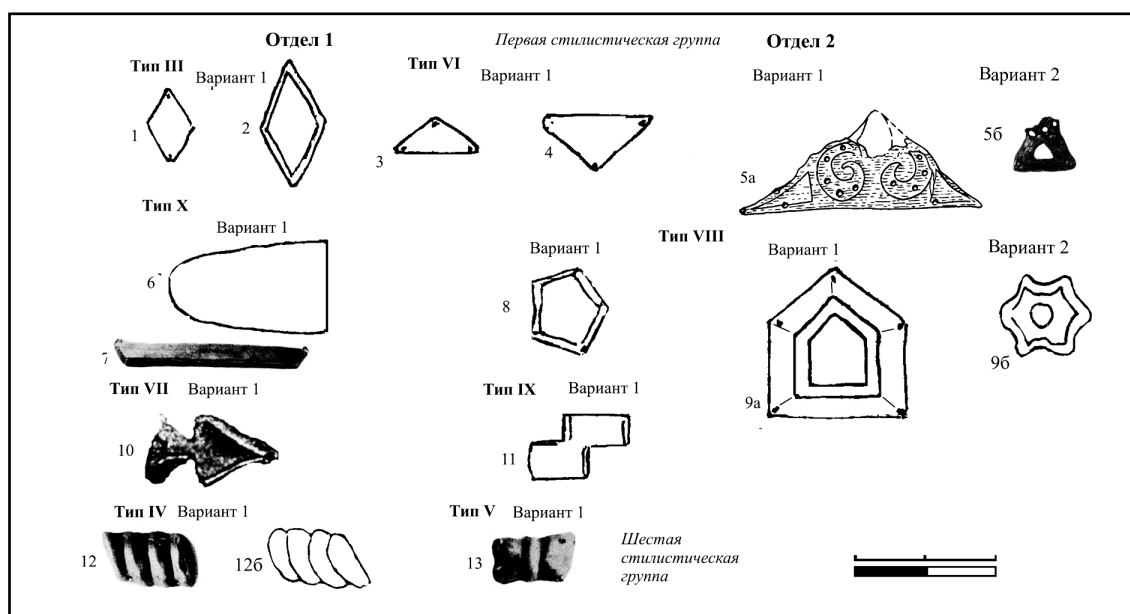

Рис. 16. Типы III—X нашивных бляшек геометрических форм и их стилистические группы: 1, 5а (Сабурова 1997: табл. 74: 23); 9а, 10 — Киев, 1903 (1, VII, III, 1, 1) (2, VII, VI, 1, 1) (2, VII, VIII, 1, 1) (1, VII, VII, 1, 1); 2 — Старая Рязань, 1822 (2, VII, III, 1, 2); 3 — Мартыновка, Киевской губ., 1886 (1, VII, VI, 1, 1); 4 — Святое Озеро, Черниговской губ., 1908 (1, VII, VI, 1, 2); 6, 8, 11 — Киев, 1936 (1, VII, X, 1, 1) (1, VII, VIII, 1, 1) (1, VII, IX, 1, 1); 5б, 9б — Любеч, 1960 (2, VII, VI, 2, 1) (2, VII, VIII, 2, 1); 7, 12, 13 — Старая Рязань, 1868 (1, VII, X, 1, 2) (1, VII, IV, 1, 1) (1, VII, V, 1, 1).

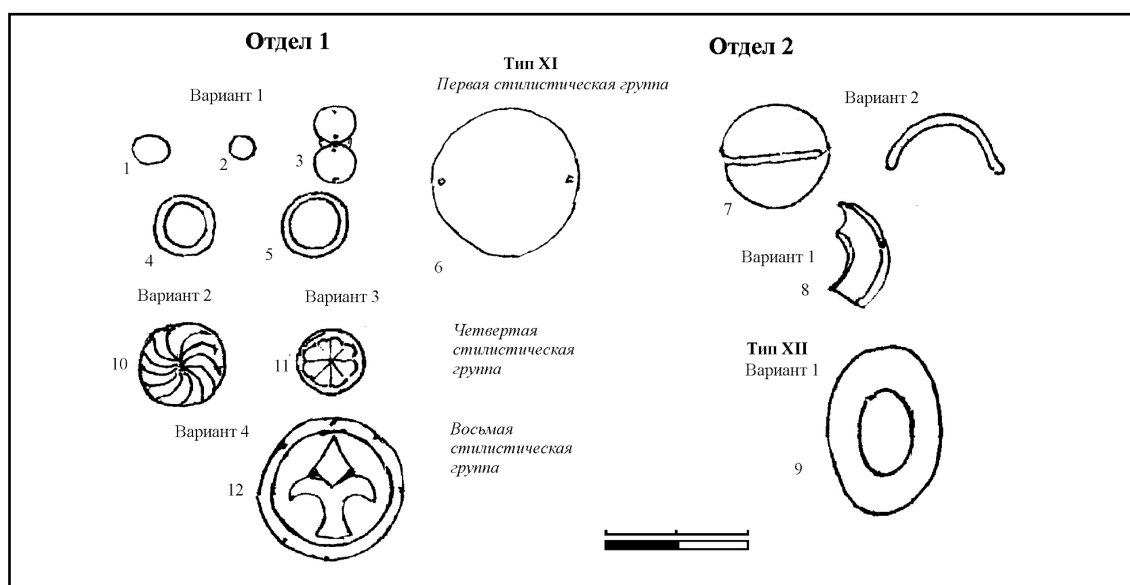

Рис. 17: Типы XI и XII нашивных бляшек округлых форм и их стилистические группы: 1, 2, 8, 12 — Киев, 1903 (1, VII, XI, 1, 1, 2) (2, VII, XI, 1, 1) (1, VII, XI, 4, 1); 3, 9—11 — Киев, 1936 (1, VII, XI, 1, 5) (2, VII, XII, 1, 1) (1, VII, XI, 2, 1) (1, VII, XI, 3, 1); 4 — Старая Рязань, 1822 (1, VII, XI, 1, 3); 5 — Старая Рязань, 1868 (1, VII, XI, 1, 4); 6 — Старая Рязань, раскоп № 23, Северное городище (1, VII, XI, 1, 6); 7 — Старая Рязань, раскоп № 3, Южное городище (2, VII, XI, 2, 1).

Отдел 2, вариант 1 — с пятиугольной прорезью (2 экз., серебро) из клада в Киеве в Михайловском монастыре, 1903 г. (рис. 16: 9а) (2, VII, VIII, 1, 1).

Вариант 2 — шестиугольные с круглым отверстием (1 экз., серебро) из клада в Любече, 1960 (рис. 16: 9б) (2, VII, VIII, 2, 1).

Тип IX — зигзагообразные (или в форме соединенных прямоугольников) (1 экз.).

Отдел 1, вариант 1 — гладкие (1 экз., золото) из клада в Киеве, в Десятинной церкви, 1936 г. (рис. 16: 11) (1, VII, IX, 1, 1).

Тип X — трапециевидные (9 экз.).

Отдел 1, вариант 1 — гладкие (3 экз., золото, 5 экз., серебро с позолотой) из кладов в Киеве, в Десятинной церкви, 1936 г., и Старой Рязани 1868 г. (рис. 16: 6, 7) (1, VII, X, 1; 1, 2). Имеющиеся бляшки данного вари-

анта наряду с орнаментальной играли роль технических деталей. В одном случае — это концевые бляшки очелья из прямоугольных бляшек с кринообразной прорезью, в другом случае — основание под нашивную бляшку с перегородчатой эмалью в геометризованном стиле. 1 экз., бляшки, сохранившейся в двух фрагментах, имеет несколько иную форму: с одной стороны — прямоугольных очертаний, с другой стороны — в виде угла.

Тип XI — круглые (126 экз.).

Отдел 1 (120 экз.).

Вариант 1 — выпуклые гладкие (106 экз., серебро, серебро с позолотой, золото) из кладов в Киеве, в Михайловском монастыре 1903 г., под Десятинной церковью 1936 г., Московском Кремле 1988 г., Старой Рязани, 1822 г., 1868 г., из раскопа № 23. на Северном городище (рис. 17: 1—6) (1, VII, XI, 1, 1—7). В одном случае бляшки из клада в Киеве в Михайловском монастыре 1903 г. были соединены попарно нитями и сохранились пришитыми к позументу длиной 20 см с пятью пуговицами (рис. 17: 3; 20: 3). Этот фрагмент одежды по орнаментации аналогичен одному из бордюров саккоса митрополита Алексия XIV в.

Вариант 2 — с рельефным изображением восьмилепестковой розетки (2 экз., золото) из клада в Киеве, в Десятинной церкви 1936 г. (рис. 17: 10) (1, VII, XI, 2, 1).

Вариант 3 — с рельефным изображением «сегнерова» колеса (2 экз., золото) из клада в Киеве, в Десятинной церкви 1936 г. (рис. 17: 11) (1, VII, XI, 3, 1).

Вариант 4 — с рельефным изображением крина (трилистника) (10 экз., серебро) из клада в Киеве, в Михайловском монастыре 1903 г. (рис. 17: 12) (1, VII, XI, 4, 1).

Отдел 2 (6 экз.).

Вариант 1 — гладкие плоские (кольцеобразные) (5 экз., серебро и серебро с позолотой) из клада в Киеве, в Михайловском монастыре 1903 г., Старой Рязани 1868 г. (рис. 17: 8) (2, VII, XI, 1, 1 и 2).

Вариант 2 — гладкая полусферическая с продольной прорезью (в виде половинки бубенчика) (1 экз., металл) из Старой Рязани, раскоп № 3., Южное городище (рис. 17: 7) (2, VII, XI, 2, 1).

Тип XII — овальные (12 экз.).

Отдел 2 — прорезные.

Вариант 1 — гладкие с овальной прорезью (12 экз., золото) из клада в Киеве, под Десятинной церковью, 1936 г. (рис. 17: 9) (2, VII, XII, 1, 1). В овальных прорезях бляшек были закреплены стеклянные вставки.

Тип XIII — миндалевидные (3 экз.).

Отдел 1, вариант 1 — гладкие (3 экз., золото и металл) из находок в Старой Рязани, клада 1822 г. и раскопа № 7. на Южном городище (рис. 18: 1—3) (1, VII, XIII, 1, 1, 2).

Тип XIV — сердцевидные (2 экз.).

Отдел 1, вариант 1 — гладкие (1 экз., металл) из клада в Старой Рязани 1967 г. (рис. 18: 4) (1, VII, XIV, 1, 1).

Отдел 2, вариант 1 — прорези очерчивают растительную фигуру из трех трилистников, соединенных утолщением («вазоном»), по сторонам две двулистные фигуры (1 экз., золото) из находок в Старой Рязани, клада 1822 г. (рис. 18: 5) (2, VII, XIV, 1, 1). В археологическом материале Старой Рязани имеются аналогичные матрицы.

Тип XV — лунничные (25 экз.).

Отдел 1.

Вариант 1 — гладкие (24 экз., серебро) из клада в Киеве, в Михайловском монастыре 1903 г. и из Старой Рязани, раскопа № 7, Южного городища (рис. 18: 6—8) (1, VII, XV, 1, 1—3).

Вариант 1 — с прорезью, соответствующей контуру лунницы (1 экз., серебро), из клада в Киеве, в Михайловском монастыре 1903 г. (рис. 18: 9) (2, VII, XV, 1, 1).

Тип XVI — двухлепестковые (или в виде сдвоенных кругов) (16 экз.).

Отдел 1, вариант 1 — гладкие (16 экз., серебро) из клада в Киеве, в Михайловском монастыре 1903 г. (рис. 18: 10) (2, VII, XVI, 1, 1). Некоторые бляшки закреплены на фрагменте ворота из ажурной ткани с пуговицами, они нашиты по краю внутри ячеек прямоугольной сетки, обозначенной мелким жемчугом.

Тип XVII — в форме геометрических фигур с лепестковым краем (32 экз.).

Отдел 1, вариант 1 — подпрямоугольные, четырехлепестковые, гладкие (22 экз., серебро) из клада в Киеве, в Михайловском монастыре 1903 г. (рис. 18: 11, 12) (1, VII, XVII, 1, 1).

Вариант 2 — подпрямоугольные, четырехлепестковые с поперечным рельефным валиком (5 экз., серебро с позолотой) из клада в Старой Рязани 1868 г. из Киева, под Десятинной церковью, 1939 г. (рис. 18: 13, 14) (1, VII, XVII, 2, 1, 2).

Отдел 1, вариант 1 — ромбические восьмилепестковые с ромбической прорезью (5 экз., серебро) из клада в Любече, 1960 г. (рис. 18: 17) (2, VII, XVII, 1, 1—5).

Тип XVIII — листовидные (10 экз.).

Отдел 1, вариант 1 — гладкие (более 10 экз., золото, серебро) из кладов в Старой

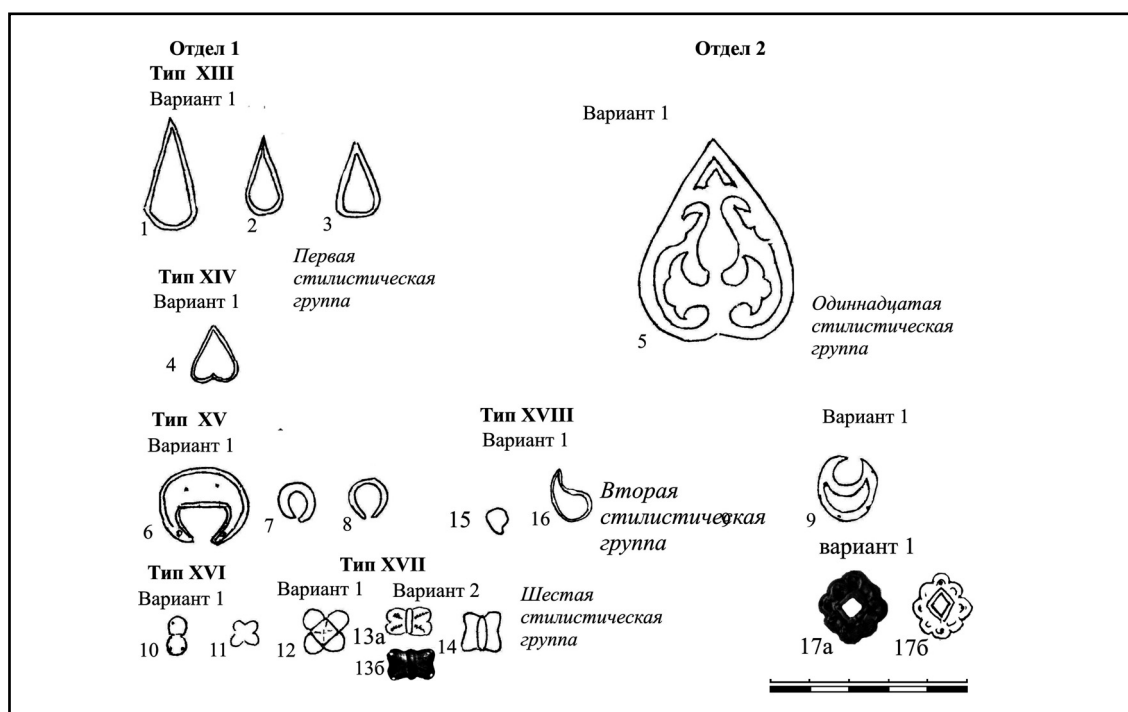

Рис. 18. Типы XIII—XVIII нашивных бляшек и их стилистика: 1, 2, 5, 15 — Старая Рязань, 1822 (1, VII, XIII, 1, 1) (2, VII, XIV, 1, 1) (1, VII, XVIII, 1, 1); 3 — Старая Рязань, раскоп № 7, Южное городище (1, VII, XIII, 1, 2); 4 — Старая Рязань, 1967 (1, VII, XIV, 1, 1); 6 — Старая Рязань, раскоп № 7, Южное городище (1, VII, XV, 1, 1); 7—12, 16 — Киев, 1903 (1, VII, XV, 1, 1, 3) (2, VII, XV, 1, 1) (2, VII, XVI, 1, 1) (2, VII, XVII, 1, 1) (1, VII, XVIII, 1, 2); 13 — Старая Рязань, 1868 (1, VII, XVII, 2, 1); 14 — Киев, 1936 (1, VII, XVII, 2, 2); 15 — Любеч, 1960 (2, VII, XVII, 1, 1—5).

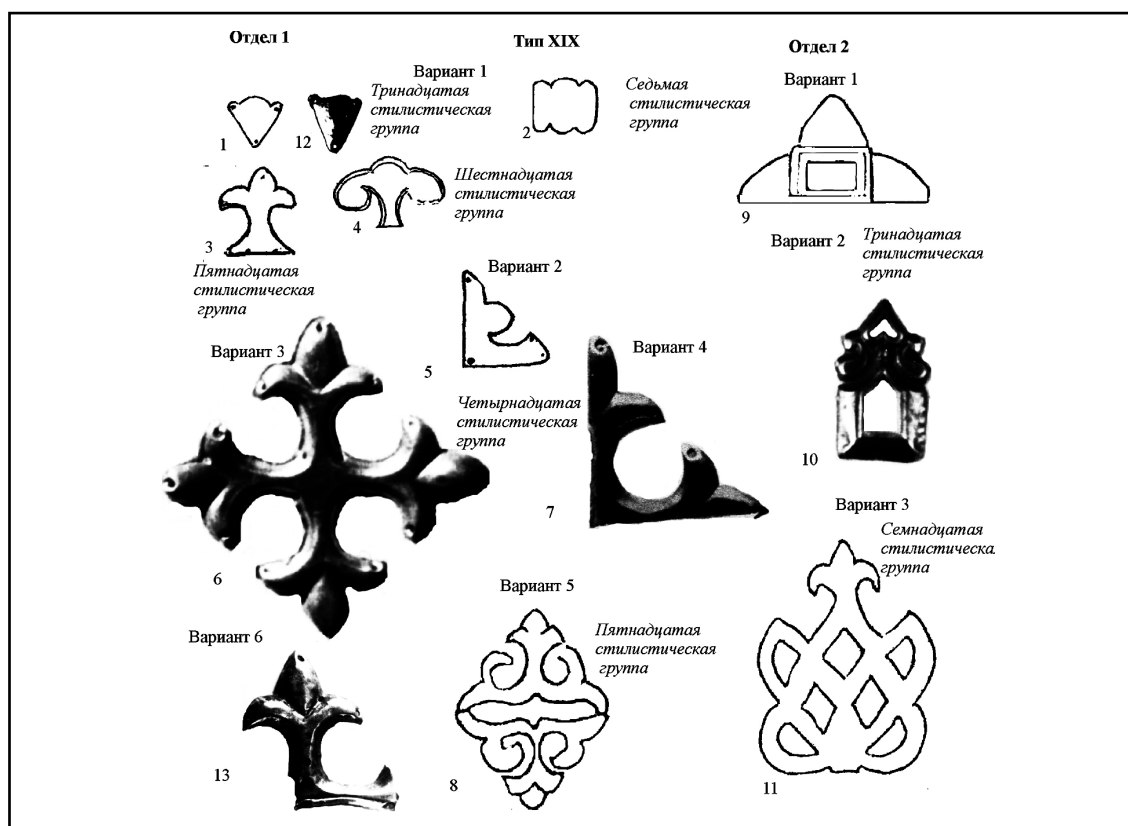

Рис. 19. Тип XIX нашивных бляшек и его стилистика: 1, 5 — Киев, 1903 (1, VII, XIX, 1, 1) (1, VII, XIX, 2, 1); 2, 6, 7, 10, 13, 14 — Старая Рязань, 1868 (1, VII, XIX, 1, 2) (1, VII, XIX, 3, 1) (1, VII, XIX, 4, 1) (2, VII, XIX, 2, 1) (1, VII, XIX, 6, 1) (1, VII, XIX, 7, 1); 3 — Мартыновка Киевской губ., 1886 (1, VII, XIX, 1, 3); 4 — Старая Рязань, 1992, Южное городище (1, VII, XIX, 1, 4); 8 — Княжая Гора (1, VII, XIX, 5, 1); 9 — Старая Рязань, 1822 (2, VII, XIX, 1, 1); 11 — Старая Рязань, раскоп № 28, Северное городище (2, VII, XIX, 3, 1); 12 — Сахновка (1, VII, XIX, 1, 5).

Рязани 1822 г. и Киеве, в Михайловском монастыре 1903 г. (рис. 18: 15, 16) (1, VII, XVIII, 1; 1, 2).

Тип XIX — кринообразные (47 экз.).

Бляшки имеют форму трилистников, их частей или их сочетаний.

Отдел 1 (54 экз.).

Вариант 1 — в виде трилистника (8 экз., серебро/золото). К данному варианту относятся экземпляры, весьма разные стилистически (рис. 19: 1—4, 12).

У трех аналогичных экземпляров изклада в Киеве, в Михайловском монастыре 1903 г. и из Сахновки общие очертания бляшки подтреугольные, геометризованный абрис крина слегка намечен (рис. 19: 1, 12) (1, VII, XIX, 1, 1, 5).

Экземпляры изклада в Старой Рязани 1868 г. оформлены в виде трилистника, стилизованного под ребристый орнамент (1 экз. условно, точное количество неизвестно, серебро с позолотой) (рис. 19: 2) (1, VII, XIX, 6, 1).

У двух экземпляров изклада в Мартыновке Киевской губ., 1886 г. — стебель кринообразной фигуры удлинен (рис. 19: 3) (1, VII, XIX, 3, 1).

У двух экземпляров из Старой Рязани из находок при охранных раскопках 1992 г. на Южном городище — боковые листья крина утолщены, оформлены в виде округлых фигур, а центральный — полукруглым выступом (рис. 19: 4) (1, VII, XIX, 2, 1).

Вариант 2 — в виде половины трилистника, угловая (20 экз., серебро) изклада в Киеве в Михайловском монастыре, 1903 г. (рис. 19: 5) (2, VII, XIX, 2, 1).

Вариант 3 — четырехконечная с трилистником на каждом конце (3 экз., серебро с позолотой) изклада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 19: 6) (1, VII, XIX, 3, 1).

Вариант 4 — двухконечная угловая с половинками крина на каждом конце, расположенными под прямым углом друг к другу (3 экз. и фрагменты, серебро с позолотой) изклада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 19: 7) (1, VII, XIX, 4, 1).

Вариант 5 — в виде трилистника в центре и двух растительных завитков по сторонам, с нижней частью, оформленной в виде двух побегов, обрисовывающих листовидную прорезь (6 экз., серебро с позолотой) из Княжеской Горы (рис. 19: 8) (1, VII, XIX, 5, 1). Бляшки предназначены для парного нашивания, так что нижние части смыкаются, образуя тонкий длинный просвет.

Вариант 6 — в виде крина на основании из двух полукринов (сохранилась фрагментарно) (1 экз., серебро с позолотой) изклада

в Старой Рязани 1868 г. (рис. 19: 13) (1, VII, XIX, 6, 1).

Вариант 7 — кринообразно-крестообразная (1 экз., серебро с позолотой) изклада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 19: 13) (1, VII, XIX, 7, 1).

Вариант 8 — кринообразно-завитковая (2 экз., серебро с позолотой) изклада в Московском Кремле 1988 г. (1, VII, XIX, 8, 1).

Отдел 2 (10 экз.).

Вариант 1 — в виде трилистника с прямоугольной прорезью (1 экз., золото) изклада в Старой Рязани 1822 г. (рис. 19: 9) (2, VII, XIX, 1, 1).

Вариант 2 — в виде пятиугольника с пятиугольной прорезью, конец оформлен в виде кринообразно-завитковой фигуры (8 экз., серебро с позолотой) изклада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 19: 10) (2, VII, XIX, 2, 1).

Вариант 3 в виде плетеной фигуры с трилистником на вершине (1 экз., серебро) из Старой Рязани, раскоп № 28, Северное городище (рис. 19: 11) (2, VII, XIX, 3, 1).

Стилистика

Среди обширного материала нашивных бляшек выделено наибольшее по сравнению с другими категориями количество стилистических групп. При этом учтена как форма бляшек, так и их орнаментация.

1. Первая стилистическая группа объединяет гладкометаллические бляшки правильных геометрических очертаний, как сплошные, так и прорезные. Сюда относятся:

— квадратные бляшки **отдела 1, типа I, варианта 1; отдела 2, варианта 1 и 4** (рис. 14: 1, 6—8);

— прямоугольные бляшки **отделов 1 и 2, типа II, вариантов 1** (рис. 15: 1—5; 9, 20);

— ромбические, треугольные, в виде параллелограмма и его частей, многоугольные, в виде соединенных прямоугольников и треугольников, трапециевидные — **отдела 1, типов III, VI, X варианта 1 в каждом типе; отделов 1 и 2 типа VIII варианта 1 и 2**, по отдельным признакам — **типа VI, вариантов 1 и 2** (рис. 16: 1—9);

— круглые и овальные **отделов 1 и 2, типов XI и XII, вариантов 1** в каждом типе и отделе; **отдела 2, типа XI, варианта 2** (рис. 17: 1—9).

2. Вторая стилистическая группа объединяет гладкометаллические бляшки близких к геометрическим очертаний: миндалевидные, каплевидные, сердцевидные, лепестковые, листовидные. Сюда относятся бляшки **отдела 1, типов XIII—XVIII, вариантов 1** в каждом типе; **отдела 2, типа XV и XVII, варианта 1** (рис. 18: 1—12, 15—17).

3. *Третья стилистическая группа* объединяет бляшки правильных геометрических очертаний с разделением на геометрические зоны с помощью ребристых поясков или жемчуга. Сюда относятся бляшки **отдела 1, типа I варианта 2; типа II, вариантов 7—9; фрагмент бляшки отдела 2, варианта 4** (рис. 14: 2; рис. 15: 14, 15).

4. *Четвертая стилистическая группа* объединяет геометрические бляшки с рельефным орнаментом геометрического характера. Сюда относятся круглые бляшки **отдела 1, типа XI, вариантов 2 и 3** (рис. 17: 10, 11).

5. *Пятая стилистическая группа* объединяет бляшки геометрических форм с завитковым орнаментом. Сюда относятся: квадратные бляшки **отдела 1, типа I, вариантов 3 и 5, отдела 2, вариантов 1—3** (рис. 14: 3, 4, 9, 10).

6. *Шестая стилистическая группа* объединяет бляшки геометрических форм или близких к ним с орнаментом из рельефных долей (ребристым). Сюда относятся:

— прямоугольные бляшки **отдела 1, типа II, вариантов 2 и 3** (рис. 15: 6—8, 12).

— четырехугольные бляшки **отдела 1, типов IV и V, вариантов 1** в каждом типе (рис. 16: 12, 13).

7. *Седьмая стилистическая группа* объединяет бляшки, переходящие от ребристого орнаментального оформления к растительному как в форме самой бляшки, так и в рельефной орнаментации. Сюда относятся четырехлепестковые бляшки **отдела 1, типа I, варианта 4 и типа XVII, варианта 2; кринообразная бляшка отдела 1, типа XIX, варианта 1** (рис. 14: 5; рис. 18: 13, 14; рис. 19: 2).

Несколько *стилистических групп* выделяется среди бляшек **геометрических форм или близких к ним** с растительным (кринообразным) орнаментом, как рельефным, так и прорезным.

8. *Восьмая стилистическая группа* объединяет бляшки геометрических форм со схематичной, геометризованной растительной орнаментацией. Сюда относятся прямоугольные, **отдела 1, типа II, варианта 6; треугольные типа VI, варианта 3; круглые типа XI, варианта 4; отдела 2, типа II, варианта 2** (рис. 15: 13, 17; рис. 17: 12).

9. *Девятая стилистическая группа* объединяет бляшки геометрических форм с правильными пропорциями растительных фигур в орнаментации. Сюда относятся прямоугольные бляшки **отдела 1, типа II, варианта 5 и отдела 2, вариантов 4 и 5; отдела 2, типа VI, варианта 1** (рис. 15: 11, 18).

10. *Десятая стилистическая группа* объединяет бляшки геометрических форм с утрированным кринообразным орнаментом

(удлинение и неестественная изгибистость побегов). Сюда относятся прямоугольные бляшки **отдела 1, типа II, варианта 6 и отдела 2 варианта 3** (рис. 15: 13, 19).

11. *Одиннадцатая стилистическая группа* объединяет бляшки геометрических форм или близких к ним с утрированным утолщением кринообразных элементов и введением дополнительных орнаментальных элементов (например, вазонов). Сюда относится миндалевидная бляшка **отдела 2, типа XIV, варианта 1** (рис. 18: 5).

12. *Двенадцатая стилистическая группа* объединяет бляшки геометрических форм с плетеным орнаментом. Сюда относятся прямоугольные бляшки **отдела 1, типа II, варианта 4** (рис. 15: 10).

Несколько стилистических групп выделяется среди бляшек кринообразных форм.

13. *Тринадцатая стилистическая группа* объединяет бляшки кринообразных форм с геометризованным и схематическим построением крина. Сюда относятся бляшки **типа XIX, отдела 1, варианта 1, 7, 8 и отдела 2, вариантов 1 и 2** (рис. 19: 1, 2, 9, 10, 12).

14. *Четырнадцатая стилистическая группа* объединяет бляшки кринообразных форм с естественными пропорциями. Сюда относятся бляшки **типа XIX, отдела 1, вариантов 2—4, 6** (рис. 19: 5—7, 13).

15. *Пятнадцатая стилистическая группа* объединяет бляшки кринообразных форм с удлиненным изображением растительных фигур. Сюда относятся бляшки **типа XIX, отдела 1, вариантов 1 и 5** (рис. 19: 3, 8).

16. *Шестнадцатая стилистическая группа* объединяет бляшки кринообразных форм с утрированным, утолщенным изображением растительных фигур и введением дополнительных элементов. Сюда относится бляшка **типа XIX, отдела 1, варианта 1** (рис. 19: 4).

17. *Семнадцатая стилистическая группа* объединяет бляшки кринообразных форм в сочетании с плетеным орнаментом — сюда относится бляшка **отдела 2, типа XIX, варианта 1** (рис. 19: 11).

При рассмотрении типологии и выделении типологических групп можно заметить, что многие простые сплошные бляшки геометрических форм часто остаются без рельефной орнаментации. Рельефный орнамент, присутствующий на некоторых из них, также, как правило, отличается геометризмом. Но бляшки с прорезями включают в себя композиции более развитых стадий растительного орнамента. Итогом развития являются бляшки кринообразных форм, освобождающиеся от геометризма.

Костюм, ткань которого украшалась тисненными бляшками, мог сочетаться и с уборами других техник, в том числе и с эмалевым парадным: многие бляшки позолочены. Нашивные бляшки, наиболее многочисленная категория среди тисненых изделий, также стали одной из основных составляющих тисненого убора.

VIII. Пуговицы

В домонгольский период пуговицы использовались не только и не столько для застегивания, сколько для дополнительной орнаментации других украшений. В X—XI вв. шарообразными или грушевидными подвесками украшались гроздевидные наушницы и височные бусинные кольца (Жилина 2005: 76—78). Вкладах XII—XIII вв. имеются и пуговицы для застегивания одежды, в редких случаях найденные вместе с ней.

Типология

В данном разделе учтено 10 экз. пуговиц из состава кладов¹⁰. Более ранними, вероятно, следует считать крупные сферические пуговицы-подвески (рис. 20: 1). Наиболее распространенной в последующее время была грушевидная форма пуговиц, она бытовала очень длительно — с XI по XV вв. (Седова 1981: 154, 155, рис. 61: 3—7).

Тип I: сферические.

XI — начало XII вв.

Вариант 1 — бусинные гладкие на проволочном ушке (1 экз., серебро) изклада в Белогостицком монастыре под г. Ростовом Ярославской обл. 1836 г. (VIII, I, 1, 1) (рис. 20: 1).

Вариант 2 — биконические, гладкие, с орнаментацией зернью в нижней части (2 экз., серебро) изклада во Владимире 1837 г. (VIII, I, 2, 1) (рис. 20: 2).

XII — первая треть XIII вв.

Тип II — грушевидные.

Вариант 1 — гладкие (5 экз., медь с позолотой) изклада в Киеве в Михайловском монастыре 1903 г. и во Владимире 1837 г. В киевском кладе сохранились пришитыми к вороту, вышитому золотной нитью (VIII, II, 1; 1, 2) (рис. 20: 3).

Тип III — полусферические.

Вариант 1 — с изображением розетки и завитками (2 экз., бронза) изклада в д. Дягунино, Зубцовского у. Тверской обл., 1893. (VIII, III, 1, 1).

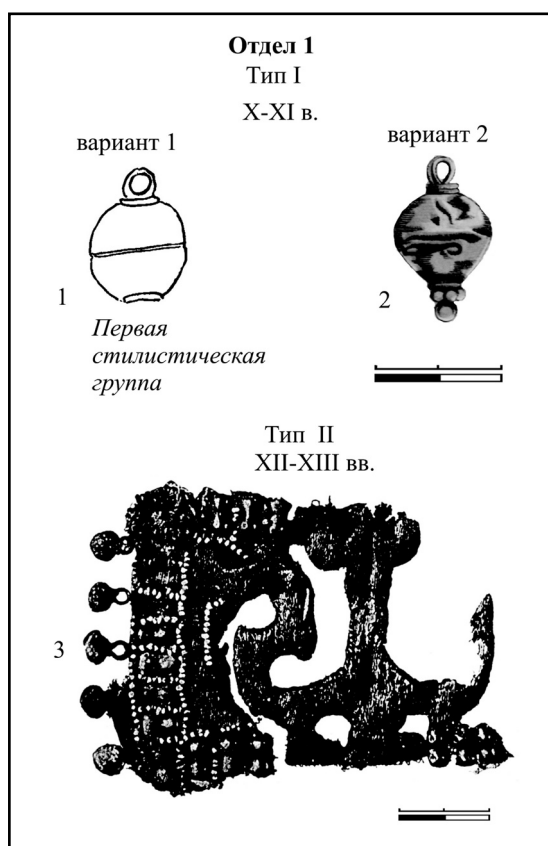

Рис. 20. Типология и стилистика пуговиц: 1 — Белогостицкий монастырь под г. Ростовом Ярославской обл., 1836 (VIII, I, 1, 1); 2 — Владимир, 1837 (VIII, I, 2, 1); 3 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 (VIII, II, 1; 1, 2).

Стилистика

Пуговицы относятся к двум стилистическим группам.

1. Первая стилистическая группа объединяет гладкометаллические пуговицы: **Тип I, вариант 1; Тип II, вариант 1.**

2. Вторая стилистическая группа объединяет пуговицы с рельефным геометрическим орнаментом: **Тип III, вариант 1.**

Пуговицы мало представлены вкладах последней хронологической группы, видимо, в связи с тем, что в них мало и самой одежды. Типологически мало разнообразные, пуговицы, тем не менее, входили в ансамбль с нашивными бляшками. К сожалению, только по описанию известна их орнаментация в растительном и завитковом стилях. Наиболее распространенным способом их орнаментации было фоновое рифление.

IX. Матрицы

Типология

Наличие находок матриц дополняет информацию о тисненых изделиях.

Нумерация типов и вариантов матриц совпадает с нумерацией типов и вариантов общей типологии тех изделий, для изготовления

¹⁰ Следует оговориться, что по технике изготовления не все пуговицы являются тисненными, есть и литые. В данном случае имеет смысл рассмотреть их в рамках общей типологии, поскольку в целом материал пуговиц вкладах XI—XIII вв. невелик.

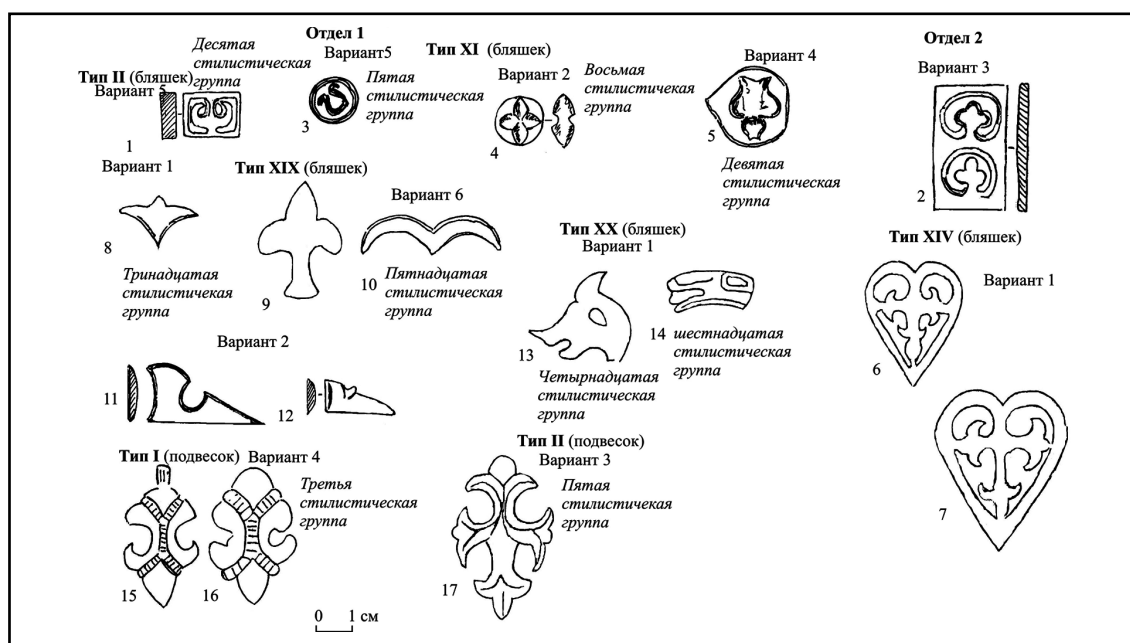

Рис. 21. Типология матриц для тисненых изделий: 1, 2, 6, 7, 11, 13, 17 — Старая Рязань, раскоп № 17, Южное городище (1, IX, II, 5, 1) (2, IX, II, 3, 1) (2, IX, XIV, 1, 1) (1, IX, XIX, 2, 1) (1, IX, XX, 1, 1) (для подвесок — IX, II, 3, 1); 3, 8, 9, 14 — Старая Рязань, из раскопок А. Л. Монгайта, место находки не уточнено (IX, XI, 5, 1) (1, X, XIX, 1, 1, 2) (1, IX, XX, 1, 2); 4, 12 — Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 13 (1, IX, XI, 2, 1) (1, IX, XIX, 2, 2); 5 — Старая Рязань, раскоп № 7, Южное городище (IX, XI, 4, 1); 10 — Старая Рязань, Северное городище (1, IX, XIX, 6, 1); 15 — Сахновка (для подвесок IX, I, 4, 2); 16 — из коллекций б. Румянцевского музея (для подвесок IX, I, 4, 1).

которых они предназначены, или продолжает ее, если данные типы и варианты среди изделий не представлены.

Всего учтено 17 матриц. Матрицы изготовлены из бронзы. Подавляющее большинство их найдено в Старой Рязани.

Матрицы для нашивных бляшек.

Отдел 1.

Тип II — прямоугольные.

Вариант 5 — с изображением кривого выгукло и фоном углубленно — (1 экз.) из Старой Рязани, раскопа № 17 Южного городища (рис. 21: 1) (IX, II, 5, 1). В.П. Даркевич указал на аналогию этой матрицы и бляшки старорязанского клада 1868 г. (Даркевич, Борисевич 1995: 191, 192, табл. 61: 6). Однако, следует отметить, что орнамент матрицы несколько отличен в деталях.

Отдел 2.

Тип II — прямоугольные.

Вариант 3 — с двумя трилистными кривыми — (1 экз.) из Старой Рязани, раскоп № 17 Южного городища (рис. 21: 2) (IX, II, 3, 1) В.П. Даркевич указал на аналогию матрицы и бляшки из старорязанского клада 1868 г. (Даркевич, Борисевич 1995: 191, 192, табл. 61: 3). Следует отметить, что орнамент матрицы проще.

Отдел 1 — сплошные.

Тип XI — круглые.

Вариант 2 — дисковидной формы с углубленным изображением четырехлепестковой розетки (1 экз.) из Старой Рязани, Южное

городище, раскоп № 13 (рис. 21: 4) (IX, XI, 2, 1). Предназначена для изготовления двусторонней детали, возможно, подвесной бляшки к рясам.

Вариант 4 — с углубленным изображением кривого (1 экз.) из Старой Рязани, раскоп № 7, Южное городище (рис. 21: 5) (IX, XI, 7, 1).

Вариант 5 — с завитковым орнаментом (1 экз.) из Старой Рязани, раскопки А.Л. Монгайта, место находки не уточнено (рис. 21: 3) (IX, XI, 5, 1).

Тип XIV — миндалевидные.

Отдел 2.

Вариант 1 — с трехконечной растительной фигурой с завершенными кривыми концами (2 экз.) из Старой Рязани, раскопа № 17 Южного городища (рис. 21: 6, 7) (IX, XIV, 1, 1).

В.П. Даркевич указал на аналогию матриц и бляшки клада 1822 г. (Даркевич, Борисевич 1995: 191, 192, табл. 54: 7, 61: 2). Но матрицы демонстрируют иной стилистический вариант по сравнению с бляшкой клада: на них кривообразные элементы геометричны, стебли слегка удлинены, а на бляшке наблюдаются удлиненные изгибы побегов и элементы пышного стиля. Таким образом, матрицы показывают опущенную материалом украшений стилистическую стадию.

Отдел 1 — сплошные.

Тип XIX — кривообразные.

Вариант 1 — в виде трилистной кривообразной фигуры — (2 экз.) из Старой Рязани,

из раскопок А.Л. Монгайта (рис. 21: 8, 9) (1, IX, XIX, 1; 1, 2). Форма одной из матриц аналогична нашивной бляшке из клада в Мартыновке Киевской губ., но трилистник на матрице имеет более правильные пропорции.

Вариант 2 — в виде половины трилистной кринообразной фигуры (2 экз.) из Старой Рязани, раскопок № 13 и 17 Южного городища (рис. 21: 11, 12) (1, IX, XIX, 2; 1, 2).

Вариант 6 — в виде двулистной фигуры (1 экз.) из Старой Рязани, с Северного городища (рис. 21: 10) (1, IX, XIX, 6, 1).

Тип XX — ооморфные.

Вариант 1 — в виде головы зверя удлинённых пропорций с миндалевидными глазами и с раскрытой пастью (2 экз.) из Старой Рязани, раскопа № 17 Южного городища и из раскопок А.Л. Монгайта (рис. 21: 13, 14) (1, IX, XX, 1; 1, 2).

Матрицы для кринообразных подвесок к ожерелью.

Тип I — для подвесок в форме трилистника.

Вариант 4 — боковые части удлинены и слегка изогнуты и разделены полосой с ребристым орнаментом (2 экз.) — из коллекций б. Румянцевского музея неизвестного происхождения и из с. Сахновка Киевской губ. (рис. 12: 7, 8) (рис. 21: 15, 16) (1, IX, I, 4; 1, 2). Геометризованный стиль.

Подвески, изготовленные с помощью подобных матриц, имеются во многих кладах. Наиболее близки шесть золотых подвесок из клада в Сахновке 1900 г. (V, I, 4, 1).

Тип II — в виде крестообразно-криновидной фигуры.

Вариант 3 — с удлинённым нижним концом и удлинёнными, утолщёнными и изогнутыми нижними листьями боковых трилистников, концы нижнего и боковых трилистников сближены (1 экз.) — из Старой Рязани, раскопа № 17 Южного городища (рис. 21: 17) (1, IX, II, 3, 1). Утрированно-растительный стиль.

Эти матрицы аналогичны подвескам из клада в с. Кресты Тульской обл. и из клада в Киеве на ул. Трёхсвятительской, 1949 г. (VI, II, 3, 1—3).

Стилистика. Матрицы подразделяются на те же стилистические группы, что и соответствующие им подвески и бляшки.

Матрицы для бляшек:

— к пятой стилистической группе геометрических форм с завитковым орнаментом относится круглая матрица **отдела 1, типа XI, варианта 5** (рис. 21: 3).

— к восьмой стилистической группе геометрических форм или близких к ним с гео-

метризованным изображением растительных орнаментальных элементов относится двусторонняя круглая матрица **отдела 1, типа XI, варианта 2** (рис. 21: 4).

— к девятой стилистической группе геометрических форм или близких к ним с естественным изображением растительных орнаментальных элементов относится округлая матрица **отдела 1, типа XI, варианта 4** (рис. 21: 5); **отдела 2, типа II, варианта 3** (рис. 21: 2) и **типа XIV, варианта 1** (рис. 21: 6, 7).

— к десятой стилистической группе геометрических форм с утрированно-удлинённым изображением растительных орнаментальных элементов относится матрица **отдела 1, типа II, варианта 5** (рис. 21: 1).

— к тринадцатой стилистической группе кринообразных форм с геометризованным и схематическим построением крина относятся матрицы **типа XIX, отдела 1, вариантов 1, 2** (рис. 21: 8, 11, 12).

— к четырнадцатой стилистической группе с естественным построением кринообразных фигур условно отнесена матрица с зооморфным изображением с кринообразной стилизацией **типа XX, отдела 1, варианта 1** (рис. 21: 13).

— к пятнадцатой стилистической группе кринообразных форм с утрированно-удлинённым изображением растительных фигур и других элементов относятся матрицы **типа XIX, отдела 1, вариантов 1, 6** (рис. 21: 9, 10); условно сюда отнесена матрица с зооморфным изображением **типа XX, отдела 1, варианта 1** (рис. 21: 14).

Матрицы для подвесок:

— к третьей стилистической группе с частичным сохранением разделительных ребристых поясков и более естественными очертаниями листьев относятся матрицы **типа I, варианта 4** (рис. 21: 15, 16).

— к пятой стилистической группе с неестественным удлинением и изгибистостью отдельных деталей кринообразных фигур относится **матрица типа II, варианта 3** (рис. 21: 17).

Итак, в результате выделены типологические и стилистические группы тисненных украшений. Типологические серии, выстроенные стилистическими группами в эволюционные ряды, являются основой для конкретной работы по реконструкции вариантов убора. Изделия, относящиеся к одной и той же стилистической группе внутри одной категории, далее будут рассматриваться как датируемые комплексы. Следующей задачей является выделение и датирование стилей.

Глава 3. Общая стилистическая характеристика тисненых изделий

Данная глава ставит цель определения стилей для искусства тиснения и их относительной хронологической расстановки. Основой для этого является дробное выделение стилистических групп в главе 2, произведенное конкретно для каждой категории. Бытование любой категории отличается своеобразными чертами, они связаны со спецификой формы вещи, ее конструктивными и типологическими связями с определенным набором предметов. Поэтому и набор стилистических групп у различных категорий также оказался несколько разным, хотя изделия объединялись в группы по одним и тем же принципам. Стилистическое развитие различных категорий тисненых изделий отражает одни и те же закономерности.

1. Выделение стилей

Общие закономерности выступают еще более явно на основании выделения стилей. При этом опускаются сугубо конкретные особенности категорий, наблюдаемые по их стилистическим группам. Характеристика стиля вбирает в себя признаки стилистических групп и обобщает их. Выделенные стили обнаруживают параллели со стилистическим развитием произведений прикладного и ювелирного искусства других техник.

Стили выделяются по формальным характеристикам основных орнаментальных элементов и их композиций. В дополнение к характеристикам, важным для выделения стилистических групп, при выделении стиля приоритет отдается анализу общей орнаментальной композиции изделия и способам ее создания. Для украшений металлического убора орнаментальная композиция главным образом выражается в орнаментальном членении изделия или разделении его на орнаментальные зоны.

Ощутимую долю в орнаментике тисненых изделий имеют геометрические орнаментальные элементы, хотя в основном для тиснения характерна разработка растительного орнамента. Роль главной орнаментальной формы или элемента играет трехлепестковая фигура трилистника (крина), использованная в различных комбинациях. В других видах древнерусского ювелирного и прикладного искусства растительный (кринообразный) орнамент также распространен и обнаруживает сходные закономерности.

Каждый раздел, посвященный стилю, начинается с его характеристики. В таблицы,

характеризующие стиль, включены наиболее типичные для него примеры из тисненых изделий. Все относящиеся к стилю изделия перечислены в конце раздела, посвященного стилю.

1. Геометрический стиль (рис. 22).

Общая конфигурация изделия, а также орнаментальные элементы и их композиция строятся, исходя из простых геометрических форм или их сочетаний (плоскостных — квадрат, ромб, прямоугольник, параллелепипед, треугольник, круг, эллипс и т. д.; объемных — шар, полусфера и т. д.). Сочетания прямых и кривых линий дают такие плоскостные и объемные фигуры, как каплевидные, миндалевидные, сердцевидные, четырехлепестковые и т. д.

В составе изделий геометрического стиля много гладкометаллических украшений. Большую часть изделий составляют нашивные бляшки, выполненные в форме геометрических фигур. На одежде они располагались рядами, образуя поблескивающие бордюры и каймы, некоторые из них общей геометрической формой и формой внутренних прорезей приспособлялись к швам одежды и закреплению драгоценных камней и стразов.

К числу довольно редких проявлений геометрического стиля в тисненой рельефной орнаментации можно отнести бусины с рельефным ромбическим сетчатым орнаментом (без зерни).

Строгое геометрическое построение и орнаментацию имеют и наборные колодочки рясенцепей с разделяющими их ребристыми поясками, а также некоторые квадратные бляшки.

Геометрический орнамент более выигрывает для накладной зерни, техника тиснения обнаруживает тенденцию ухода от него.

К этому стилю можно отнести следующие изделия (рис. 22):

— нашивные бляшки типов **I—XV** (первая, вторая и третья стилистические группы; номера **вариантов** указаны в таблицах);

— бусины **типа I** (первая стилистическая группа);

— бусины **типа II, варианта 7** (четвертая стилистическая группа);

— наборные продолговатые колодочки для рясенцепей **подтипов I — IV, вариантов 1—5** (первая стилистическая группа);

— концевые треугольные и полуквадрифолиевые колодочки для рясенцепей **подтипа IV, вариантов 1, 2, 5** (первая стилистическая группа);

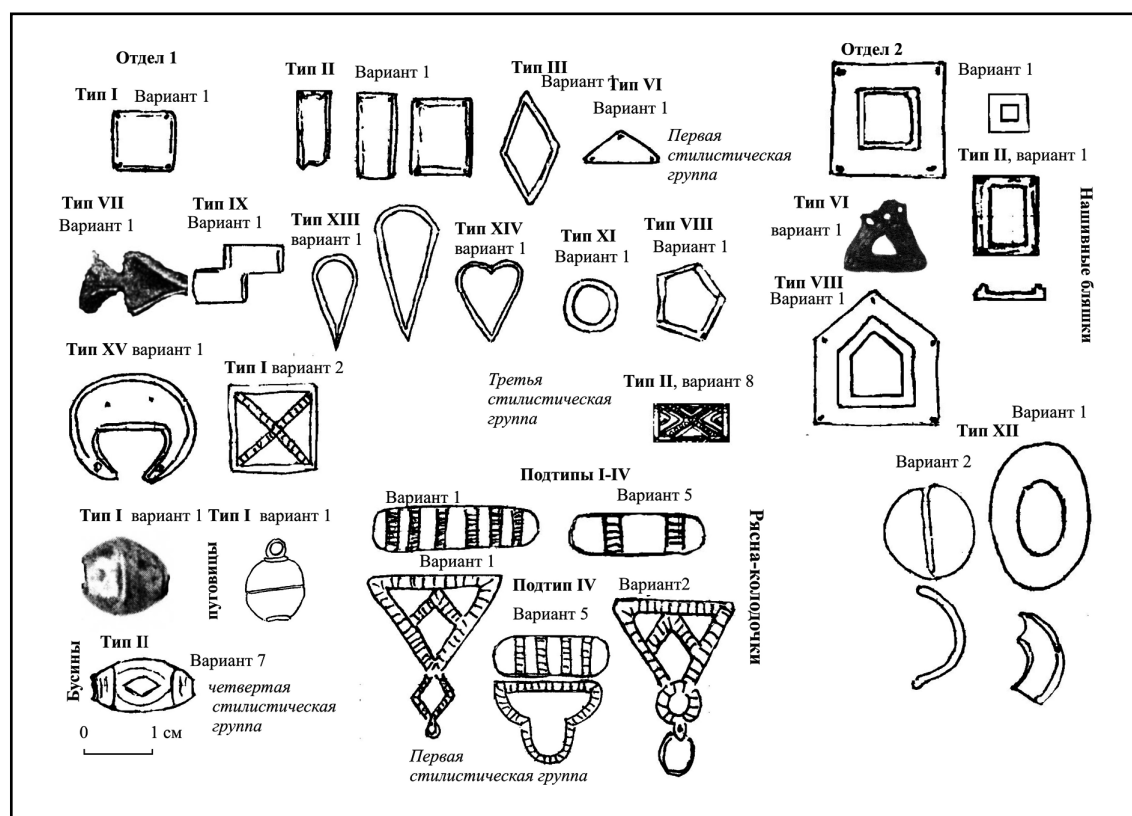

Рис. 22. Тисненые изделия геометрического стиля.

— подвески и детали диадем и сионцев **типов I—V** (*первая стилистическая группа*);
 — пуговицы **типа I, варианта 1** (*первая стилистическая группа*).

II. Рифленый стиль (рис. 23)

Данный стиль орнаментации преимущественно используется для создания фона. Ребристая поверхность увеличивает блистающий светотеневой эффект. Рифленая орнаментация обнаруживает несколько стилистических тенденций, показывающих связь тиснения со стилистическим развитием других техник.

Рифлением в основном орнаментируются изделия, игравшие служебную или второстепенную роль:

— нашивные бляшки **отдела 1, типа II, вариантов 2 и 3; типа IV и V, варианты 1** (*шестая стилистическая группа*); **типа XI, варианта 2** (*четвертая стилистическая группа*);

— тисненые рясна-цепи из пластинчатых звеньев для колтов (**тип III**);

— тисненые подпрямоугольные колодки рясен **типа II, подтипов I, III, IV, вариантов 13—20** (*вторая стилистическая группа*);

— бусины ожерелий **типа I и II, вариантов 2** (*вторая стилистическая группа*);

Некоторые изделия отражают тенденцию к **линейно-геометрическому стилю**, распространенному в искусстве зерни X—XI вв., сетчатые композиции можно считать более ранними, покрытие поверхности множеством линий можно рассматривать как более позднюю орнаментализацию:

— бусины ожерелий **типа II, вариантов 3—6** (*третья и четвертая стилистические группы*);

— нашивная бляшка **отдела 1, типа V**.

Тенденции к геометризму в технике тиснения не оказались главными. Более перспективную тенденцию обнаруживает группа изделий, где на основе рифления возникают «робки» растительные орнаментальные образования. По этой небольшой группе изделий можно наблюдать одну из предпосылок складывания растительного стиля.

— нашивные бляшки **отдела 1, типов XVII, варианта 2; типа XIX, варианта 6** (*седьмая стилистическая группа*); **типа I, варианта 4** (*десятая стилистическая группа*).

III. Завитковый стиль (рис. 24)

В наибольшей степени стиль характерен для филигранны, тиснение лишь отражает его. Завитковая форма орнаментальных элементов продиктована свойствами проволоки, за-

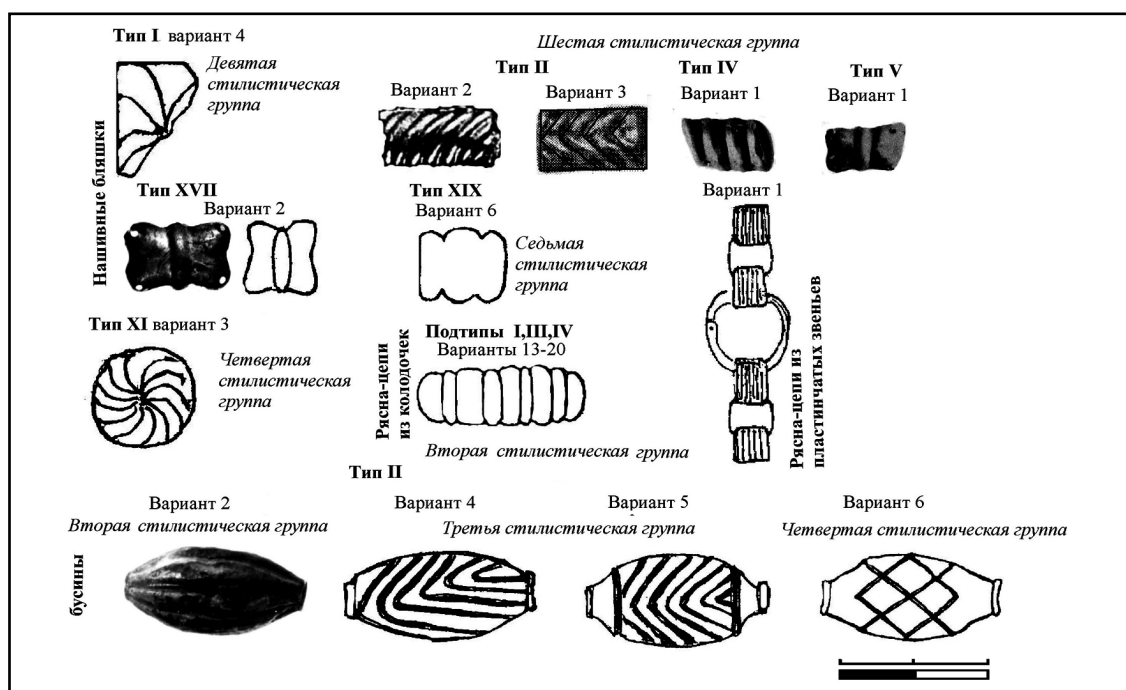

Рис. 23. Тисненые изделия рифленого (ребристого) стиля.

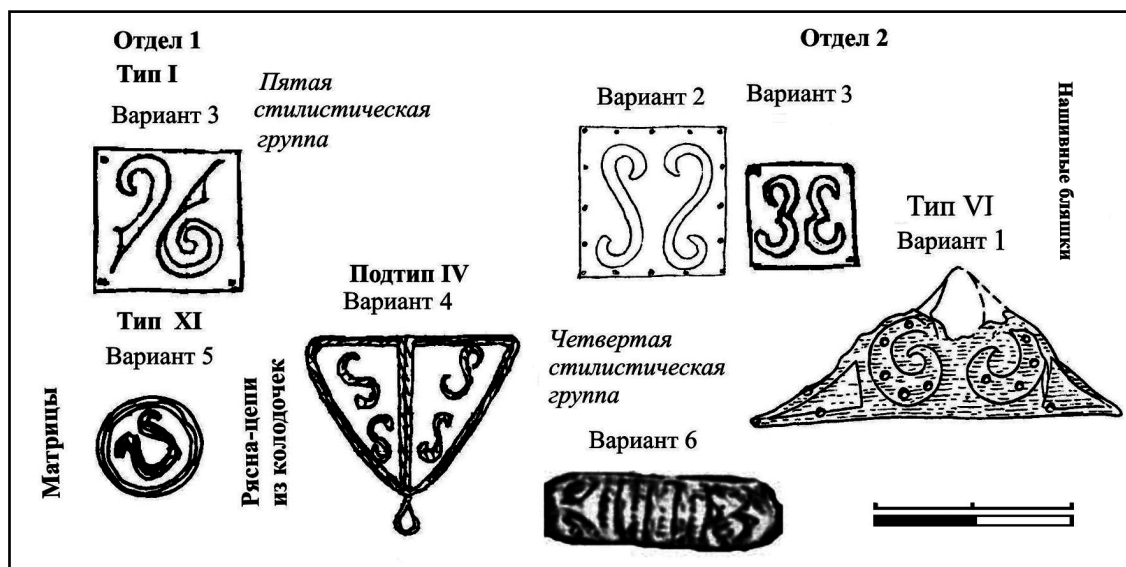

Рис. 24. Тисненые изделия завиткового стиля.

витки проникают в технику тиснения под влиянием сканных изделий. В тиснении преимущественно используются геометрические и бордюрные композиции из простых однооборотных завитков.

К этому стилю относятся немногочисленные тисненые изделия, в основном из числа нашивных бляшек геометрических форм.

Сюда относятся:

— нашивные бляшки **отдела 1, типа I вариантов 3, 5; отдела 2, типа I, вариантов 2 и 3 (пятая стилистическая группа);**

— матрица для нашивной бляшки **типа XI, варианта 5 (пятая стилистическая группа);**

— колодочки подтипа **IV, варианта 6 (четвертая стилистическая группа);**

— концевая треугольная колодочка **ряса-цепей подтипа II, варианта 4 с филигранными завитками (четвертая стилистическая группа).**

Последний пример особо показателен. Концевые колодочки рясен-цепей из клада в с. Городище Болоховской земли сочетают техники филигрании и тиснения. Это наглядно подтверждает связанность завиткового стиля в орнаментации тисненых изделий с искусством скани. Нашивные бляшки с завитковой орнаментацией должны были гармонировать с филигранной орнаментацией колтов и рясен.

Завитковые орнаменты в технике тиснения выполняются как рельефом, так и прорезью.

Однако будучи абсолютно «родными» технике филигранны, эти элементы не вполне органичны технике тиснения. Они не четко читаются на поверхности рельефных изделий, их контуры линейны и слишком тонки для тиснения, в прорезном варианте исполнения форма элементов подвержена деформации, так как края тонкой пластины загибаются. Этими обстоятельствами объясняется то, что в технике тиснения завитковая орнаментация распространена в целом довольно мало.

IV. Растительный (кринообразный) стиль (рис. 25—27)

Данный стиль использует форму растительных орнаментальных элементов: листья (или лепестки) и стебли. Исходный

мотив представляет собой росток цветка лилии, но в процессе орнаментализации его лепестки становятся похожими на листья. Из них складываются основные мотивы: ростков-трилистников (кринов), полутрилистников (полукринов), удвоенных или иначе умноженных трилистников. Не только мотивы и элементы орнамента, но и сама композиция продиктована растительным принципом, разделение композиции на зоны осуществляется, как правило, растительными орнаментальными элементами. Растительная орнаментация изначально могла не иметь осмысливаемого сюжета, а спорадически рождалась в процессе технического освоения нового материала. Но она становится благодатной почвой для различного рода семантических аналогий,

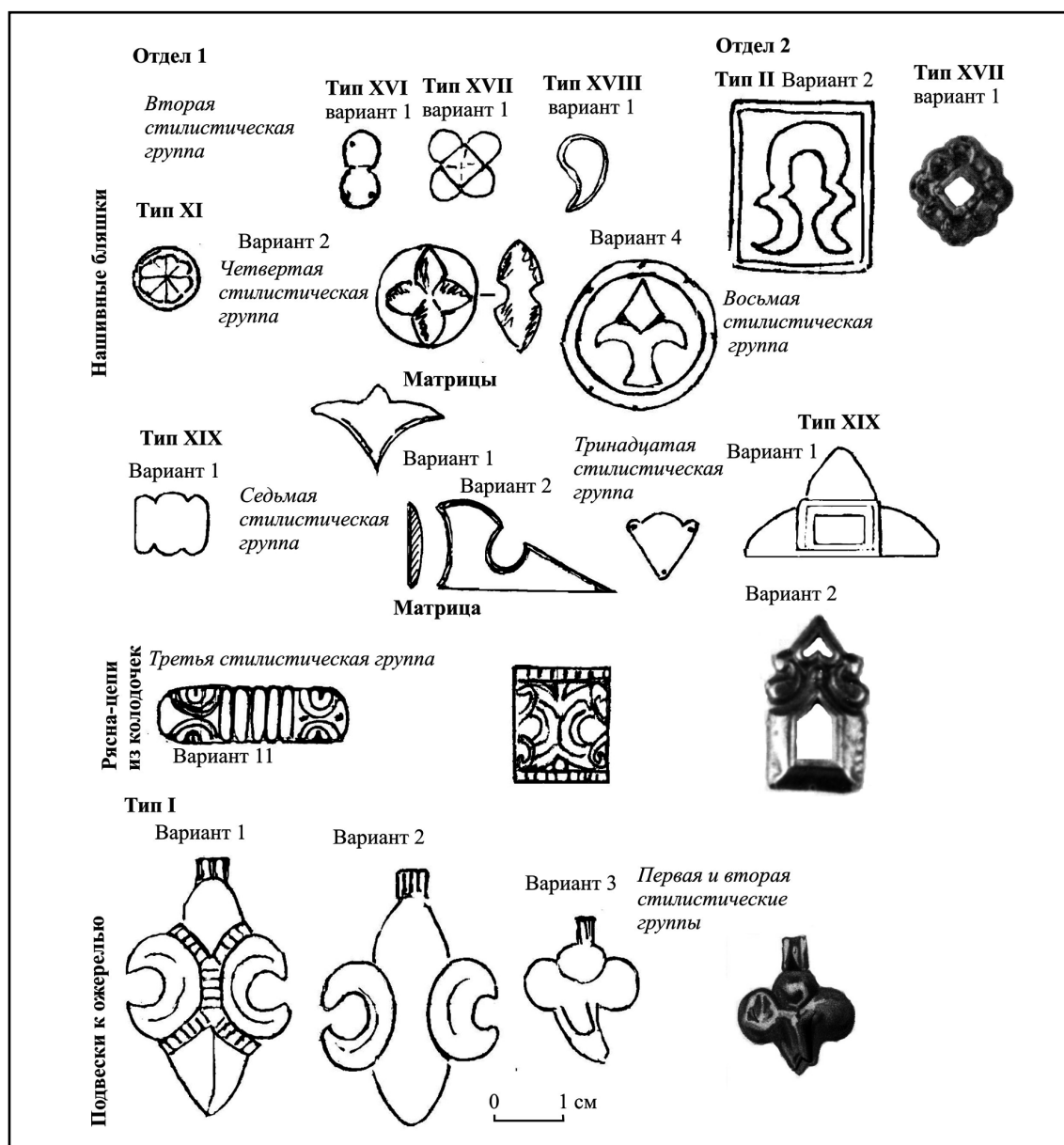

Рис. 25. Тисненные изделия геометризованной стадии растительного стиля.

связанных с процветанием, плодородием, благодатью, возвеличением и возвышением, а в христианстве — с праведностью и благословением жизни.

1) геометризованная стадия растительного стиля (рис. 25).

В орнаменте данной стадии четко проявляется геометричность построения композиции. Растительные элементы изделий имеют геометризованные схематизированные очертания, очерчиваются простыми геометрически правильными кривыми. Растительные элементы орнамента часто сочетаются с геометрическими фигурами, вписываясь в них: кругами, полукругами, четырех угольниками, сердцевидными элементами. Для подчеркива-

ния орнаментального членения часто используются рифленые («ребристые») бордюры.

Происхождение и стилистическое развитие орнаментов этой стадии в тиснении связаны со стилистикой перегородчатой эмали. Орнаментальный элемент в эмали исходит от первоначально геометричной формы ячейки, в которую вписываются кривые линии, очерчивающие все более естественные растительные орнаментальные элементы.

К данной стадии можно отнести тисненые изделия:

— нашивные бляшки **отдела 2, типа II, варианта 2** (восьмая стилистическая группа), **типа XIX, варианта 1 и 3** (тринадцатая стилистическая группа); **отдела 1, типа XI,**

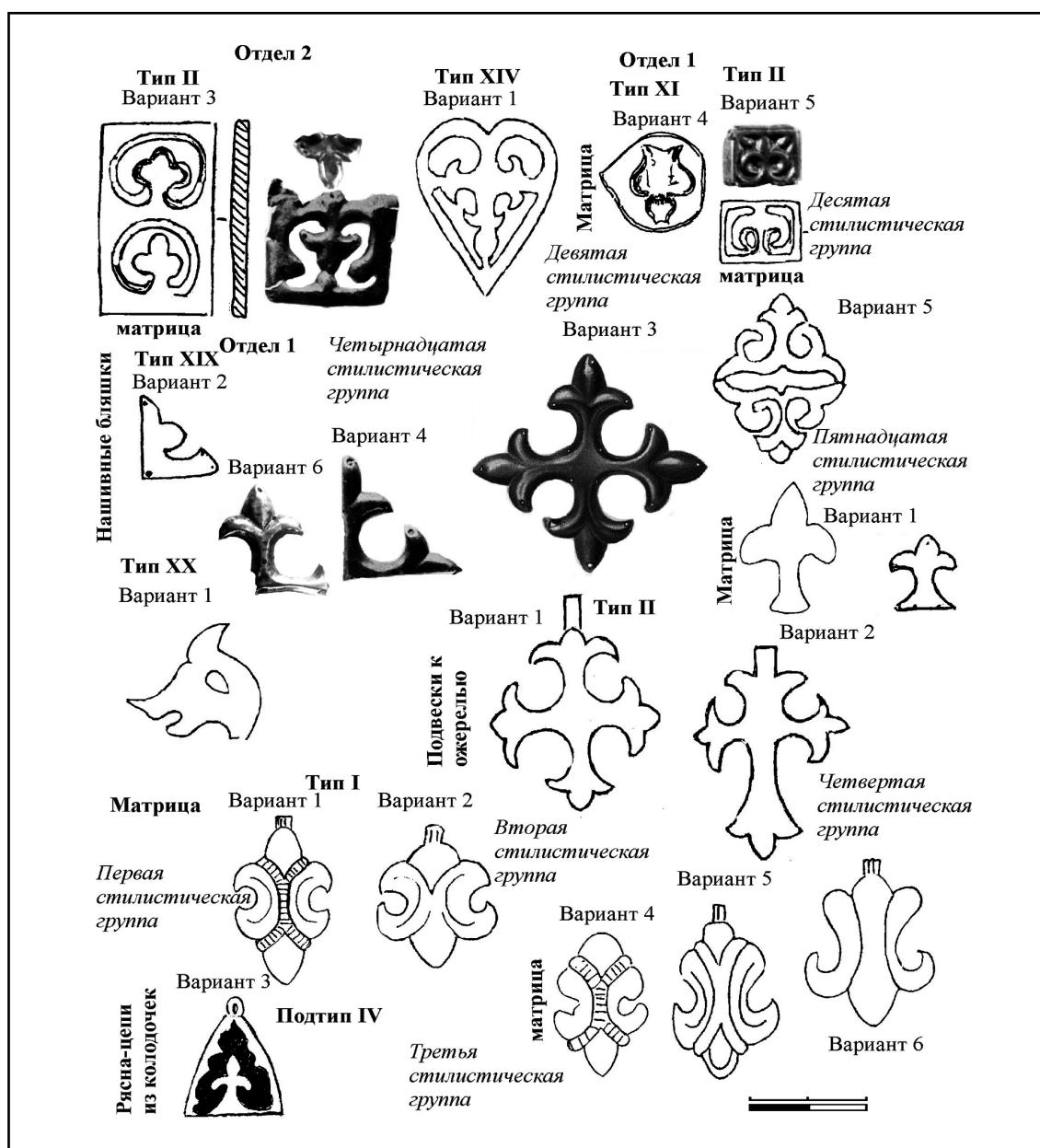

Рис. 26. Тисненые изделия естественной стадии растительного (кринообразного) стиля.

вариантов 3 и 4 (четвертая и восьмая стилистические группы, отделов 1 и 2, типов XVI—XVIII, вариантов 1 (вторая стилистическая группа);

— матрица для подвесной бляшки **типа XI, варианта 2 (четвертая стилистическая группа);** для нашивных бляшек **типа XIX, вариантов 1, 2 (тринадцатая стилистическая группа);**

— наборные колодочки **подтипов I—IV, вариантов 7—10 (третья стилистическая группа);**

— подвески к ожерелью **типа I, вариантов 1—3 (первая и вторая стилистические группы).**

2) естественная стадия растительного стиля (рис. 26).

Растительные элементы и мотивы второй стадии стиля имеют правильные очертания. Их можно расположить в диапазоне: от обрисованных геометрически правильными кривыми до обрисованных несколько более свободными очертаниями. На данной стадии используются в основном растительные элементы орнамента, геометричные бордюры не применяются или облегчаются. Растительные мотивы составляют основу общей формы изделия и основу орнаментальной композиции (членения на зоны). Основными орнаментальными мотивами являются трилистники, части, полученные их делением, и фигуры, полученные их умножением. Правильность (геометричность и симметричность построения композиции)

не подчеркивается специальным делением на зоны. Стебли и листья, как правило, сливаются в единые мотивы. На завершающих стадиях стиля наблюдается некоторое удлинение стеблей, как переход к следующей, *утрированно-растительной стадии*. Есть редкие примеры звериных мотивов, оформленных кринообразными орнаментальными элементами.

К данной стадии относятся следующие изделия:

— нашивные бляшки **отдела 2, типа II, варианта 3 (девятая стилистическая группа);** **отдела 1, типа II, варианта 5 (десятая стилистическая группа);** **типа XIX, вариантов 1—6; (четырнадцатая и пятнадцатая стилистические группы).**

— матрицы для нашивных бляшек **отдела 1, типа II, варианта 5 и типа XI, варианта 4 (десятая стилистическая группа);** **типа XIX, варианта 1 (тринадцатая стилистическая группа),** **типа XX, варианта 1 (четырнадцатая стилистическая группа);** **отдела 2, типа II, варианта 3, типа XIV, варианта 1 (девятая стилистическая группа);**

— подвески к ожерелью **типа I, вариантов 1, 2, 4—6 (первая-четвертая стилистические группы);** **типа II, варианта 1, 2 (вторая, четвертая стилистические группы);**

— матрица для подвесок к ожерелью **типа I, варианта 4 (третья стилистическая группа);**

— треугольные концевые колодочки **подтипа IV, варианта 3 (третья стилистическая группа);**

Кринообразные подвески к ожерелью естественной стадии растительного стиля — лучшая вершина искусства тиснения. Подвески лаконичны, достигают золотой середины между естественностью растительных элементов и правильностью (геометричностью) построения, между живостью передаваемых в металле растительных побегов и строгостью и твердостью самого металла, гладкостью и холодностью металлической поверхности. Орнаментально подвески аналогичны изделиям в технике перегородчатой эмали и черни, выполненным в кринообразном стиле. Эта стадия оптимально соответствует техническим и эстетическим возможностям тиснения.

3) утрированная стадия растительного стиля (рис. 27).

Растительные элементы на этой стадии приобретают изогнутые очертания, стебли и листья удлиняются, концы элементов иногда причудливо соединяются между собой; стебли могут быть выделены как отдельный орна-

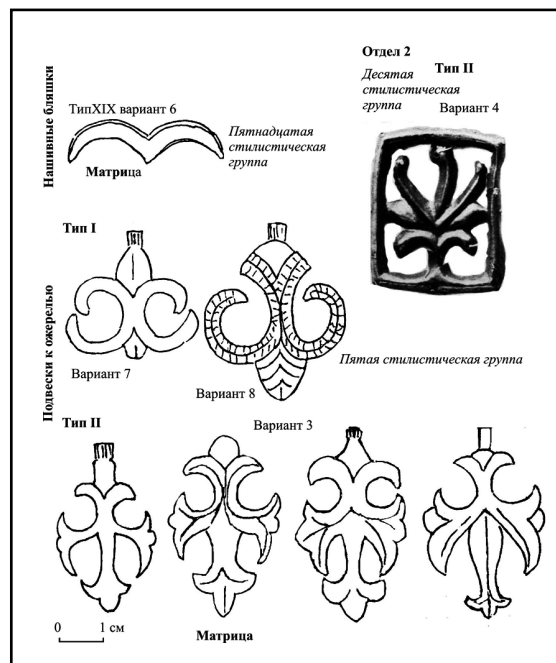

Рис. 27. Тисненные изделия утрированно-растительной стадии кринообразного стиля.

ментальный элемент и образовывать мотивы. Аналогичное стилистическое движение существует в перегородчатой эмали. Б. А. Рыбаков выразительно охарактеризовал это стилистическое явление на эмалевых колтах как «выгибасы» (Рыбаков 1987: 590, 591).

Из числа тисненых изделий к стадии утрированно-растительного стиля относятся:

— нашивные бляшки **отдела 1, типа II, варианта 6** (восьмая стилистическая группа), и **отдела 2, варианта 4**;

— матрица для нашивных бляшек **типа XIX, варианта 6** (пятнадцатая стилистическая группа);

— подвески **типа I, варианта 7**; подвески и матрица для подвесок **типа II, варианта 3** (пятая стилистическая группа).

V. Плетеный стиль (рис. 28)

Кринообразные элементы соединяются с плетением, иногда плетение подавляет их. Можно полагать, что этот стиль приходит в тиснение под воздействием черного искусства.

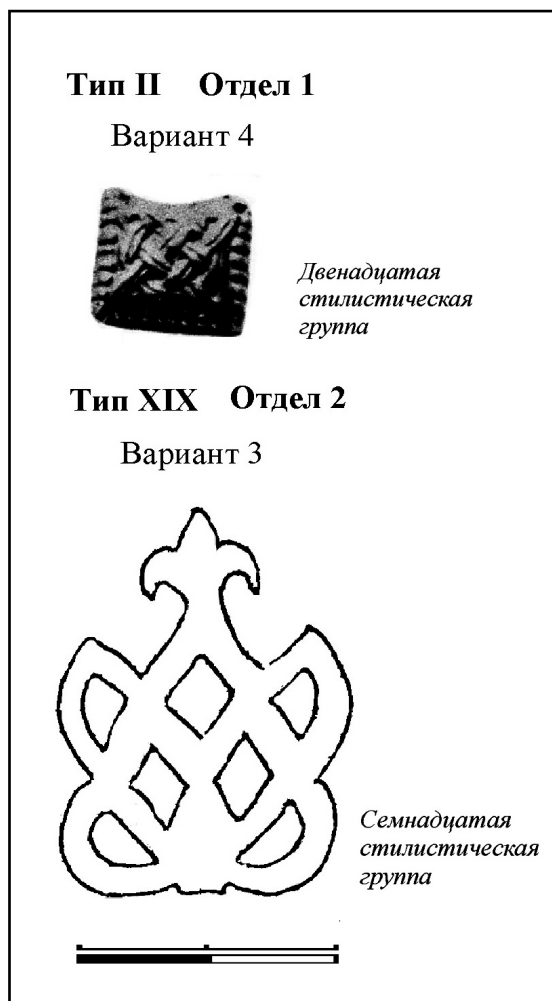

Рис. 28. Тисненые изделия плетеного стиля.

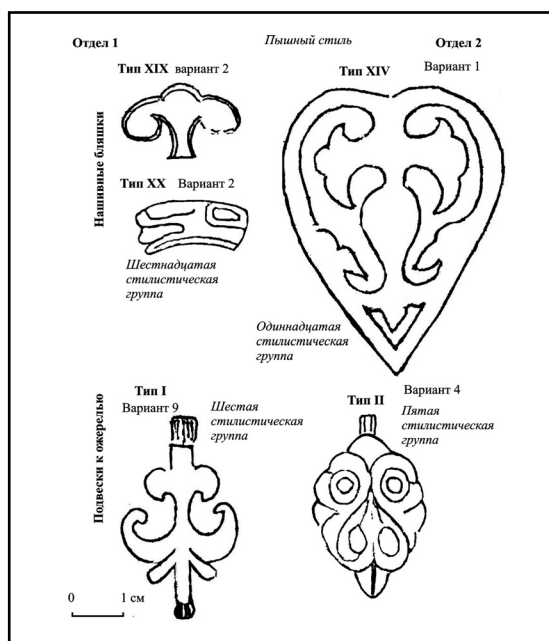

Рис. 29. Тисненые изделия пышного стиля.

К этому стилю можно отнести:

— нашивные бляшки **отдела 1, типа II, варианта 4** (двенадцатая стилистическая группа); **отдела 2, типа XIX, варианта 3** (семнадцатая стилистическая группа).

VI. Пышный стиль (рис. 29)

Данный стиль использует более разнообразный круг орнаментальных элементов: растительных, зооморфных, антропоморфных, архитектурных. Эти элементы соединяются в сложные орнаментальные мотивы, которые носят полиморфный характер (то есть, их нельзя конкретно определить как растительные, зооморфные или антропоморфные).

К этому стилю относятся:

— нашивные бляшки **отдела 1, типа XIX, варианта 1** и матрица **типа XX, варианта 1** (шестнадцатая стилистическая группа); нашивная бляшка **типа XIV, варианта 1** (одинадцатая стилистическая группа);

— подвески к ожерелью **типа I, вариантов 8, 9** (шестая стилистическая группа) и **типа II, вариантов 3, 4** (пятая стилистическая группа).

Изделия, выполненные в пышном стиле, или имеющие его признаки, немногочисленны. Использование дополнительных, иногда натуралистичных, элементов в орнаментальных композициях ювелирных изделий становится общим явлением в прикладном искусстве конца XII — первой трети XIII вв. В частности, это очень характерно для золотой филигранны, которая именно в пышном стиле достигает своих эстетических вершин (Жилина 2006а). Но для тиснения этот стиль также не вполне подходит, он перегружает тисненые изделия, лишая

их равновесия и выразительной лаконичности. Они становятся эклектичны.

В результате все рассмотренные тисненные изделия по формальным признакам отнесены к тому или иному стилю. Следующим шагом является создание ориентировочного представления об относительной хронологии выделенных стилей, а значит, и относящихся к ним изделий.

2. Логика стилистического развития искусства тиснения

Некоторые относительные хронологические ориентиры можно получить, рассматривая тот технический и художественный путь, который прошло ювелирное тиснение. Тиснение начинает работать с правильными геометрическими формами, поскольку история тиснения как технического приема начинается с создания корпуса украшений, форма которых подчиняется рациональным закономерностям построения — симметрии и равновесию. Моделируются в основном шарообразные, полусферические, кольцеобразные формы. Поэтому одним из наиболее ранних стилей является **геометрический стиль**.

Одним из древнейших приемов в технике тиснения было *рифление* (простейшая доленая ребристость), создание на поверхности волнообразного рельефа. Этот прием также исходит от технической необходимости создания рельефа для закрепления филигранных орнаментов при укладке, а также от создания объемно-фигурных деталей корпуса изделий. Но в итоге тиснение смогло показать, что волнистая или рельефная поверхность металла эстетична и орнаментальна сама по себе.

Использование рифления подходит для оформления фона, орнаментации служебных деталей убора и украшений, которые не должны бросаться в глаза. Поскольку техника тиснения нашла применение в основном в изготовлении именно таких деталей и украшений, **рифленный стиль** или **стиль рифления** выделен как один из специфических стилей тиснения.

Рифленный стиль, предпосылки которого зарождаются самим тиснением, также является одним из ранних. Постоянная потребность в орнаментальном оформлении фона, способность рифления сочетаться с украшениями разных стилей и техник обусловили длительность его использования.

Неразрывная связь с филигранью была свойственна тиснению на ранних этапах развития ремесла в X—XII вв. Поэтому проявление стилистических тенденций, связанных с воздействием скано-зерненого искусства на тисненное, следует относить к первым эта-

пам развития тиснения как самостоятельного орнаментального приема. Это позволяет отнести к числу ранних **завитковый** стиль, а также тенденции к **линейно-геометрическому** и **геометрическому** стилям в рамках **рифленого** стиля.

Развитие искусства тиснения и воздействие на него техники перегородчатой эмали приводят к воспроизведению в тиснении растительного, трехлепесткового, или кринообразного орнаментального элемента, создателем и носителем которого была византийская культура.

Гармоничный кринообразный орнамент, навевающий мысли о красоте и жизненной силе природы, в христианстве наполнился особым смыслом. Виноградная лоза воспринимается как символ Иисуса Христа. Стремительно процветающие вверх растения связываются с возвышающейся властвующей элитой, рыцарством, княжеством, небесным воинством — архангелами, а также — со святыми воинами-мучениками.

Таким образом, **растительный (кринообразный) стиль** можно считать логически вторым этапом развития тисненой орнаментики. Он появился и распространился на Руси после принятия христианства, приблизительно в XI в. (Василенко 1977: 114, 115). Внутри стиля выделяются три основных последовательных хронологических стадии: **геометризованная, естественная и утрированная**.

Наиболее ранние кринообразные орнаменты еще включают в себя геометрические элементы и бордюры, имеют выделенное геометрическое построение. Первую ступень составляет **геометризованная стадия**.

Позже геометризованные ребристые бордюры не используются, крины приобретают более «живой» и естественный характер. Эта стадия является апогеем развития не только растительного стиля в тиснении, но и тиснения как орнаментального искусства в целом. Вторая ступень стиля — это его **естественная стадия**.

Позднее растительные орнаменты приобретают излишнюю изгибистость, а естественные пропорции растительных фигур искажаются. Это свойственно третьей стадии растительного стиля — **утрированной**. На этой стадии продолжает наблюдаться связанность искусства тиснения со стилистическим развитием перегородчатой эмали.

Воздействие различных видов прикладного искусства и других тонких и сложных ювелирных техник — филигрании и черни — продолжает привносить в тиснение новые элементы, обогащает, но лишает целостности, придает эклектичность. Некоторые воздействия мож-

но считать отклонениями подражательного характера. В целом, восприятие стилистических явлений и элементов других техник пришлось на период расцвета древнерусского ремесла. Связанные с этими воздействиями стили — *плетеный* и *пышный* — относятся к последнему этапу домонгольского тиснения. *Плетеный стиль* проникает в тиснение под воздействием искусства черни. *Пышный стиль* следует относить к проявлению общего стилистического движения, связанного с русским прикладным искусством конца XII — первой трети XIII вв. Нарастание пышности

и натуралистичности можно наблюдать в каменной резьбе, технике золотой наводки и других видах искусства (Жилина 2006а). Можно предполагать, что для техники тиснения, связанной с обработкой металла, основным было воздействие филигранны.

Таким образом, мы получили логическое представление о последовательности стилистического развития искусства тиснения. Это представление должно быть сопоставлено с фактическими, археологическими и историческими датами, имеющимися для тисненых изделий и их аналогий.

Глава 4. Датирование тисненых изделий

Для датирования тисненых изделий важно учесть и сопоставить датировки выделяемых типологических единиц и стилистических явлений.

Для итоговой хронологической расстановки изделий воспользуемся двумя основными путями, дополняющими друг друга:

1) приведение датированных стилистических общих аналогий по материалу других видов древнерусского прикладного искусства (для датирования стилей тиснения);

2) учет археологически зафиксированных конкретных аналогий с твердой датой (для датировки типологических единиц и стилистических вариантов).

Оба пути помогут датировать обрисованные выше типологические ряды тисненых изделий абсолютно. Абсолютную датировку при этом, конечно, не следует считать незыблемой, она может и должна быть уточнена новыми данными.

1. Кривообразный орнамент в искусстве Византии и Древней Руси, стилистические аналогии тисненым изделиям

Основной период внедрения византийской орнаментальной культуры в древнерусское ювелирное дело относится к XI в. Русь одновременно знакомится со спектром орнаментов разных стилистических и хронологических вариантов. Некоторые техники, в силу объективных возможностей расположенные к жесткости и прямолинейности изображений, дольше продолжают использовать стилистически ранние геометризованные орнаменты. Наблюдение за использованием растительного (кривообразного) орнамента в средневековой живописи (мозаике, фреске, книжной

миниатюре), а также в прикладном искусстве (гравировка, чеканка, перегородчатая эмаль, ткань, вышивка, резьба по камню) показывает, что свое движение он начинает от геометризованных форм.

Это связано с тем, что геометрическая форма орнамента для большинства техник является более простой, естественно вытекающей из технологического процесса. Геометризм предлагает технически удобные формы для воплощения орнамента, созданные и поддерживаемые самой технологией и конструкцией изделий. В каждой орнаментальной технике орнаментация, использующая в качестве элементов более реалистические и «живые» объекты, должна иметь время, чтобы подняться на более высокий уровень и создать иллюзию реалистичности и живости мотивов на базе более тонкого и точного расчета.

На византийских мозаиках и книжных миниатюрах VI—X вв., на орнаментальных полях и при передаче одежды персонажей чаще используются геометризованные формы, в которых растительность иногда только слегка угадывается (рис. 30). Растительные элементы, как правило, составляют четкие розетки или включаются в контур геометрических фигур (рис. 30: 1—4; рис. 31: 1—3) (Лазарев 1948: табл. 132, 165, 173, 194). В ювелирных украшениях этого времени, судя по изображениям, кривообразная орнаментация также связана с правильной геометрической формой и имеет четкое членение (рис. 30: 5, 6) (Лазарев 1948: табл. 153, 155).

В X в. наблюдается связь растительного орнамента с завитковым. У завитков появляются растительные очертания и дополнения, растительные элементы завиваются подобно завиткам (рис. 31: 4) (Лазарев 1948: табл. 108).

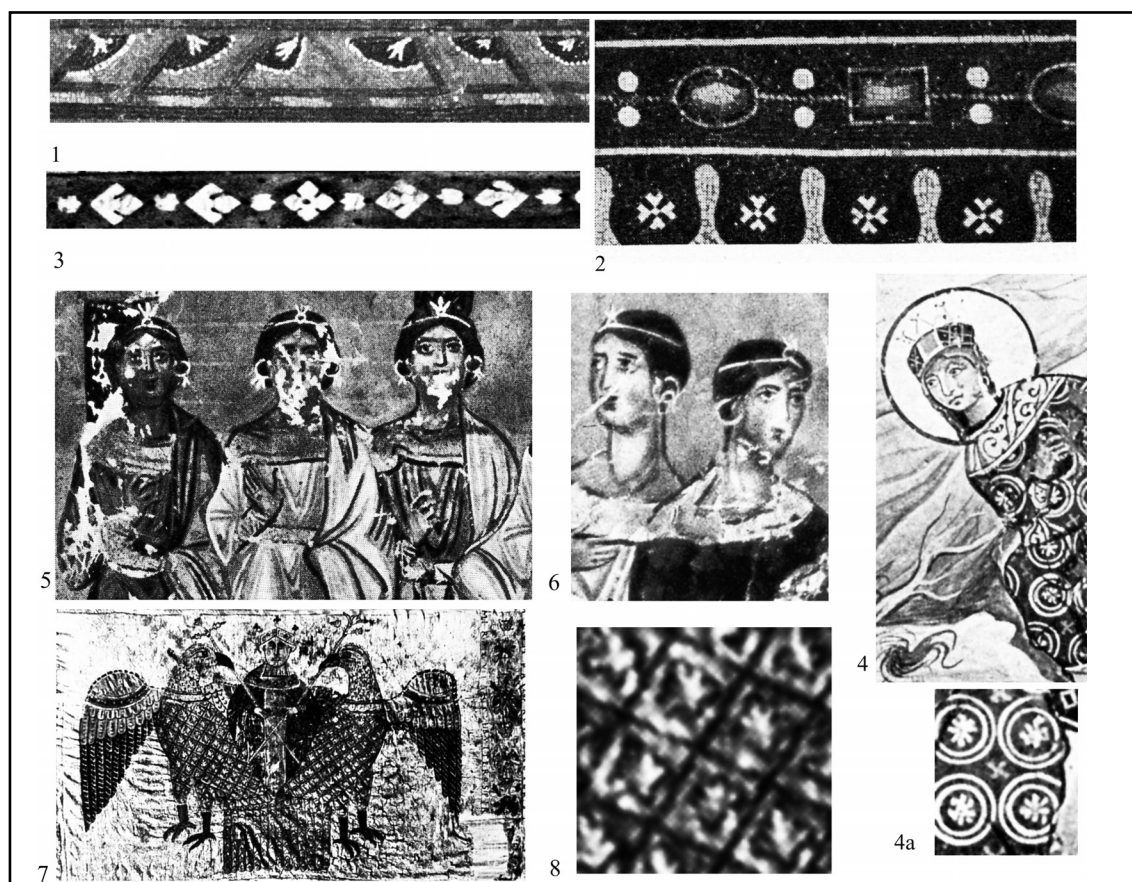

Рис. 30. Геометризованные кривообразные орнаменты VI—X в.: 1, 2 — орнаментальное поле мозаики церкви Сан-Витале в Равенне, около 547 г.; 3 — орнаментальное поле миниатюры Евангелия Афонского монастыря Ставро-Никиты, первая половина X в.; 4 — миниатюра 986 г. «Мученическая смерть св. Екатерины Александрийской»; 5, 6 — семейство Иова. Миниатюра 905 г.; 7, 8 — вознесение Александра Македонского, византийская вышивка.

В XI в. наблюдается движение к более естественной передаче растительных элементов. В миниатюрах имеются примеры изображений растительности, которые создают некоторую иллюзию реалистичности (рис. 32: 2) (Лазарев 1948: табл. 126).

Как элементы орнаментации в основном используются трилистники. Они составляют бордюры, включаясь в их геометрический строй (рис. 32: 4) (Лазарев 1948: табл. 161). Однако сами трилистники не всегда привязываются к геометрической форме или плотной рамке (рис. 32: 1, 5) (Лазарев 1948: табл. 165, 167). Величиной выделяется центральный лист трилистника. Этот более крупный лист выражает собой главную идею самого крина: рост, процветание, жизнь. Мотив крина связывается с иконографией святых воинов-мучеников. Как правило, крупный трилистник изображается в районе живота или в центре пояса воина (рис. 32: 3) (Лазарев 1948: табл. 132).

В XII в. растительные орнаменты становятся более естественными. Кривообразные орнаменты остаются характерными для укра-

шения одежд святых воинов, мучениц, архангелов (рис. 33). Для части орнаментальных кривообразных форм характерно соблюдение естественных пропорций, находящее параллели с формами нашивных бляшек (рис. 33: 2, 3, 5, 6) (Лазарев 1948: табл. 184, 231; Даркевич 1975: 353е). Другие формы продолжают сохранять геометризм (рис. 33: 4) (Лазарев 1948: табл. 229). Ко второй половине или концу XII столетия встречается уже не только лаконичная трилистная фигура, но появляются и примеры растительных композиций, усложненных плетением и утрированными изгибами стеблей (рис. 33: 1) (Лазарев 1948: табл. 156).

Мозаичные орнаменты Палатинской капеллы в Палермо середины XII в. показывают появление в византийском искусстве элементов утрированно-растительного стиля при передаче стеблей наряду с сохранением геометризованных форм других цветочных элементов (рис. 34: 1—4) (Даркевич 1975: рис. 351вд, 353жз).

В XIII в. сохраняются две основных тенденции: к естественности и к утрированности.

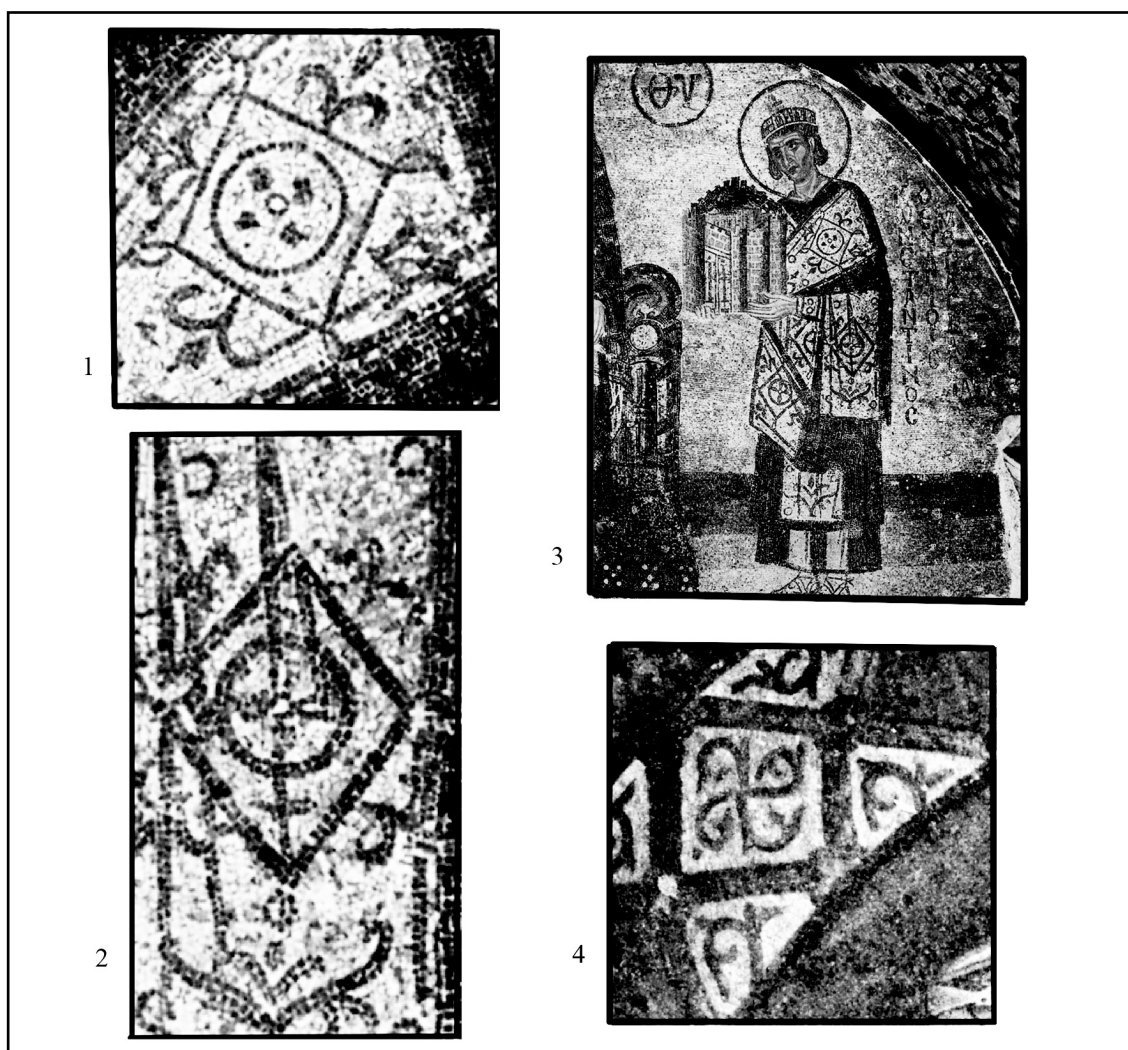

Рис. 31. Кринообразные орнаменты X в. с завитковыми элементами: 1—3 — византийский император Константин, мозаика Софийского собора в Константинополе, вторая половина X в.; 4 — Уверение Апостола Фомы, мозаика монастыря Хозиос Лукас в Фокиде, вторая четверть X в.

Среди декоративного обрамления станковых произведений есть примеры растительных орнаментальных элементов естественных очертаний, включенных в геометрические клейма (рис. 34: 6) (Лазарев 1948: табл. 271). Есть и примеры усложнения и утяжеления кринообразных элементов, показывающие движение к пышному стилю (рис. 34: 5) (Лазарев 1948: табл. 233). Кринообразная орнаментация сопровождает одежды архангелов (рис. 34: 6а, б).

Аналогичное стилистическое движение наблюдается и в других видах византийского и русского прикладного искусства. Иногда заметны некоторые отклонения от главной тенденции, что связано с особенностями отдельных техник. Кроме того, выстраивание последовательного хронологического ряда затруднено и вследствие «широты» имеющих датировок.

Примеры орнаментации **византийских и древнерусских тканей и вышивок** обна-

руживают выразительные параллели как с орнаментальными примерами из других видов искусства, так и с тиснеными изделиями. Византийская вышивка X в. показывает включенность кринообразной орнаментации в частую сетку (рис. 30: 7, 8) (Даркевич 1975: рис. 224). На вышивках и тканях XI в., найденных в древнерусских погребениях, кринообразные фигуры используются в геометрических клеймах и сетках как орнаментальные элементы (рис. 35: 3) (Фехнер 1993: рис. 2: 5). Имеются примеры завиткового орнамента, очень близко напоминающего тисненые бляшки завиткового стиля (рис. 35: 2; 6—8) (Фехнер 1993: рис. 1: 2). Для этой стадии есть датирующий пример: зарукавье с золотным шитьем из погребения в Новгороде князя Владимира Ярославича, умершего в 1052 г., эту деталь одежды можно относить к середине XI в. (Сабурова 1997: 101, табл. 67: 3). На других примерах наблюдается некоторое стремление к натуралистичности растительных фигур

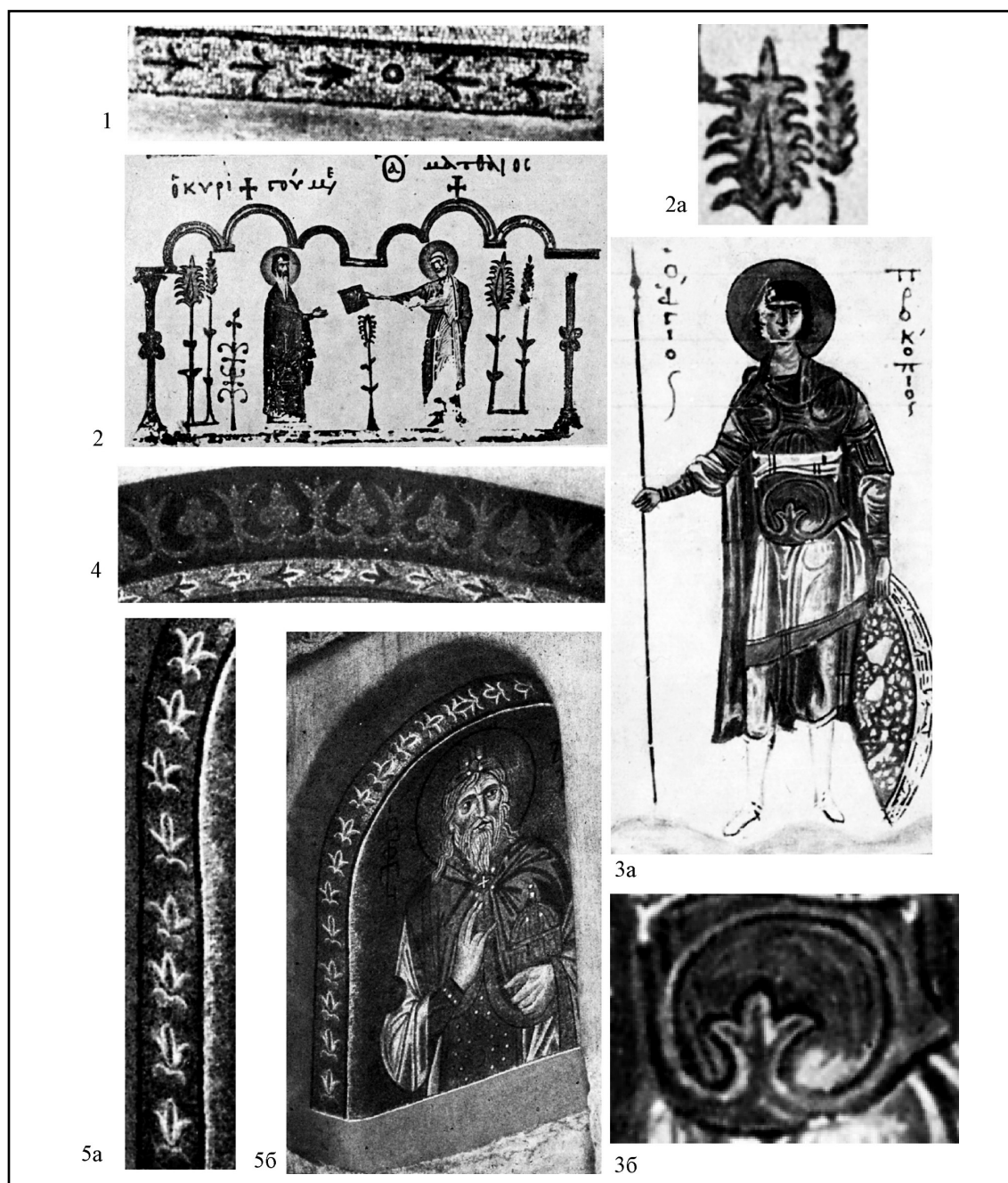

Рис. 32. Кринообразные орнаменты XI в.: 1 — орнаментальное поле мозаики храма в Дафни, вторая половина XI в.; 2 — евангелист Матфей, передающий Евангелие игумену, миниатюра Евангелия Парижской Национальной библиотеки, третья четверть XI в.; 3 — миниатюра из Жития Святых и Слов в ГИМ, 1063 г.; 4 — молитва Иоакима и Анны, 5 — фигура святого; мозаики храма в Дафни, вторая половина XI в.

(рис. 35: 1, 5) (Фехнер 1993: рис. 1: 1). Русские вышивки XII в. чаще показывают естественные пропорции кринообразных фигур, хотя геометрическая сетка как основа построения композиции выделяется (рис. 35: 3, 10, 11; 36: 1) (Фехнер 1993: рис. 4: 3). Выразительны аналогии орнаментальных мотивов вышивки с кринообразными подвесками, сохраняющими геометризм (рис. 36: 7—9). В вышивках с растительным орнаментом наблюдается плетение и утрированная изогнутость

растительных побегов (рис. 36: 2, 3) (Фехнер 1993: рис. 3: 3, 6). Для этих примеров также находятся соответствующие близкие аналогии из числа тисненых изделий (рис. 36: 6). Кринообразные орнаменты естественных пропорций в это время продолжают встречаться на одеждах архангелов. Возможно, это именно драгоценные нашивные бляшки (рис. 36: 4). Примеры орнаментации на тканях XII в. дают примеры сочетания геометризма и естественности в очертаниях растительных эле-

Рис. 33. Кринообразные орнаменты XII в.: 1 — Канон из фрагмента Евангелия в ГПБСЦ, XII в.; 2 — св. Георгий, мозаика собора в Чефалу, 1148 г.; 3 — Архангел Гавриил, фрагмент мозаики собора в Монреале, 1174—1189 гг.; 4 — Петр исцеляет Тавифу, мозаика Палатинской капеллы в Палермо 1154—1166 гг.; 5 — фрагмент орнаментации греческой рукописи XII в.; 6 — матрица для бляшки типа XIV.

ментов (рис. 37: 4, 5) (Фехнер 1993: рис. 4: 5, 8). Аналогичные стилистические группы выделены и среди тисненых изделий (рис. 37: 8, 9).

Складывание пышного стиля по орнаментации тканей связывается с концом XII — началом XIII в. (рис. 37: 1—3) (Фехнер 1993: рис. 4: 1). Среди тисненых материалов этому

находятся чрезвычайно близкие аналогии (рис. 37: 6, 7).

Пример **гравировального искусства** X в. — кувшин с византийской надписью, найденный на территории Руси, показывает геометризованный орнамент, жесткий геометризованный трилистник вписан в сердцевидные фигуры (рис. 38: 1, 2) (Корзухина 1954:

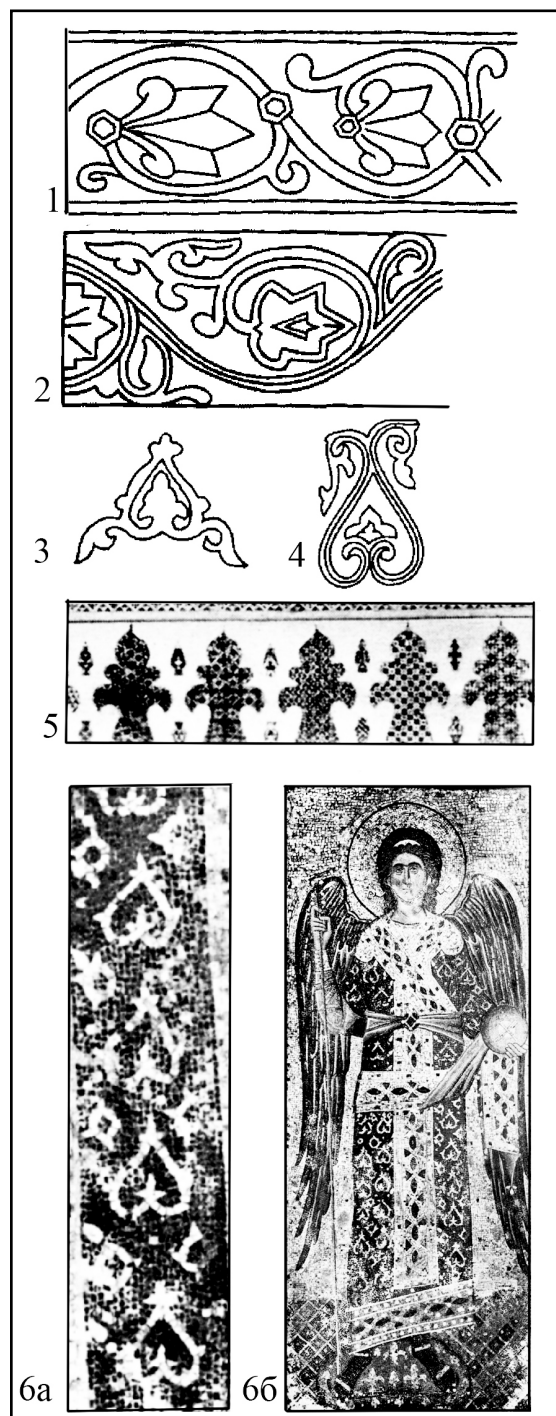

Рис. 34. Кринообразные орнаменты XII—XIII в. в мозаике: 1—4 — мозаики Палатинской капеллы в Палермо, середина XII в.; 5 — мозаики собора в Монреале, первая половина XIII в.; 6 — Архангел, мозаика в Сан-Григорио в Мессине, вторая половина XIII в.

рис. 6). Сохранение геометризма свойственно искусству гравировки по металлу и далее. Примером является гравированный растительный орнамент кратора XII в. мастера Братилы (рис. 38: 3) (Рыбаков 1971: рис. 79).

В гравированной орнаментации византийских чаш XII в., найденных на Руси, можно выделить несколько стилистиче-

ских групп. Первая из них соответствует геометризованному растительному стилю и завитковому (рис. 39: 1—6) (Даркевич 1975: рис. 36, 37, 40, 42; 70, 78). Для другой характерны естественные формы крана (рис. 40: 10, 11) (Даркевич 1975: рис. 353в, 365). Стилистические аналогии и тем и другим вариантам находятся среди матриц для нашивных бляшек (рис. 39: 7—9; рис. 40: 12). В третьей стилистической группе византийских чаш ощутимо появление признаков утрированной стадии растительного стиля, причудливо изогнутых стеблей (рис. 40: 1—6) (Даркевич 1975: рис. 98, 85, 104, 167, 175, 187). Довольно близкие аналогии этой орнаментации отмечаются среди нашивных бляшек и их матриц (рис. 40: 7—9).

Каменная резьба отражает ту же тенденцию. Геометризованный кринообразный орнамент имеется на фрагменте каменного саркофага из Десятинной церкви конца X — начала XI вв. (Церква Богородиці Десятинна в Києві... 1996: 66, 126, 130, № 68) (рис. 38: 4). Такая стилистика растительных элементов сохраняется в тиснении на первой геометризованной стадии растительного стиля, что наблюдается по материалу подвесок и нашивных бляшек (рис. 38: 5—8). На каменном афонском рельефе XI в. орнаментальный бордюр с четким построением включает в себя трилистники естественных пропорций (рис. 38: 9) (Даркевич 1975: рис. 234). К концу XII в. в резьбе ощутимо проявляется утрированно-растительная стадия. На византийском барельефе алтаря собора св. Марка в Венеции XII в. присутствуют элементы утрированного и пышного стиля (рис. 41: 8) (Даркевич 1975: рис. 326). Сходная стилистическая стадия наблюдается и по белокаменным рельефам Дмитриевского собора во Владимире и церкви Покрова на Нерли второй половины — конца XII в. (рис. 41: 1—4) (История русского искусства...: рис. 21, 22, 34). Резные изображения обнаруживают выразительные параллели с орнаментацией византийских чаш и тиснеными украшениями (рис. 41: 5—7, 9).

В **мозаиках и фресках** Софийского собора в Киеве XI в. есть примеры естественных кринообразных орнаментов, связанных в геометрически правильные композиции (рис. 42: 3, 4, 7, 8) (История русского искусства...: рис. 1) (Даркевич 1975: 349в, 353л.). Мозаичным орнаментам находят выразительные аналогии из числа нашивных бляшек (рис. 42: 5, 6, 9, 10). В других орнаментах собора преобладает завитковый строй орнамента (рис. 42: 1, 2) (История русского искусства...: рис. 1, 2). Эти аналогии можно рассматривать как опорные

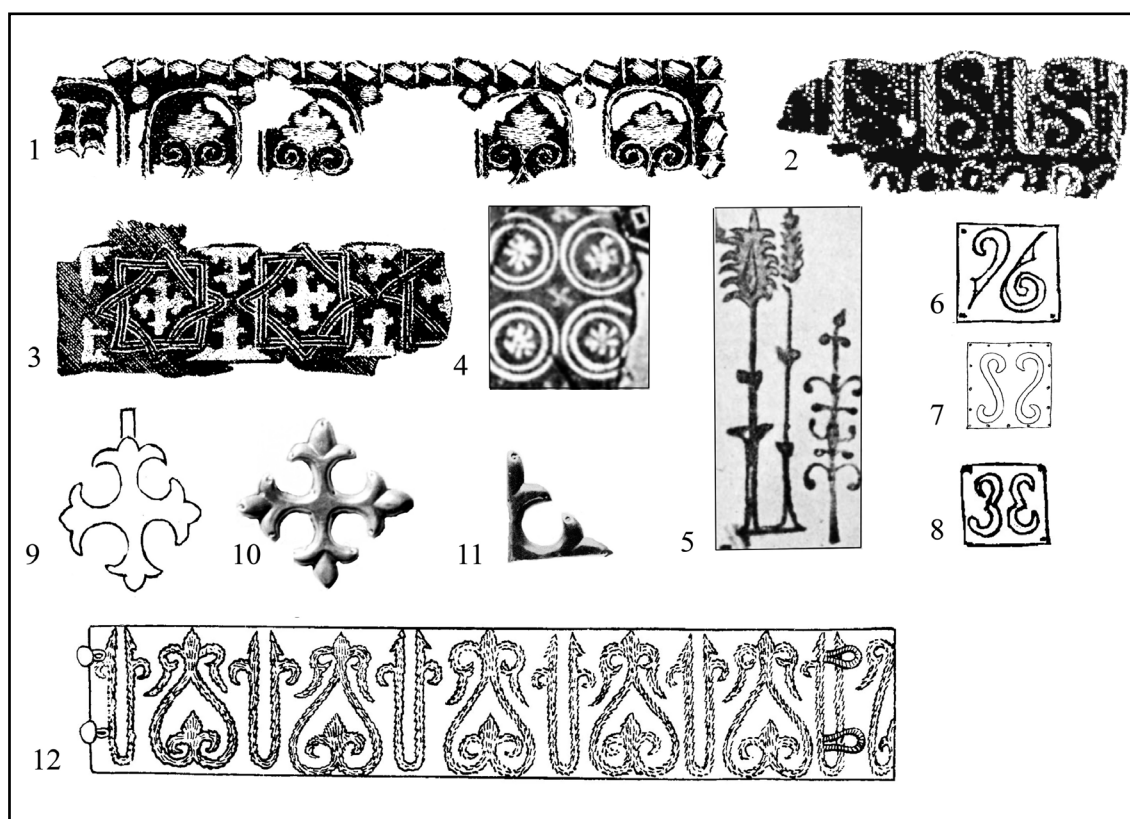

Рис. 35. Кривообразная орнаментация тканей и вышивок XI в.: 1 — фрагмент воротника, курган у с. Шелебово, Владимирская обл. 1852 г.; 2 — фрагмент очелья, курган IX с детским захоронением, Троицкая группа, Черниговская обл.; 3 — фрагмент воротника, курган у д. Караш, Ярославская обл., 1854; 4 — фрагмент миниатюры 986 г. «Мученическая смерть св. Екатерины Александрийской»; 5 — фрагмент миниатюры Евангелия Парижской Национальной библиотеки, третья четверть XI в. «Евангелист Матфей, передающий Евангелие игумену»; 6—8 — тисненые нашивные бляшки типа II (Киев, Чернигов, Старая Рязань); 9 — тисненная подвеска типа II (Киев, 1949); 10, 11 — нашивные бляшки типа XIX (Киев, Старая Рязань); 12 — зарукавье с золотым шитьем из гробницы князя Владимира Ярославича (умер в 1052 г.).

при датировке завиткового стиля и ранних стадий растительного стиля в тиснении.

В **художественном литье** на протяжении XII в. заметны разные стили. Паникадило (хорос) из Киевской губ. демонстрирует геометрическую сетку как основу композиции и удлинение в пропорциях мотива побегов (рис. 43: 1, 2) (Рыбаков 1971: рис. 20, 21). Литой декор внутри арок новгородских сионов, малого и большого, относится к разным стилям. Декор малого — к естественной стадии растительного стиля, большого — к плетеному стилю (рис. 43: 4, 6) (Рыбаков 1971: рис. 81). Этому соответствует разница в датировке сионов. Датировка малого сиона — XI в., датировка большого сиона — первая четверть XII в. (Стерлигова 1996: 34—36; 116—123). Для плетения выявляется более поздняя дата. Из числа тисненых нашивных бляшек можно привести аналогии орнаментации указанным изделиям (рис. 43: 3, 5, 7) (Рыбаков 1971: рис. 93).

Датированные произведения **перегородчатой эмали** показывают аналогичное движение

к естественности растительного орнамента. Пластина византийской эмали XI в. с композицией вознесения Александра Македонского характеризуется естественными пропорциями растительных элементов в сочетании с общим завитковым и геометризованным построением композиции (рис. 44: 5) (Даркевич 1975, рис. 229). Орнамент эмалей креста Евфросиньи Полоцкой 1161 г. отличается геометризованностью. Возможно, при монтаже креста использованы более ранние эмали, поскольку можно отметить и более свободные растительные орнаменты (рис. 44: 2—4) (Макарова 1975: табл. 19: 7, 8, 11). Аналогичные явления характерны и для орнаментации медного русского эмалевого оклада XII в. (рис. 44: 1) (Макарова 1985: 241—246; Стерлигова 2000: ил. 52).

Изгибистость и утрированность растительных побегов в орнаментации на византийской **поливной керамике** усиливается к XIII в., что можно наблюдать по блюдам из Коринфа (рис. 45) (Даркевич 1975: 319, 322, 342).

Та же последовательность развития стадий стиля улавливается и в русской **книжной**

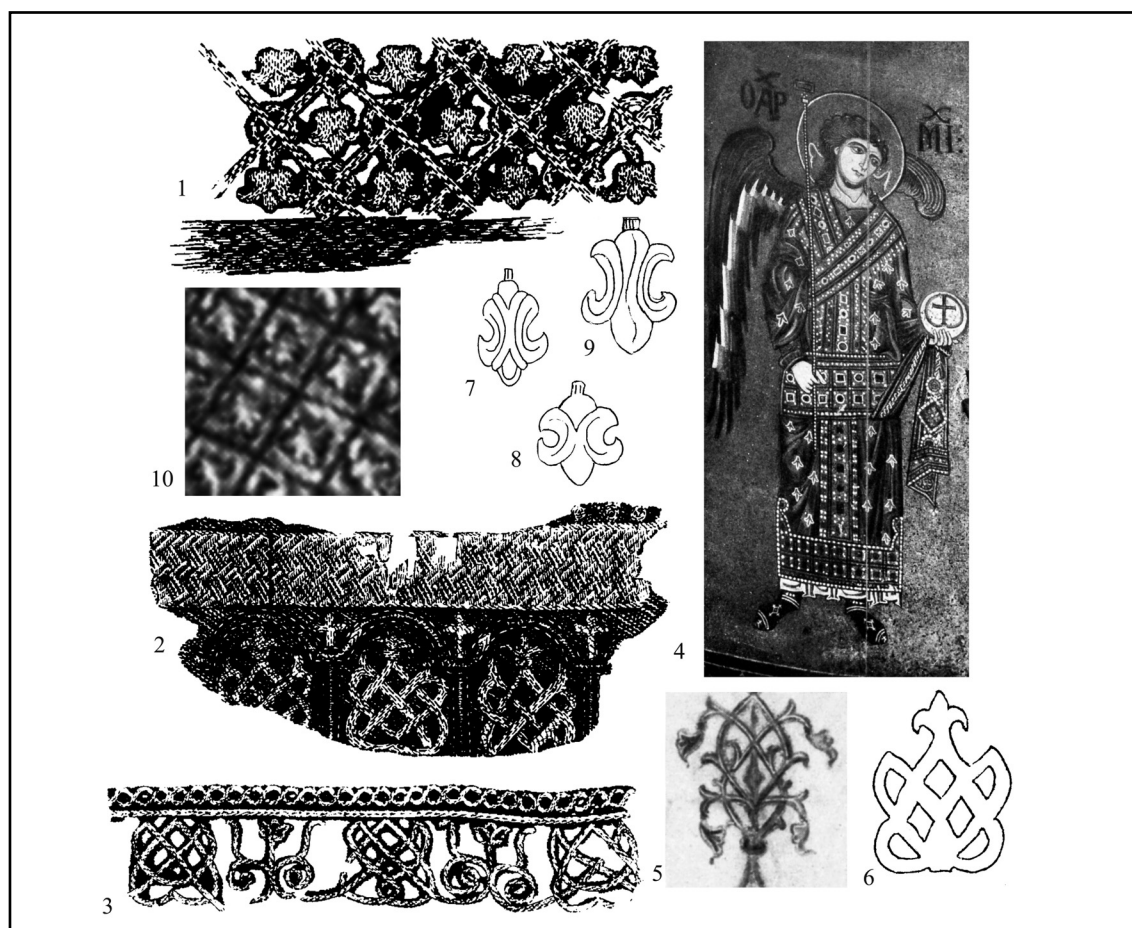

Рис. 36. Кринообразная орнаментация тканей и вышивок XII в.: фрагменты воротников, 1 — конца XII — начала XIII вв., гробница у церкви Иоанна Богослова в Смоленске; 2 — курган № 2, д. Антоново Ивановской обл.; 3 — погребение № 2, Старая Рязань, 926 г.; 4 — Архангел Гавриил, фрагмент мозаики собора в Монреале, 1174—1189 гг.; 5 — Канон из фрагмента Евангелия в ГПБСЦ; 6 — тисненная бляшка типа XIX, варианта 3, Старая Рязань; 7—9 — тисненные подвески типа I (Киев, 1876, 1901, Болоховская земля); 10 — фрагмент византийской вышивки X в.

миниатюре, отталкивавшейся от византийских образцов. Примеры развитого плетения и утрированной стадии растительного стиля относятся к началу XIII в. (рис. 46: 1, 3) (Вздорнов 1980: № 6, № 8, л. 194 об., л. 1 — заставка). Элементы пышного стиля проявляются на протяжении конца XII — начала XIV в. (рис. 46: 4, 5) (Вздорнов 1980: № 2, № 10, л. 1 об/2-заставка, л. 1 об.). Этот ряд имеет выразительные аналогии среди тисненных нашивных бляшек (рис. 46: 2).

Хороший стилистический ряд, подтверждаемый материалом тиснения, выстраивается и по произведениям искусства **золотой наводки, чеканки и черни**. На Лихачевских вратах середины-второй половины XII в. наблюдается естественная стадия кринообразного орнамента (рис. 47: 1) (Рыбаков 1971: 49, рис. 60). На черневом орнаменте ковчега-мощевика из Благовещенского собора того же столетия наблюдается утрированная стадия растительного стиля (рис. 47: 3, 9) (Рыбаков 1971: рис. 100). Орнамент оклада «Богоматерь Умилиение»

XIII—XIV вв. и врат Рождественского собора в Суздале 30-х гг. XIII в. демонстрирует пышный стиль с элементами натуралистичности (рис. 47: 2, 4—6, 10—12) (Рыбаков 1971: рис. 98; Вагнер 1975: 134, рис. 75, 76, 101; История русского искусства...: рис. 31, 32). Растительный орнамент пышного стиля наблюдается и на чеканном бордюре шлема Ярослава Всеволодовича начала XIII в. (рис. 47: 7, 12) (Рыбаков 1948: рис. 48).

Следовательно, основная тенденция развития кринообразного орнамента от геометризованных к естественным растительным формам, а затем — к утрированным и пышным, подтверждается на базе широкого орнаментального материала. Это является тенденцией как орнаментального искусства в целом, так и конкретно — приема тиснения.

Приведенные стилистические аналогии подтверждают более раннюю дату **геометризованной** стадии **растительного** и **завиткового** стилей в технике тиснения и позволяют связывать ее с **концом XI — первой поло-**

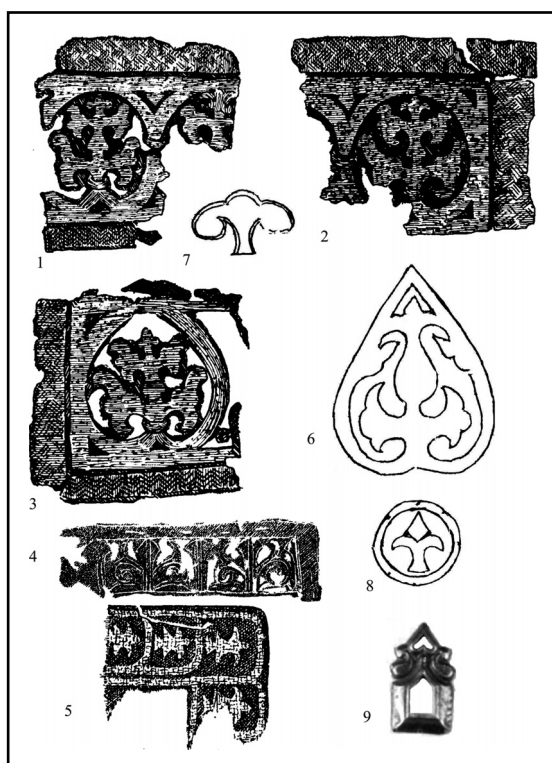

Рис. 37. Кринообразная орнаментация на тканях конец XII — начало XIII вв.: 1—3 — фрагменты воротника, курган 5 у д. Пушкино; 4 — курган 31 у д. Махлаково; 5 — фрагмент воротника, погребение № 41, 1237 г.; 6—9 — тисненные нашивные бляшки типов XIV, XIX, XI, Старая Рязань.

виной XII в. Подтверждается и датирование *естественной* стадии тисненого *растительного* стиля XII в. Элементы *плетеного* стиля и *утрированная* стадия *растительного* стиля относятся ближе к **концу XII столетия**. Складывание *пышного* стиля связывается с **концом XII — началом XIII вв.**

2. Анализ тисненой орнаментации облачения митрополита Алексия

Облачения митрополита Алексия изготовлены во второй половине XIV в. — в 1364 г. с использованием более ранних деталей XIII в. и домонгольского времени (Макарова 1998: 5—7; 40, 44; Рыбаков 1971: 113) (рис. 48: 1).

На облачениях присутствуют тисненные нашивные бляшки различных типов и вариантов, относящиеся к нескольким стилистическим группам. Некоторым бляшкам находятся аналогии среди домонгольского материала.

Примечательно, что в числе тисненных нашивок облачений нет изделий с *рифленной* отделкой, которая связывается с развитием тиснения изначально. Отсутствуют и ребристые пояски, сохранявшиеся на тисненных подвесках и бляшках растительного стиля в домонгольский период.

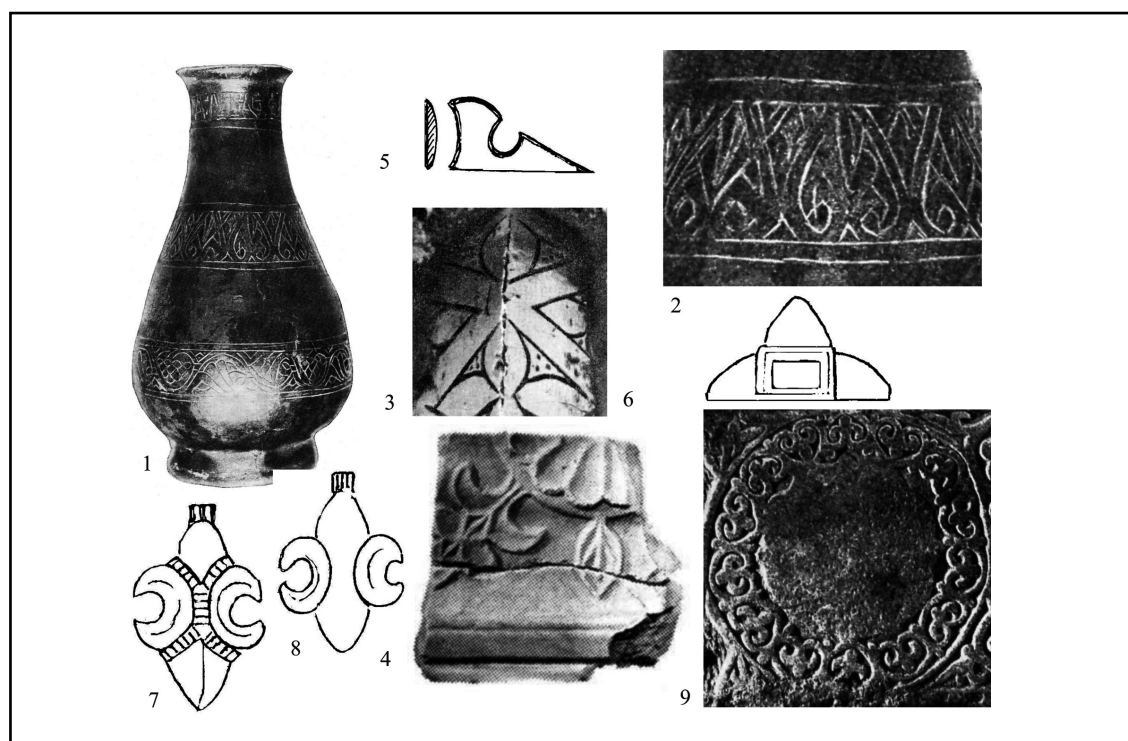

Рис. 38. Растительный стиль в гравировке по металлу и каменной резьбе: 1, 2 — бронзовый кувшин с греческой надписью и монетами конца X в., днепровские пороги; 3 — кратир мастера Братилы, XII в.; 4 — фрагмент саркофага Десятинной церкви, конец X — начало XI вв.; 5 — матрица для нашивной бляшки типа XIX; 6 — нашивная бляшка типа XIX, Старая Рязань; 7, 8 — подвески типа II, Киев, 1901 г., 1903 г.; 9 — фрагмент каменного рельефа в монастыре Периблетты в Мистре, около 1000 г.

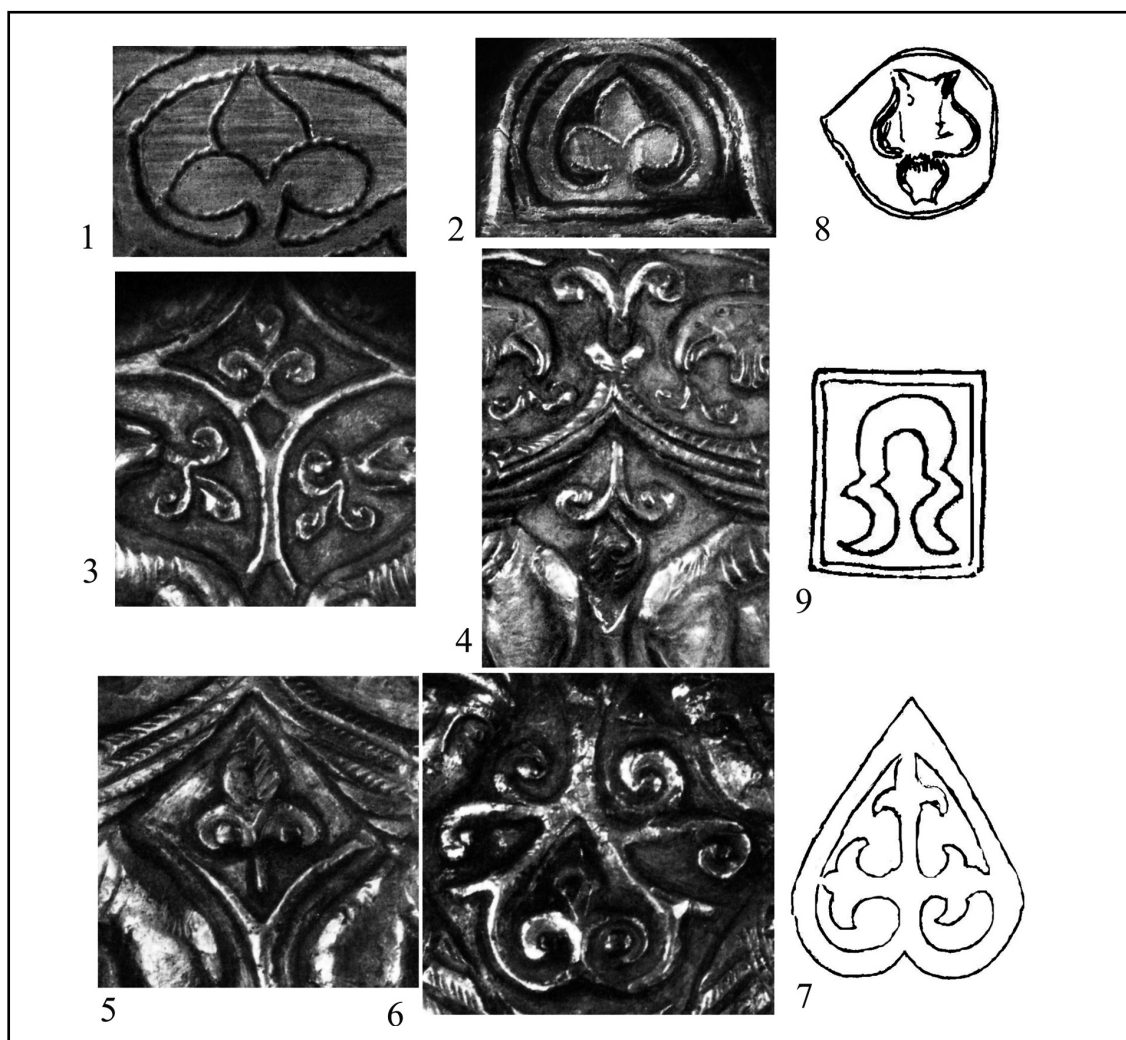

Рис. 39. Геометризованный кринообразный орнамент византийских чаш XII в.: 1—4 — чаша № 1 из с. Вильгорт в Приуралье; 5, 6 — чаша № 2 из Чернигова; 7, 8 — матрицы для нашивных бляшек типа XIV и XI, Старая Рязань; 9 — бляшка типа II, Киев, Десятинная церковь, 1936 г.

Дробницы с перегородчатой эмалью на **саккосе** и **поручах** относятся к утрированной стадии растительного стиля (рис. 48: 2, 3) (Рыбаков 1971: 115, 116). Это продолжение тенденции, возникшей в домонгольский период.

Для украшения верхней части **саккоса** — оплечья — применена общая композиция бордюрного строя, отличающаяся геометризмом построения (рис. 49: 1) (Рыбаков 1971: 114). Но сами бордюры несколько различны по композиции. Верхний бордюр выполнен в соответствии с завитково-растительной композицией, на узловых участках использованы круглые бляшки (рис. 49: 2). Пример тождественной орнаментации имеется на детали одежды из клада домонгольского периода из Михайловского монастыря в Киеве 1903 г. (рис. 49: 3) (ОАК 1903: рис. 344).

Центральный орнаментальный пояс оплечья подчинен геометрическому строю общей

композиции, которому соответствует и форма орнаментальных деталей, и формы нашивных бляшек. Вставки с перегородчатой эмалью и чернью — круглые; бляшки между основными вставками также круглые; нашивные бляшки по краям главного бордюра — треугольные (рис. 49: 1, 5). Бляшки геометрической формы играли служебную роль, они применялись для оформления углов и краев деталей дорогой одежды, поэтому использование их хронологически широко, они известны с домонгольского периода. Гладкие треугольные бляшки имеются в кладах из урочища Святое Озеро близ Чернигова, а также из м. Мартыновка Киевской губ., 1886 г. (Самокусов 1916: рис. 5; Бобринский 1887: табл. XVIII: 11) (рис. 49: 10). Аналогичную роль играли и бляшки с прорезью для драгоценных или стеклянных вставок, круглые или квадратные. Такие бляшки известны в кладах из Киева в Десятинной церкви

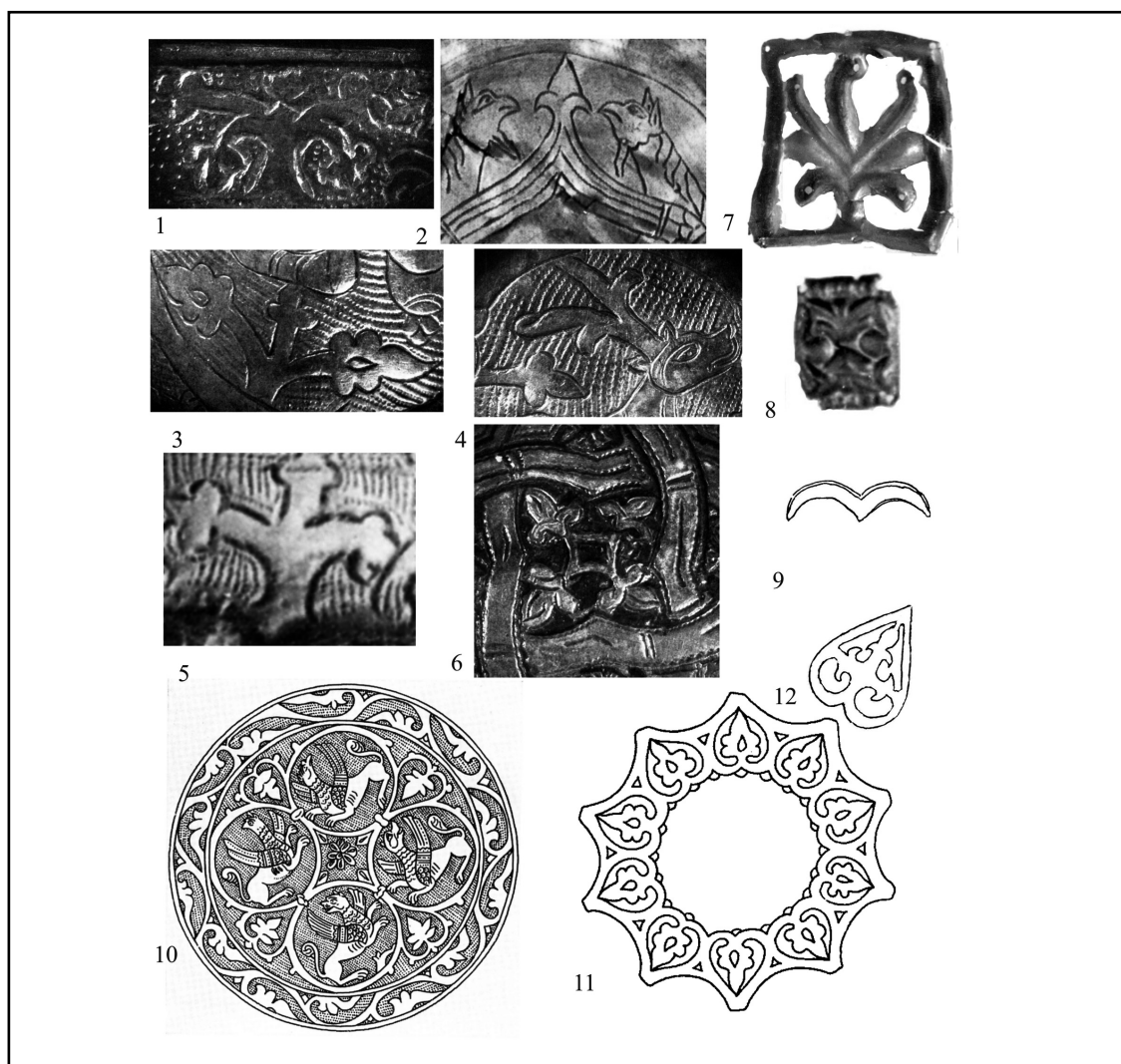

Рис. 40. Кривообразные орнаменты византийских чаш XII вв.: 1, 2 — чаша № 3 из собрания А.П. Базилевско-го; 3, 4, 11 — крышка чаши № 5 из Ненецкого национального округа; 5 — чаша № 4 из Березова в Зауралье; 6 — чаша № 6 из Тарту; 7, 8 — нашивные тисненые бляшки типа II, Старая Рязань; 9 — матрица для бляшки типа XIX; 10 — медальон на блюде из Татар-Пазарджика в Болгарии, Византия; 12 — матрица для бляшки, тип XIV.

1936 г. и в Михайловском монастыре 1903 г. (рис. 49: 11, 12).

Прямоугольная форма бляшки (тип II) является одной из наиболее распространенных в домонгольский период. Но далеко не все варианты прямоугольных бляшек относятся к геометрическому стилю, в домонгольское время на них встречается завитковый и растительный орнамент (рис. 49: 8, 9). Бляшки оплечья саккоса с тисненым растительно-завитковым орнаментом продолжают это движение, они подпрямоугольные, но имеют необходимую кривизну, так как окаймляют круглые медальоны с перегородчатой эмалью. (рис. 49: 5, 13) (Макарова 1998: рис. 6).

В краевых бордюрах оплечья применены бляшки кривообразной формы, среди бляшек из домонгольских кладов им аналогичен тип XIX, хотя близких вариантов не наблюда-

ется (рис. 49: 4, 6, 7). Бляшки саккоса сохраняют архаичное завитковое построение типичного в христианском искусстве орнамента «виноградной лозы», но очертания кривообразных фигур приобретают утрированные, удлиненные и пышные пропорции (рис. 49: 6, 7). То есть, вновь по сравнению с бляшками из кладов они представляют собой следующее звено и новый вариант стилистического развития.

Общая композиция орнаментации так называемых «источников» — продольных орнаментальных полос саккоса является геометрической (рис. 50: 1) (Макарова 1998: рис. 17). По наблюдениям Т.И. Макаровой, здесь использован наиболее ранний для облачений митрополита пласт дробниц с перегородчатой эмалью (Макарова 1998: 37, 40, 44). Наиболее простым бляшкам «источников»,

Рис. 41. Кринообразный утрированный стиль: 1 — каменная резьба церкви Покрова на Нерли, 1165 г.; 2—4 — каменная резьба Дмитриевского собора во Владимире, 1194—1197 гг.; 5 — нашивная бляшка типа II, варианта 3; 6 — чаша № 3 из собрания Базилевского; 7 — чаша № 4 из Березова; 8 — барельеф в алтаре собора св. Марка в Венеции, XII в.; 9 — кринообразная бляшка типа II.

близким к геометрическим формам, находятся аналогии в домонгольских кладах (рис. 50: 3, 4, 5—7, 9). Долгое применение бляшек таких правильных форм объясняется удобством использования при геометрическом строе орнамента. Бляшки кринообразной формы саккоса отличаются геометризмом, что находит аналогии среди домонгольских матриц (рис. 50: 2, 8, 9). Трилистник не имеет стебля или бутона, деталей, свойственных домонгольским кринообразным бляшкам естественной стадии растительного стиля. Возможно, это объяснимо созданием ансамбля с геометрическими эмалевыми бляшками XIII в.

На **зарукавьях** саккоса использованы черневые дробницы трапециевидной формы с растительным орнаментом утрированной стадии (рис. 51: 1) (Макарова 1998: рис. 9, 15). Как отметила Т.И. Макарова, эти дробницы

служили долго, отверстия для пришивания сильно изношены (Макарова 1998: 32, рис. 16) (рис. 51: 2, 3). К этой же стилистической стадии относится и форма нашивных тисненных бляшек краевых бордюров зарукавий (рис. 51: 4—7). Аналогичны и тисненные бляшки краевого бордюра круглых дробниц (рис. 51: 8). Для них характерны следующие признаки утрированной стадии: орнаментальное разделение кринообразной трилистной фигуры, использование преимущественно ее отдельных элементов — удлиненных стеблей (рис. 51: 9, 10). Такие признаки встречены на прямоугольных бляшках домонгольской поры (рис. 51: 11).

Орнаментация **подола** саккоса относится к пышному стилю (рис. 52: 1) (Рыбаков 1971: рис. 117). Эта стилистическая стадия близка стилю перегородчатых эмалей, использованных на плечье и свободном поле саккоса, ве-

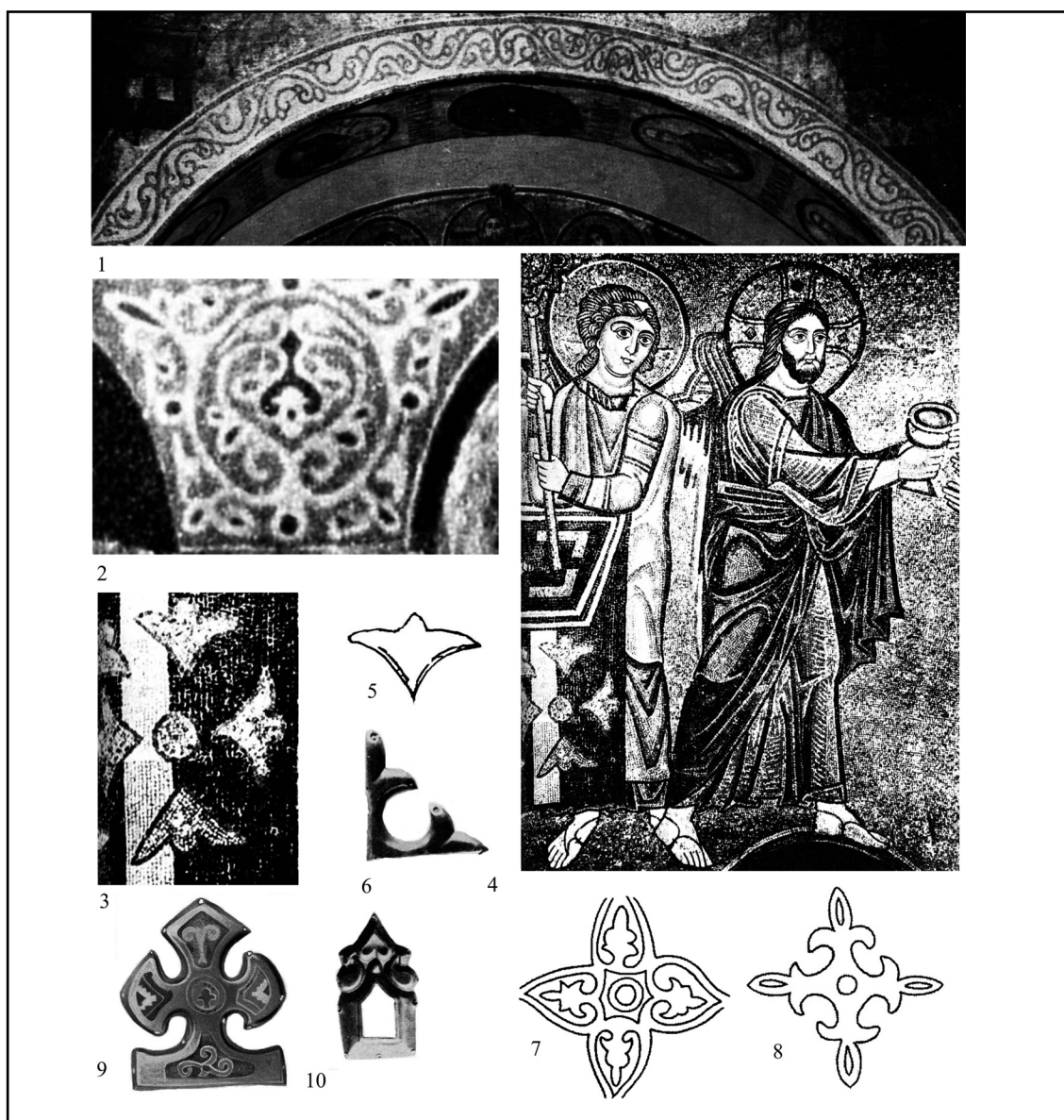

Рис. 42. Кривообразные орнаменты Софийского собора в Киеве XI в.: 1, 2 — завитковые орнаменты; 3, 4 — геометризованная растительная орнаментация и общий вид мозаики; 5, 6, 10 — нашивные бляшки, тип XIX (Старая Рязань); 7, 8 — росписи Софийского собора в Киеве, XI в.; 9 — нашивная бляшка в технике перегородчатой эмали, Старая Рязань, 1868 г.

роятно, при орнаментации подола ставилась цель создать стилистический ансамбль с эмалью (рис. 48: 2, 3). В соответствии с общей композицией нашивные бляшки свободного поля подола обладают изгибистыми очертаниями, утрирующими растительные формы до неузнаваемости (рис. 52: 2—7). В этом отношении бляшки подола близки бляшкам зарукавий (рис. 51). Краевые бордюры орнаментации подола составлены из прямоугольных бляшек с завитково-растительным орнаментом (рис. 52: 8, 9). Они стилистически аналогичны бляшкам круглых бордюров вокруг дробниц оплечья (рис. 49: 13). В данном случае при аналогии с бляшками домонгольских кладов бляшки саккоса продолжают их

линию, давая более развитый растительный орнамент (рис. 52: 10).

Перегородчатые эмали **епитрахили** стилистически являются более ранними, им свойственна геометричность и статичность изображения (рис. 53: 1, 4) (Рыбаков 1971: рис. 118). Т.И. Макарова датирует эмали епитрахили XIII в., по ее мнению, они продолжают традиции домонгольского периода (Макарова 1998: 53, 54). На наш взгляд, нельзя исключить, что в данном случае были использованы домонгольские эмали приблизительно середины XII в. Близкими аналогиями этим эмалям являются эмали креста Евфросиньи Полоцкой и цаты из клада в м. Каменный Брод Киевской обл. 1903 г.

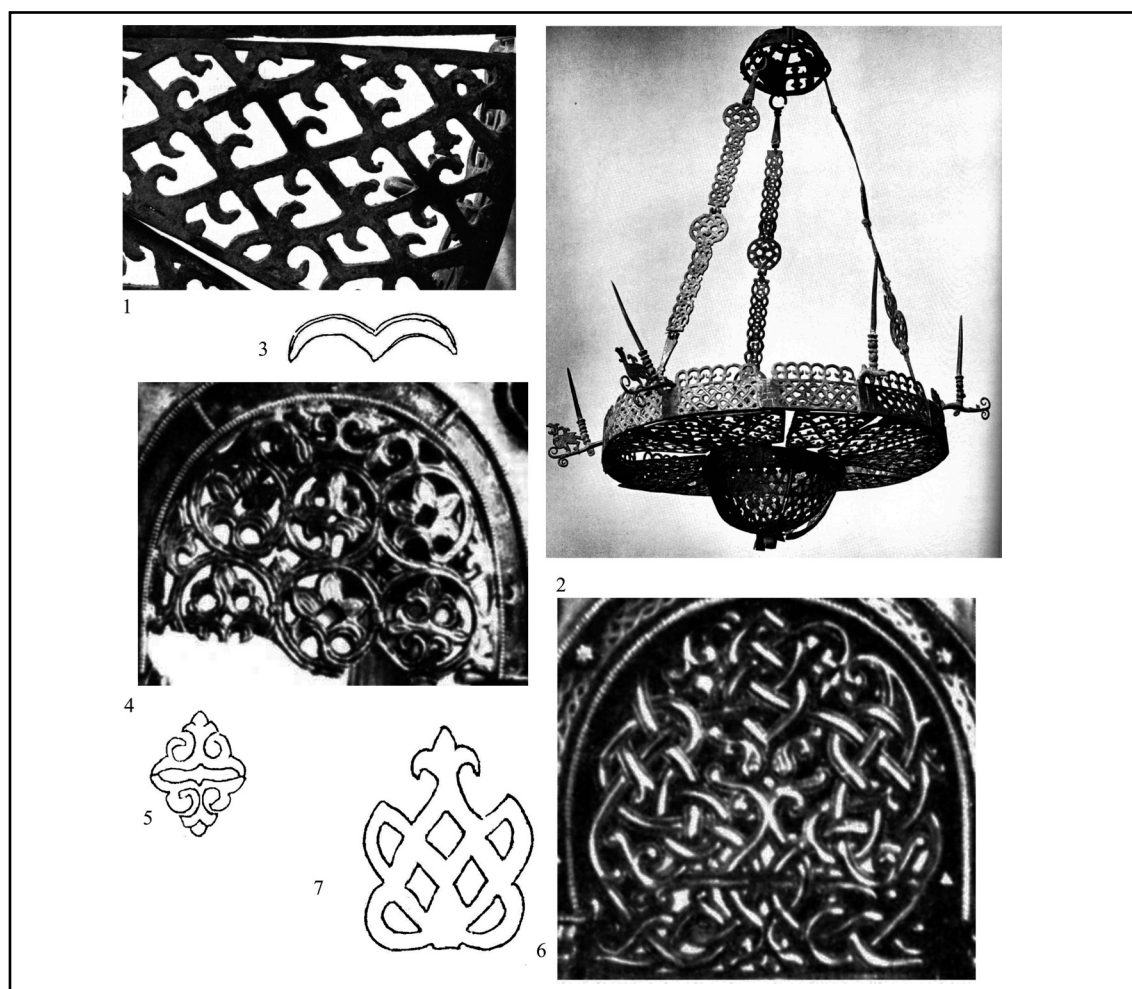

Рис. 43. Кринообразная орнаментация в художественном литье и технике золотой наводки XII в.: 1, 2 — паникадило «хорос», Киевская губ.; 3 — матрица типа XIX, Старая Рязань; 4 — малый сион, Новгород; 5 — нашивная бляшка, типа XIX, Княжая Гора; 6 — большой сион, Новгород; 7 — нашивная бляшка типа XIX, Старая Рязань.

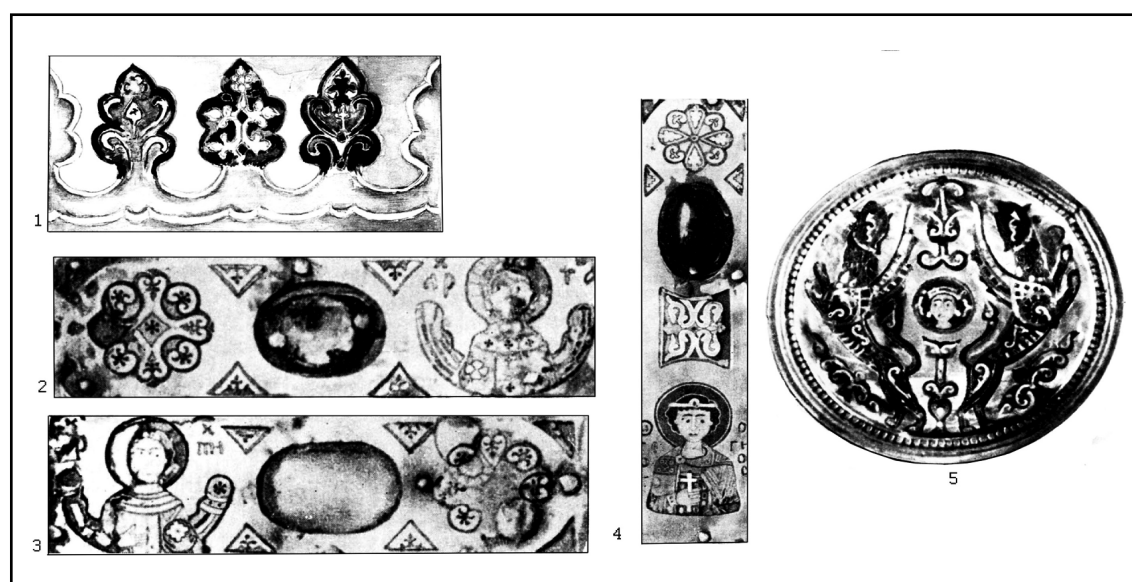

Рис. 44. Растительный орнамент в перегородчатой эмали: 1 — русский медный оклад середины XII в.; 2—4 — крест Евфросины Полоцкой 1161 г.; 5 — «Вознесение Александра Македонского», золото, Византия, XI в.

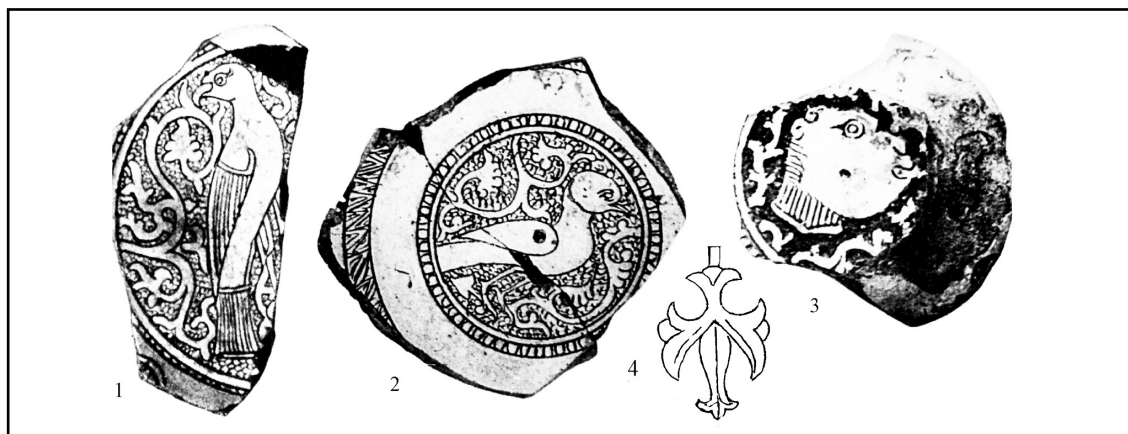

Рис. 45. Византийские кринообразные орнаменты в поливной керамике XII в.: 1, 2 — блюда из Коринфа, середина XII в.; 3 — донце чаши из Коринфа XII—XIII вв.; 4 — тисненая нашивная бляшка типа II.

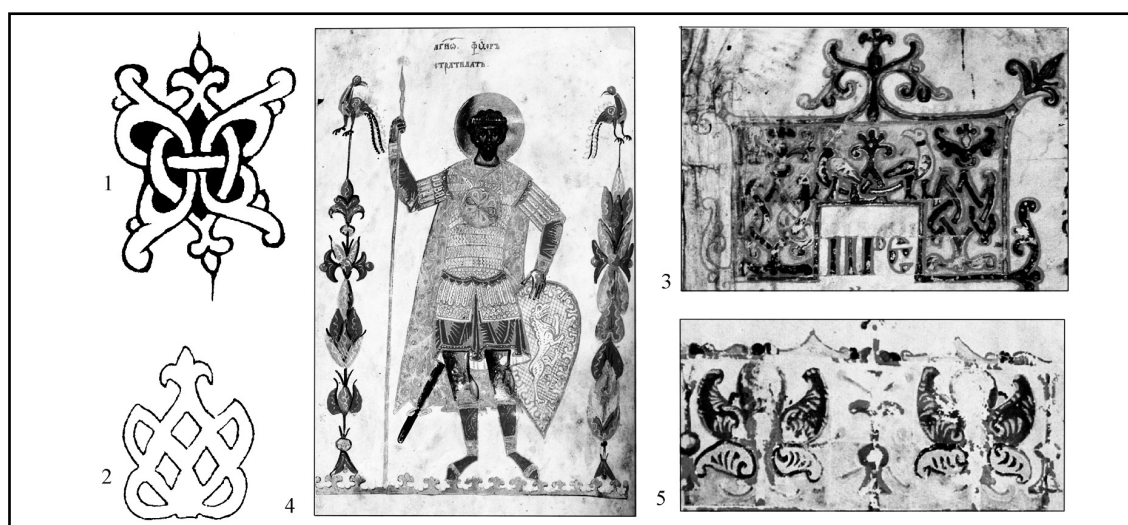

Рис. 46. Кринообразный орнамент в книжной миниатюре: 1 — рисунок в конце столбца, Апостол толковый 1220 г. (Ростов); 2 — нашивная бляшка типа XIX; 3 — заставка л. 1 Архангельского Евангелия, 20-е гг. XIII в. (Ростов)?; 4 — Федор Стратилат — миниатюра Федоровского Евангелия, 1321—1327 гг. (Ростов или Ярославль); 5 — заставка Слова Ипполита о Христе, конец XII — начало XIII вв. (Владимир или Ростов).

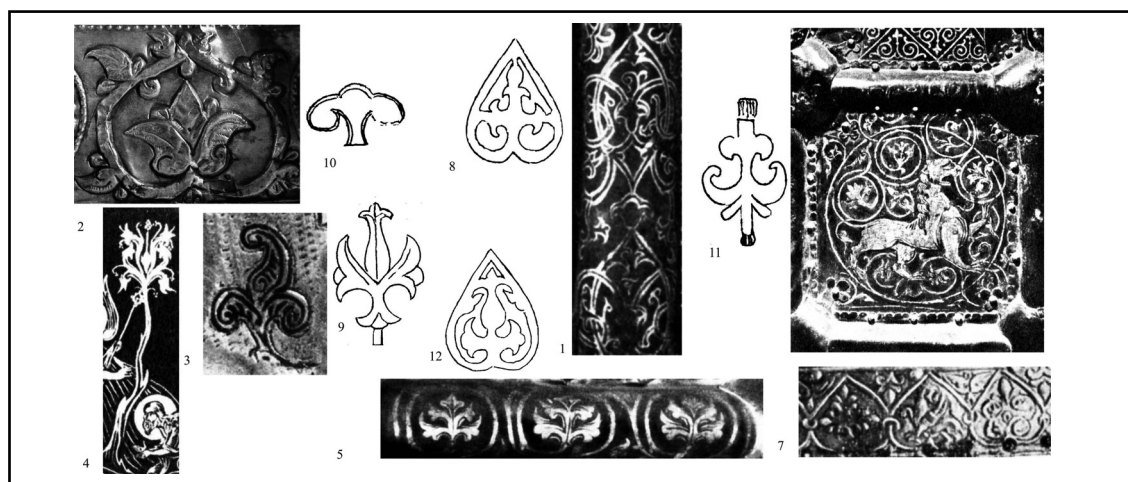

Рис. 47. Кринообразный орнамент в искусстве золотой наводки, чеканки, черни: 1 — Лихачевские врата, XII в.; 2 — оклад иконы Богоматерь Умиление, XIII в.; 3 — мощевик из Благовещенского собора Московского кремля, XII вв.; 4—6 — врата Рождественского собора в Суздале, 1230—1233 гг.; 7 — шлем Ярослава Всеволодовича, около 1216 г.; 8 — матрица типа XIV; 9, 11 — подвески типа II; 10 — нашивная бляшка типа XIX; 12 — нашивная бляшка типа XIV.

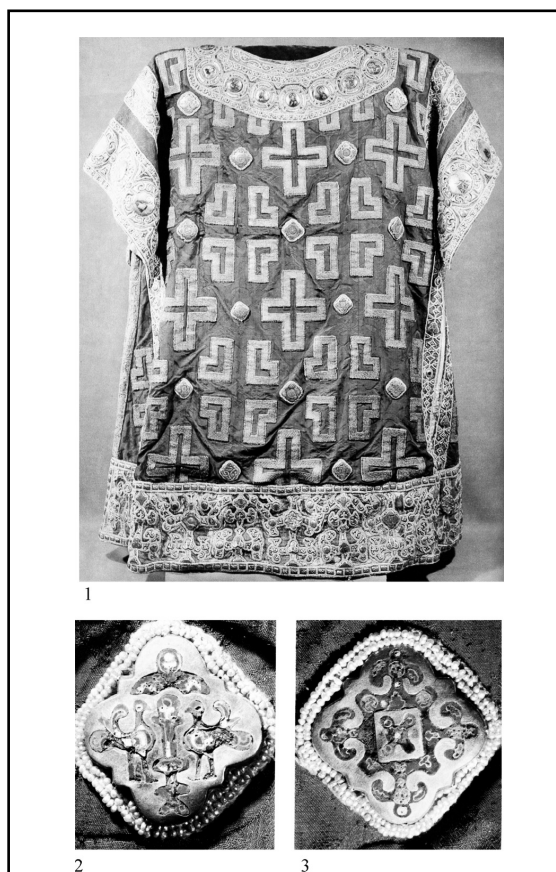

Рис. 48. Драгоценное убранство саккоса митрополита Алексия: 1 — общий вид; 2, 3 — перегородчатая эмаль.

Геометричность общей композиции орнамента эпитрахили поддерживается типологическими формами круглых, треугольных и прямоугольных бляшек, аналогичных домонгольским типам II, VI и XI, встречаемых в кладах довольно часто (рис. 53: 2, 7). Композиционной аналогией является фрагмент дорогой одежды из клада 1903 г. в Михайловском монастыре Киева, но этим аналогия ограничивается (рис. 53: 3). На домонгольском фрагменте одежды геометрическому стилю подчинена и орнаментация самих бляшек, и их форма (например, в виде соединенных треугольников). Бляшки эпитрахили выходят за эти рамки. Бляшки бордюров сохраняют строгие геометрические формы (рис. 53: 2, 7). Основная часть орнаментальных бляшек поля относится к утрированному растительному стилю (рис. 53: 4—6).

Тисненые нашивные бляшки облачений изготовлены в XIV в., и в общем ансамбле саккоса им принадлежала немаловажная роль — увязать стилистически разные детали. Поэтому некоторая часть бляшек сохраняет архаичные геометрические формы. Основная часть бляшек криволинейных форм относится к растительному стилю утрированной стадии, и в этом отношении бляшки облачений стилистически продвигаются дальше домонгольских, их очертания более свободны. Точных

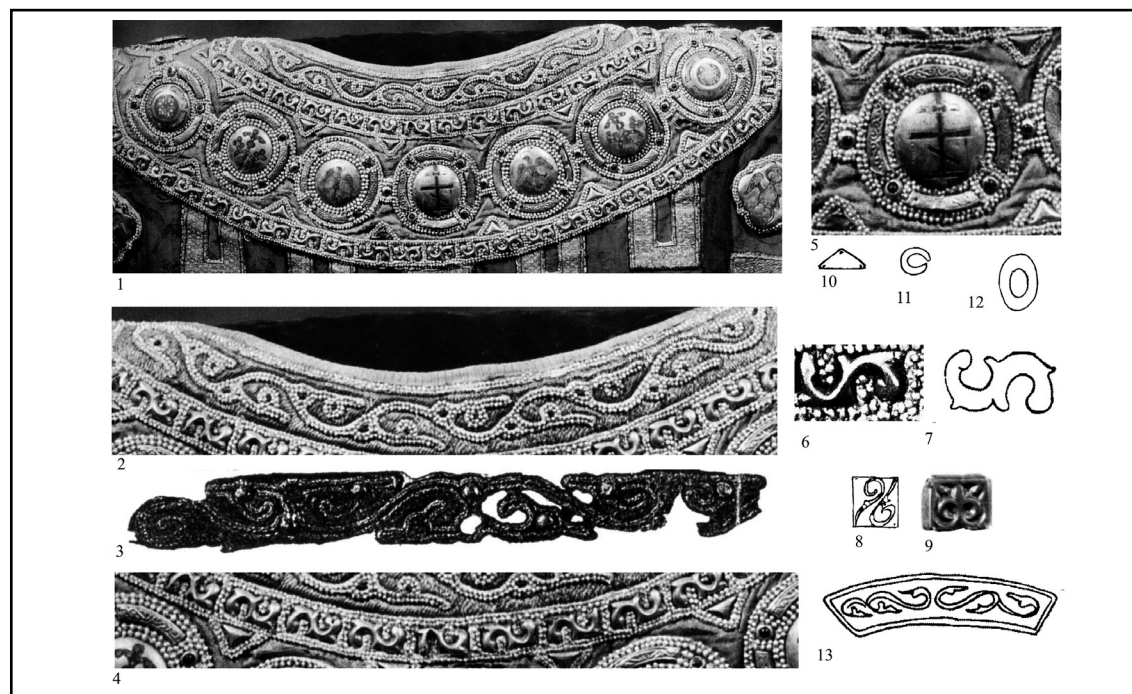

Рис. 49. Убранство оплечья саккоса митрополита Алексия: 1 — общий вид; 2 — верхний бордюр; 3 — фрагмент одежды из клада в Михайловском монастыре, Киев, 1903; 4, 6, 7 — краевые бордюры центрального яруса; 5, 13 — центральный ярус; нашивные бляшки из домонгольских кладов: 8 — Святое Озеро близ Чернигова, 9 — Старая Рязань 1888 г., 10, 11 — Киев, 1903, 12 — Киев, 1939.

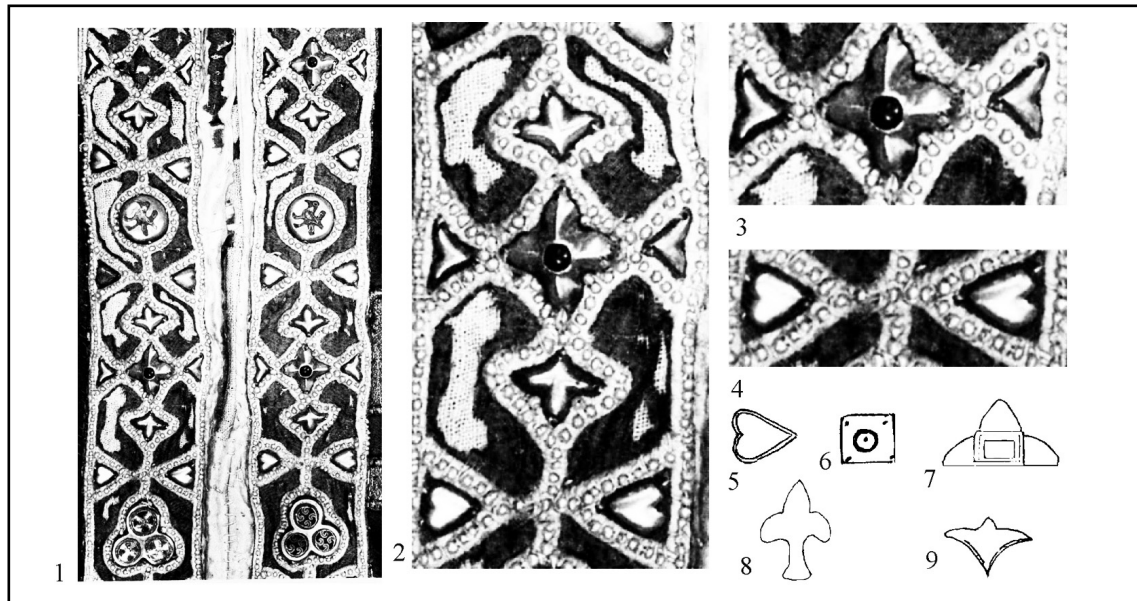

Рис. 50. Тисненая орнаментация «источников» — продольных полос саккоса митрополита Алексия: 1 — общий вид; 2 — раппорт орнаментации полосы; 3 — бляшки кринообразных форм; 4 — бляшки сердцевидных форм; нашивные бляшки домонгольского периода: 5 — тип XIV, Старая Рязань, 1967; 6 — Киев, 1903; 7 — тип XIX, Старая Рязань; 8, 9 — матрицы, тип XIX, Старая Рязань.

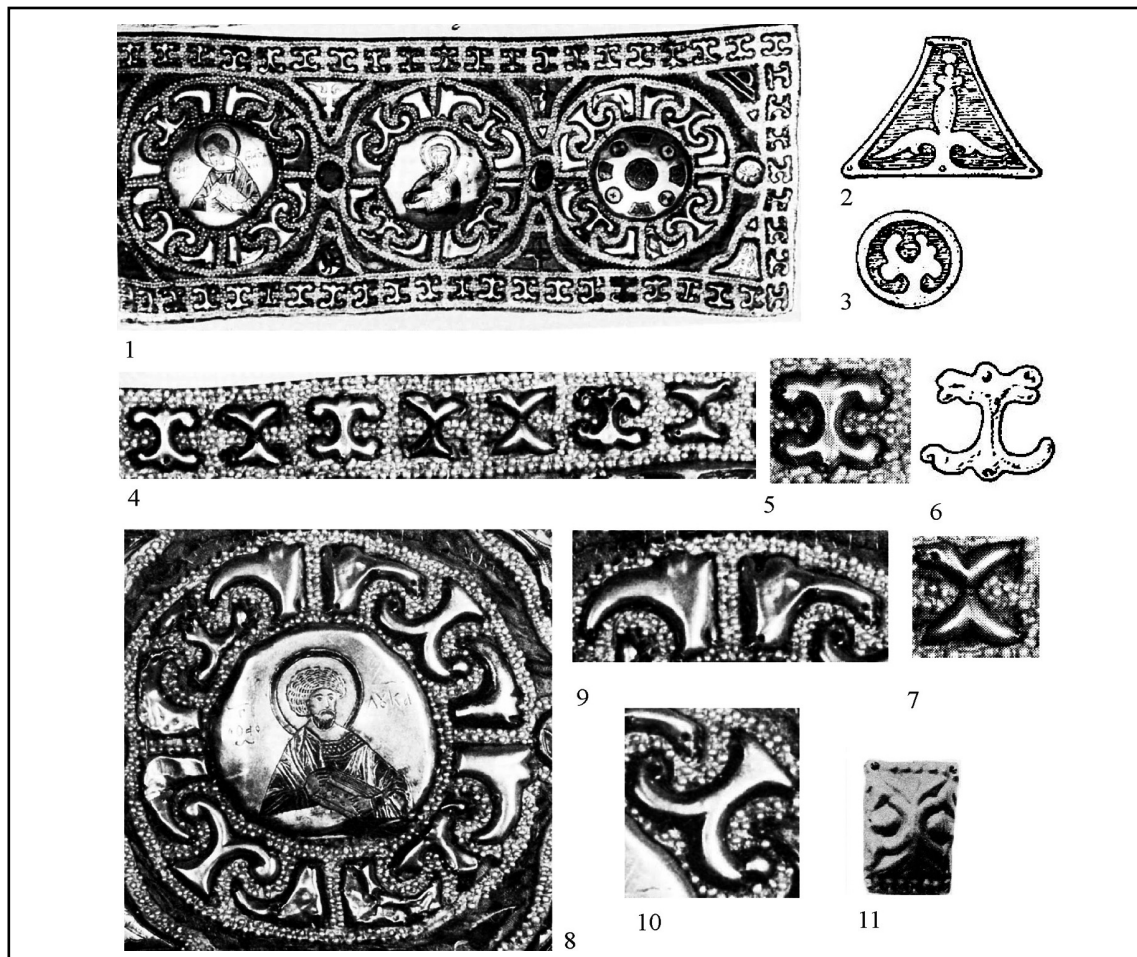

Рис. 51. Орнаментация зарукавий саккоса митрополита Алексия: 1 — общий вид; 2, 3 — черневые бляшки; 4 — краевые бордюры; 5—7 — бляшки краевого бордюра; 8 — бордюр вокруг круглых дробниц; 9, 10 — бляшки кругового бордюра; 11 — нашивные бляшки типа II из клада в Старой Рязани, 1868 г.

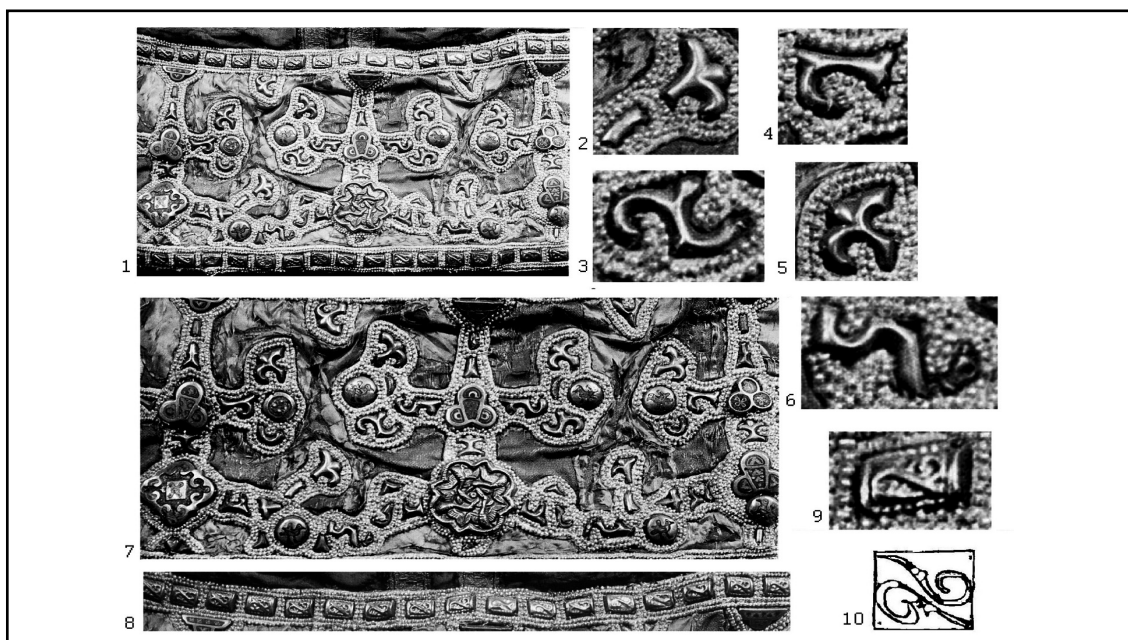

Рис. 52. Орнаментация подола саккоса митрополита Алексия: 1 — общий вид; 2—6 — формы бляшек центрального пояса; 7 — композиция центрального пояса; 8 — краевые бордюры; 9 — бляшка бордюра; 10 — нашивная бляшка из клада в Святом озере близ Чернигова.

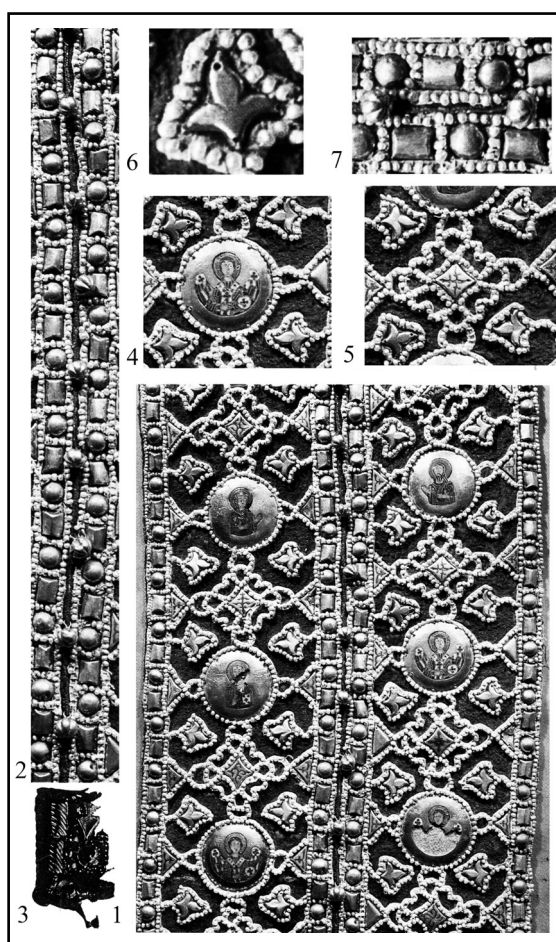

Рис. 53. Орнаментация епитрахили митрополита Алексия: 1 — общий вид; 2 — бордюр; 3 — фрагмент одежды, Киев, 1903; 4, 5 — фрагменты центральных полей; 6 — кринообразная бляшка; 7 — бляшки геометрического бордюра.

аналогий им среди домонгольских бляшек кринообразных форм нет. В домонгольский период утрированная стадия растительного стиля распространилась преимущественно среди бляшек геометрических форм.

В целом можно сделать вывод, что нашивные бляшки облачений митрополита стилистически позже тисненых изделий домонгольской поры. Поэтому для домонгольских тисненых изделий датировка тисненых бляшек саккоса и епитрахили выступит в качестве датировки *post quem*.

3. Абсолютные хронологические привязки тисненых изделий

Обратим сначала внимание на **абсолютные хронологические привязки, имеющие для тисненых изделий**, непосредственно подвергавшихся анализу в данной работе. Эти привязки будут иметь особо важную роль при датировке, и они указаны в хронологических таблицах стилей.

Прежде всего, часть анализируемых тисненых украшений происходит из более ранних групп кладов, по датировкам Г. Ф. Корзухиной относящихся к периодам X — рубежа XI вв., а также XI — первой половины XII вв.

В кладе X в. из с. Юрковцы Липовецкого у., Киевской губ., 1864 г. впервые появляются гладкие лопастные («ребристые») бусины. По предложенной типологии это бусины **типа II** (овальные в продольном сечении), **варианта 1**, с прямыми продольными рельефными ребрами (V, II, 2, 1) (рис. 11: 6). Их появление выглядит как новация, развитие или

упрощение формы лопастных скано-зерновых бусин. Следовательно, их дату можно уточнить как **конец X в.** В дальнейшем бусины продолжают бытование. Данная дата важна для датировки изделий «рифленого» стиля как одного из первых видов орнаментальной обработки поверхности в тиснении, использовавшейся длительное время.

С периодом **XI в.** связываются бусина с геометрическим (ромбическим) тисненым орнаментом, участвующая в филигранном ожерелье Невельского клада (III, I, 1, 1) (рис. 6: 26). Эту дату можно рассматривать как одно из подтверждений раннего характера геометрического стиля.

Гладкометаллические бусины преимущественно связываются с периодом XI в. (рис. 6: 1, 2) (III, III, I, 1, 2; V, I, 1, 1). То же самое следует сказать и о гладких пуговицах-подвесках (рис. 20: 1) (VIII, I, 1, 1).

Пуговицы более сложных форм и орнаментации связываются с периодом **XII—XIII вв.:** грушевидные, с рельефной орнаментацией. Верхней датировкой для подобных пуговиц служат ребристые пуговицы епитрахили митрополита Алексия (рис. 53: 7).

Бляшки **типа II** геометрического стиля, нашитые на воротник-ожерелье из погребения Софийского собора в Новгороде, можно связывать с датой 1050 г., при условии, что погребена действительно Анна, супруга Ярослава Мудрого (Корзухина 1954: 52, рис. 8).

Относительно позднюю дату имеет литой полуфабрикат криновидной подвески из свинцово-оловянистого сплава из куль-

турного слоя Суздаля XII — начала XIII в. (Седова 1997: рис. 63: 4) (рис. 12: 4) (VI, I, 9, 1). Эта дата подтверждает более позднее появление *пышного* стиля.

Полезным оказывается привлечение узких **абсолютных датировок археологических находок других категорий и техник,** обнаруживающих стилистические или типологические аналогии тисненым материалам. При рассмотрении украшений, имитирующих более дорогие, следует иметь в виду, что датировка оригиналов может быть раньше.

Датировка вышеописанной подвески пышного стиля с орнаментальным элементом в виде человеческой руки подтверждается и уточняется датой перстней с изображением человеческих рук из новгородских слоев: начиная с рубежа XII—XIII вв. и в последующее время (Седова 1981: 135, рис. 51: 19—22) (рис. 54: 2). Человеческая фигура и ее детали разрабатывается в русском тератологическом орнаменте в XIV вв. (Некрасов 1913: 65).

Две булавки с кринообразным орнаментом из новгородских слоев дают довольно четкие ориентирующие даты. Первую можно использовать для датировки плетеного стиля — конец XII в. (Седова 1981: 80, 81, рис. 28: 6) (рис. 54: 3). Вторая — показательна для датировки пышного стиля — начало XIII в. (Седова 1981: 80, 81, рис. 28: 9) (рис. 54: 4).

К периоду от начала XII — середины XIII вв. относятся кресты из слоев Новгорода с оформлением окончаний в виде зерновых пирамидок, что соответствует гео-

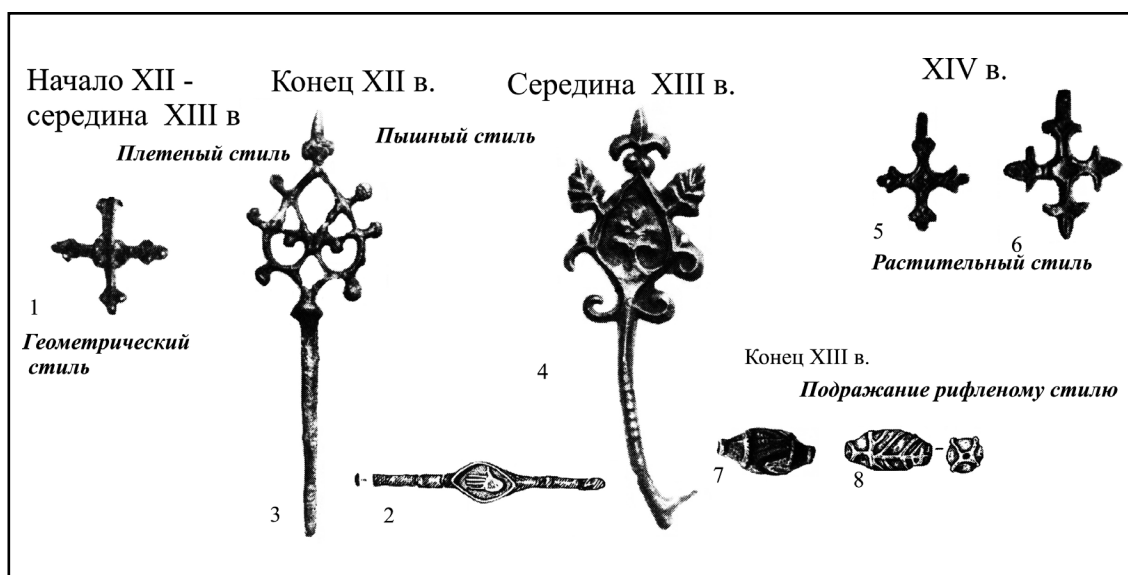

Рис. 54. Хронология археологических находок изделий с орнаментом, аналогичным орнаменту тисненых изделий: 1 — крест с завершениями в виде пирамидок; 2 — перстень с антропоморфной орнаментацией; 3, 4 — булавки; 5, 6 — кресты с кринообразными завершениями концов; 7, 8 — бусины с рифленным орнаментом.

метрическому стилю и может быть использовано для датировок как скано-зерновых, так и тисненных изделий (Седова 1981: 52, рис. 17: 4) (рис. 54: 1). Кринообразные завершения концов креста характерны для периода XIII—XIV вв. (рис. 54: 5, 6).

В новгородских слоях конца XIII в. встречаются литые бусины, аналогичные домонгольским бусинам в рифленном стиле (рис. 54: 7, 8). По всей видимости, данные случаи можно считать повторением домонгольских образцов.

Интересно обратиться к датированному по новгородской дендрохронологии материалу **литых нашивных бляшек**, изготавливавшихся в подражание тисненым (рис. 55). Новгородский археологический материал показывает, что гладкие бляшки геометрических очертаний бытовали с начала XII в. продолжительное время. Это подтверждается и материалом саккоса митрополита Алексия. По новгородскому материалу для гладких бляшек геометрических форм имеются следующие даты: 1116—1134 гг.; 1268—1281 гг. (Седова 1981: рис. 60: 1, 2) (рис. 55: 1, 8).

Одна из круглых орнаментированных бляшек имеет дату 1096—1134 гг. (Седова 1981: рис. 60: 7) (рис. 55: 2). Геометризованный орнамент этой бляшки очень близок подобному орнаменту тисненных колодочек **вариантов 7—12 третьей стилистической группы** геометризованной стадии растительного стиля (рис. 4). Приведенная датировка помогает обосновать более раннее бытование данной стадии.

Некоторые литые бляшки имеют ребристые пояски. Они появились, вероятно, не позднее середины XII в. и использовались длительный период. Наиболее ранняя из таких бляшек датируется 1161—1177 гг., другая — 1177—1197 гг., наиболее поздняя — 1224—1238 гг. (Седова 1981: рис. 60: 4—6) (рис. 55: 3, 6). На бляшке с датой 1177—1197 гг. имеется растительный орнамент геометризованной стадии (рис. 55: 4).

Лунничная литая бляшка с крестообразным внутренним отростком, завершенным пирамидкой из шариков, датируется 1197—1224 гг. (Седова 1981: рис. 61: 10) (рис. 55: 5). Эту дату можно использовать как ориентировочную для датирования самих бляшек лунничной формы, а также — для геометрического стиля орнаментации.

Бляшки в геометрическом стиле и геометрической формы бытуют до конца XIII в. — 1268—1281 гг. (Седова 1981: рис. 60: 3) (рис. 55: 7).

Датированные по новгородским слоям **литые колты** и связанные с ними находки дают опорные даты для стилистических стадий растительного стиля.

Древнейший колт лунничной формы с завитково-растительной орнаментацией относится к XI в., его дендрохронологическая дата — 1055—1076 гг. (Седова 1981: 18, рис. 5: 1) (рис. 56: 1). Это помогает датировать завитково-растительную орнаментацию и завитковый стиль XI — началом XII вв., то есть, позволяют рассматривать его как один из наиболее ранних.

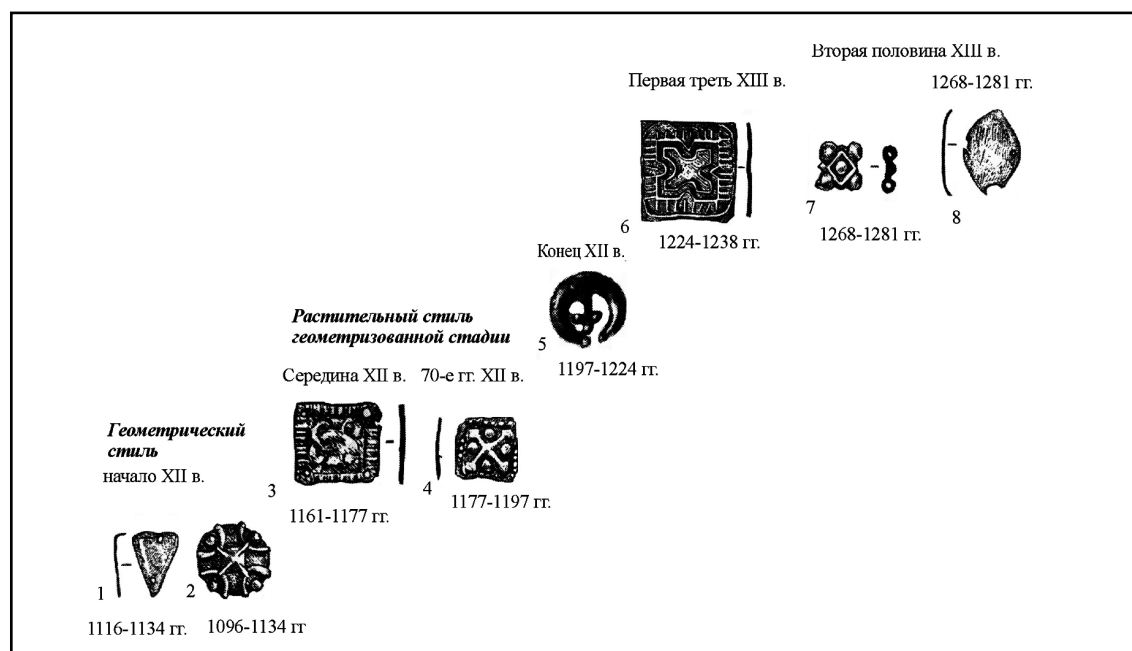

Рис. 55. Хронология нашивных бляшек по новгородской стратиграфии.

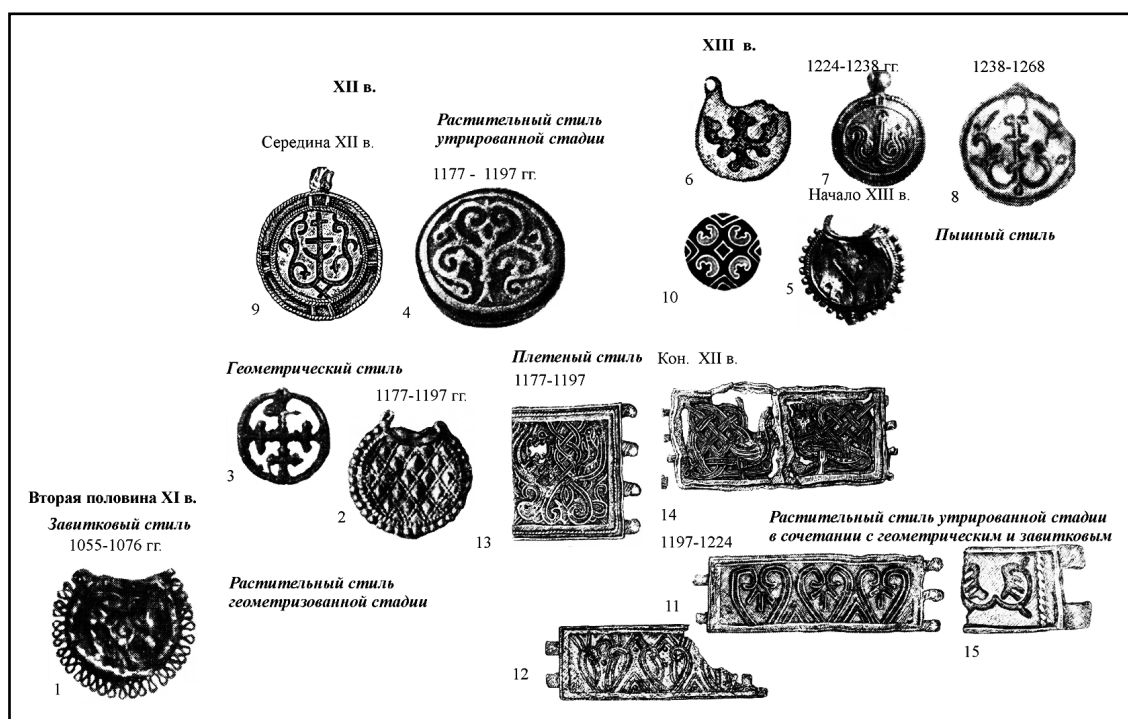

Рис. 56. Датировка украшений металлического убора, имеющих аналогии с тиснеными изделиями.

В геометрическом стиле, в виде геометрической сетки, оформлена оборотная сторона колта из слоя 70—90-х гг. XII в., абсолютная дендрохронологическая дата которого — 1177—1197 гг. (Седова 1981: 20, рис. 5: 7) (рис. 56: 2). Форма другого колта с жемчужной обнизью по кладам является достаточно ранней, но центральная растительная фигура колта из Новгорода имеет признаки пышного стиля (Макарова 1975: 21—26; Седова 1981: 21, рис. 5: 3, 6) (рис. 56: 5). Дату начала XIII в. — 1224—1238 гг. — имеет небольшой бронзовый колт с орнаментацией утрированно растительного стиля, подражающий колтам с перегородчатой эмалью (Седова 1981: 21, рис. 1: 5) (рис. 56: 6). Эти даты подтверждает последовательность стадий стиля от геометризированной к утрированной.

Ту же самую хронологическую расстановку стилей подтверждают и даты **круглых привесок и медальонов**. Наиболее ранняя медная привеска в геометризованном кринообразном стиле не выходит за пределы XII в. (Седова 1981: 42, рис. 14: 1) (рис. 56: 3). Биллоновый медальон с мотивом процветшего креста относится к середине XII в. (Седова 1981: 43, рис. 15: 2) (рис. 56: 9). Подвески с мотивом процветшего креста в растительном стиле утрированной стадии по новгородской хронологии относятся: одна — к 1224—1238 гг., другая — к 1238—1268 гг. (Седова 1981: рис. 14: 5, 6) (рис. 56: 7, 8). Для датирования растительного стиля можно использовать дату перегородчатой эмалевой вставки на золоте

из слоя 20—30-х гг. XIII в. (Седова 1981: 18, рис. 80: 1) (рис. 56: 10). Здесь правильно построенные крины включаются в состав геометрических элементов и образуют геометрическую розетку. Важна и датировка матрицы для тиснения с орнаментом утрированной стадии растительного стиля — 1177—1197 гг. (Седова 1981: рис. 72: 4) (рис. 56: 4).

Среди **створчатых литых браслетов**, выполнявшихся в подражание черневым, большинство относится к 70-х гг. — концу XII в. Два браслета *плетеного* стиля относятся к концу XII в. (Седова 1981: 116, рис. 44: 7, 9) (рис. 56: 13, 14). Три браслета представляют интересный стилистический вариант сочетания *завиткового* стиля с *растительным* стилем утрированной стадии. Все они относятся к 1197—1224 гг. (Седова 1981: 118, рис. 44: 1, 3, 4) (рис. 56: 11, 12, 15). Браслеты показывают тот же диапазон стилового развития: от *геометризированной* до *утрированной* стадии растительного и плетеного стиля.

4. Датировка стилей и типологических подразделений тисненых изделий

Результат датирования основных стилей и соответствующих им типов и вариантов тисненых изделий суммирован на хронологических таблицах, где собраны данные, происходящие от всех датированных аналогий (рис. 57—59).

При определении времени бытования стиля наиболее точно выделяется дата его воз-

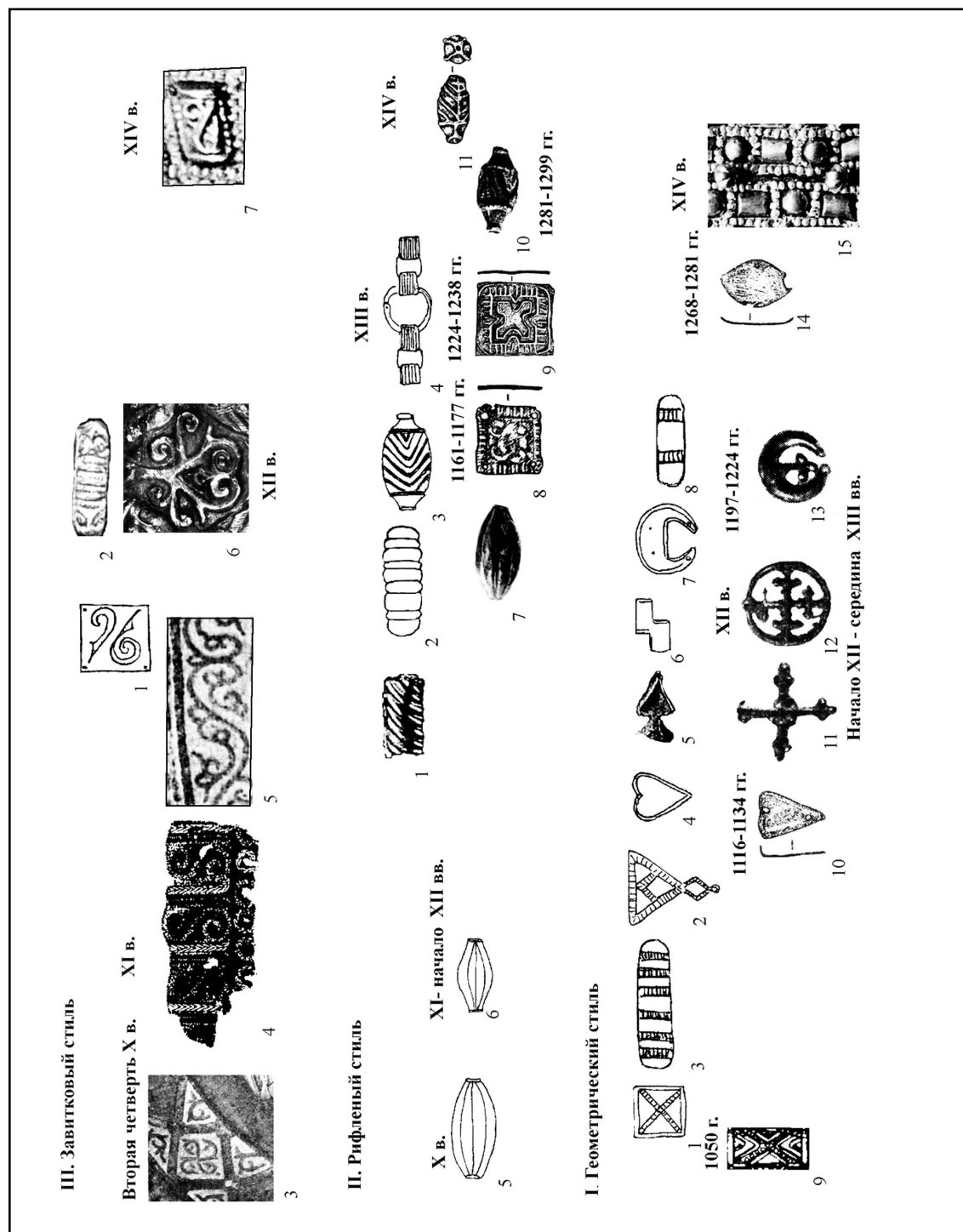

Рис. 57. Хронологическая таблица стилей I. Геометрический стиль: 1 — Старая Рязань, 1822 г. (I, VII, 1, 2); 2 — колодочка концевая, Старая Рязань, 1974 (IV/II, IV, 1); 3, 8 — колодочки (IV/II, I—IV, 1—4); бляшки: 4 — Старая Рязань, 1967 (I, VII, XIV, 1, 1); 5 — Киев, 1903 (I, VII, VII, 1, 1); 6 — Киев, 1936 (I, VII, IX, 1, 1); 7 — Старая Рязань, раскоп №7 (I, VII, XV, 1, 1); Новгород: 9 — погребение Софийского собора (I, VII, II, 8, 1); 10 — бляшка (20—25—166); 11 — крест (14—11—694); 12 — подвеска (раскоп XX); 13 — бляшка (16—17—1790); 14 — бляшка, Новгород (13—15—402); 15 — бордор епитрахили митрополита Алексия. II. Рифленый стиль: 1 — бляшка, Киев, 1903 (I, VII, II, 2, 1); 2 — колодочка (IV/II, I, III, IV, 13—20); 3 — бусина д. Сельцо Новгородской обл., 1892 (V, II, 5, 1); 4 — рясо-цель, Княжья Гора, 1891 (IV, III, 4); бусины — 5 — с. Юрковцы, Киевской губ., 1864 (V, II, 2, 1); 6 — Старая Ладога Петербургской губ., 1920 (V, II, 2, 1); 7 — Старая Рязань, 1979 (V, II, 2, 13); Новгород: 8 — бляшка, (18—22—4); 9 — бляшка (15—19—857); бусины — 10 — (12—18—1168); 11 — (Торг-21—4). III. Завитковый стиль: 1 — бляшка, Святое Озеро, Чернигов (I, VII, I, 3, 2); 2 — колодочка, Вербов (IV/II, IV, 6, 1); 3 — мозаика монастыря Хозюс Лукас в Фокиде; 4 — очелье, курган IX, Троицкая группа, Черниговская обл.; 5 — Софийский собор в Киеве; 6 — византийская чаша № 2, Чернигов; 7 — бляшка санюса Алексия.

никновения. Со временем стиль перестает давать чистые образцы, соединяясь с другими во всевозможных вариантах. В сущности, чистый вариант стиля, на котором сосредоточивается внимание при датировке, бытует недолго и связывается с конкретными типологическими группами вещей, которые объединяются в эволюционный типологический ряд. Моменты связанности стилистических групп с типологическими подразделениями помогают датировке.

Наблюдение за стилистическими явлениями становится одним из наиболее важных средств уточнения широких датировок. Тем не менее, широкие рамки датирования отдельных групп древнерусских кладов также важны, они позволяют использовать дату стиля в ограниченном временном пространстве. Даты, определенные для стиля, при сопоставлении с датами хронологических групп кладов позволяют уточнить бытование типов и вариантов вещей.

Поскольку в результате типологического анализа материал категорий обнаружил определенную последовательность развития и имеет конкретные датировочные привязки, типологический ряд каждой категории можно размещать внутри ограниченного отрезка датировки стиля. Таким образом, возможно дальнейшее уточнение датировки конкретной вещи.

Поскольку верхняя граница материала кладов известна — это **1238 г.**, к непосредственно датированному нами материалу имеют отношение аналогии, по дате располагающиеся ранее. Более поздние аналогии следует рассматривать как продолжение стилистических процессов домонгольского периода и как датировку *post quem*.

Использование **геометрического стиля** в эпоху средневековья имеет очень широкие временные границы, о чем свидетельствуют приведенные датировочные аналогии (рис. 57: I, 9—15). Для материала тисненых изделий конкретно выявляется, что наиболее близкие датировочные аналогии относятся **ко второй половине XI — первой половине XII вв.** (рис. 57: I, 9—10). Этот период можно считать датировкой основного распространения **геометрического стиля** в тиснении. В это время геометризм характерен как для общей формы тисненого изделия, так и для орнаментации. Существуют бляшки правильных геометрических очертаний (или близких к ним). Они, как правило, прямолинейно разделены на зоны орнаментации (тисненые колодочки с параллельными ребристыми поясками) (рис. 57: I, 1—9).

Еще более широко расположились датировочные аналогии, связанные с **рифленным стилем** (рис. 57: II, 5—11). Они начинаются с X в., доходят до конца домонгольского периода и продолжают в XIII—XIV вв. Для домонгольского периода дата бытования **рифленного стиля — X — первая треть XIII вв.**

Однако по конкретным датировочным фактам датировку изделий можно уточнить. Бытование рясен-цепей с пластинчатыми ребристыми звеньями уточняется по цепочке с аналогичными, но гладкими звеньями из слоев Новгорода (14—11—694), она относится к самому концу предмонгольского периода (рис. 57: II, 4). Ребристые бусины **типа II, варианта 2** с продольными рельефными долями действительно бытуют на протяжении всего этого периода, но период бытования соответствует двум поколениям: первое относится к X в. (рис. 57: II, 5); рубеж маркируется по бусинам XI в., разрезанным на части (рис. 57: II, 6); второе поколение относится ко второй половине XII — первой трети XIII в. (рис. 57: II, 7). Судя по поздним аналогиям, ребристые бусины **варианта 5** относятся к рубежу XII/XIII вв. (рис. 57: II, 8).

Хронологические аналогии завитковому стилю начинаются с X в., основная их часть попадает на XI в., гораздо менее они связываются с XII в. (рис. 57: III, 3—6). Для XIII в. орнаментальных аналогий завитковому стилю в тиснении пока не обнаружено. Поскольку в кладах X в. тисненые изделия с завитковым орнаментом вообще отсутствуют, **завитковый стиль** в тиснении можно датировать **концом XI — первой половиной XII в.** (рис. 57: III, 1, 2). В послемонгольское время стиль возрождается в новом варианте (рис. 57: III, 7).

Таким образом, **хронологическая таблица стилей I** показала, что три из выделенных для тиснения стилей — **геометрический, рифленный и завитковый** — имеют более раннее распространение. Их использование в тиснении начинается с X—XI вв., или можно сказать, что техника тиснения с них начинается (рис. 57).

Хронологические аналогии позволяют определить время бытования трех стадий **растительного стиля**, это датирование отражено на **хронологической таблице стилей II** (рис. 58). Более четко вырисовывается время начала бытования каждой стадии, что, собственно, и нужно для определения их хронологической последовательности.

Хронологические аналогии **геометризованной** стадии растительного стиля начинаются с X в. (рис. 58: IV/1, 10). Основные и наи-

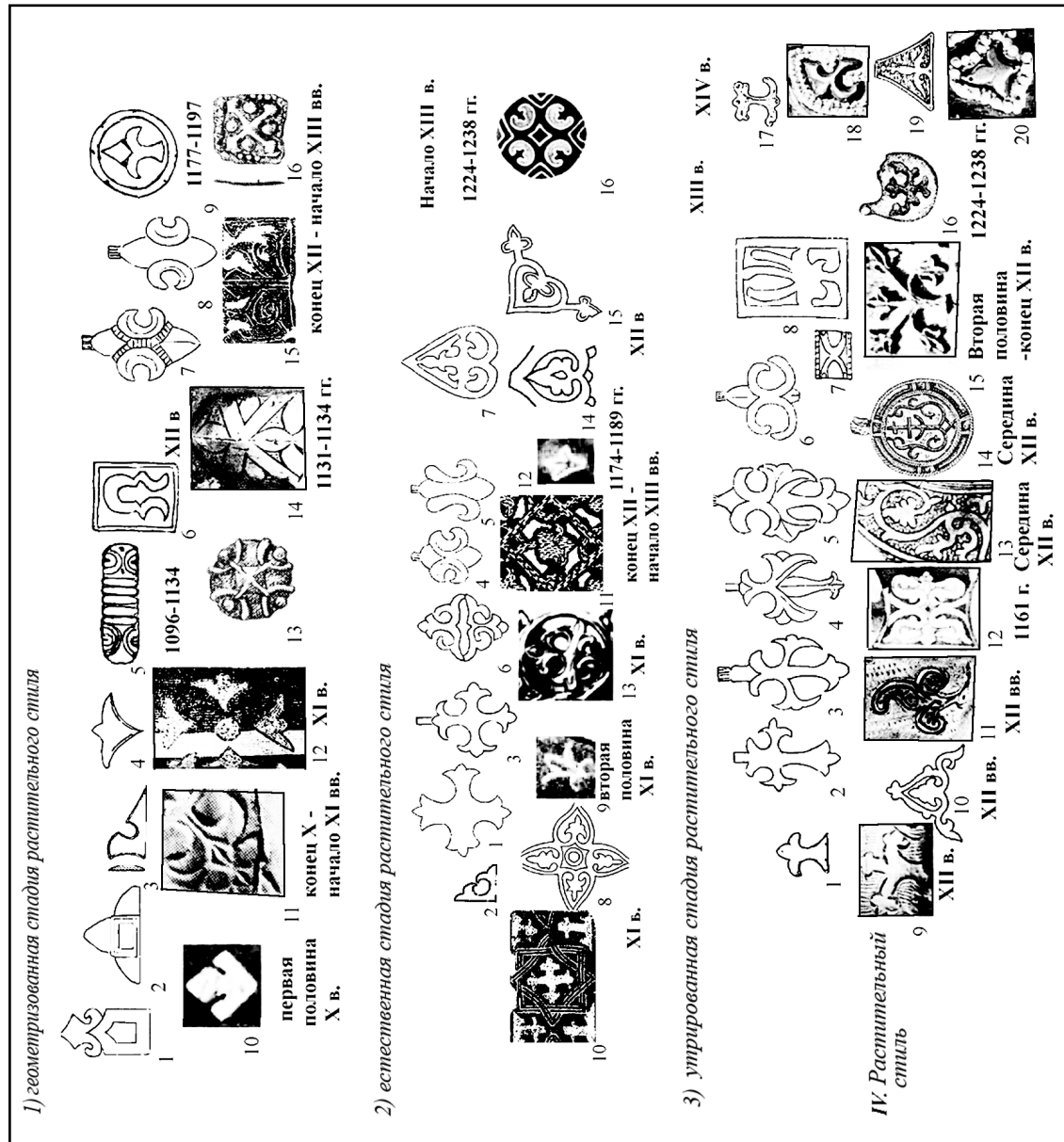

Рис. 58. Хронологическая таблица стилей II. Растительный стиль: 1) геометризованная стадия: 1—4 — Старая Рязань, 1822 (2, VII, XIX, 1, 1); 3 — раскоп 17 (1, IX, XX, 1, 1); 4 — раскопки А. Л. Монгайта (1, IX, XX, 1, 2); 5 — колодочки (IV/II; I, III, IV; 7—12); 6 — блестяшка, Киев, 1936 (2, VII, II, 2, 1); 7, 8 — подвески, Киев, 1901 (VI, I, 1), 1903 (VI, I, 2, 1); 9 — Киев, 1903 (1, VI, XI, 4, 1); 10 — миниатора Евангелия Афонского монастыря Ставро-Никиты; 11 — сарнофаг Десятинной церкви; 12 — мозаика Софии Киевской; 13 — Новгород, блестяшка (21/20—25—20); 14 — кратир Братилы; 15 — курган 31 у д. Маклаково; 16 — Новгород, блестяшка (18—15—665). 2) естественная стадия: 1, 2 — блестяшки, Старая Рязань, 1868 (1, VII, XIX, 3, 1) (1, VI, XIX, 4, 1); подвески: 3 — Киев, 1949 (VI, II, 1, 2); 4 — Княжья Гора (VI, I, 2, 2); 5 — Киев, 1876 (VI, I, 6, 1); 6 — парные блестяшки, Княжья Гора (1, VII, XIX, 5, 1); 7 — матрицы, Старая Рязань, раскоп № 17 (2, IX, XIV, 1, 1) (1, IX, XIX, 2, 1); 8 — росписи Софийского собора, Киев; 9 — мозаики храма в Дафни; 10 — воротник, курган у д. Караш, Ярославская обл.; 11 — ткань из гробницы у церкви Иоанна Богослова в Смоленске; 12 — мозаики собора в Монреале; 13 — Новгород, малый сион; 14 — крышка чаши № 5 из Ненецкого национального округа, Византия; 15 — греческая рукопись; 16 — эмалевая вставка в колт, Новгород (15—20—292). 3) упрощенная стадия: 1 — блестяшка, Мартыновка Киевской губ., 1886 (1, VII, XIX, 1, 2); подвески: 2 — Старая Рязань, Южное городище, 1995 (VI, II, 2, 2); 3 — Владимир, 1993 (VI, II, 3, 1); 4, 6 — Киев, 1949 (VI, I, 7, 1) (VI, II, 3, 3); 5 — с. Кресты, Тульской обл., 1876 (VI, II, 3, 2); блестяшки, Старая Рязань, 1868—7 — (1, VII, II, 7, 1), 8 — (2, VII, II, 4, 1); 9—7 — чаша № 4 из Березова, Византия; 10 — мозаики Палатинской капеллы в Палермо; 11 — мощевик из Благовещенского собора Московского кремля; 12 — крест Евфросины Полоцкой; 13 — блюда из Коринфа; 14 — медальон, Новгород (K25—56); 15 — каменная резьба Дмитриевского собора во Владимире; 16 — колт, Новгород (15—20—1292); блестяшки облачений митрополита Алексия: 17, 19 — зарукавий санкоса, 18 — подола санкоса, 20 — епитрахили.

более выразительные из них, находящие сходство с тисненными изделиями, относятся к периоду XI — начала XII вв. (рис. 58: IV/1, 11—14). С материалом прикладного искусства именно этого периода находят параллели нашивные бляшки растительных форм с геометризованными очертаниями (рис. 58: IV/1, 1—4). Учитывая, что эти изделия происходят только из поздней группы кладов, есть основания ограничить датировку стиля следующим образом: **вторая половина XI в. — первая половина XII в.** На более поздних примерах *геометризм* наблюдается уже в менее чистом виде.

Для *естественной стадии растительного стиля* хронологические аналогии начинаются с XI в. и относятся ко всему XII в. (рис. 58: IV/2, 10—15). Наибольшая часть тисненых изделий находит выразительные параллели с аналогиями второй половины XI—XII вв. (рис. 58: IV/2, 1—9). Поэтому, вновь учитывая происхождение тисненых изделий из поздней группы кладов, может быть предложена датировка *естественной* стадии *растительного* стиля XII в. включительно. Примеры стиля встречаются и в более позднее время, однако это можно объяснить вторичным использованием изделий (рис. 58: IV/2, 16).

Хронологические аналогии для *утрированной* стадии *растительного* стиля начинаются с XII в. и в основном связываются с **рубежом XII/XIII — первой третью XIII вв.** (рис. 58: IV/3, 9—16). Тисненые нашивные бляшки и подвески показывают интересный стилистический ряд от простого *удлинения* растительных орнаментальных элементов до их причудливого *изгибания* и *набухания* (рис. 58: IV/3, 1—8). Более точно датированные аналогии связываются **со второй половиной XII в.** (рис. 58: IV/3, 12—15). Поэтому *утрированную* стадию *растительного* стиля более правильно будет связать **со второй половиной XII в. и первой третью XIII в.** Тисненые нашивные бляшки облачений митрополита Алексия показывают, что именно эта стадия растительного стиля преимущественно продолжается в послемонгольское время (рис. 58: IV/3, 17—20).

Хронологическая таблица стилей II показала, что общий период бытования *растительного* стиля в искусстве тиснения относится к середине XI — **первой трети XIII вв.** Благодаря выделению стадий стиля, бытование типологических подразделений и стилистических групп, соответствующих этим стадиям, можно сузить.

Хронологическая таблица стилей III посвящена датированию *плетеного* и *пышного* стилей (рис. 59).

Хронологические аналогии *плетеному* стилю начинаются со второй четверти XII в. и продолжаются по **первую треть XIII в.** (рис. 59: V, 17—20). Сузить рамки основного распространения стиля помогает важная аналогия с черневыми браслетами с плетеной орнаментацией (рис. 59: V, 12). По мнению Т.И. Макаровой, эти варианты браслетов соответствуют технологически более совершенному способу рельефной подготовки пластины под чернь с помощью тиснения, сменившему ручную выколотку в конце XII в. (Макарова 1986: 91, № 233). Этой стадии точно соответствует *вариант 3* нашивной бляшки типа XIX (рис. 59: V, 1, 5). Следует иметь в виду, что существовали и более простые варианты стиля, где плетение еще не объединялось с растительной орнаментацией (рис. 59: V, 2—4). Все эти факты позволяют преимущественно связать распространение *плетеного* стиля в тиснении с **серединой XII в. — началом XIII в.**

Хронологические аналогии *пышного* стиля еще ближе к началу XIII в. (рис. 59, VI). Среди стилистических аналогий примеров с датой исключительно XII в. нет. Время конца XII в. или рубежа XII/XIII вв. является нижней границей широких датировок (рис. 59: V, 1, 5). Все аналогии относятся к XIII в. (рис. 59: VI, 9—15). Тисненые изделия, бляшки и подвески, обнаруживают большое сходство с аналогиями развитого пышного стиля из других видов прикладного искусства (рис. 59: VI, 2—7). Есть отдельные примеры изделий, находящихся на пути к становлению пышного стиля (рис. 59: VI, 1). Это позволяет датировать *пышный* стиль в тиснении **рубежом XII/XIII вв. — XIII в.** В XIV в. пышный стиль продолжает существование (рис. 59: VI, 16, 17).

Хронологическая таблица стилей III показала более позднее бытование *плетеного* и *пышного* стилей в тиснении, начинающееся со второй половины — конца XII в. и продолжающееся в XIII в. (рис. 59).

Поскольку каждый из датированных стилей связан с конкретными типами, вариантами и стилистическими группами тисненых изделий (Глава 3, раздел 1), предложенные в данной главе выводы об общем датировании стилей относятся ко всем этим вещевым подразделениям (рис. 22—29). Основные типы и варианты изделий показаны и на хронологических таблицах стилей (рис. 57—59).

Полученные в данной главе результаты использованы при составлении общих хронологических таблиц тисненых украшений в заключительном разделе.

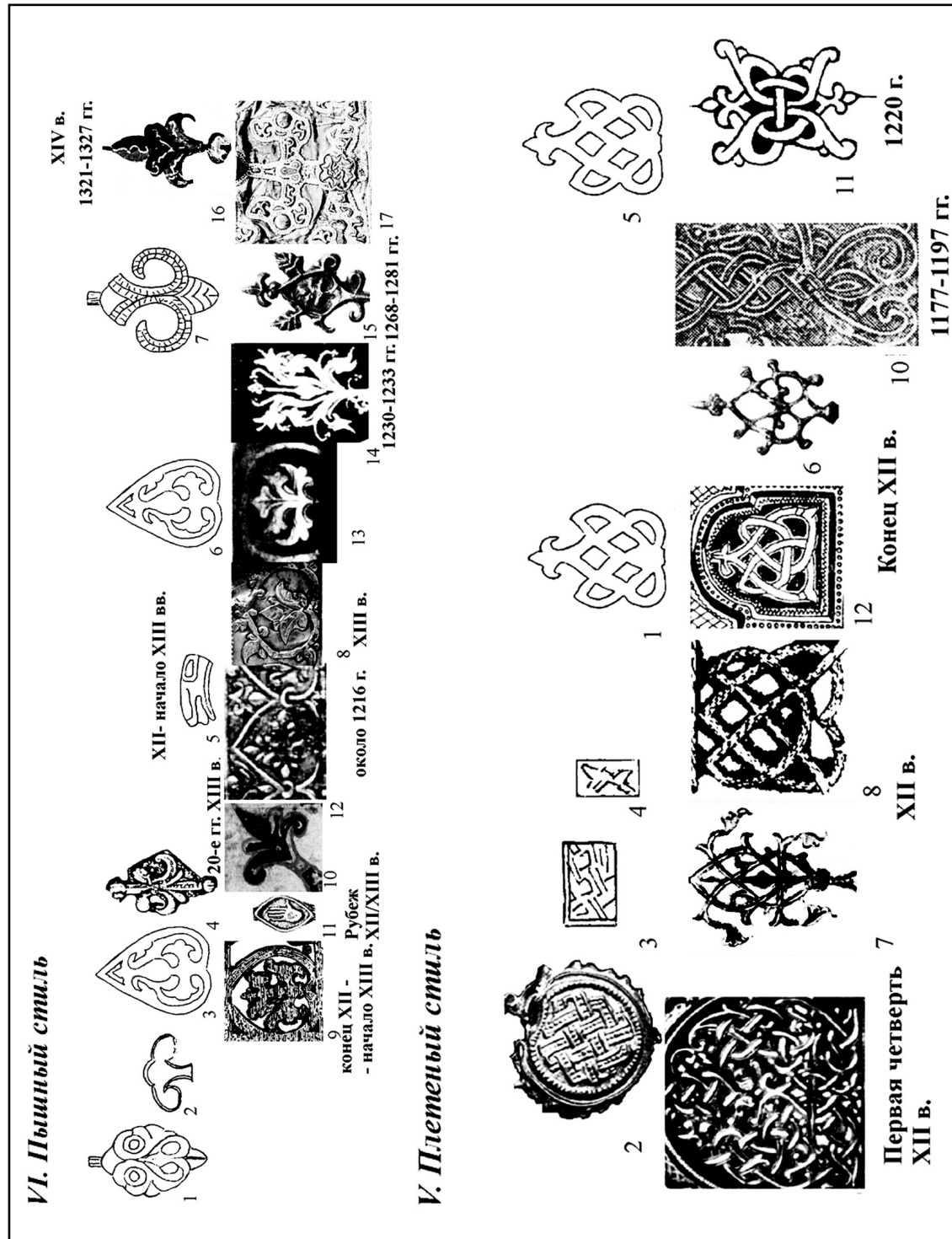

Рис. 59. Хронологическая таблица стилей III: V. Плетеный стиль: 1, 5 — бляшка, Старая Рязань, раскоп № 28, Северное городище (2, VII, XIX, 3, 1); 2 — колт, Вербов; бляшки — Старая Рязань, 1868 (1, VII, II, 4, 2); 4 — Киев, 1936 (1, VII, II, 4, 1); 6 — булавка, Новгород (13—16—1838); 7 — након Евангелия в ГПСЦ; 8 — погребение № 2, Старая Рязань, 1926; 9 — большой сион, Новгород; 10 — браслет, Новгород (17—19—1080); 11 — Апостол толковый (Ростов); 12 — черновой браслет, Киев, ул. Стрелецкая, 1939. VI. Пышный стиль: бляшки, Старая Рязань: 1—2005 (VI, II, 4, 1); 2 — Южное городище, 1992 (1, VII, XIX, 1, 3); 3, 6—1822 (1, VII, XVIII, 1, 1); подвески — 4 — Суздаль (VI, I, 9, 1), 7 — Киев, 1949 (VI, I, 8, 1); 5 — матрница, Старая Рязань, раскопки А.Л. Монгайта (1, IX, XX, 1, 2); 8 — оклад иконы Богоматерь Умиление; 9 — воротник, курган 5 у д. Пушкино; 10 — заставка листа 5 Архангельского Евангелия, (Ростов — ?); 11 — перстень, Новгород (Мих 8—16—75); 12 — шлем Ярослава Всеволодовича; 13, 14 — врата Рождественного собора в Суздале; 15 — булавка, Новгород (13—16—1838); 16 — миниатюра Федоровского Евангелия; 17 — подел саккоса митрополита Алексия.

Глава 5. Роль и назначение тисненых изделий в уборе и костюме

Тисненые серебряные и позолоченные изделия использовались в костюме одновременно с украшениями других техник, серебряными и золотыми.

Внутри разнообразного типологически комплекса тисненых изделий наблюдается единое стилистическое развитие. М. А. Сабурова считает возможным говорить о самостоятельном уборе из тисненых украшений, сочетавшихся с жемчугом. На представленных исследователем реконструкциях древнерусской одежды использованы тисненые украшения, в основном нашивные бляшки и рясна (Сабурова 1997: 108, табл. 66, 71—73, 74, 77, 78).

Необходимо прояснить и назначение тисненого убора, выделяемого среди древнерусских украшений и хорошо представленного в кладах X—XIII вв.

Анализ роли и назначения тисненых изделий целесообразно провести сначала внутри категорий. Представление о назначении большинства тисненых изделий в металлическом уборе выявлено и относительно утвердилось в научной литературе. Однако некоторые споры прошлого времени имеют тенденцию возобновляться (Пекарская 2006: 100—102). Следовательно, в ряде случаев актуальной будет и дополнительная аргументация. Кроме того, в уточнении нуждается конкретная роль и место тисненых деталей в костюме древнерусской эпохи. Есть, наконец, и отдельные загадочные предметы, объяснение назначения которых может пока быть предложено гипотетически.

Предлагаемые рабочие реконструкции делаются на следующие последовательные виды:

1) восстановление расположения деталей или частей самого украшения (в пределах категории);

2) определение роли категорий в составе костюма или металлического убора (для подвесок — реконструкция ожерелий; для нашивных бляшек — реконструкция составленного из них орнамента на одежде);

3) восстановление стилистического ансамбля драгоценного убранства одежды (на материале различных категорий тисненых украшений).

Первые два вида реконструкций проводятся с опорой на формально-типологические и конструктивные признаки, то есть, изделия объединяются именно по ним. Третий вид реконструкций проводится на основании стилистических признаков и выходит за пределы типологии.

Итоговым результатом являются историко-культурные реконструкции: восстановление княжеских облачений древнерусского времени. Эти реконструкции делаются с опорой на рабочие реконструкции по материалу тисненых украшений и на анализ иконографических и письменных данных X—XIII вв.

1. Реконструкции по категориям

В данном разделе выполнены задачи двух первых видов рабочих реконструкций.

I/II. Детали диадем и рясен

Эти предметы, составлявшие убранство диадем и, возможно, сионцевидных и колоколовидных рясен, должны были составлять ансамбль. Форма подвесок к диадемам и рясам была сходной, что и позволяет несколько условно их объединить. Сохранившиеся в кладах диадемы с перегородчатой эмалью демонстрируют варианты использования подвесок (рис. 60: 4).

Из тисненых изделий в наличии имеются только единичные, оторвавшиеся от основы, украшения. Разрозненность материала данного типологического раздела затрудняет целостное восприятие материала.

Наиболее хорошо представленные каплевидные подвески (4 экз.) находят точные аналогии, в том числе и по деталям крепления, с миниатюрными нижними подвесками к эмалевой диадеме из клада в Киеве 1899 г. (рис. 60: 1—4).

Лунничная деталь могла принадлежать как сионцевидному, так и колоколовидному рясну (рис. 60: 5). В качестве аналогии можно привести золотое колоколовидное рясо из Чернигова с цепочками из гладко-металлических бусин (рис. 60: 6).

Множество золотых тисненых колечек вместе с жемчугом собирается в рясо пока оригинального для Руси типа — в виде круглого столбика из колечек. Каждое колечко приспособлено к тому, чтобы вертикально пропустить через свои отверстия по 6 соединительных нитей. Такая реконструкция осуществлена сотрудниками ГРМ, что было зафиксировано на фотографии, любезно предоставленной мне для ознакомления С. М. Новаковской. Такое рясо могло быть использовано для подвешивания сионцев. Возможно, это вариант, непосредственно поступивший из Византии (рис. 60: 9).

В кладах из Княжей Горы 1891 г. в качестве подвески к рясну из гладких тисненых бляшек употреблена цепочка с двумя гладкими

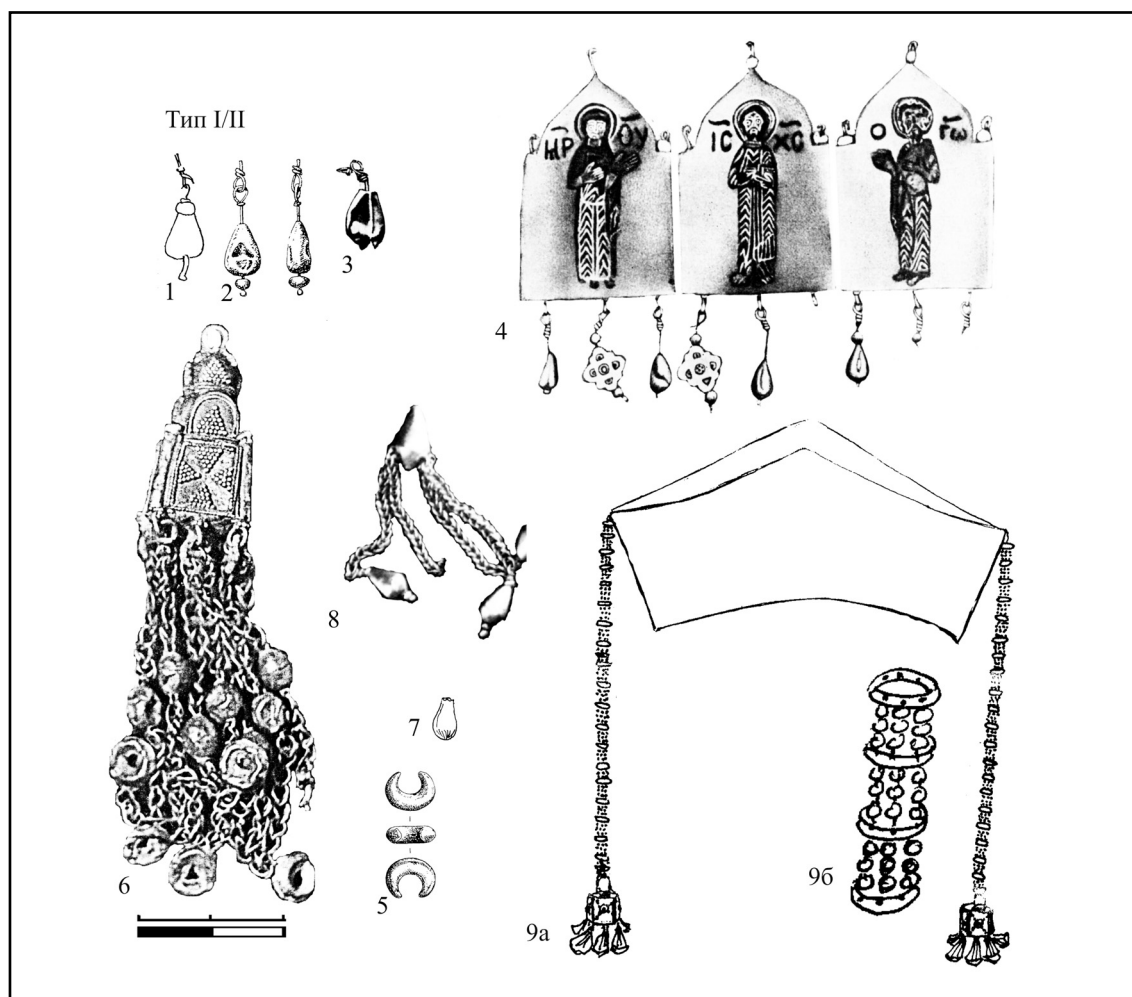

Рис. 60. Использование тисненных подвесок к диадемам и рясам: подвески типа II: 1 — Южное городище, раскоп № 7 (I/II, II, 3); 2 — Южное городище, раскоп № 7аб (I/II, II, 2); 3 — Новогрудок (I/II, II, 4); 4 — фрагмент диадемы из клада в Киеве, 1899; 5 — часть подвески, Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 7 (I/II, I, 1); 6 — подвеска-рясно из летописного Божска, Хмельницкая обл., 1970; 7 — фрагмент подвески, Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 7аб (I/II, II, 2); 8 — подвески, с. Телиженцы Хмельницкой обл., 1978-II (I/II, IV, 1); 9 — реконструкция подвесных рясен, Киев, 1887 (I/II, V, 1).

тиснеными овально-коническими в сечении бусинами с поперечным пояском болгарской формы. Это шумящее украшение, хранящее традиции языческого убора.

Подвески-ворворки конусовидно-грушевидной формы, вероятно, использовались в качестве нашивных подвесок на края одежды и головных уборов для образования бахромы (рис. 60: 7, 8).

III. Бусинные височные кольца

Височные кольца из гладких и других бусин, как правило, имеют крупный диаметр, около 10 см, они в целом довольно тяжелы и громоздки. Иногда их называют ожерельями, которые в таком случае должны были бы плотно облегать шею. Размер, типичный для крупных височных колец, располагает к мнению о ношении их в составе головного убора, возможно, они крепились к кожаным наушни-

кам, известным по материалу Пересопницкого могильника X в. (рис. 61). Височные кольца из тисненных ребристых бусин из материалов некрополей округи Суздаля меньше по диаметру, могли носиться в составе подвесок головного убора с закреплением и в ушах.

IV/I. Рясна-цепи из круглых бляшек

Найденное в составе клада из Губина рясно, по-видимому, носилось с черневым колтом с обнизью из полых шариков, происходящим из того же клада, с которыми составляет полный ансамбль (рис. 62: 2) (Якубовский 2003: 95, рис. 62).

Известные единичные экземпляры рясен-цепей из круглых полусферических тисненных бляшек использовались для крепления не только колтов. В сельских районах и на периферии древнерусского государства продолжали носить уборы, связанные с языческими тра-

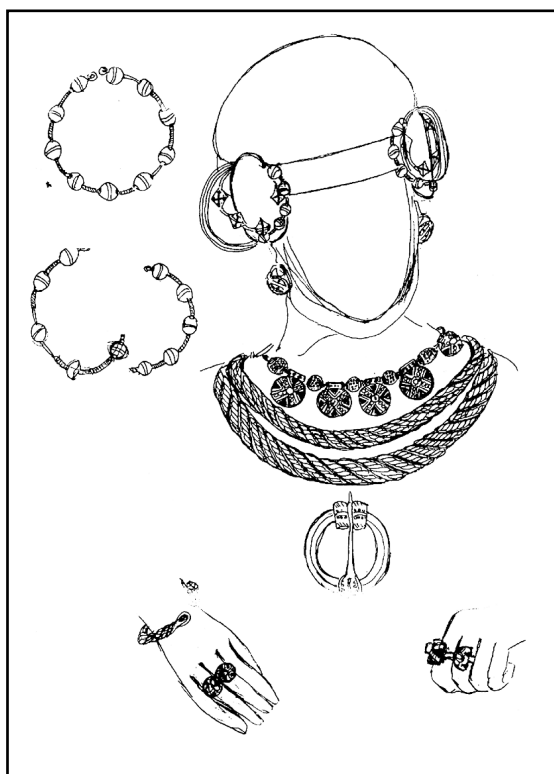

Рис. 61. Реконструкция ношения многобусинных дужек по материалам Невельского клада.

дидиями, включавшие шумящие украшения. Примером является цепь-рясно из Княжей Горы (рис. 62: 1).

IV/II. Рясна-цепи из колодочек

Относительно назначения связанных в цепи продолговатых колодочек высказывалось две версии: 1) шейно-нагрудное ожерелье; 2) цепь-рясно для колта.

Мнение об использовании цепей из колодочек, как ожерелий, высказано Н. П. Кондаковым (Кондаков 1896: 209). С этим мнением отчасти согласилась Г. Ф. Корзухина (Корзухина 1954: 54).

Оказавшаяся правильной версия о назначении цепей из колодочек в качестве рясен для колтов высказана Б. А. Рыбаковым (Рыбаков 1948: 316, 317). Против нее возразила Г. Ф. Корзухина, считавшая использование колодочек для рясен неконструктивным. Дело в том, что на реконструкциях Б. А. Рыбакова колт был показан висющим внизу рясна из колодочек на длинной тонкой цепочке (Рыбаков 1949: рис. 23). По мнению Г. Ф. Корзухиной, назначение тонкой цепочки непонятно (Корзухина 1954: 53, 54). Однако все становится понятным, когда цепь и маленькое кольцо находятся вверху в соответствии со своим назначением для крепления цепи-рясна к головному убору.

Версию об использовании цепей как ожерелий можно отклонить на основании самого соединения колодочек проволокой в прямую и плоскую ровную ленту. Цепь или лента из колодочек может быть легко согнута пополам в длину. Но сама лента, если ее положить на плоскую сторону, будет сопротивляться какому-либо отклонению от прямой линии к полукруглой форме (которая нужна для лежания ожерелья). Соединение проволокой недостаточно эластично для ожерелья.

Кроме того, колечко и цепочка, которые имеются у наиболее ранних экземпляров цепей из колодочек, аналогичны креплениям эмалевых цепей-рясен. Относительно эмалевых цепей из бляшек также выдвигалась версия об использовании их в качестве церемониальных ожерелий. В настоящее время к ней возвращается Л. В. Пекарская (Пекарская 2006: 100—102). Аргументация об отклонении этой версии аналогична. Эмалевые бляшки соединены шарнирами, а шарниры сопротивляются полукруглому расположе-

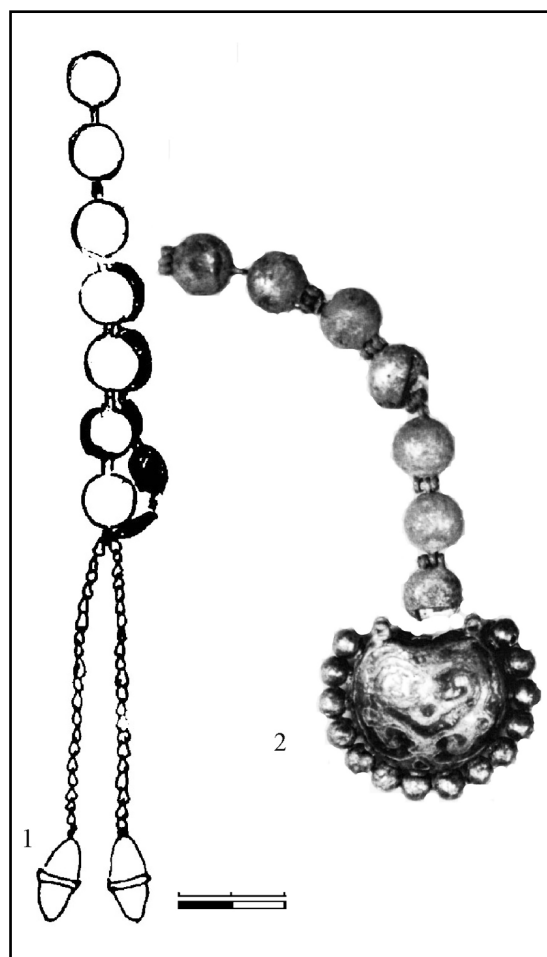

Рис. 62. Использование рясен-цепей из круглых бляшек: Тип 1: 1 — Княжая Гора, 1891 (IV/1, 1); 2 — городище летописного Губина, 1997 (IV/1, 2).

нию еще жестче. Кроме того, центральный двойной шарнир однозначно обозначает цель конструкции цепи: быть согнутой в длину пополам (Рыбаков 1948: 383; Макарова 1975: 40; Сабурова 1997: 107).

Серебряные ленты из колодочек в основном носились с серебряными черневыми и скано-зернеными колтами. Это подтверждается фактами скрепления их с такими колтами вкладах из Старой Рязани 1970 г., 1974 г. и 2005 г. (рис. 8: 3, 6—9). На эти факты обратила внимание М. А. Сабурова, правда, варианты крепления колтов к колодочкам нуждаются в уточнении. Очень важна приводимая исследовательницей находка цепей с колечками по сторонам от очелья в погребении Набутовского могильника Киевской губ. (Сабурова 1997: 107, табл. 72: 5).

Факты скрепления окончательно решают дискуссию о назначении категории. Золотые и позолоченные ленты из колодочек могли носить и с эмалевыми колтами.

По внешнему облику и орнаментации колодочки близки нашивным бляшкам на одежду. Эти категории типологически и стилистически близки. Возможно, что продолговатая форма наборных колодочек рясен-цепей возникла по аналогии с нашивными бляшками очелья или воротника. В особенности похожи на колодочки нашивные бляшки воротников-стопок или «ожерелок» из погребения в Софийском соборе, а также — из Липинского могильника в Курской обл. (Корзухина 1954: 52, рис. 8; Сабурова 1997: табл. 74: 1, 25). Сходные с колодочками нашивные бляшки (а иногда и сами колодочки) могли быть использованы и в очелье, как в ленточном уборе одного из погребений Райковецкого городища (Сабурова 1997: 108, табл. 75: 12).

Однако следует обратить внимание и на конструктивно-типологическую разницу между категориями колодочек и нашивных бляшек, использовавшихся в ожерельях и очельях. Звенья рясен-цепей для колтов — двусторонние (закрытые); нашивные бляшки — односторонние (открытые), в литературе они описываются как «лоточки». Разница в первоначальном назначении бывает понятна по расположению отверстий: у нашивных бляшек они расположены с лицевой стороны, у колодочек для рясен — на боковых гранях.

Более ранние рясна представляли собой довольно широкую двойную ленту из колодочек шириной около 3 см (такая ширина наблюдается у подтипа I и преимущественно связывается с начальными вариантами ряда). Такая лента была, вероятно, приспособлена еще к колтам с широкой дужкой. Застежка

ленты из колодочек в истоке была аналогична застежке эмалевых цепей-рясен: кольцо и цепочка (рис. 5: 2, 7). Примерами являются рясна из кладов в Киеве из Десятинной церкви 1936 г. и на ул. Владимирской, 1872 г. (IV/II, I, 1, 1) (IV/II, I, 2, 1) (рис. 5: 1, 3). Такая цепь одновременно следует традициям и византийского рясна, и русской височной ленты. Судя по анализу материала цепей из колодочек, ширина самих колодочек со временем уменьшается от 3 до 2 см, а как наиболее миниатюрные выделяются золотые изделия. Нетрудно заметить, что ширина ленты из колодочек все более приближалась к размеру дужки колта на луннице. На таких цепях могли закрепляться и звездчатые скано-зерненные колты на луннице, и лунничные колты в технике эмали и черни (рис. 5: 7).

Застежка рясна постепенно изменяется. Иногда лента имеет по концам две цепочки (рис. 7: 1). В других случаях лента может присоединяться к колту с помощью маленькой петельки (рис. 7: 2). По старорязанским материалам известны формы с двумя кольцами по концам (рис. 7: 3—5).

Необходимость выработки более удобного крепления рясна к колту наряду с общей тенденцией к сужению рясен вызывает появление одинарных рясен с треугольной концевой колодочкой (рис. 14: 14, 19). В наборе цепей такого вида используется по 10—11 колодочек. Примеры известны из Старой Рязани, Божска Болоховской земли, с. Вербов Львовской обл. (рис. 8, 9) (Жилина 2006).

Как промежуточный вариант в развитии от двойных к одинарным ряснам используются раздвоенные рясна, углом подходящие к колту. Такое крепление рясен из колодочек зафиксировано в кладе из Старой Рязани 2005 г. (рис. 8, 6, 8, 9). Аналогичная рясенная лента, углом подходящая к колту, хорошо видна на головном уборе Десиславы на фреске в Боянской церкви середины XIII в. (рис. 8: 7). Реконструкцию ношения колтов на двух параллельных цепях из колодочек предлагает В. И. Якубовский по кладовым материалам Болоховской земли (Якубовский 2003: рис. 95). Следует отметить, что по конкретному материалу клада из Болоховской земли правильной другой вариант — на сложенной вдвое цепи. Треугольные колодочки рясенных цепей оформляются в геометрическом, кринообразном и завитковом строгом стилях (рис. 8; 9). Можно полагать, что окончание становится полуквадрифолийным на завершающем этапе в соответствии с аналогичной переменной в форме рясен для эмалевых колтов (рис. 9: 5).

Можно предложить вариант реконструкции ношения колта по материаламклада из Старой Рязани 2005 г., являющийся примером сочетания в одном рясе раздвоенных рясен-цепей из колодочек и ленты с трехбусинными украшениями (рис. 8: 6). Петлеобразно сложенная тканая тесьма с пришитыми трехбусинными дужками первоначально была, вероятно, присоединена концами к дужке колта между двумя треугольными колодочками. На дужке колтов остались обрезанные пришитые петли из этой тесьмы (рис. 8: 8). Между треугольными колодочками находились остатки кожи. Трехбусинные кольца, очевидно, плотно примыкали к кожаной детали, поскольку на ней сохранились хорошо читаемые отпечатки скано-зерновой орнамента бусин (рис. 8: 10). Остатки кожи сохранились и на обороте колодочек. Такой способ ношения соединяет традиции русской ленточной трехбусинной височной ленты и рясна из колодочек. По материалуклада из Десятинной церкви в Киеве можно видеть, что крупные трехбусинные кольца могли выполнять и роль концевой привески (рис. 9: 3, 4).

В цепях-ряснах, как правило, используются одинаковые колодочки, принадлежащие к одному и тому же варианту. Но фактический материал дает примеры сочетаний близких по оформлению колодочек разных вариантов в одной ленте.

Так, в клада из Мартыновки 1886 г. чередуются колодочки *вариантов 3 и 15: 3 вариант* — с ребристыми поясками, *15 вариант* — с гладкими долями. При этом ритмическое сочетание долей, на которые разделены колодочки, одинаково (IV/II, I, 3; 2) (IV/II, I, 15; 1). В двух кладах из Княжей Горы в одних и тех же цепях используются близкие колодочки разных вариантов: с двумя и тремя ребристыми поясками (*варианты 4 и 5*). (IV/II, I, 4, 2) (IV/II, I, 5, 1). Такая разница несущественна и малозаметна.

Очевидно, при формировании цепи-рясна ювелиром иногда возникала необходимость дополнения сходными колодочками. Эта необходимость возрастала при появлении конструкции с концевой колодочкой. Естественно, что при появлении новой, более современной формы, некоторые старые изделия стали переделываться на новую конструкцию. Для этого не всегда находились стилистически сходные материалы.

Так, полное стилистическое единство наблюдается для рясна *подтипа IV, вариант 5* из клада в Киеве, в Десятинной церкви, до 1899 г.: все колодочки орнаментированы

ребристым пояском (рис. 9: 3, 4). Ряснам *вариантов 3 и 4* для создания полных стилистических ансамблей надо было бы помещаться продолговатыми колодочками, так как в варианте находки они не идеально соответствуют треугольным концевым (рис. 9: 1, 2). У *варианта 3* треугольная колодочка выполнена в растительном стиле, а продолговатые, наборные — в завитковом (рис. 9: 1). Стилистически не подходят друг к другу колодочки ленты *варианта 4* — треугольная колодочка с филигранным завитковым орнаментом, наборные — с кринообразным (рис. 9: 2). Эти факты косвенно свидетельствуют о возраставшей необходимости в подобного рода комплектах украшений.

Выявляется, что длина цепей из колодочек была различна. Это позволяет не отрицать различных вариантов реконструкций головных уборов с колтами, останавливаясь только на одном, когда рясенная лента заканчивалась на уровне скулы (Калашникова 2006). Рясна могли быть и длиннее. Выявляется закономерность, что с уменьшением размера колодочек, уменьшается и общая длина рясна-цепи.

Можно выделить несколько видов рясен по длине.

I вид — около 20 см длиной в сложенном вдвое виде, состоящие более чем из 50 колодочек (*вторая стилистическая группа* колодочек с гладкими долями и размером 25×8 мм, *вариант 14*). Реконструкция предлагается на основании целого экземпляра из клада в Льгове 1879 г. (рис. 6: 1; рис. 63: 3, 4) (IV/II, I, 14; 1) (Гущин 1936: табл XII: 12). Аналогичной была и цепь из клада в Киеве на ул. Стрелецкой 1914 г. (рис. 5: 7; рис. 63: 1, 2) (IV/II, I, 4, 1). Есть пример и одинарной цепи длиной около 20 см из клада в Киеве в Десятинной церкви 1936 г. (IV/II, I, 2, 1) (рис. 63: 5) (Церква Богородиці Десятинна в Києві 1996: 157, № 14, 24, 26).

Таким образом, вместе с колтом длина рясна должна была составить около 25 см. Для такой длинной цепи можно представить два варианта реконструкции, и они оба могли применяться в Древней Руси. В одном случае цепи крепились к низу очелья, тогда колты должны были лежать на плечах (рис. 63: 3, 6). В другом случае цепи закрепляли колты к высокому верху, вероятно, расширяющегося провизантийского пирамидального головного убора (рис. 63: 7). Появление в Византии императорских головных уборов пирамидальной формы можно относить к концу XI в., один из первых примеров — изображение Константина IX Мономаха на миниатюре 1043 г. (Кондаков 1906: 74, 80). На Руси этот

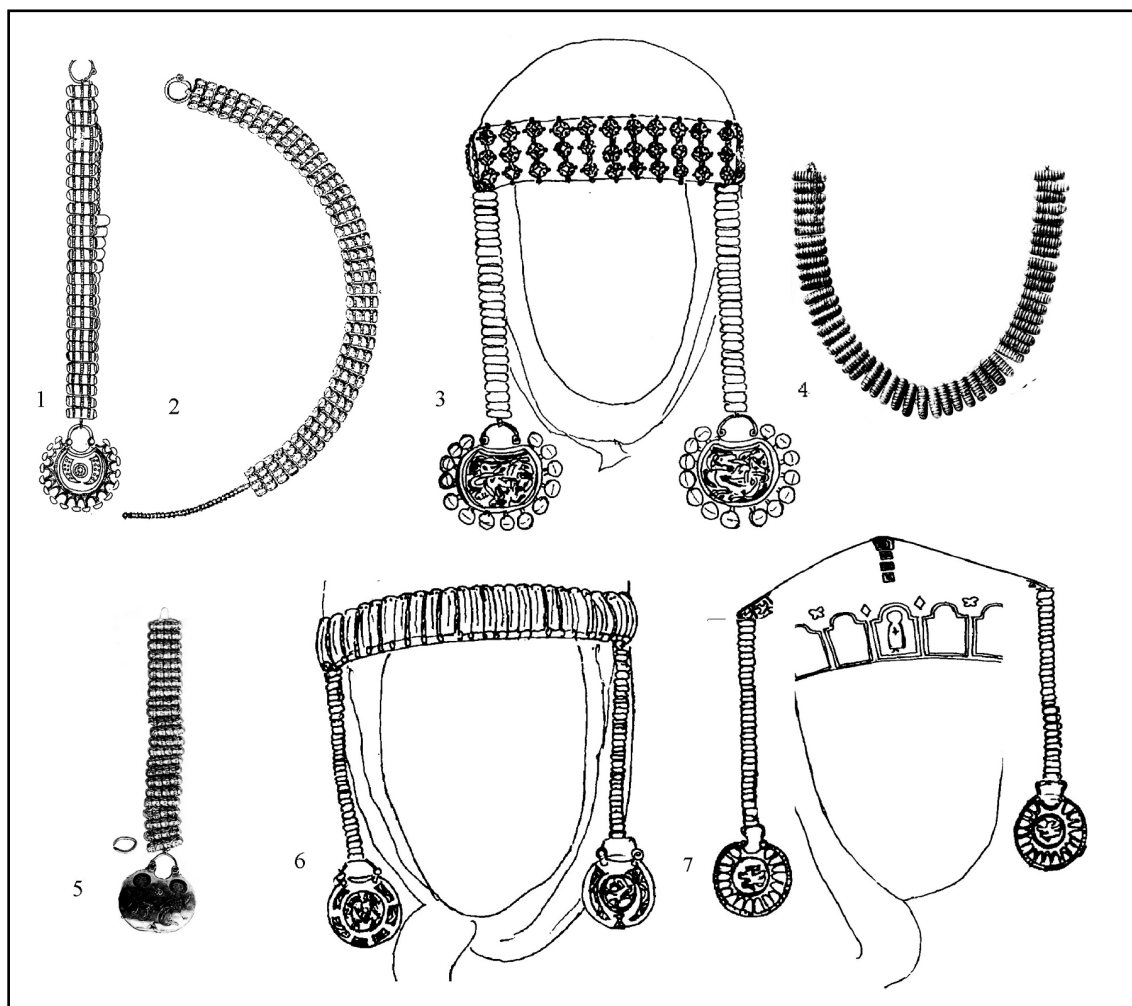

Рис. 63. Реконструкция рясен-цепей из колодочек 1 вида по длине: 1, 2 — Киев, 1914 (IV/II, I, 4, 1); 3, 4 — Львов, 1879 (IV/II, I, 14; 1); 5 — Киев, 1936 (IV/II, I, 2, 1); 6 — Киев, 1899; 7 — Киев, 1903.

тип убора представлен на эмалевых дробницах оклада Мстислава Евангелия XII в. с изображениями Бориса и Глеба (Жилина 2003: 339—341). В этом случае рясна также довольно существенно свисали вниз.

II вид — длина 12—13 см. Рясна такой длины крепились к очелью головного убора (рис. 64: 4, 5). Этот вид цепей по размеру выделяется как наиболее распространенный. С учетом размера колта подобное рясно заканчивалось чуть ниже лица.

Среди этих рясен есть примеры сложенных вдвое. Типичными примерами являются рясно-цепь из клада в Божске Болоховской земли, 1970 г. (рис. 5: 5; рис. 64: 2) (Якубовский 2003: 53, рис. 24) (IV/II, I, 3, 4), в Киеве на Владимирской ул., 1872 г. (рис. 5: 1) (IV/II, I, 1, 1) и в усадьбе Есикорского, 1885 г. (IV/II, I, 2, 2) (рис. 64: 3), в Десятинной церкви 1936 г. (рис. 5: 3; рис. 64: 1) (IV/II, I, 2, 1). К этому виду можно относить и фрагментарно сохранившиеся рясна из клада в Михайловском монастыре Киева, 1903 г. (IV/II, I, 2, 3), а также

из клада в Святом Озере Черниговской губ., 1908 г. (IV/II, I, 20, 1).

Такой же размер имели и одинарные рясна из колодочек, в которых насчитывается по 13—15 колодочек. По старорязанским кладам 1970 и 1974 гг. восстанавливается конструкция с двумя кольцами по концам и для крепления колта, и для крепления к головному убору (рис. 7: 3, 4).

К этому же виду относятся и одинарные рясна с концевыми колодочками особой формы, треугольными и квадрифолийными, происходящие из кладов Киева, Юго-Западной Руси и Старой Рязани (рис. 8: 3; рис 9).

III вид — длина 7—10 см. Примеров таких миниатюрных цепей всего два. Подобные рясна, крепившиеся к очелью, могли действительно заканчиваться на уровне скулы.

Целый экземпляр одинарной цепи из 11 колодочек сохранился в кладах из Княжей Горы 1892 г. подтипа I, **варианта 4** с застежкой на цепочку и кольцо. Общая длина цепи, причем не сложенной вдвое, всего 7 см (рис. 5:

6) (IV/II, I, 4, 2). Средний размер одной колодочки 15—20×5—6 мм. Эта цепь, скорее всего, вдвое не складывалась. Возможно, это детские рясна. Если цепь из другого клада в Княжей Горе 1896 г. с застежкой на две цепочки была двойной, то в сложенном виде она достигала длины около 10 см (рис. 7: 1) (IV/II, II, 4, 1).

IV/III. Рясна-цепи из тисненых ребристых пластинчатых звеньев

Находок цепей данного типа немного, большинство из них сохранились фрагментарно, поэтому реконструктивная работа имеет определенные ограничения.

В киевском кладе 1911 г. известен случай скрепления цепи с колтом, что послужило для Г. Ф. Корзухиной основанием считать цепи из пластинчатых звеньев единственным вариантом рясна для колтов (Корзухина 1954: 54, № 69).

Среди материала категории имеются целые экземпляры рясен весьма различной длины: 13—15 см и 25 см при учете сложения вдвое.

Общая длина цепи из клада в Киеве, в усадьбе Лескова, 1876 г. — около 55 см (рис. 10: 4) (IV/III, 7). Следовательно, при сложении цепочки вдвое для укрепления колта длина цепи рясна составляла около 25 см. Такая длина позволяет предполагать наличие высоких головных уборов (рис. 65: 1). По кладу из Княжей Горы 1891 г. можно восстановить цепь меньшей длины, в сложенном вдвое варианте она составляет 13—15 см (рис. 10: 2б) (IV/III, 4) (рис. 65: 2, 3). Такие рясна крепились к очелью головного убора (рис. 65: 3, 4)

Следовательно, так же, как и материал рясен из колодочек, материал рясен-цепей из пластинчатых звеньев позволяет допустить различные варианты крепления рясен к головным уборам различной высоты и формы, а также и различную длину свисания.

Наиболее универсальная по виду и орнаментации цепочка-рясно из пластинчатых звеньев подходит к уборам разного типа и стиля. Поэтому можно допустить, что подобные цепи выпускали большой длины, с запасом, для того, чтобы их можно было приспособить к конкретному убору.

Цепи из тисненых пластинчатых звеньев можно рассматривать как стилистическое подражание проволочным цепям, звенья которых сделаны из спирально свернутой проволоки, или же шарнирам цепочек из бляшек, которые также, как правило, имеют трехчастную структуру. Цепи стилистически аналогичны петлям криновидных подвесок. Такое рассмотрение располагает к тому, чтобы считать цепи

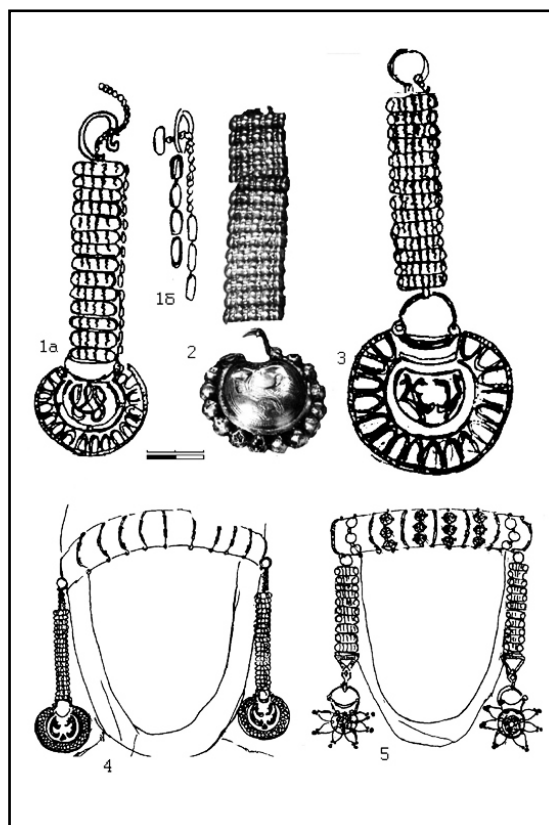

Рис. 64. Реконструкция двойных рясен-цепей из колодочек I подтипа, 2 вида по длине: 1 — Киев, 1936 (IV/II, I, 2, 1); 2 — Божск Болоховской земли, 1970 (IV/II, I, 3, 4); 3 — Киев, 1885 (IV/II, I, 2, 2); 4 — Киев, 1899; 5 — Старая Рязань, 1974.

из тисненых пластинчатых звеньев появившимися позже, непосредственно в предмонгольский период.

V. Бусины ожерелий

Бусины из металла держат форму ожерелья или, иными словами, составляют его основу. Если в ожерелье есть крупные подвески, то бусины разделяют их, не давая им соприкасаться. Крупные металлические бусины направляют ожерелье по плечам, украшая дорогие княжеские оплечья. Для наиболее дорогих ожерелий использовались серебряные скано-зерненные и золотые филигранные бусины.

Бусины, орнаментированные только тиснением, нашли свое применение в ожерельях особого вида из кринообразных подвесок.

Тип гладкой лопастной или ребристой бусины продолжает тип скано-зерненной лопастной бусины со сложно-профилированным корпусом. Он возобновляет и смысловые ассоциации с растительным миром, которые были связаны с лопастными бусинами. В христианстве эти ассоциации находят новый центр тяжести — символика процветания и общего благословения праведной жизни. По кладам

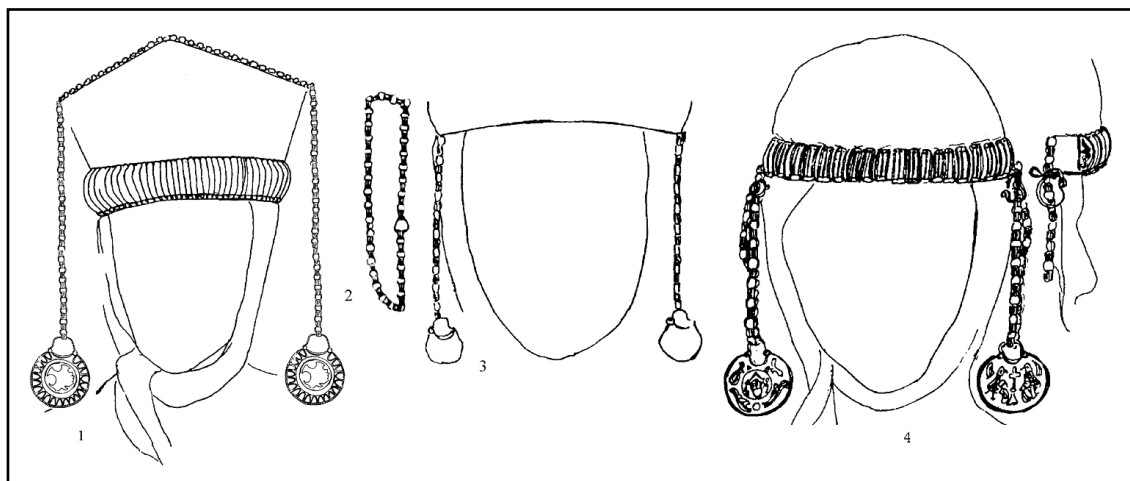

Рис. 65. Реконструкция вариантов крепления цепей из пластинчатых звеньев типа IV/III: 2, 3 — Княжая Гора, 1891 (IV/III, 4); 1, 4 — Киев, усадьба Лескова, 1876 (IV/III, 7).

Рис. 66. Реконструкция ожерелья из бусин В.П. Даркевичем: Старая Рязань, 1979 (V, II, 2, 13) (V, II, 6, 1).

известно несколько наборов христианских княжеских ожерелий, их реконструкция вместе с бусинами произведена в разделе о подвесках. Ребристые бусины наиболее хорошо стилистически соответствуют кринообразным ожерельям.

В ожерельях используются и другие формы бусин, в связи с этим ожерелья имеют архаичный облик и менее строгие по стилю.

Известно использование тисненых бусин с геометрическим орнаментом в составе ожерелий, связанных со скано-зерненым убором. В материале клада из Старой Рязани 1979 г. есть набор для ожерелья, в состав которого входили украшения и предметы культа, орнаментированные в геометрических стилях зерни (рис. 66) (Даркевич, Пуцко 1982: 199, 200, рис. 4: 1, 2). Для создания ансамбля со скано-зернеными украшениями гладким бусинам придана линейно-геометрическая орнаментация, выполненная тиснением.

Такие бусины довольно редки. Ношение нарядно орнаментированного креста в составе ожерелья не соответствует строгим нормам христианского культа. Несколько ранее и одновременно с такими ожерельями носились ожерелья с подвесками в форме клыков и рогов животных и с бусинами в скано-зерненых оправках.

Аналогичное по характеру ожерелье найдено в составе клада из летописного Божска Болоховской земли. В его составе христианский крест в оправе, костяная крестовидная подвеска с глазковым орнаментом и монетовидная подвеска с гравированным изображением птицы. Основу ожерелья составляют крупные овально-конические тисненые бусы с рельефным орнаментом в виде лопастей-полусфер (рис. 67) (Якубовский 2003: 56, рис. 29: 1, 2, 3, 5).

В составе другого клада из Болоховской земли имеются аналогичные тисненые буси-

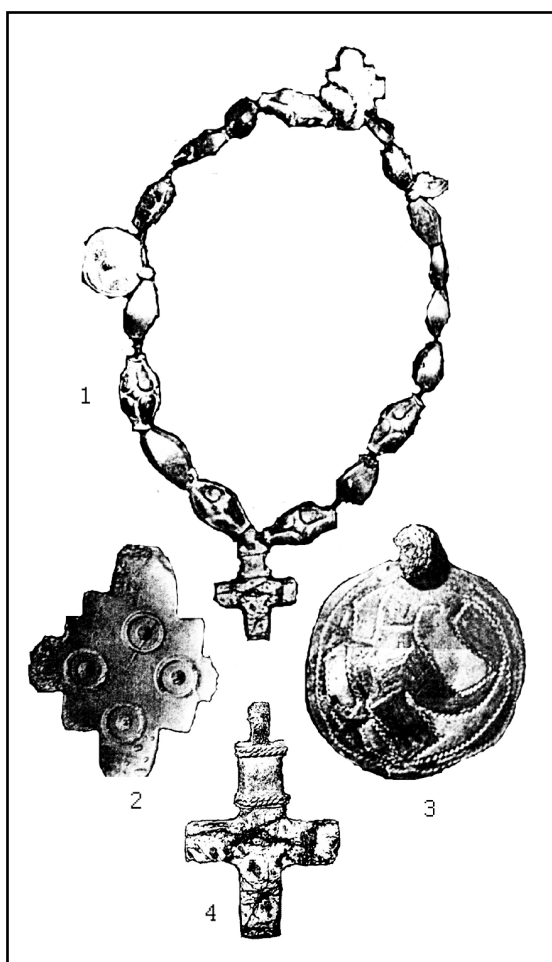

Рис. 67. Ожерелье из Божска Болоховской земли (V, II, 8, 2): 1 — общий вид; 2 — янтарная крестообразная подвеска; 3 — медальон с гравированным изображением; 4 — каменный крест в серебряной оправе.

ны с рельефным орнаментом, гладкие бусины и криновидные подвески. Эти украшения входили в состав ожерелья, соответствующего христианскому убору (рис. 68) (Якубовский 2003: 87; рис. 53, 56).

VI. Криновидные подвески

Тип кринообразной подвески выработался для специальных ожерелий. И подвески, и ожерелье в целом являются одним из лучших достижений не только тиснения, но и всего древнерусского ювелирного дела. При лаконизме внешнего облика и декора художественный вкус и гармония этого ювелирного ансамбля позволяют отнести его к costume и убору княжеского сословия.

Ожерелья могли состоять только из кринообразных подвесок. Они могли иметь в своем составе подвеску с изображением архангела Михаила или в форме фигуры архангела. Основу ожерелий составляли рифленые бусины.

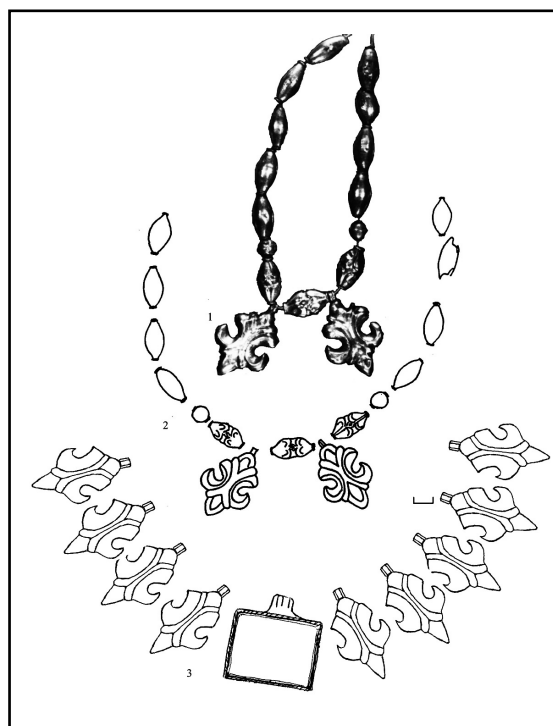

Рис. 68. Реконструкция ожерелий с кринообразными подвесками Южной Руси: 1, 2 — ожерелье из кладя в с. Телиженцы Болоховской земли, 1978 (V, II, 8, 1); 3 — Путивльский р-н Курской обл., 1878.

В кладя из Владимира 1993 г. кринообразные подвески составляют ожерелье с медальоном Михаила Архангела (рис. 69: 2, 3) (Жарнов, Жарнова 1999). В кладя из Княжей Горы 1891 г. есть подвеска в форме Архангела и ребристые бусины (рис. 69: 1) (Беляшевский 1892: табл. II: 8, 10, 19). Ожерелья из кринообразных подвесок, таким образом, связываются с орнаментикой и символикой княжеского costume и образа Михаила Архангела, патрона русских князей (Gates of Mystery: 156, № 72) (рис. 69: 4).

Комплекты подвесок, сохранившиеся в кладях, по-видимому, соответствуют отдельным ожерельям. В кладя из Киева 1949 г. собирается два комплекта ожерелий из кринообразных подвесок, выполненных в разных стилях (рис. 70: 2, 3) (Самойловский 1952: 120—125, рис. 3, 4). В кладя из Михайловского монастыря Киева 1903 г. сохранился фрагмент связи ожерелья (рис. 70: 1) (Каргер 1958: табл. LXIV).

К числу наиболее ранних ожерелий следует отнести ожерелья, соответствующие или близкие *геометризованной стадии растительного стиля*. Они могли сочетаться с изделиями в технике зерни и скани в геометрическом стиле. Сюда относятся ожерелья, реконструируемые по кладям из Киева в Михайловском монастыре 1903 г. и в усадьбе Лескова

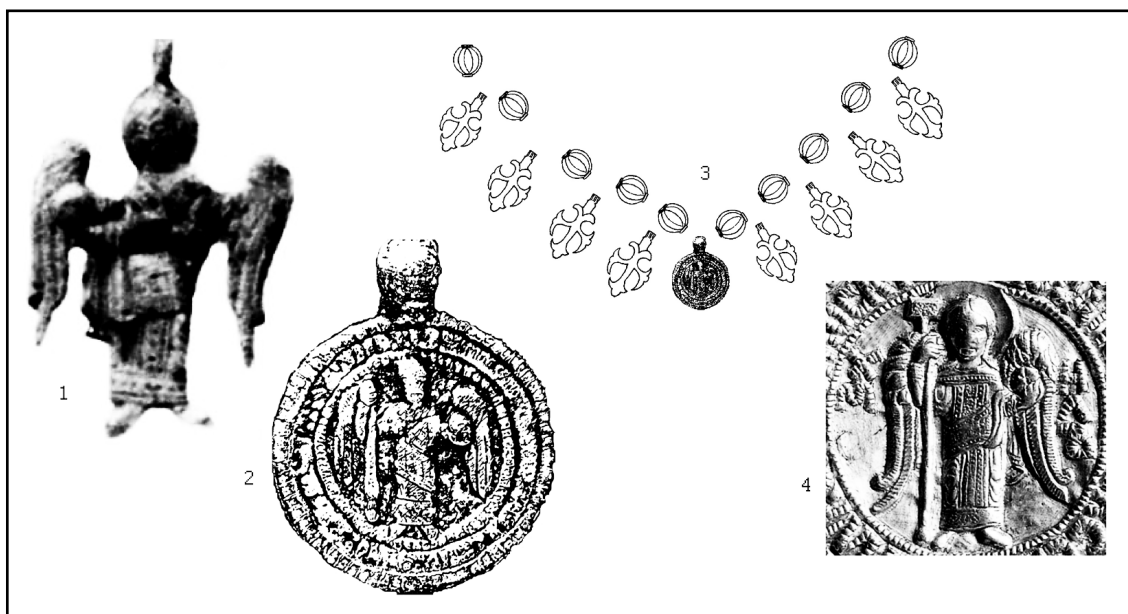

Рис. 69. Кринообразные подвески и образ Михаила Архангела: 1 — подвеска в виде изображения Архангела, Княжая Гора, 1891; 2 — медальон с изображением Архангела Михаила. Владимир 1993; 3 — прорисовка реконструкции ожерелья авторами находки (Жарнов, Жарнова 1999); 4 — изображение Архангела Михаила на змеевике из Чернигова.

Рис. 70. Ожерелья из кринообразных подвесок из Киева: 1—1903, с сохранившейся связью (VI, I, 1, 2) (VI, I, 2, 1); 2—1949 (VI, I, 7, 1) (VI, I, 8, 1); 3—1949 (VI, II, 1, 2) (VI, II, 3, 3).

1876 г., небольшой фрагмент ожерелья из клада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 71: 1—3); ожерелье из клада в Путивльском у. Курской губ., 1878 г. (рис. 68: 3). В последнем случае в состав ожерелья входила прямоугольная подвеска из яшмовой плитки в сканной оправе.

Более ранними следует считать также ожерелья, которые, помимо кринообразных, включали подвески, связанные с архаичным убором славянской знати X—XI вв.: монетовидной, лунничной и полусферической формы. Такие ожерелья можно реконструировать по материалам клада во Владимире 1865 г. (рис. 71: 4). Ожерелье из Владимира более дорогое — из серебра с позолотой. Оно сочетается с ребристыми бусинами в линейно-геометрическом стиле, что тоже перекликается со скано-зерненым убором. В материалах из клада в Княжее Горе 1891 г. имеются лунничные подвески (Беляшевский 1892: табл. II: 5).

Более поздними являются ожерелья из подвесок *естественной* стадии растительного стиля, выполненные полностью в христианском духе. Они сочетались либо с небольшими ожерельями из перегородчатой эмали той же стадии растительного стиля, либо имели в своем составе знаковую подвеску с изображением Архангела Михаила. К числу таких ожерелий можно отнести ожерелья из Киева в Михайловском монастыре 1903 г.,

усадьбы Орлова, 1901 г.; из Владимира 1993 г. (рис. 71: 5—7).

Более поздними можно считать ожерелья, выполненные в растительном утрированной стадии и пышном стилях, примеры происходят из клада в Киеве 1949 г. (рис. 71: 8, 9).

Выполненные в технике тиснения подвески составляли ансамбль с нашивными бляшками, прошедшими те же стадии стилистического развития.

VII. Нашивные бляшки

Распространение нашивных бляшек связано с тенденцией металлического убора слиться с одеждой и как можно более обильно ее украсить. Нашивание металлических украшений удобно и экономично, значительно увеличивает эстетическое впечатление от костюма. Пришитые украшения не смещаются, не цепляются друг за друга и за окружающие предметы. Они сохраняют декоративную композицию и эстетический эффект замысла в отличие от ожерелий с подвесками, которые смещаются, цепляются друг за друга и не всегда лежат в задуманном порядке.

М. А. Сабурова провела большую работу по реконструкции орнамента древнерусской одежды нашивными бляшками, используя материал из различных археологических памятников. По ее мнению, бляшки наиболее часто использовались в очельях, ожере-

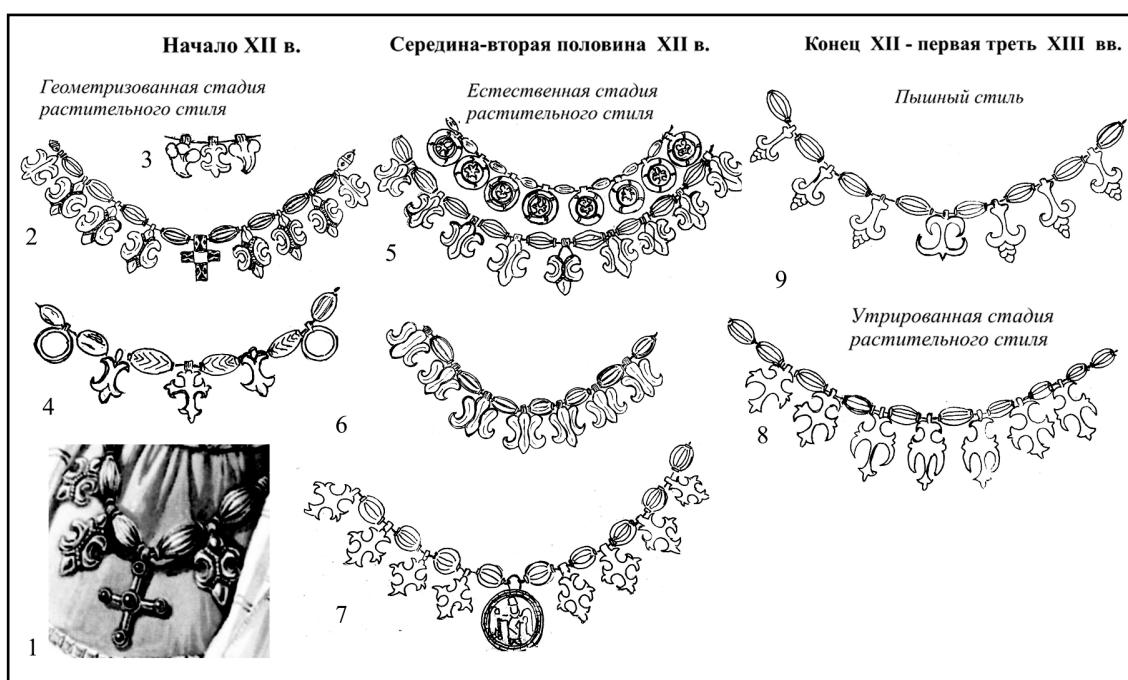

Рис. 71. Хронологический ряд ожерелий из кринообразных подвесок: 1 — рисунок О. Федорова; 2 — Киев, 1903; 3 — Старая Рязань, 1868; 4 — Владимир, 1865; 5 — Киев, 1901; 6 — Киев, 1876; 7 — Владимир, 1993; 8, 9 — Киев, 1949.

лях, оплечьях, подолах и поясах. На одежде они сочетались с жемчугом, бисером и вставками из камней и стекла. Использование нашивных бляшек известно и по этнографическим материалам XIX—XX вв. (Сабурова 1997: 100, 101).

В качестве наиболее обильно орнаментированных зон на одежде знати выделялись воротник, оплечье, подол, зарукавья и полосы вдоль боковых швов. Лор византийских императоров, вошедший и в княжеский русский костюм, орнаментировался продольными бордюрами с выделенной центральной полосой. Это иллюстрируют изображения костюма византийских императоров, архангелов и русских князей (рис. 31; рис. 33: 3; рис. 34: 6; рис. 36: 4). Костюм русского князя Ярополка на миниатюрах Трирской Псалтыри 40—50-х гг. XI в. имеет кринообразную орнаментацию ткани и аналогичные, особо драгоценно орнаментированные полосы в указанных зонах (Кондаков 1906: табл. 6). Так расположены орнаментированные нашивными бляшками зоны и на саккосе митрополита Алексия (рис. 48, рис. 53). Костюм священников высшего сана до сих пор сохраняет такое расположение зон орнаментации.

Для реконструкций в данной работе прежде всего, использованы те отдельные случаи крепления бляшек на предметы и детали одежды, которые известны по археологическим находкам или средневековым реликвиям музейных собраний. Источником для восстановления самого орнамента, формируемого нашивными бляшками, могут быть также кринообразные орнаменты на других произведениях прикладного искусства.

Назначение тисненых нашивных бляшек рассматривается отдельно по их типам, поскольку форма бляшек уже отражает определенное назначение и расположение на одежде.

Бляшки типов с I по XIII обоих отделов имеют формы, сводимые к той или иной геометрической фигуре. Их назначением в оформлении деталей одежды было составлять краевые бордюры орнаментальных полос, как правило, прямолинейные.

Наиболее простые **однорядные** бордюры могли быть составлены квадратными и прямоугольными, как гладкими, так и орнаментированными бляшками. Среди находок имеются примеры подобных бордюров. В некоторых случаях можно убедиться, что бордюр был только однорядным, и бляшки нашивались на узкую полоску ткани, по ширине несколько большую самого ряда бляшек. Такие полосы шириной до 2 см могли использоваться

на очельях, лентах-ряснах для колтов и воротниках типа стойки.

Достоверным примером узкой детали с однорядным бордюром из прямоугольных гладких бляшек является фрагмент из клада в Киеве в Десятинной церкви 1939 г. (рис. 72: 3) (Пекарська 1996: 52, табл. 4э).

Другой фрагмент реконструирован аналогично (рис. 72: 2) (Пекарська 1996: 52, табл. 4а). Но следует обратить внимание на крайнюю фрагментарность сохранившейся ткани, заметную по фотографии, опубликованной М.К. Каргером (рис. 72: 1) (Каргер 1958: табл. С). Это позволяет допускать и другие варианты реконструкций, возможно, и с участием бляшек другой формы. Концевая пятиугольная бляшка, казалось бы, подтверждает однорядность бордюра, но мало проясняет характер самой детали убора. Возможно, это фрагменты очелья. Так может выглядеть и конец небольшого ремешка, продававшегося в какую-либо прорезь для застежки, более широкая бляшка окончания может заводиться в сужающуюся часть прорези с поворотом и задерживаться в узкой части.

Два фрагмента с овальными бляшками и овальными же прорезями и стеклянными вставками, происходящие из этого же клада, относятся к воротнику типа стойки, который в Древней Руси называли *ожерельем*. Один из фрагментов сохранил застежку (рис. 72: 4) (Пекарська 1996: 52, табл. 2а).

Известны и примеры закрепления в однорядный бордюр прямоугольных орнаментированных бляшек. Один из них происходит из уже упомянутого киевского клада. Единственная сохранившаяся на ткани бляшка с нечетким плетеным орнаментом своим креплением показывает, что нашитые на этой полосе бляшки были разделены рядами жемчуга (рис. 72: 5). Л. Пекарская считает, что здесь имеется орнамент в виде косоугольного креста (Пекарська 1996: 51, табл. 4ж). Ширина самой тканевой полосы составляет около 1,5 см.

Другой пример происходит из клада в Старой Рязани 1887 г. Одиннадцать квадратных бляшек с завитковым орнаментом размером 1,5 на 1,5 см были закреплены на шелковой ленте и обнизаны мелким жемчугом (1, VII, I, 3, 1, 2). Ширина ленты вряд ли превышала 2 см. Кроме того, в составе клада были фрагменты парчовой ткани (Гуцзин 1936: табл. XXIX: 6, 7). Аналогичные бляшки из клада в Святом озере под Черниговом, очевидно, использовались так же (рис. 72: 13).

Различного рода тесьмы и ленты при близительной такой ширины обычно находят

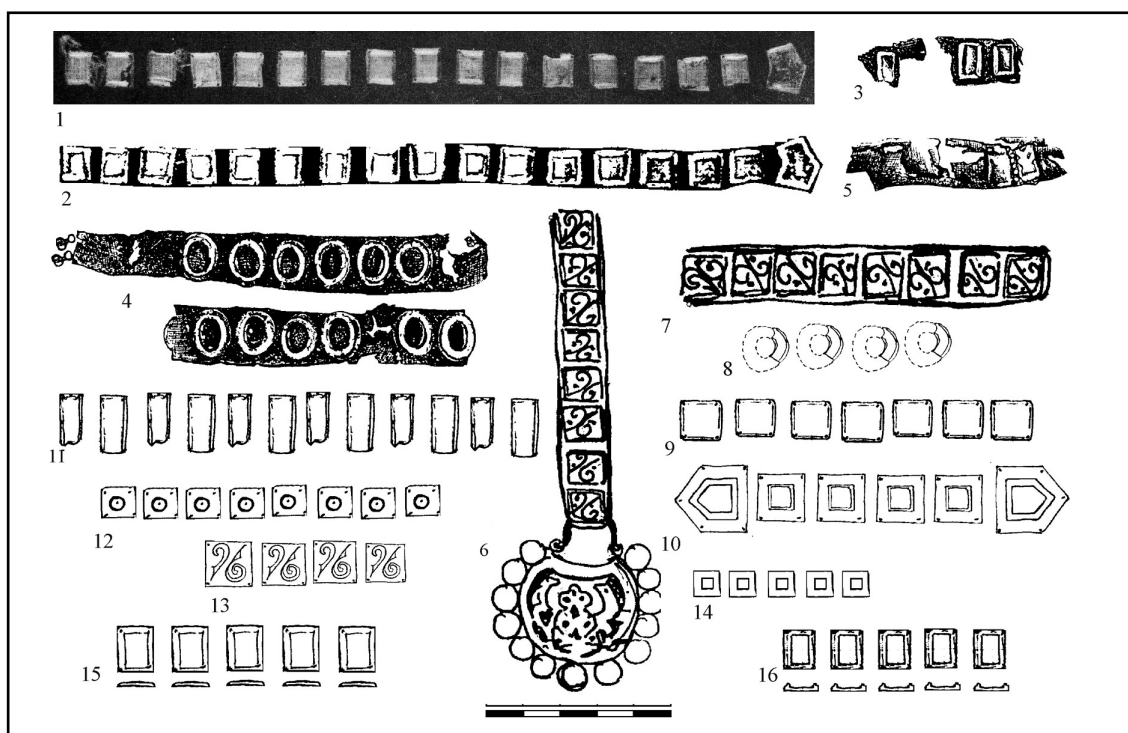

Рис. 72. Реконструкции деталей одежды и однорядных бордюров с нашивными бляшками геометрических форм: Киев, Десятинная церковь, 1939: 1 — прямоугольные бляшки с остатками ткани (Каргер 1958: табл. С); 2 — реконструкция Л. Пекарской (Пекарська 1996: 52, табл. 4а); 3 — прямоугольные бляшки, нашитые на полосу ткани (Пекарська 1996: 52, табл. 4з); 4 — овальные бляшки с прорезью и стеклянными вставками (Пекарська 1996: 52, табл. 2а); 5 — бляшки с плетеным орнаментом (Пекарська 1996: 52, табл. 4ж); Старая Рязань, 1887: 6 — реконструкция использования бляшек рясна для колта, 7 — реконструкция использования бляшек в качестве детали очелья или очельной ленты; 8—12 — Киев, 1903, варианты реконструкций бордюров из бляшек; 13 — Святое Озеро, 1916; 14—16 — Мартыновка Киевской губ., 1886, реконструкции однорядных бордюров.

в составе головных уборов в древнерусских погребениях. Можно предложить два варианта реконструкции использования такой ленты: 1) в качестве рясна для колта (рис. 72: 6); 2) в качестве одного из бордюров очельной ленты (рис. 72: 7). В качестве целого очелья такая лента узка.

Сохранились замечательные примеры орнамента воротников-стоек прямоугольными выпуклыми бляшками. Один из них происходит из погребения в Софийском соборе Новгорода. Существует мнение, что это женское погребение принадлежит княгине Анне, первой супруге Ярослава Мудрого, умершей в 1050 г. (Корзухина 1954: 52, рис. 8; Гинзбург 1940: рис. 64—66; Сабурова 1997: табл. 74: 1). Аналогичный способ использования прямоугольных бляшек, похожих на колодочки, зафиксирован в Липинских курганах Курской обл. из раскопок П.И. Засурцева 1950 г. (Корзухина 1954: 52; Сабурова 1997: табл. 74: 25) (рис. 73: 10).

На примере остатков воротника с золотой вышивкой из погребения в Набутовском могильнике Киевской губ. М.А. Сабурова реконструирует однорядный оконтуривающий

бордюр из круглых бляшек (Сабурова 1997: 107, табл. 72: 5) (рис. 73: 11).

Опираясь на приведенные примеры сохранившихся деталей одежды, можно определить и варианты использования аналогичных по типам бляшек из других кладов (рис. 72: 8—16). Квадратные гладкие бляшки имеются в киевском кладе из Михайловского монастыря 1903 г., в кладе из Старой Рязани 1967 г., а также из находок на раскопе № 7 Южного городища (рис. 72: 9).

Некоторые бляшки имеют прорезь геометрической формы, соответствующую общему контуру. Квадратные бляшки с квадратной прорезью имеются в кладе из Киева в Михайловском монастыре, 1903 г., а также из Мартыновки Киевской губ., 1886 г. (рис. 72: 10, 14—16). Клад из Киева в Михайловском монастыре 1903 г. содержит наибольшее количество вариантов бляшек с прорезями, приспособленными для закрепления вставок: квадратных, пятиугольных, овальных или кольцеобразных (рис. 72: 10, 12).

Относительно кольцеобразных или круглых бляшек из киевского клада можно предложить вариант использования на стоячем

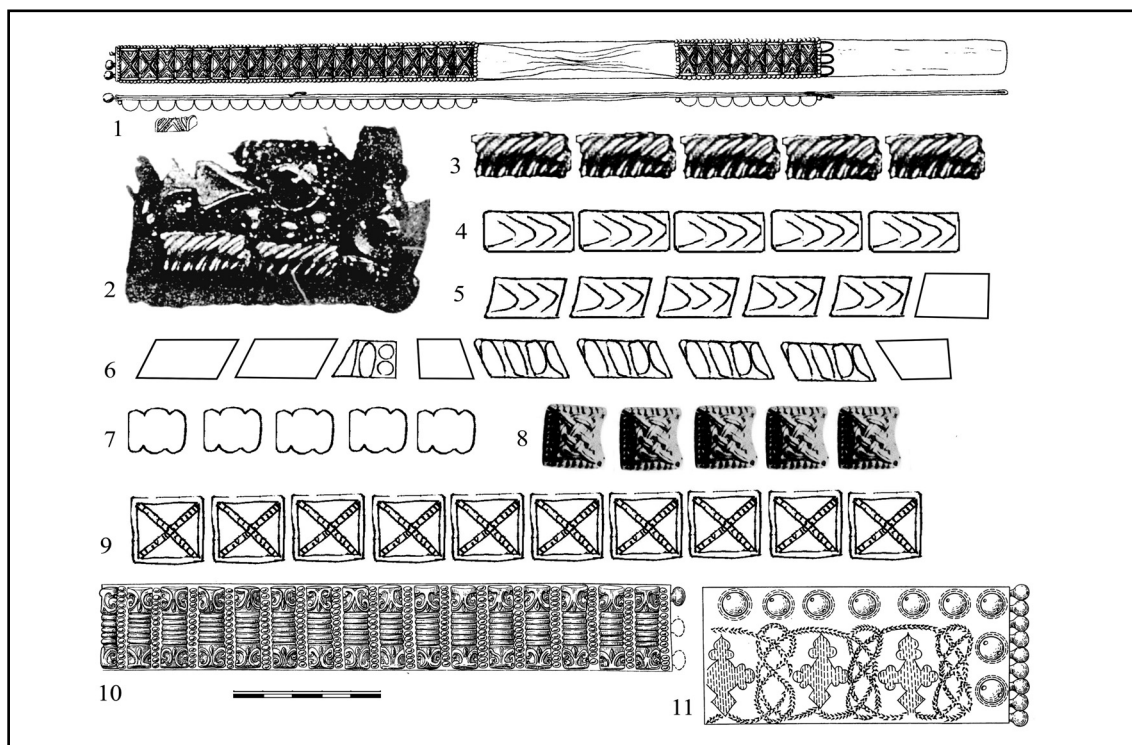

Рис. 73: Реконструкции бордюров из бляшек геометрических форм: 1 — стоечный воротник из погребения XI в. в Софийском соборе Новгорода; 2, 3 — Киев, 1903, фрагмент ткани; Старая Рязань: 4—1967, 5 — раскоп № 7 Южного городища, 6—8 — 1868, 9—1822; стоечные воротники: 10 — Липинский могильник Курской обл.; 11 — Набутовский могильник Киевской губ.

воротнике (рис. 72: 8). Рамочные квадратные бляшки в ансамбле с пятиугольной могилой составить композицию, аналогичную имеющейся ленте из клада в Десятинной церкви (рис. 72: 10).

Можно восстановить и некоторые виды бордюров из квадратных и прямоугольных орнаментированных бляшек. Довольно часто использовались бордюры из бляшек с ребристой орнаментацией поверхности, такие бляшки встречены во многих кладах. Материал сохранил пример использования в однорядном бордюре прямоугольных бляшек с ребристым орнаментом из косых линий, направленных в одну сторону, из клада в Киеве, в Михайловском монастыре, 1903 г. (рис. 73: 2, 3) (ОАК 1903: рис. 345). По рязанским кладам 1868 и 1967 гг. известны бляшки с орнаментацией из косых ребристых долей и орнаментацией «в елочку» (рис. 73: 4, 5).

Эффектный золотой бордюр из квадратных бляшек в геометрическом стиле с ребристым пояском восстанавливается по материалам клада из Старой Рязани 1822 г. (рис. 73: 9).

Косая орнаментация была стимулом скопировать и сами стороны прямоугольных бляшек, превратив их в параллелограммы. Такие бляшки известны по кладу из Старой Рязани 1868 г. Возникают бордюры из бляшек с косо срезанными сторонами, заканчивающиеся специа-

льными пятиугольными бляшками с одной косо срезанной стороной (рис. 73: 6).

Материал показывает, что круглые бляшки часто использовались в двурядных бордюрах: круглые бляшки, нашитые попарно на три фрагментарных полоски ткани, из клада или тайника в Десятинной церкви 1936 г. (рис. 74: 1—4) (Каргер 1958: табл. С). Подобные примеры известны и по погребениям: очелье из погребения в Покрове Московской обл. (Сабурова 1997: табл. 77: 7) (рис. 74: 11).

Круглые бляшки входили в состав и более сложных многорядных орнаментов, дополняя шитое узорочье. Имеется пример расположения круглых бляшек в завитках растительного орнамента на позументе из киевского клада в Михайловском монастыре 1903 г. (рис. 49: 3) (ОАК 1903: рис. 344).

В дальнейшем произошло образование форм бляшек, соединяющих несколько однотипных геометрических фигур, для более быстрого формирования простых, однорядных и двурядных бордюров. Так две круглые фигуры соединены уже не нитками, а изначально оттиснуты вместе (рис. 74: 6). Бордюр из таких бляшек имеется на детали распашной одежды, ворота или зарукавья из клада в Киеве в Михайловском монастыре 1903 г. (рис. 74: 5) (ОАК 1903: рис. 349). Каждая двучастная бляшка оконтурена рядом жемчуга.

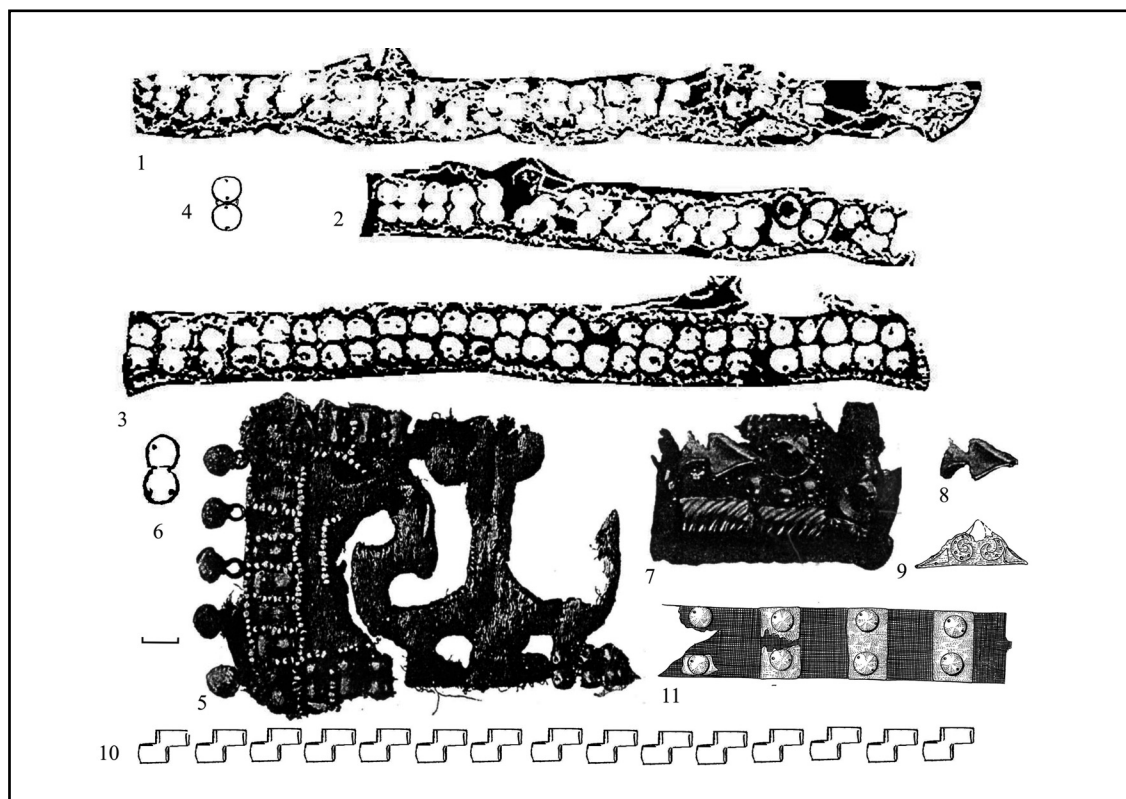

Рис. 74. Реконструкция бордюров из круглых бляшек: 1—4 — Киев, 1936; 5—10 — Киев, 1903; 11 — очелье из курганов в Покрове Московской обл. XI—XII вв.

Другие аналогичные бляшки имеются в кладе в виде осыпи.

В составе киевского клада есть очень интересные примеры бляшек геометрической формы, предназначенных для ускоренного формирования бордюров, ярко показывающие эту тенденцию (рис. 74: 7—10).

Соединенные треугольники образуют однорядный бордюр, который может разнообразно сочетаться с бляшками других форм (рис. 74: 8). Один из вариантов этого сочетания демонстрируется тканевым фрагментом, сохранившимся в кладе (рис. 74: 7) (ОАК 1903: рис. 345). И этот вариант, и другой фрагмент сложной нашивной бляшки показывают, что прямоугольные, треугольные и круглые формы сочетались в одних орнаментальных композициях и бордюрах (рис. 74: 9). Прорезная форма бляшек показывает, что предусматривалось украшение ткани стразами и драгоценными вставками.

В кладе из Киева 1936 г. также есть бляшки, состоящие из двух соединенных прямоугольников, предназначенные для ускоренного формирования двурядного бордюра. Такие бляшки образуют бордюр в виде ломаной линии, промежутки в котором может заполнить жемчуг или миниатюрные бляшки, например,

круглые. В прорези можно эффектно показать и ткань (рис. 74: 10).

Другой вариант также довольно простого сетчатого бордюра из геометрических бляшек образуется **тремя рядами**. По краям идут треугольные бляшки, по центру — ромбические. Подобное сеточное построение бордюров характерно для епитрахили митрополита Алексия, а также для отдельных частей саккоса (рис. 75: 1—3).

Из бляшек, имеющих в составе кладов, для реконструкций бордюров такого образца использованы ромбические бляшки из кладов 1903 г. в Михайловском монастыре Киева и из Старой Рязани 1822 г.; треугольные бляшки из кладов в Мартыновке 1886 г. и Святом Озере 1916 г. (рис. 75: 4—7).

Бляшки из кладов в Старой Рязани 1967 г. и в Михайловском монастыре Киева 1903 г. позволяют восстановить вариант орнамента, подобный орнаменту на «источниках», продольных полосах саккоса митрополита Алексия (рис. 76). В сетчатых композициях таких бордюров употребляются бляшки не только строго геометрических форм, но и криволинейных очертаний — сердцевидные, миндалевидные, в виде запятых и т.д. Оконтуривание жемчугом скрадывает разницу между ними. Эти

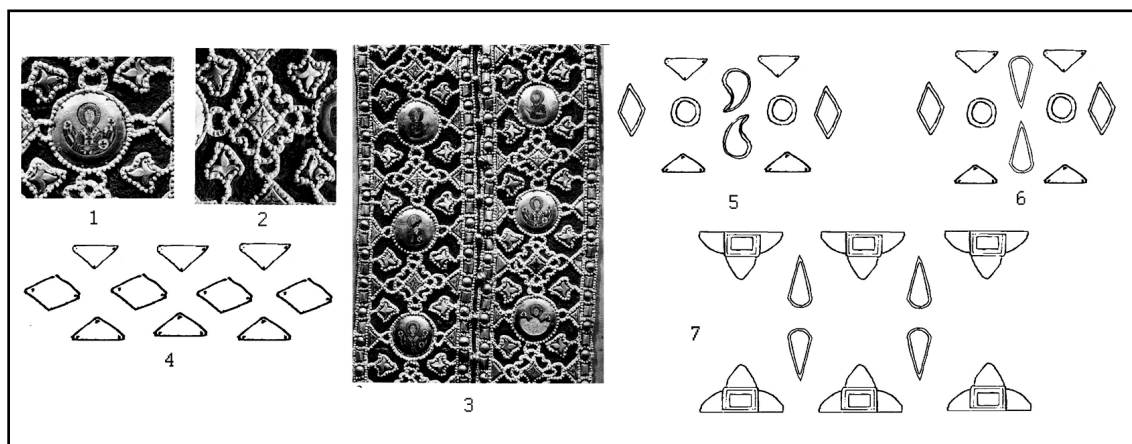

Рис. 75. Примеры реконструкций сетчатых бордюров из бляшек древнерусских кладов: 1—3 — эпитрахиль митрополита Алексия, XIV в.; 4 — Киев, 1903, Мартыновка, 1886; 5, 6 — Старая Рязань, 1822, Святое Озеро, 1916; 7 — Старая Рязань, 1822.

композиции в основном находятся в пределах геометрического стиля, но создают переход к композициям растительного стиля.

Аналогичные по стилистике примеры происходят и из курганных погребений, на оплечной части одежды из погребения в Новленском Московской обл. миндалевидные бляшки на-

ходятся внутри лепестковых фигур (Сабурова 1997: 101, табл. 77: 8).

В Московском кладе 1988 г. есть многочисленный набор из крупных круглых бляшек выпукло-полусферической формы (24 экз.) двух вариантов по диаметру: 16 и 20 мм (1, VII, XI, 1). Такие бляшки, скорее всего, составляли среднюю линию в сетчатом бордюре, идущем по краю одежды.

Древнерусские материалы позволяют реконструировать бордюры из **прямоугольных** бляшек с прорезным и рельефным кривообразным орнаментом (рис. 77). Такой материал в основном происходит из клада в Старой Рязани 1868 г. (рис. 77: 1—5). Сохранившийся образец из прорезных бляшек с кривообразным орнаментом из клада в Десятинной церкви является налобной лентой — очельем головного убора (рис. 77: 9) (Пекарська 1996: 49, табл. 1аб). Примечательно, что на саккосе митрополита Алексия прямоугольных бляшек с прорезным кривообразным орнаментом уже нет, там используются бляшки кривообразных форм и геометрических форм с рельефным орнаментом (рис. 77: 5, 7, 8).

Прямоугольные бляшки могли использоваться на всех прямых полосах отделки. На углах, косых линиях швов или сгибах использовались составные бляшки, при соединении образующие фигурную прорезь растительного характера, позволявшие продолжить линию бордюра после шва или сгиба. Бляшки кривообразных форм подтреугольных очертаний имеются вкладах из Михайловского монастыря Киева, Княжей Горы и Старой Рязани (рис. 78).

Для восстановления некоторых кривообразных орнаментов воспользуемся орнаментами произведений других видов прикладного искусства.

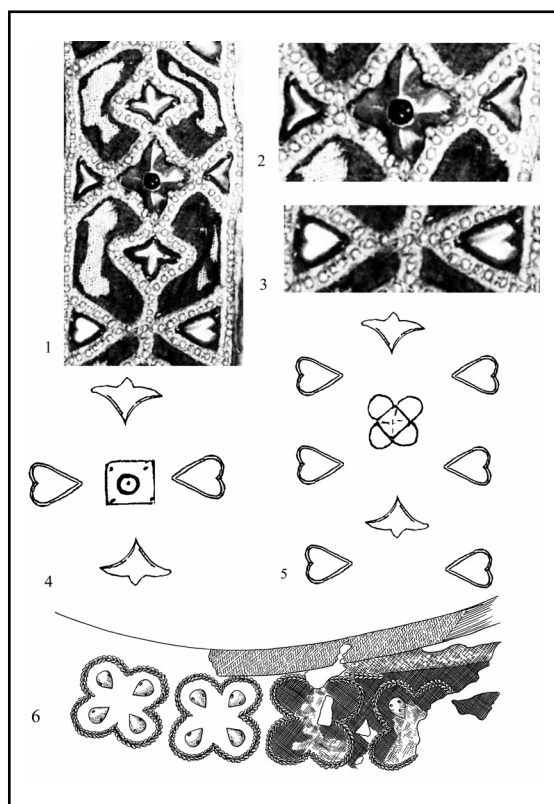

Рис. 76. Реконструкция сетчатого бордюра на основании материала нашивных бляшек: 1—3 — «источники» саккоса митрополита Алексия; 4, 5 — Киев, 1903, Старая Рязань, 1967 и матрица из раскопок А.Л. Монгайта; 6 — украшение оплечной части из погребения в Новленском Московской обл.

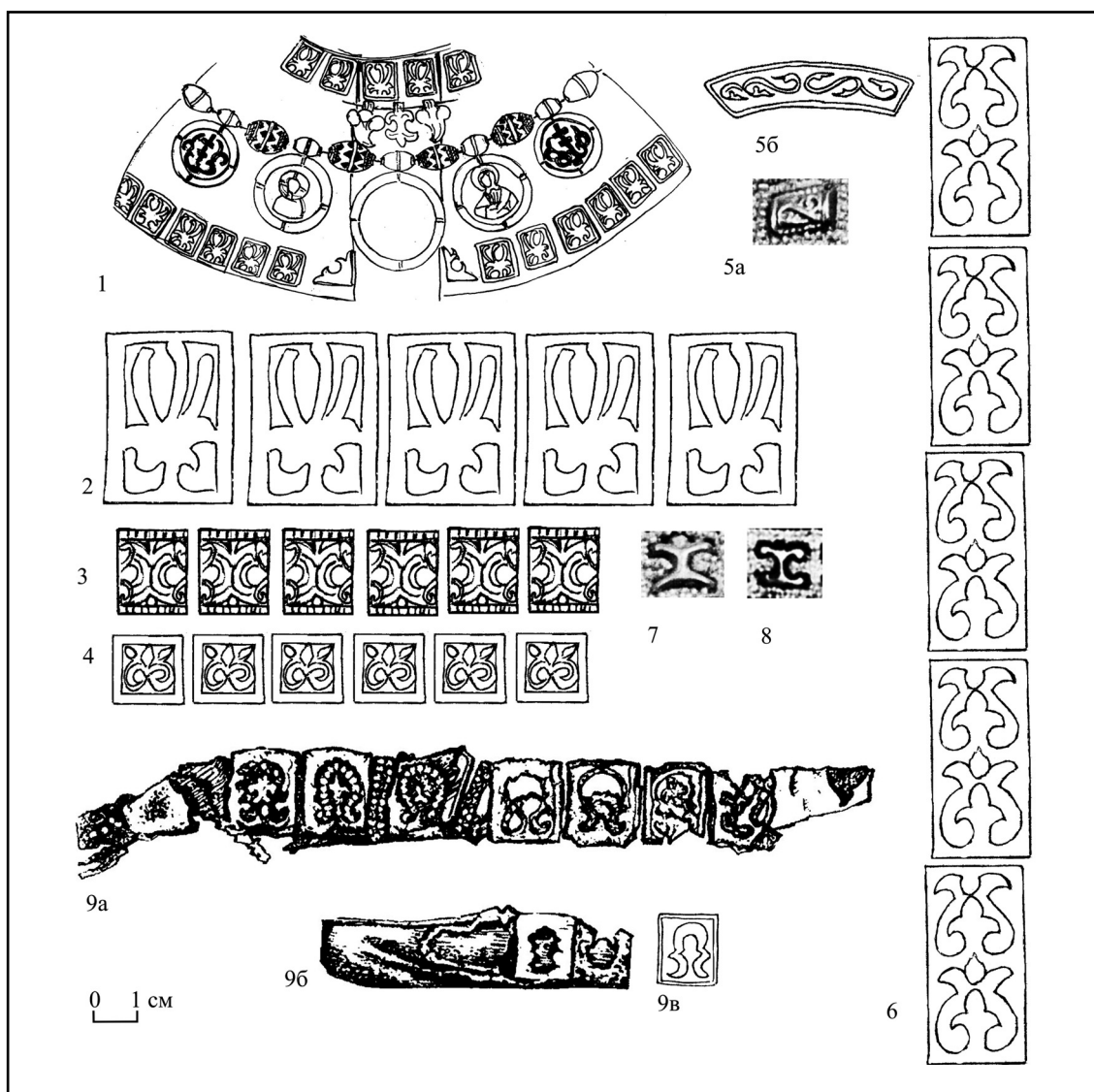

Рис. 77. Реконструкции по материалу прямоугольных бляшек с ринообразным орнаментом: 1—5 — Старая Рязань, 1868; 5, 7, 8 — бляшки саккоса митрополита Алексия; 9 — Киев, Десятинная церковь, 1936, очелье.

Ткани и вышивки древнерусского времени обнаруживают с тисненными нашивными бляшками наиболее близкие и конкретные орнаментальные аналогии (рис. 79). Образцом может быть и орнамент византийских чаш XII в. (рис. 80). Параллели могут быть выстроены и на основании мозаик и фресок Софийского собора в Киеве XI в. (рис. 81).

Кринообразные бляшки наибольшим образом влились в тканое узорочье, дополнив его великолепие. Именно они строили основной накладной орнамент, а жемчуг его оконтуривал и дополнял.

Имеются довольно редкие примеры нашивных бляшек в виде половинок бубенчиков и лунниц (рис. 17: 7; 18: 6—8). Этому материалу есть аналогии и в культурном слое Новгорода. (рис. 55: 5). Аналогичный пласт материала вы-

деляется и среди подвесок к ожерельям: монетовидные подвески и подвески в виде лунниц (рис. 71: 4). Эти вещи свидетельствуют о сохранении вплоть до конца XII в. элементов костюма знати в славянских традициях.

VIII. Пуговицы

В реконструкциях одежды помогают пуговицы, к сожалению, вкладах их довольно мало. Очевидно, как правило, владельцы не ставили целью хранить эти предметы вкладах. Целиком хранить вкладах одежду вообще было невозможно, в исключительных случаях хранились или отрезались наиболее дорогие ее части. Только в одном случае из четырех встреченные вкладах пуговицы закреплены на детали одежды. Это застежка ворота в вкладе из Михайловского монастыря Киева 1903 г. с рядом грушевидных пуговиц

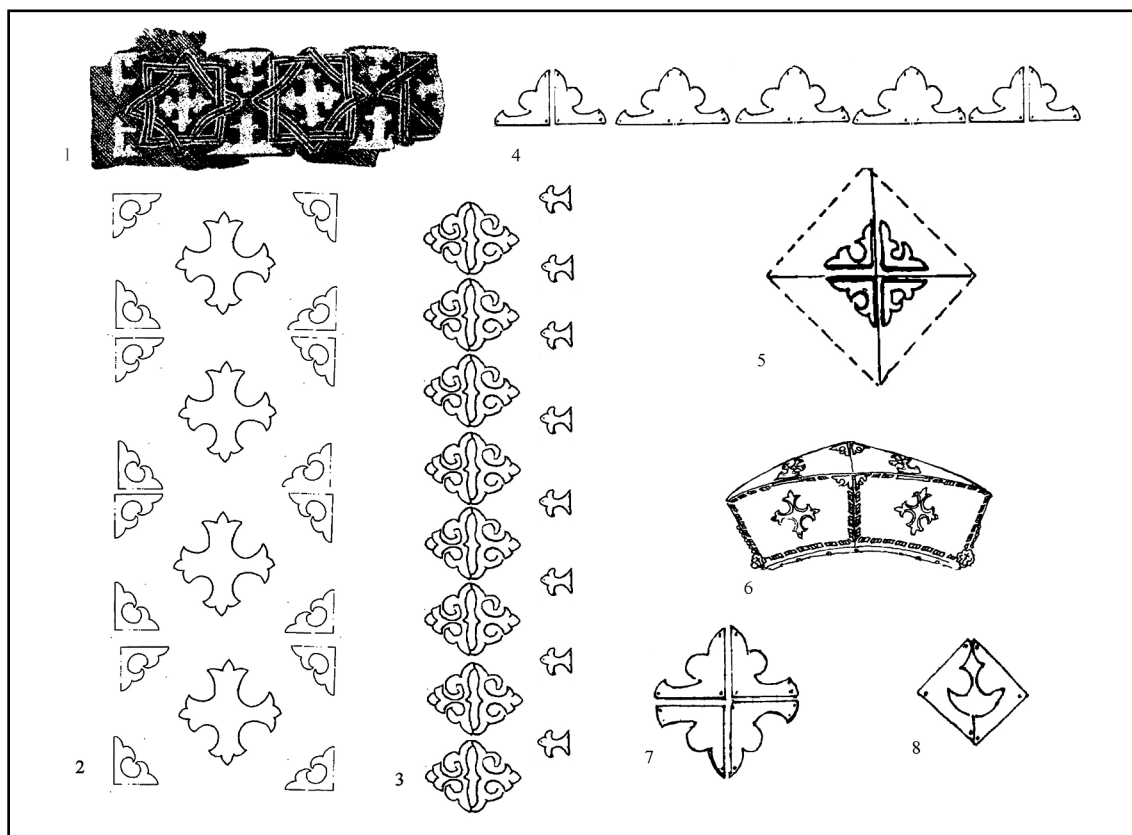

Рис. 78. Варианты реконструкций орнаментов из бляшек в форме уголков: 1 — фрагмент воротника XI в., курган у д. Караш Ярославская обл., 1854; 2 — Старая Рязань, 1868; 3 — Княжая Гора, 1891, Мартыновка, 1886; 5, 6 — реконструкции головного убора по бляшкам клада из Старой Рязани 1868; 4, 7, 8 — Киев, 1903, варианты использования бляшки-уголка.

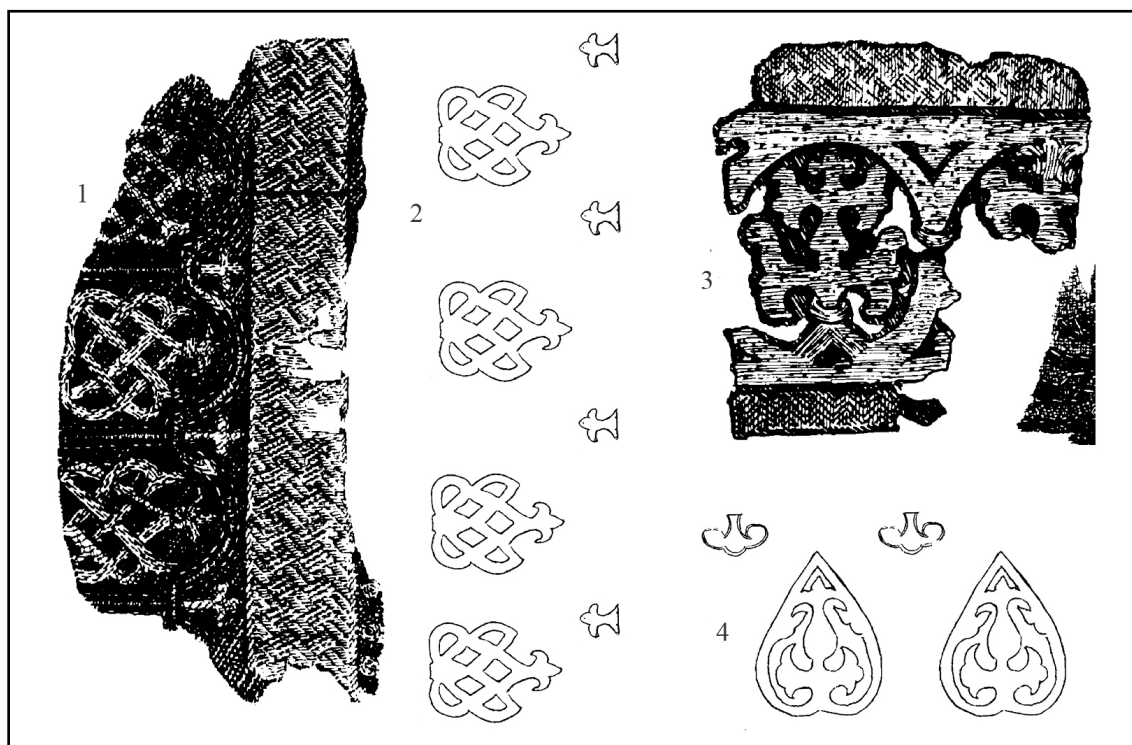

Рис. 79. Реконструкция орнаментов из бляшек по аналогии с орнаментами тканей и вышивок: 1 — XII в., курган № 2 д. Антоново Ивановской обл.; 2 — реконструкция орнамента по бляшкам из Старой Рязани, 1999 и Мартыновки, 1886; 3 — фрагмент воротника, курган 5 у д. Пушкино, конец XII — начало XIII вв.; 4 — реконструкция орнамента из бляшек, Старая Рязань, 1822 и 1992.

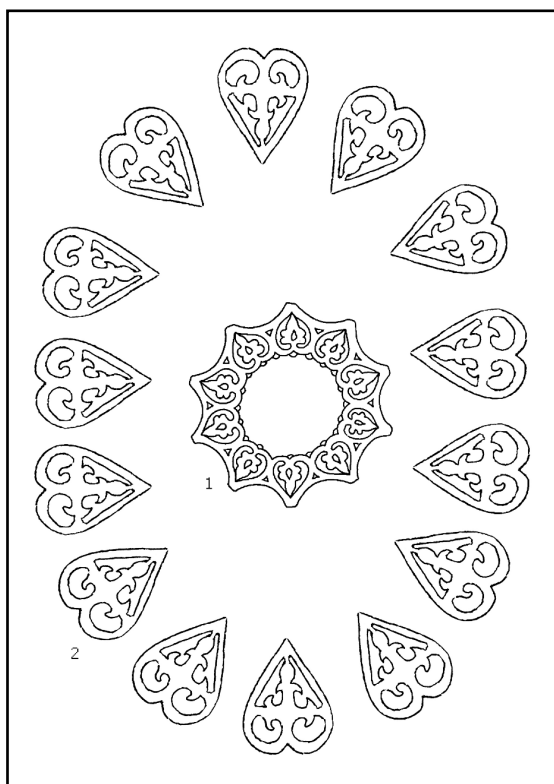

Рис. 80. Реконструкция орнамента из бляшек на основании орнамента византийских чаш: 1 — крышка чаши № 5 из Ненецкого национального округа, XII в.; 2 — матрица из Старой Рязани.

по краю. Вероятно, это была часть туникообразной одежды (рис. 74: 5).

Деталь зарукавья или браслет

Среди материалов, собранных Б.И. Ханенко и В.Н. Ханенко, есть загадочная вещь, состоящая из соединенных прямоугольных нашивных бляшек с выделенным более узким ремешком (Ханенко 1902: табл. XXV: 1094). Авторы публикации определяют вещь как ожерелье или браслет «из лоточков». К сожалению, только по публикации вещь и известна (рис. 82). Основную часть орнаментируют крупные и более выпуклые прямоугольные бляшки, последняя из них закреплена дополнительным стежком поверх (1, VII, II, 1, 5) (рис. 15: 20). Узкий ремешок образован прямоугольными бляшками с ребристым орнаментом (1, VII, II, 2, 2) (рис. 15: 21). Конец ремешка завершен бляшкой подтреугольных очертаний, приспособленной для вхождения в прорезь какой-то застежки (1, VII, XIX, 1, 5) (рис. 19: 12). Точная аналогия концевой треугольной бляшке имеется среди материалов клада 1903 г. из Михайловского монастыря в Киеве (рис. 19: 5). Среди материалов этого клада есть аналогии и ребристым бляшкам данной детали (рис. 15: 6). Сомнений в том, что эта деталь одежды относится к домонгольскому периоду, нет.

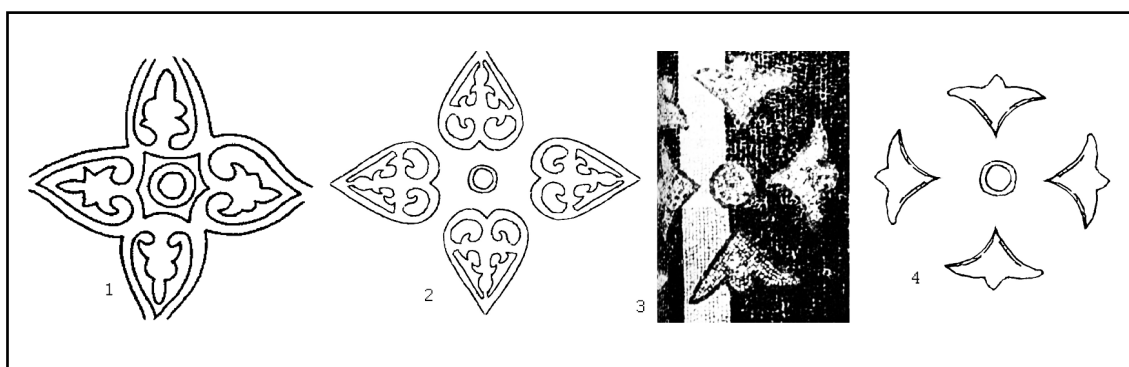

Рис. 81. Реконструкция орнаментов из бляшек по образцам Софийского собора в Киеве XI в.: 1 — росписи; 2, 4 — орнамент по матрицам и бляшкам из Старой Рязани, 1822; 3 — мозаика.

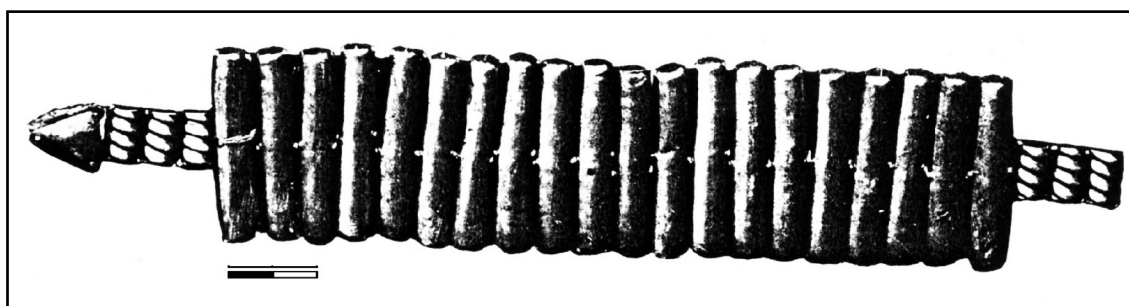

Рис. 82. Застежка зарукавья, материалы Б. И. и В. Н. Ханенко.

Предположительно ее можно определить как деталь застежки зарукавья дорогого облачения.

2. Стилистические реконструкции убора из тисненых изделий

Реконструкции этого раздела проводятся по принципу стилистического сходства, а также с опорой на данные рабочих реконструкций: установленное назначение изделий определенных категорий и их конструктивные связи с украшениями других категорий. В дополнение к проведенным реконструкциям при восстановлении стилистического ансамбля привлекается более широкий круг украшений за счет других техник.

Стилистическая реконструкция, объединяющая изделия по стилю, способна показать, изделия каких типологических подразделений выполнялись в едином стиле. Следовательно, такая реконструкция укажет на совместное бытование определенных типов, вариантов, групп изделий, то есть, со своей стороны, может уточнить их датировку.

Некоторые реконструкции выглядят целостно и могли существовать в костюме именно в таком виде. Другие являются частичными и могут быть использованы как элементы при воссоздании древнерусских уборов и костюмов.

Материал сгруппирован в соответствии со стилями или стилистическими группами тисненых изделий, выделенными и обоснованными в работе.

1. Реконструкция убора из *гладкометаллических* украшений включает архаичные формы. В данный ансамбль входят нашивные бляшки в виде бубенчиков и лунниц, монетовидные подвески (рис. 83: А). Эти украшения входили в убор с височными кольцами и колоколовидными ряснами. Гладкометаллические формы использовались в уборе длительно и сочетались с другими, более богато орнаментированными украшениями. Стилистически аналогично выглядит орнаментация головного убора из материалов погребений кривичей (рис. 83: Б) (Сабурова 1997: табл. 78: 3).

2. Тисненные украшения с элементами *линейно-геометрического* и *геометрического* стилей распространились в тиснении под влиянием скано-зерненого убора, где они были основными. *Линейно-геометрический* стиль в тиснении в основном проявился в орнаментации бусин. Наборное очелье из золотых накладок относилось к дорогому убору, но аналогичные по стилю очелья могли существовать и в более простом, серебряном уборе. Поэтому данный пример используется в предлагаемой стилистической реконструкции.

На цепях из колодочек геометризм проявляется в ритмическом расположении ребристых поясков (рис. 84).

3. Реконструкция части убора из украшений, орнаментированных преимущественно *ребристым* орнаментом, представляет собой основу убора второй половины XII — первой трети XIII в. Украшения в *рифленном* стиле могли сочетаться как со скано-зерненым убором, так и с черневым. Золотые цепи из колодочек могли сочетаться и с колтами из перегородчатой эмали (рис. 85).

4. *Завитковый* стиль в тиснении связан с искусством скани, эти вещи в уборе сочетались в основном с филигранным убором (рис. 86). Стилистически аналогично очелье из погребения в Борисоглебском соборе Новгорода, завитковый стиль бляшек сочетается с геометрическим, сам орнамент имеет четкую геометрическую структуру, техники тиснения и скани также сочетаются (Сабурова 1997: табл. 66: 14; 73: 2).

5. Убор, соответствующий *геометризованной стадии растительного* стиля, не вполне преодолел геометризм и элементы завитковых орнаментов, свойственные скано-зерненой и перегородчатой техникам. В то же время именно здесь растительная орнаментация выходит на первый план. Она находится пока в рамках видимой и явно выделяемой геометрической сетки, разделена бордюрами и членящими ребристыми линиями. В данном уборе техника тиснения сочеталась в основном с перегородчатой эмалью (рис. 87).

6. Убор, соответствующий *естественной стадии растительного* стиля, является первым подлинным и оригинальным стилистическим вариантом, выработанным техникой тиснения. Геометризм во внешнем впечатлении уже не сказывается. В перегородчатой эмали параллельно существует аналогичный стиль. Эта наивысшая для тиснения стадия, ей свойственна наибольшая гармония и уравновешенность. Создаются самые эстетически выигрышные варианты подвесок и бляшек. Начиная с *естественной* стадии растительного стиля, тиснение наибольшим образом связывается с искусством перегородчатой эмали, а в уборах сочетается с эмалевыми украшениями (рис. 88).

7. Убор, соответствующий *утрированной стадии растительного* стиля, своим распространением в тиснении отражает аналогичное изменение в других видах прикладного искусства, использующих растительный орнамент. За счет причудливых изгибов удлиненных побегов орнамент оживляется и усложняется (рис. 89).

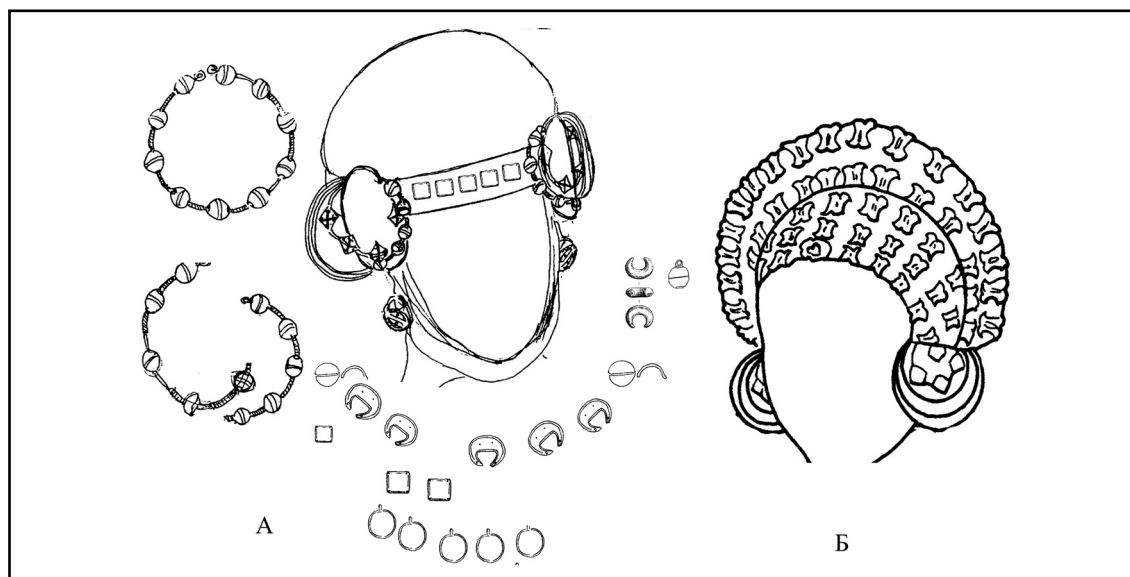

Рис. 83. Реконструкция стилистически единого убора из гладкометаллических украшений: А — на основании кладов из д. Шалахова Невельского у., 1892; Старой Рязани, 1967 и находок из раскопов № 3 и 7 Южного городища; клада из Владимира, 1865); Б — головной убор типа кокошника по материалам кургана 36, могильника Новинки I Вологодской обл. (фрагмент реконструкции М.А. Сабуровой).

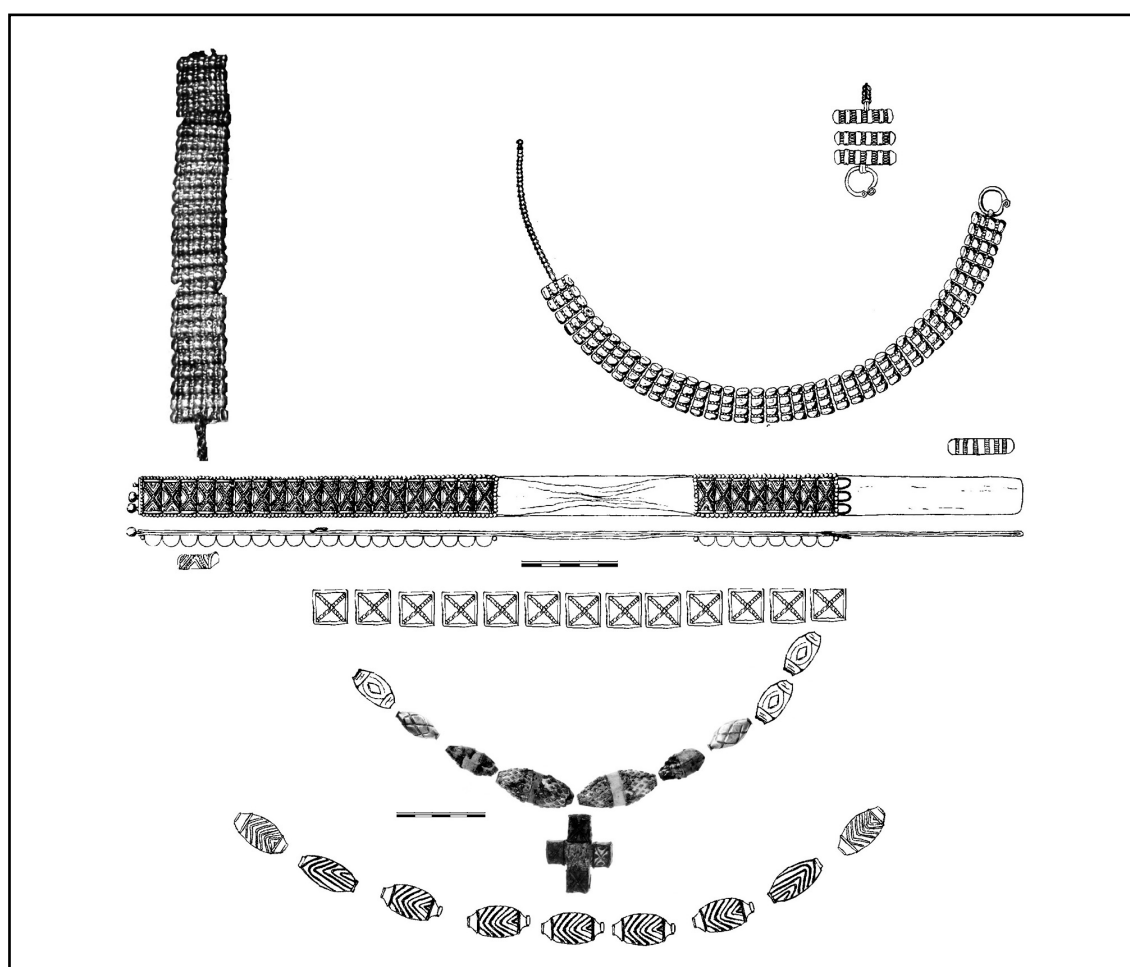

Рис. 84. Набор украшений в геометрическом и линейно-геометрическом стилях (Киев, 1936; Божск, Болоховской земли, 1970; Киев, 1914; Старая Рязань, 1822, 1979, д. Шалахова Невельского у., 1892; Владимир, 1865; с. Великие Болгары, 1888; Сельцо Новгородской обл., 1892; погребение в Софийском соборе Новгорода 1050 г.).

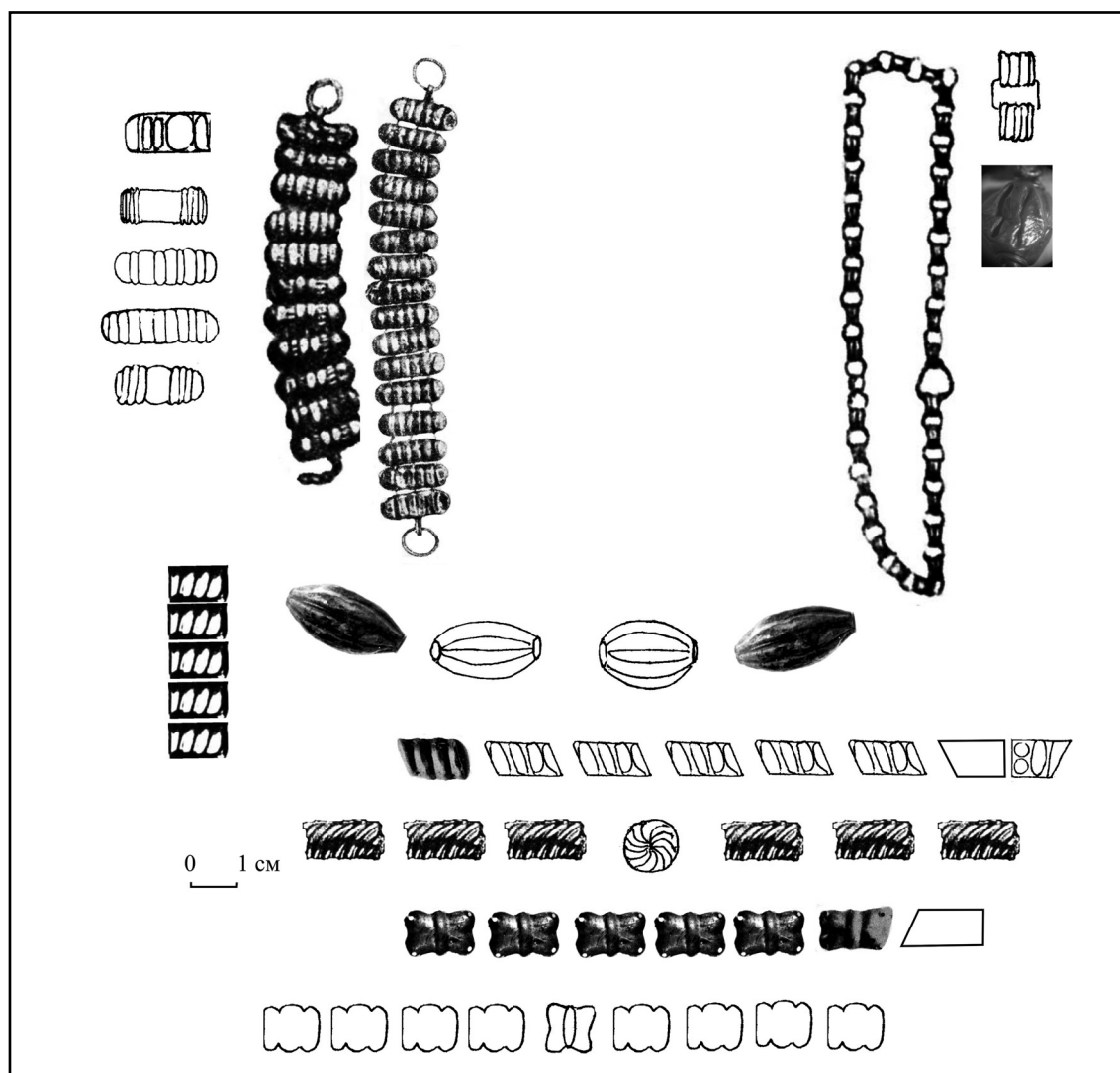

Рис. 85. Набор украшений в рифленном стиле (Няжская Гора, 1891; Старая Рязань, 1868, 1967, 1979; Сахновка, 1900; Киев, 1903, 1936, материалы Б. Н. и В. И. Ханенко; колодочки вариантов 12—20).

8. «Пышный» стиль — в основном отражает связь искусства тиснения с филигранью, хотя эта стадия заметна и в чеканном искусстве, близко связанном с тиснением (рис. 90). Этот стиль в ювелирном искусстве характеризуется эклектикой.

9. Плетеный стиль — наиболее распространен в черневом искусстве, орнаментации ткани и миниатюрах рукописей. Для тиснения он менее характерен, тисненные изделия в таком стиле удачно сочетались с черневым убором и тканями одежды (рис. 91).

Некоторые стили или стилистические группы бытовали долго. Гладкометаллические украшения *первой стилистической группы* и украшения в *рифленном* стиле играли служебную роль и имели фоновый характер, поэтому они сочетались с широким кругом украшений на протяжении X—XIV вв.

Другие стили обнаруживают более узкую датировку и сочетаются с более ограничен-

ным набором украшений. Ансамбли в *геометрическом, завитковом и геометризованной стадии растительного стиля* характерны для второй половины XI в. и первой половины XII в. Ансамбли, соответствующие *естественной стадии растительного стиля, относятся преимущественно к XII в.* Наборы украшений, соответствующие *утрированной стадии растительного стиля*, а также — *пышному и плетеному стилю* относятся преимущественно к *концу XII — рубежу XII—XIII вв.*

3. Реконструкция русского княжеского костюма с тисненными украшениями

Тисненные украшения рассмотренных категорий участвовали как в мужском, так и в женском костюме. Для женского наибольшее значение имели все виды рясен для колтов и бусы ожерелий (рис. 7—11; рис. 63—67).

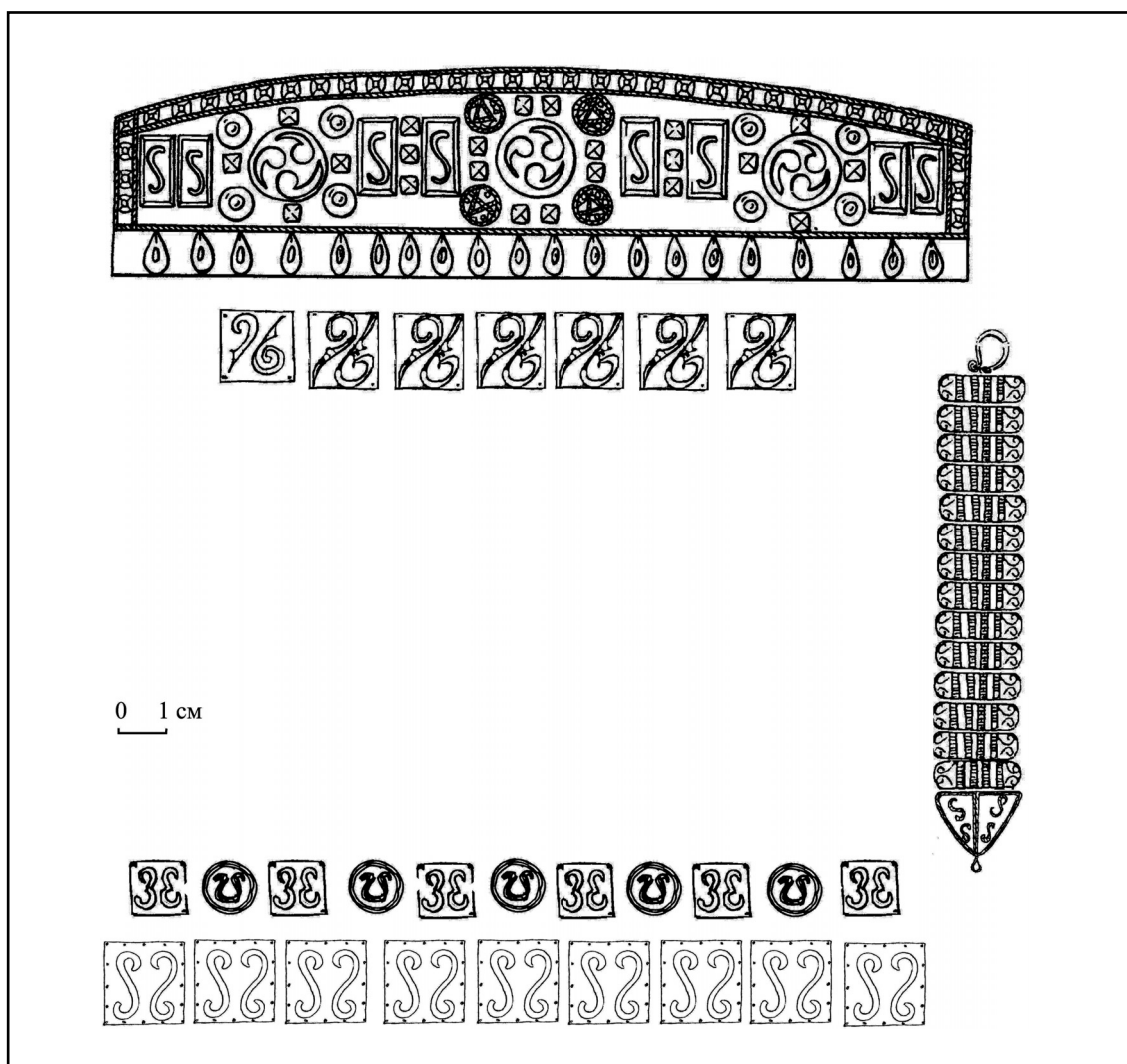

Рис. 86. Набор украшений в завитковом стиле (Старая Рязань, 1887; Святое Озеро, Чернигов, 1916; Вербов Львовской обл., 1920-е; Киев, 1936; Шепетовка Хмельницкой обл.; матрица из находок А. Л. Монгайта в Старой Рязани; вверху — очелье из погребения в Борисоглебском соборе Новгорода согласно реконструкции М. А. Сабуровой).

Такие категории, как кринообразные подвески и нашивные бляшки, равно использовались как в женском, так и в мужском costume (рис. 68—71).

Оригинальность и достоинство материала тисненых украшений состоит в том, что он позволяет предложить реконструкции именно княжеского мужского облачения и убранства. На основании параллелей в иконографии и прикладном искусстве выявляется историко-культурная роль и значение кринообразного орнамента, ставшего основным для техники тиснения.

В древнерусскую эпоху XI—XIII вв. княжеский мужской costume дополнялся драгоценным убором из тисненых кринообразных подвесных и нашивных украшений, тесно связанных с образом Михаила Архангела. Об этом свидетельствуют археологические и письменные данные.

Крин — орнаментальный элемент, созданный на основе декоративной обработки сирийской лилии, украшал парадный убор императора в Византии (Кондаков 1896: 206). Понятно в связи с этим и наличие кринообразного растительного мотива на шапке Мономаха. Византийские императоры, согласно сведениям Кодина, на которые ссылается Н. П. Кондаков, имели повседневные уборы, украшенные различными накладками в форме крина и имевшие характерное название «кринония» (Кондаков 1896: 206).

Очевидно, подобная традиция вошла и в русскую княжескую и придворную культуру. Об этом прежде всего свидетельствует само обилие подвесок и бляшек с кринообразными орнаментами. Древнерусские тисненые, в своем большинстве серебряные изделия также не являются самыми дорогими. Ожерелья из кринообразных подвесок

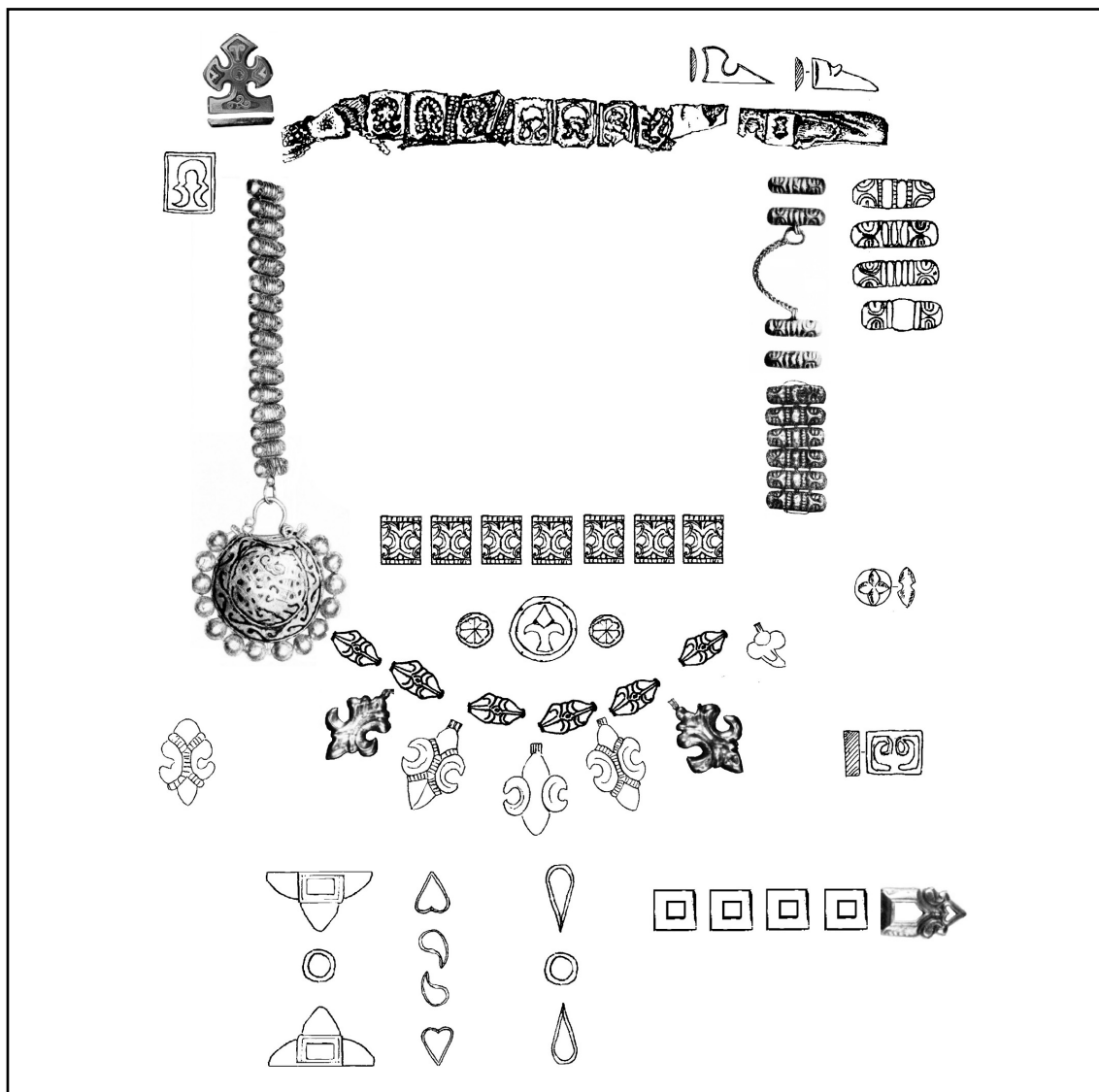

Рис. 87. Набор украшений геометризованной стадии растительного стиля (Старая Рязань, 1822, 1868, 1967, 1970; с. Кресты Тульской обл., 1876; д. Терихово Орловской обл., 1876; Киев, 1901, 1903, 1936; 29 — с. Телиженци, 1978, II; Божск, Хмельницкая обл., 1970; колодочки вариантов 7—12; матрица для подвески из ГИМ; матрицы с раскопов № 13 и 17 в Старой Рязани).

могли заменять дорогие облачения в повседневном костюме, быть знаком принадлежности к княжескому сословию. В данном случае наиболее важным аспектом символического значения кринообразной фигуры является рост в смысле возвеличения и возвышения посредством силы и власти.

Кринообразная орнаментика обильно сопровождает облачения византийских императоров, костюмы русских князей и одежды архангелов, известные по средневековым изображениям. Все эти земные и божественные персонажи обладают сильной властью. Кринообразная орнаментика входит как в орнаментальное обрамление образов архангелов, так и в изображение их одежд (рис. 92: 2—4). Кринообразные фигуры есть на наиболее

ранних изображениях ангелов (рис. 92: 5) (Бенчев 2005: 11).

Тип одежды архангелов и князей на изображениях аналогичен. Это византийский канон одежды императоров и высших чиновников византийского двора (Кондаков 1906; Бенчев 2005: 51, 52). Ткань костюма князя Ярополка на миниатюрах Трирской Псалтыри покрыта кринообразными фигурами (Кондаков 1906: табл. 6) (рис. 92: 2). Кринообразными фигурами в круглых клеймах покрыты гиматии князей Бориса и Глеба, изображенных на эмалевых колтах из клада 1822 г. в Старой Рязани (рис. 92: 1). Обычная одежда русских князей могла быть и проще, но их парадный костюм отвечал этому канону.

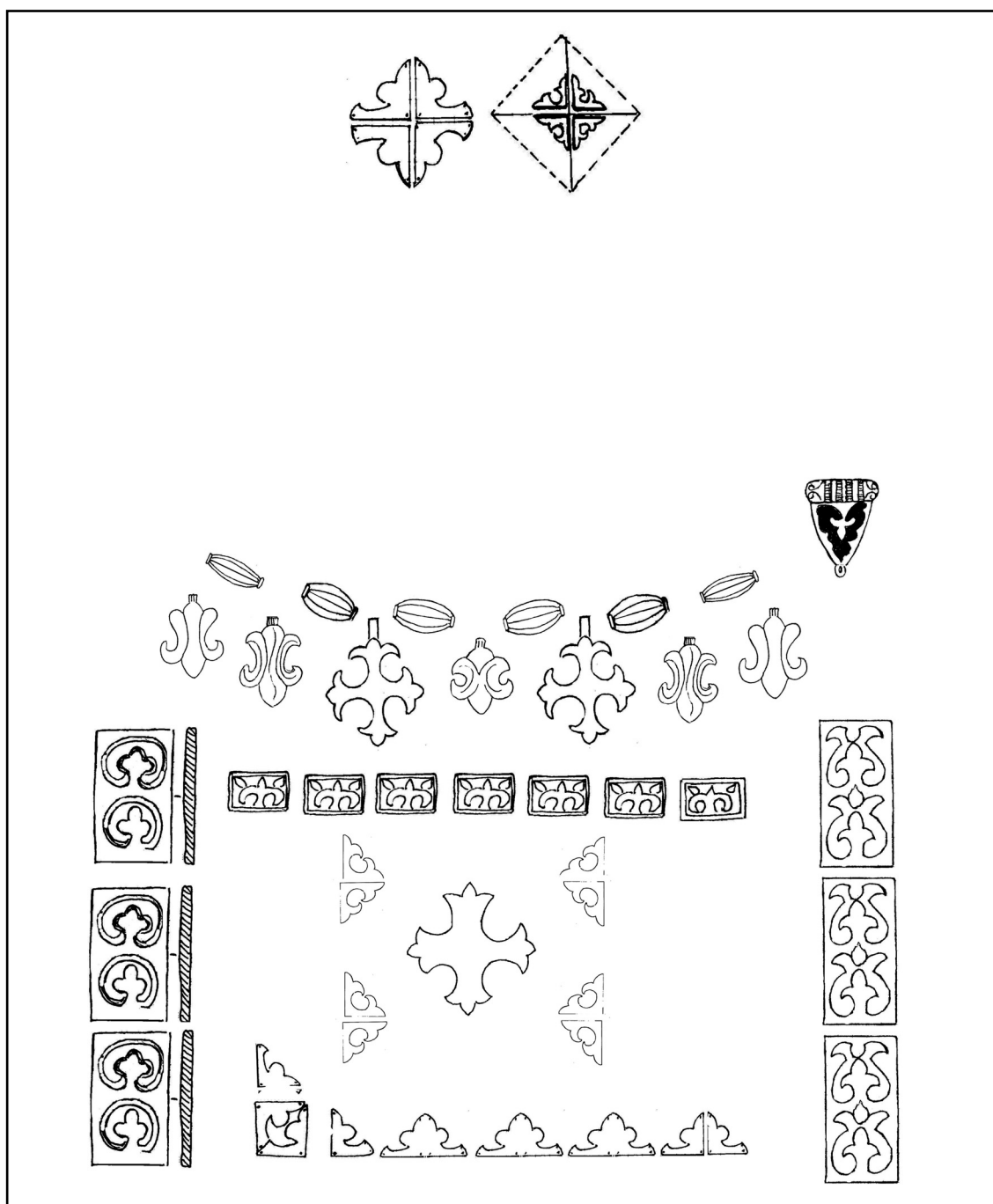

Рис. 88. Набор украшений естественной стадии растительного стиля (Киев, 1903; Вербов Львовской обл., 1920; Старая Рязань, 1868; Киев, 1876, 1901, 1949; Княжая Гора, материалы Б. Н. и В. И. Ханенко; Старая Рязань, рисунок № 17).

На известных древнерусских и византийских иконах, мозаиках, миниатюрах и эмалях XI—XIII вв. на архангелах можно видеть два основных типа одеяний:

1) туника с лором, в той или иной мере переходящим в оплечье, расшитые драгоценными украшениями (рис. 92: 1);

2) туника с лором, покрытая плащом (гиматием) с застежкой на правом плече (рис. 92: 3).

Такова и одежда князей по древнерусским миниатюрам и эмалям (рис. 92: 2, 4).

В древнерусских кладах XII — первой трети XIII вв. — периода, когда христианский княжеский убор уже несомненно сформировался — обильны украшения с кринообразным орнаментом. Это один из основных мотивов в орнаментации изделий с перегородчатой эмалью, входивших в состав головного убора (диадемы, колты, рясна из бляшек).

В связи с нашей темой следует обратить особое внимание на довольно большой разряд украшений древнерусских кладов, непосред-

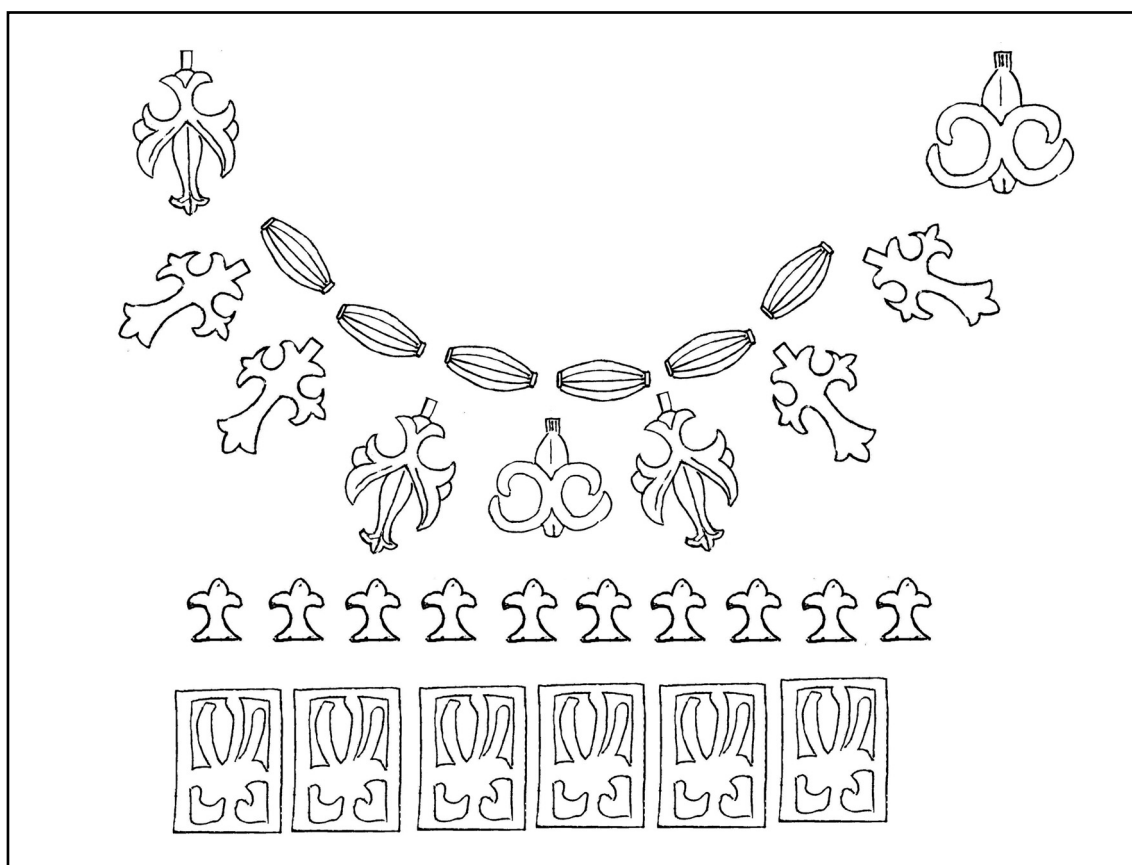

Рис. 89. Набор украшений утрированной стадии растительного стиля (Старая Рязань, 1868; Киев, 1949; Мартыновка, 1886; Старая Рязань, Южное городище).

Рис. 90. Набор украшений пышного стиля (Киев, 1949; Старая Рязань, 1822; полуфабрикат подвески из Суздаля XII — начала XIII вв.; Старая Рязань, 1992).

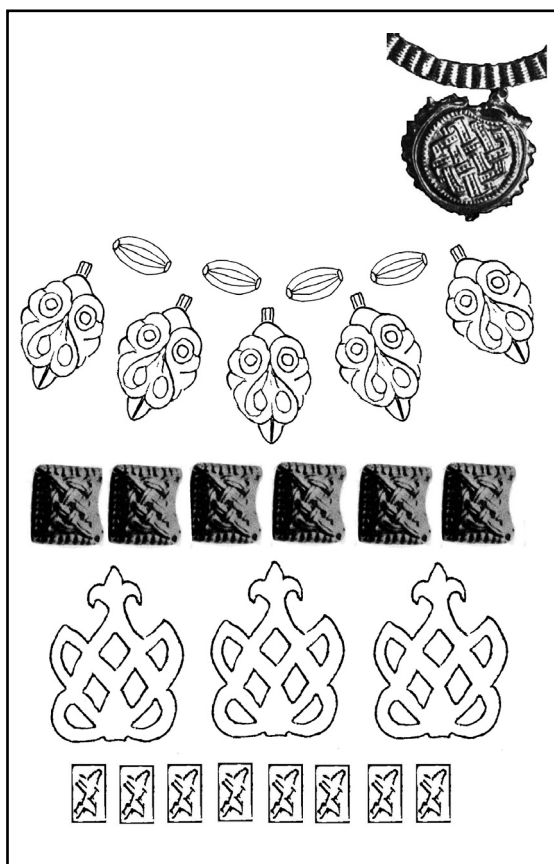

Рис. 91. Набор украшений в плетеном стиле (Вербов Львовской обл., 1920; Старая Рязань, 1868, 2005, раскоп № 28, 1999; Киев, 1901, 1936).

ственно выполненных в форме кринообразных фигур.

Среди украшений с перегородчатой эмалью они единичны: три накладные пластины в виде трилистников из старорязанского клада 1868 г., вероятно, предназначены для нашивания на княжеский головной убор (Макарова 1975: табл. 13, № 73). При нашивании на рельеф головного убора им конструктивно соответствовали узкие нижние тисненые бляшки в форме удлинённых трапеций, играющие роль оснований (рис. 87 — сверху).

Среди тисненых изделий украшения в форме кринообразных фигур многочисленны. Тисненые кринообразные украшения имеются в составе 16 наиболее богатых древнерусских кладов, зарытых в период 70-х гг. XII — первой трети XIII вв. Важную роль в costume играли две основные категории украшений: подвески к ожерельям — 76 экз. и нашивные бляшки — 550 экз. Стилистически в растительный декор убора вписывались гладкие лопастные бусины, круглые или овальные в сечении — 237 экз.

Ожерелья из кринообразных подвесок, в составе которых иногда находился меда-

льон с изображением Архангела Михаила, показывают связь княжеского costume с образом небесного патрона. Формы кринообразных орнаментальных фигур одежд архангелов очень сходны с нашивными бляшками, имеющимися в археологическом материале. Наблюдается сходство по общей форме и по стилистике.

Тисненые украшения в целом относятся к *растительному* (кринообразному) стилю, внутри которого на основании изучения археологического материала кладов наблюдается три стадии. Более ранней является *геометризованная стадия*, относящаяся к концу XI — первой половине XII вв. Наиболее гармоничные формы кринообразных украшений связаны с *естественной* стадией, датируемой XII в. включительно. На завершающей *утрированной* стадии растительные элементы приобретают излишнюю изогнутость и утончаются — вторая половина XII в. — первая треть XIII в. К концу XII в. — первой трети XIII в. появляются кринообразные изделия в *пышном* стиле, использующем помимо растительных и другие элементы. Формы кринообразных украшений одежд архангелов на изображениях проходят те же самые стадии, что косвенно позволяет и подкрепить датировки археологического материала.

Одежда Архангела на миниатюре «Гомилий» (Иоанн Златоуст) XI в. находит аналогии с геометризованной стадией растительного стиля и некоторые аналогии с прямоугольными прорезными бляшками (рис. 93).

Орнамент фона одежды Архангела на мозаике собора в Монреале конца XII в. хорошо соответствует форме кринообразных нашивных бляшек естественной стадии растительного стиля (рис. 94: 1—3).

Одежда Архангела мозаики Сан-Грегорио в Мессине XIII в. перекликается с бляшками растительного и пышного стиля (рис. 95: 1—4).

Михаил Архангел стал небесным покровителем русского княжеского дома, однако в письменных источниках, касающихся начального периода русской истории, прямых упоминаний о такой его роли нет. Она выявляется в результате изучения исторических фактов, а также духовной и материальной культуры. Помогает здесь и рассматриваемый материал тисненых изделий. Очевидно, что утверждение культа Михаила Архангела было одним из проявлений восприятия византийской христианской культуры: с IV—V вв. он был покровителем византийских императоров и города Константинополя (Бенчев 2005: 88). Вопросы о понимании образа Михаила вста-

Рис. 92. Архангелы и князья (на иллюстрации использован условный общий масштаб для сопоставления человеческих фигур): 1 — Архангел на эмалевом медальоне, Сахновка Каневского у. Киевской губ, 1900; 2 — князь Ярополк, Миниатюра Трирской Псалтыри 40—50 гг. XI в. (архив г. Чивидале); 3 — Архангел на миниатюре «Гомилый» (Иоанн Златоуст), 1078—1081 гг.; 4 — князья Борис и Глеб на эмалевых колтах, Старая Рязань 1822; 5 — прорисовка изображения крина на иконе «Богоматерь с Младенцем на престоле» (на иконе изображены два ангела), Синай, VII в.

вали и перед русскими летописцами: «Кто есть Михаил, разве ангела преданного людем?» (ПВЛ: 194). Несмотря на готовый византийский образец в данном тексте отражено собственно русское стремление понять и обосновать почитание Михаила.

Первое упоминание Архангела Михаила в Повести временных лет относится к 986 г. и содержится в Речи Философа (Мальцев 1995: 91, 92; ПВЛ: 134, 135). В упоминании отмечено старшинство Михаила над ангелами, он назван «старейшина Михаил». Сюда же попадает популярный в народных легендах рассказ о победе Михаила над Сатанаилом, источником которого, возможно, были сведения из Апокалипсиса о победе Ангела над дьяволом и Сатаной (Откр.: 20, 2, 3). В тексте Ипатьевской летописи под 1110, 1111 гг., содержится теологическое рассуждение о роли ангелов для всех христиан, в том числе и для князей: «Се же ведомо буде, яко в хрестьянех не един ангел, но елико крестишася, паче же

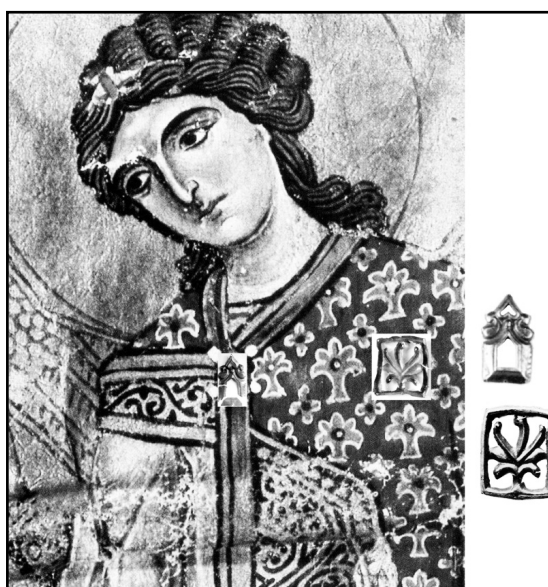

Рис. 93. Одежда Архангела: миниатюра «Гомилый» (Иоанн Златоуст) 1078—1081 гг. и нашивные бляшки, Старая Рязань 1868.

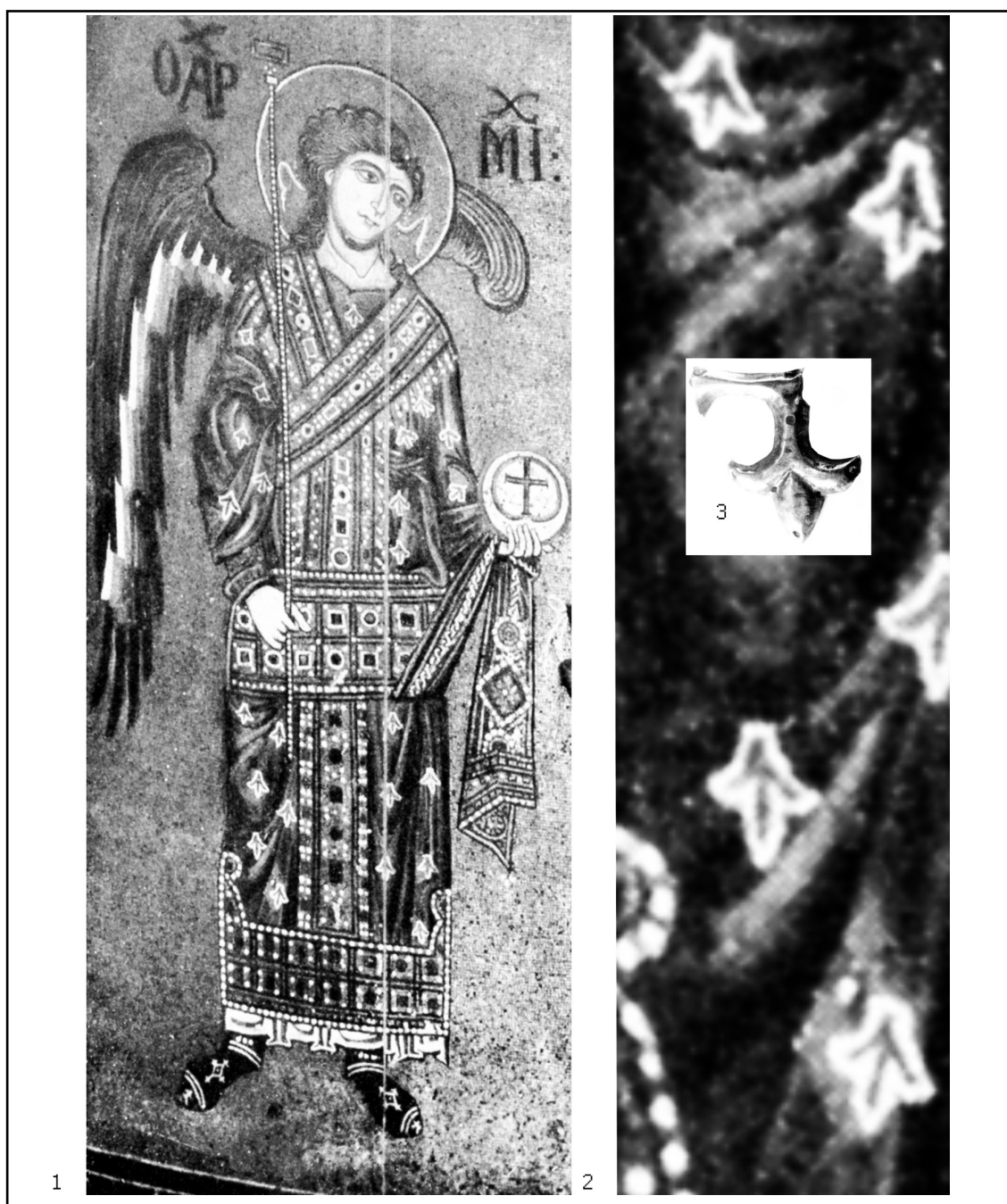

Рис. 94. Одежда Архангела: 1, 2 — Архангел Михаил, фрагмент мозаики собора в Монреале, 1174—1189 гг.; 3 — нашивная бляшка, Старая Рязань 1868.

к благоверным князем нашим» (ПВЛ: 190). Здесь сжато отражены сведения о Михаиле из Ветхого и Нового Заветов. Вновь подчеркивается его старшинство: ангелам «...есть архангел Михаил», перечисляются основные подвиги (ПВЛ: 192). Этот текст является одним из основных источников по истории возникновения культа Архангела Михаила на Руси и становления его в качестве патрона русских князей.

Можно подчеркнуть, что Михаил не выбран в качестве небесного патрона, а именно создан. В средневековом образе Архангела слились воедино ветхозаветный князь Михаил,

Ангел Господень и безымянный Вождь воинства Господня, совершившие великие деяния, потребовавшие проявления наибольшей силы и крепости (Дан.: 10, 13, 21; Чис.: 22, 22—35; Нав.: 5, 13—15). Фигура Архангела Михаила важна в погребальном культе, здесь он также заступник и помощник праведного человека, он принимает и переносит в рай его душу (Бусева-Давыдова 1997: 93; Бенчев 2005: 87).

Огромная энергия и сила ангелов и архангелов имеет два основных проявления, актуальные для власть предержащих. Во-первых, это сила власти. Силой и крепостью они превосходят все земные начальства и власти, а следо-

Рис. 95. Одежда Архангела: 1, 2 — мозаика в Сан-Грегорио в Мессине, вторая половина XIII в.; 3 — нашивная бляшка, Старая Рязань, 1822; 4 — матрица для нашивной бляшки, Старая Рязань.

вательно, выступают идеалом для них (2 Пет.: 2). Власть эта праведная, поскольку Архангел Михаил поставлен Богом вместо Сатанаила, пытавшегося захватить власть незаконным образом (ПВЛ: 134, 135; Бенчев 2005: 87). Во-вторых, это актуальная для эпохи военная сила и доблесть в бою. Ангелы образуют воинство и ополчение Божие: «И встретили его Ангелы Божии. Иаков, увидев их, сказал: «Это ополчение Божие» (Быт.: 32, 1—2). Княжеская дружина воспринимается как прямая параллель ангельского ополчения на земле. Молниеносны они и в передвижении на крыльях, что также вполне соответствует мобильности, необходимой в бою и в военное время. Для князей важна и привлекательна красота лика и внешнего облика Ангела и Архангела. В христианском мире красота является подтверждением праведности, силы и добродетели.

Красивая форма — это само добро, его суть, правда.

Русский князь, вероятно, в особых жизненных ситуациях ощущал себя в роли Архангела. Представления о связанности и об отождествлении с небесным патроном отражались во внешнем облике и костюме князя. Шлем князя Ярослава Всеволодовича начала XIII в. с крупной дробницей с изображением Михаила Архангела, на наш взгляд, является хорошей иллюстрацией к этому (Рыбаков 1948: рис. 48).

Общие реконструкции костюма князя, отражающие его связь с образом Архангела Михаила или даже в ипостаси архангела, могут в итоге выглядеть следующим образом (рис. 96, 97) (рисунки О.Б. Наумовой).

Одна из реконструкций с тисненными украшениями *геометризованной* и *естествен-*

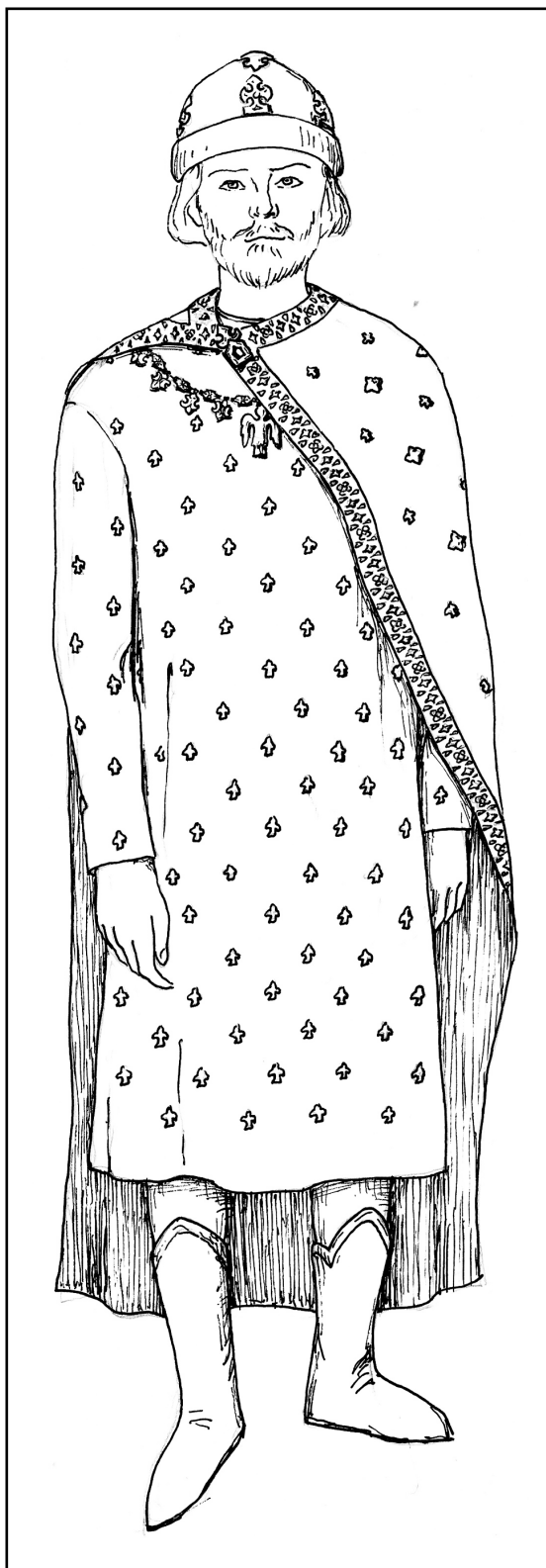

Рис. 96. Общая реконструкция костюма русского князя первой половины XII в. (нашивные бляшки, Старая Рязань 1868 г.; материалы из Княжей Горы 1891; геометризованная и естественная стадия растительного стиля; рисунок О.Б. Наумовой).

Рис. 97. Общая реконструкция костюма русского князя второй половины XII в. (нашивные бляшки, Старая Рязань 1868 г.; ожерелье, Владимир 1993; естественная и утрированная стадия растительного стиля; рисунок О.Б. Наумовой).

ной стадий растительного стиля выполнена на основании форм нашивных бляшек изклада в Старой Рязани 1868 г., материалов из Княжей Горы 1891 г., формы головного убора портретов князей Бориса и Глеба на эмалевых колтах клада в Старой Рязани 1822 г. Реконструируемый костюм можно отнести к первой половине XII в. (рис. 96).

Другая реконструкция с тисненными украшениями естественной и утрированной стадий растительного стиля выполнена на основании форм нашивных бляшек изклада в Старой Рязани 1868 г., ожерелья изклада во Владимире 1993 г., формы головного убора портретов князей Бориса и Глеба на окладе Мстиславова Евангелия. Этот вариант костюма относится ко второй половине XII в. (рис. 97).

Кринообразные украшения были знаком принадлежности к княжескому сословию: их могли носить как мужчины, так и женщины. Иногда кринообразные украшения отражали связь с небесным покровителем — Михаилом Архангелом, поэтому мы можем связывать часть из них с мужским костюмом. Такой костюм демонстрировал единение земного человека с небесным патроном, взывая к его заступничеству.

Заключение

Тисненные украшения кладов и техника тиснения в Древней Руси привлекали внимание исследователей и ранее, но специальное изучение этих украшений и их роли в уборе вполне назрело. Находки последних десятилетий добавили новый материал и важные данные, позволяющие прояснить конструкцию и роль ряда тисненных изделий.

Со второй половины X в. тиснение находит все более широкое применение для изготовления полых частей украшений. С расцветом тиснения в XII—XIII вв. связаны сходные изменения в облике скано-зерновых и черневых украшений: в них используются тисненные части: полые шары, орнаментальные полусферы. Наиболее высоким этапом развития тиснения является становление его в качестве самостоятельного ювелирного приема к XII в. Тиснение разрабатывает разнообразные приемы орнаментации и создает собственные новые формы украшений. Некоторые из них играли дополняющую или служебную роль в уборе: наборные звенья рясен, бусины, звенья цепочек, подвески к диадемам и сионцам. Другие изделия играли в уборе более важную роль: связывали металлический узор и одежду в стилистически единый костюм и ансамбль и были обозначением социального ранга — княжеского. Это в основном изделия в растительном стиле: ожерелья из кринообразных подвесок и нашивные бляшки.

Орнаментация в тиснении осуществляется двумя способами: рельефом и прорезанием. Первоначально тиснение, тесно связанное с зернью и сканью, повторяло геометрические и завитковые орнаменты. Но они не соответствовали способам обработки тонкой металлической пластины. Рельефная орнаментация наибольшим образом соответствует тиснению с точки зрения его технических возможностей. Растительный кринообразный орнамент лучше всего выразил эстетические достоинства тиснения.

В работе проведено типолого-стилистическое изучение 1015 тисненных украшений. Они относятся к таким основным категориям: подвески к диадемам и сионцам — 23 экз.; бусинные височные кольца — 24 экз.; рясна-цепи — 78 экз. (типы: I — цепи из круглых бляшек — 2 экз.; II — цепи из колдочек — 64 экз.; III — цепи из пластинчатых звеньев — 12); бусины ожерелий — 237 экз.; подвески к ожерельям — 76 экз.; нашивные бляшки — 550 экз.; пуговицы — 10 экз. Изучено также 17 матриц для тисненных изделий. Выделены и рассмотрены основные ти-

пологические подразделения: типы, группы, варианты.

Выделение стилистических групп для каждой категории тисненных изделий и сравнение их позволило отнести изделия к нескольким стилям: **I. Геометрическому; II. Рифленому; III. Завитковому; IV. Растительному (кринообразному); V. Плетеному; VI. Пышному.** В рамках *растительного* стиля выделяется три основных последовательных хронологических стадии: **геометризованная, естественная и утрированная.**

Наблюдение за использованием растительного (кринообразного) орнамента в средневековом искусстве, как сакрально-изобразительном (мозаика и фреска), так и в прикладном (чеканка, перегородчатая эмаль, ткань и вышивка, резьба по камню) показывает, что свое движение он начинает от геометризованных форм. Для абсолютного датирования стилей и стилистических стадий тисненных изделий привлечены произведения средневекового искусства с узкими и широкими датами, обнаруживающие параллели с тисненными изделиями. Облачения митрополита Алексия, изготовленные во второй половине XIV в. с использованием более ранних деталей XIII в., для домонгольских тисненных изделий являются датировкой *post quem*. Нашивные бляшки этих облачений в целом стилистически позже тисненных изделий домонгольской поры.

Для абсолютного датирования тисненных изделий использованы стратиграфические привязки, имеющиеся для некоторых из них. Полезным оказалось привлечение узких абсолютных археологических датировок изделий других категорий и техник, обнаруживающих стилистические и типологические аналогии с тисненными: литых нашивных бляшек и колтов, круглых привесок и медальонов из слоев Новгорода Великого.

В итоге для основных стилей в тиснении были получены следующие даты: **геометрический — вторая половина XI — первая половина XII вв.;**

рифленый — X—первая треть XIII вв.
завитковый — конец XI в. — первая половина XII в.;

растительный — середина XI в. — первая треть XIII вв.;

плетеный — середина XII в. — начало XIII в.;

пышный — рубеж XII/XIII— XIII вв.

Стили — *геометрический, рифленый и завитковый* имеют более раннее распростране-

ние. Их использование в тиснении начинается с X—XI вв., или можно сказать, что техника тиснения с них начинается.

Хронологические и стилистические аналогии позволяют определить время бытования трех стадий основного для тиснения — **растительного стиля: геометризованная — середина — вторая половина XI вв. — первая половина XII вв.; естественная — XII в.** включительно; **утрированная — вторая половина XII в. — первая треть XIII в.**

Более позднее бытование имеют **плетный и пышный** стили — со второй половины конца XII в. и продолжающееся в XIII в.

В соответствии с определенными датировками стилей соответствующие им стилистические группы изделий также получили свои даты. В итоговую хронологическую таблицу тисненых украшений включены изделия, являющиеся основными звеньями типологических рядов и наиболее ярко представляющие стилистические группы (рис. 98).

Для более четкого сопоставления дат типологических и стилистических подразделений сделаны хронологические таблицы для каждого стиля. При этом наглядно представлено наложение построенных относительных эволюционных рядов на даты, определенные для стиля.

Для изделий **геометрического стиля** определяются следующие ориентировочные датировки: сфероконические подвески-пуговицы бытовали, очевидно, по XI в.; цепи-рясна из колодочек I подтипа (двойные с цепочкой и кольцом) с рифлеными поясками датируются преимущественно второй половиной XI — первой половиной XII вв., причем со временем ширина цепей уменьшается; цепи рясна IV подтипа расположены ближе к середине XII в.; нашивные бляшки, сохраняющие форму бубенчиков и лунниц, относятся к рубежу XI и XII вв.; бляшки, приспособленные к ускоренному формированию бордюров, а также бляшки с геометрически-криволинейными очертаниями, датированы ближе к первой половине XII в. (рис. 99).

Датировке изделий **рифленого стиля** помогает распределение вещей по комплексам кладов и ряд опорных датировок. Нашивные бляшки с первыми признаками растительного стиля (с косо срезанными сторонами) можно относить к первой половине XII в., наиболее продвинутые и орнаментализированные варианты относятся ко второй половине XII — началу XIII вв.; рясна цепи из пластинчатых звеньев распространились ближе к концу XII в.; двойные цепи-рясна из рифленых колодочек, являющиеся упрощением геометризован-

ных, относятся к рубежу XI—XII вв., одинарные — к середине XII в., ширина рясен уменьшается. Бусины с продольным рифлением бытовали долго, но в их истории можно выделить два поколения: более раннее относится к X — первой половине XI вв. (вкладах XI в. они дошли в виде лома); новое поколение возникает примерно с середины XI в. и бытует в течение XII в., более ранними являются шарообразные и слегка удлиненные бусины, затем изменяющиеся к рациональной, более удлиненной и тонкой форме. Бусины с более сложным орнаментальным рифлением привязываются хронологически более узко: с линейно-геометрическим орнаментом по аналогии со скано-зернеными изделиями относятся к рубежу XI—XII вв., с орнаментализацией линейно-геометрического орнамента — к середине — второй половине XII и первой трети XIII в. (на основании аналогий из новгородского культурного слоя).

Завитковый стиль пришел с искусством филигрании вместе с византийским воздействием после принятия христианства. Нашивные бляшки в завитковом стиле можно относить к периоду от середины XI в. по первую половину XII в., более ранними являются бляшки геометрических форм, более поздними — бляшки завитковой формы. Примечательно, что в завитковом стиле выполнены одинарные рясна-цепи из колодочек IV подтипа, в том числе с концевой треугольной колодочкой, более развитые и типологически, и стилистически по сравнению с геометризованными и рифлеными, их появление можно относить к началу XII в. (рис. 100).

Наиболее хорошо связаны друг с другом датировки стадий **растительного (кринообразного) стиля** (рис. 101).

Для изделий **геометризованной стадии** определяются следующие датировки. Нашивные бляшки с геометрическим контуром и геометризованными кринообразными мотивами ложатся на вторую половину XI в., бляшки лепестковых и кринообразных форм относятся преимущественно к первой половине XII в. Двойные рясна из колодочек с рифлеными поясками датируются концом XI в., одинарные рясна III и IV подтипов, освобождающиеся от геометризации — первой половиной XII в. Во второй половине XI в. появляются кринообразные подвески I типа (1—3 вариантов) (рис. 101).

Нашивные бляшки геометрических форм с естественными кринообразными мотивами датируются ближе к концу XI в., а бляшки кринообразных форм и редкие зооморфные в кринообразном стиле — бытуют весь XII в.

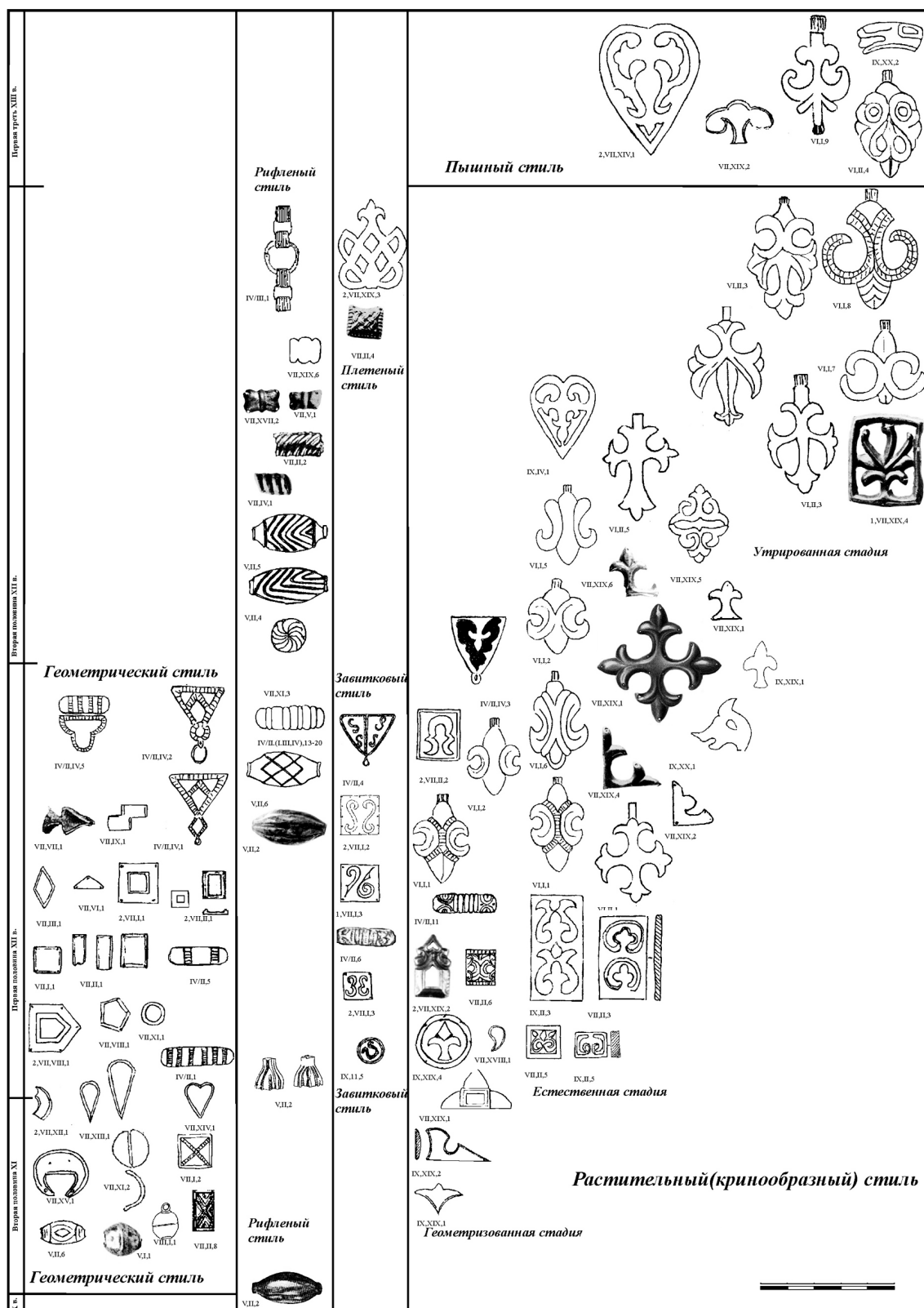

Рис. 98. Общая хронологическая таблица тисненных изделий.

К концу столетия относятся бляшки со слегка удлиненными стеблями растительных мотивов. В конце XI в. и начале XII в. бытуют кринообразные подвески с еще не вполне преодоленными признаками геометризации (тип I, варианты 1—5), в середине — второй поло-

вине XII вв. бытуют наиболее гармоничные подвески типа I (варианта 6) и типа II (вариантов 1, 2).

Рясна-цепи с треугольными концевыми колодочками относятся примерно к середине XII в. и, судя по имеющемуся материа-

Рис. 99. Хронологическая таблица тисненых изделий в геометрическом стиле.

лу, это последнее время бытования типа рясен из колодочек, позже они постепенно сменяются ряснами-цепями из рифленых звеньев (рис. 101).

Изделия **утрированной стадии** представлены нашивными бляшками и подвесками. Прямоугольные формы бляшек (тип II) сохраняются до конца XII в. К рубежу XII и XIII вв. относятся бляшки типа I (варианта 7) и типа II варианта 3 (рис. 101).

Немногочисленными нашивными бляшками и кринообразными подвесками представлены **плетеный** и **пышный** стили, то есть, эти категории являются наиболее стилистически развитыми и доживают до первой трети XIII в. (рис. 102).

Бляшки **плетеного стиля** прямоугольной и кринообразной формы отнесены к концу XII в. К этому же времени относятся зооморфные, кринообразные и сердцевидные бляшки **пышного** стиля. К первой трети XIII в. следует относить кринообразные подвески типа I (вариантов 8, 9), типа II (вариантов 3, 4), они демонстрируют максимальное стилистическое развитие подвесок и завершают ряд (рис. 102).

На основании типологических форм тисненых изделий проведены реконструкции, позволившие в некоторых случаях восстановить

способ расположения деталей украшения, в других — уточнить его роль в составе костюма, в третьих — воссоздать ансамбль различных деталей костюма и убора.

Тисненные каплевидные подвески подшивались к диадемам и сионцам. Подвески-ворворки конусовидно-грушевидной формы нашивались на края одежды и головных уборов в качестве бахромы.

Височные кольца из тисненых гладких и ребристых бусин носили в составе головного убора или в качестве серег.

Единичные экземпляры рясен-цепей из круглых полусферических тисненых бляшек использовались для крепления колтов и шумящих украшений (тип I).

Рясна-цепь для колтов из колодочек (тип II) — первоначально двойная лента шириной около 3 см с застежкой на кольцо и цепочку (подтип I) подходит к скано-зерненным колтам 1 группы с широкой дужкой. Ширина рясен из колодочек со временем уменьшается от 3 до 2 см, приближаясь к размеру дужки колта 2 группы на луннице. Наиболее миниатюрны золотые рясна из колодочек. На более узких цепях могли закрепляться как звездчатые, так и лунничные колты всех техник: эмали, черни, скани и зерни. Застежка и крепления рясна постепенно изменяется: лента

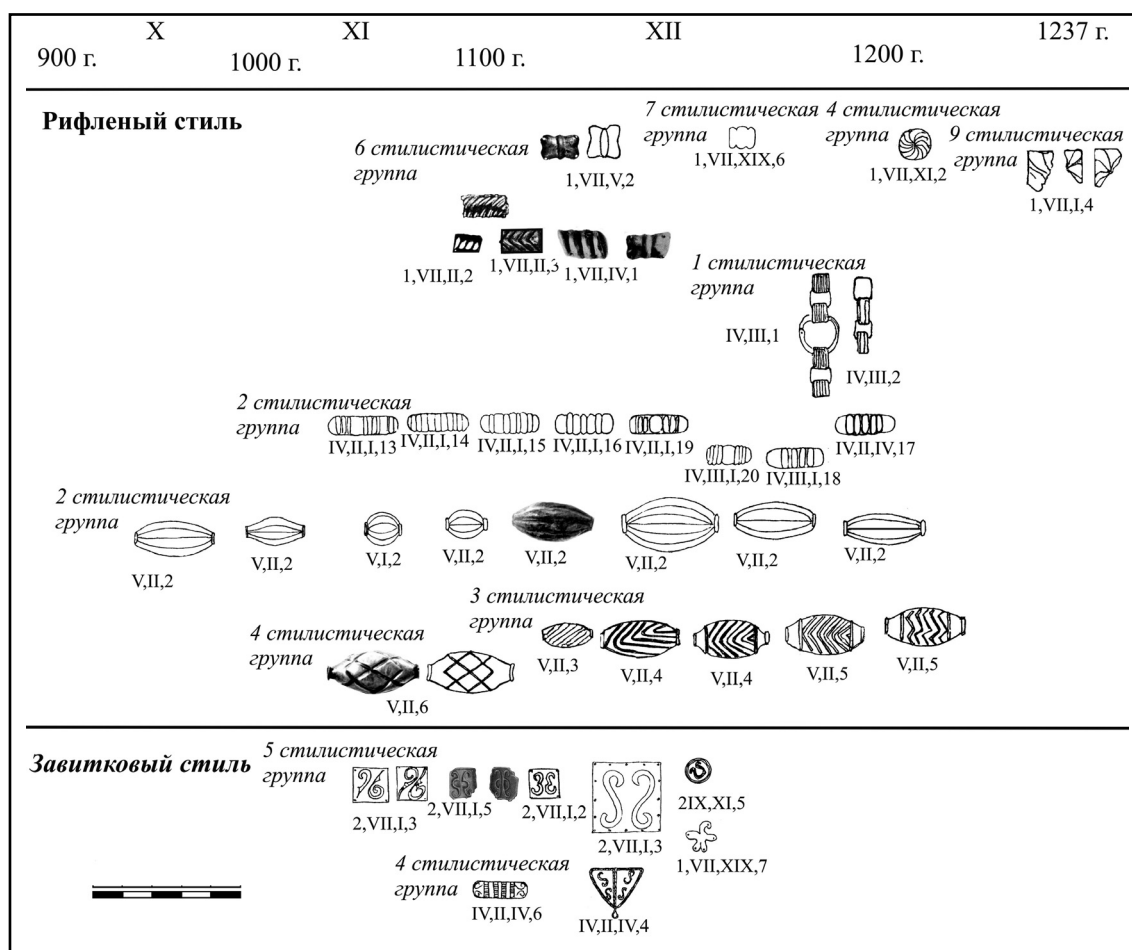

Рис. 100. Хронологическая таблица тисненых изделий в рифленом и завитковом стилях.

имеет по концам две цепочки, два кольца, петлю и кольцо. Это свидетельствует о том, что рясо становится одинарным. Сужению и одинарности ряса соответствует появление концевой колодочки треугольной или полу-квадрифолийной формы.

Выявляется, что длина цепей из колодочек была различна: она уменьшалась с уменьшением размера колодочек. Выделено три вида рясен по длине:

I вид — около 20 см длиной — позволяет два варианта реконструкции: 1) крепление к низу очелья; 2) крепление к верху высокого пирамидального головного убора;

II вид (наиболее распространенный) — 12—13 см длиной;

III вид (представлен единично) — 7—10 см длиной — ряса двух последних видов крепились к очелью головного убора.

Ряса-цепи из пластинчатых рифленых звеньев (тип III) соответствуют по длине двум первым видам рясен из колодочек. Наиболее универсальная по виду и орнаментации цепочка из тисненых звеньев подходит к уборам разного типа и стиля. Можно допустить, что подобные цепи выпускали большой дли-

ны, с запасом для приспособления к конкретному убору.

Бусины, орнаментированные только тиснением (рифлением), нашли свое применение в ожерельях из кринообразных подвесок. Тип гладкой лопастной («ребристой») бусины продолжает линию скано-зерновых лопастных бусин со сложно-профилированным корпусом. Известно использование серебряных бусин с тисненым геометрическим орнаментом как в составе скано-зерновых ожерелий X в., так и ожерелий, включавших предметы христианского культа XII—XIII вв.

Тип кринообразной подвески выработался для особого вида ожерелий, которые можно считать одним из лучших достижений не только тиснения, но древнерусского ювелирного дела в целом. Традиция украшения уборов знати кринообразными украшениями перешла в русскую княжескую придворную культуру из Византии и имела важный смысл. Кринообразные украшения были символическим обозначением княжеского достоинства. Ожерелья из кринообразных подвесок связывались с образом Михаила Архангела, патрона русских князей.

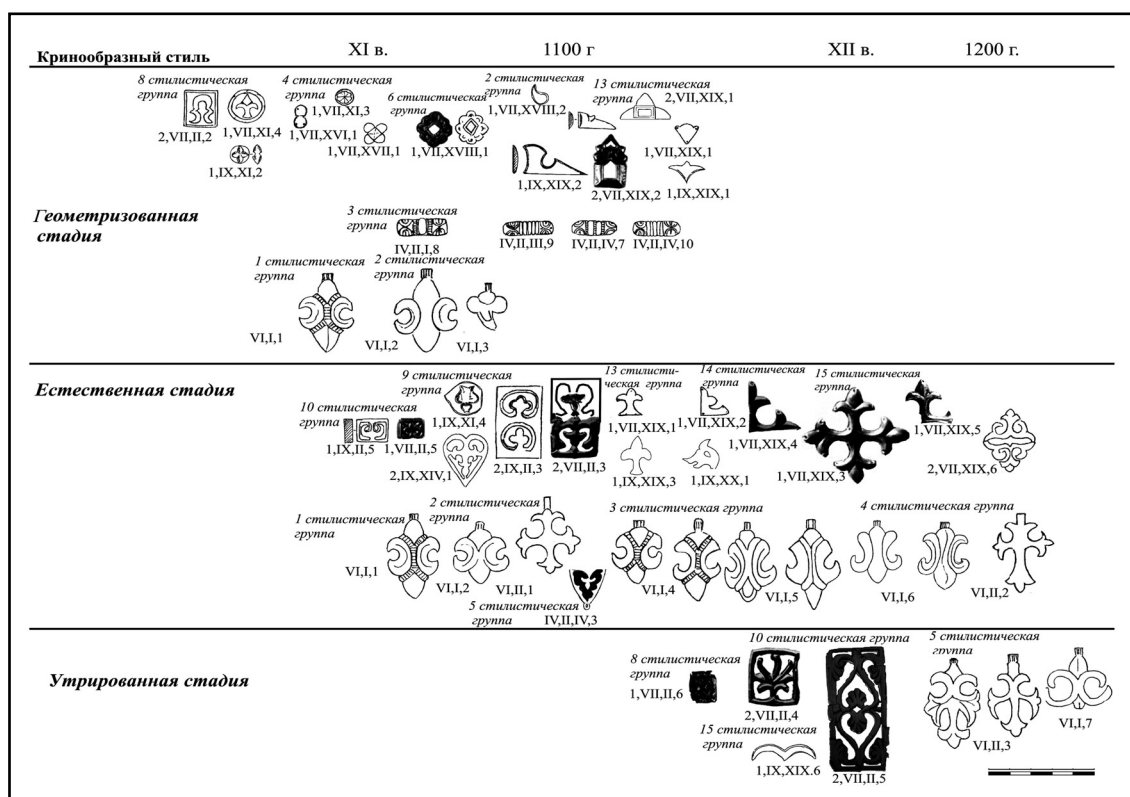

Рис. 101. Хронологическая таблица тисненых изделий в растительном (кринообразном) стиле.

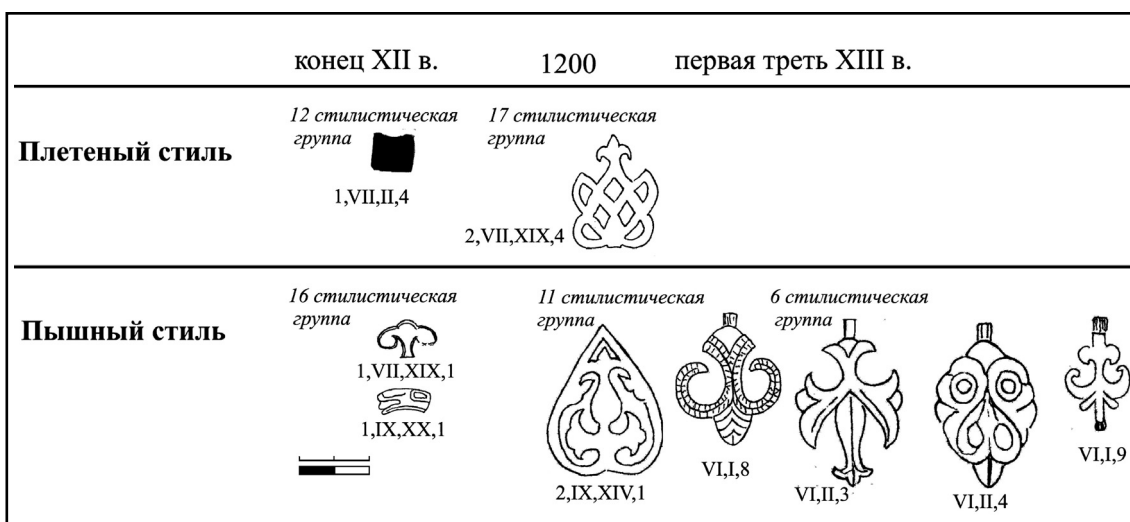

Рис. 102. Хронологическая таблица тисненых изделий в плетеном и пышном стилях.

Более ранними являются ожерелья из подвесок: 1) с *геометризованным растительным орнаментом* в сочетании с бусинами в технике зерни и скани с геометрическим орнаментом; 2) с *естественным растительным орнаментом* в сочетании с подвесками прежних форм (монетовидной, лунничной и полусферической). Более поздними являются ожерелья из подвесок *естественной стадии растительного орнамента* с подвеской с изображением Архангела Михаила.

К завершающей стадии можно отнести ожерелья из подвесок с *утрированным растительным орнаментом* и в *пышном* стиле, имеющие в большей степени декоративный характер.

Тисненные подвески составляли стилевой ансамбль с нашивными бляшками, прошедшими те же стадии стилистического развития. Распространение нашивных бляшек связано с тенденцией металлического убора слиться с одеждой и как можно обильней ее

украсить. Для реконструкций использованы известные по находкам отдельные примеры крепления бляшек на предметы и детали одежды. Источником для восстановления самого орнамента, формируемого нашивными бляшками, являются орнаменты других произведений прикладного искусства.

Наиболее архаичными являются бляшки в виде бубенчиков и лунниц. Наряду с ранними формами ожерелий они свидетельствуют о некотором сохранении славянских традиций в костюме знати вплоть до XII в.

Бляшки геометрических форм (I—XIII типы) составляли прямолинейные краевые бордюры орнаментальных полос одежды. *Однорядные* бордюры могли быть составлены квадратными и прямоугольными как гладкими, так и орнаментированными бляшками. Образовались формы бляшек с косой стороной и косым рифлением. Образовались специальные формы бляшек удвоенных форм, круглых и прямоугольных очертаний, для ускоренного формирования двурядных бордюров. Сетчатые трехрядные бордюры строились из геометрических и кринообразных бляшек с помощью бляшек подтреугольной и ромбической формы. Специальные формы бляшек были выработаны для сгибов, краев, углов. Древнерусские материалы позволяют реконструировать бордюры из прямоугольных бляшек с прорезным и рельефным кринообразным орнаментом на основании орнаментальных аналогий с произведениями других видов прикладного искусства, в особенности — ткани и вышивки. Кринообразные бляшки наибольшим образом влились в тканое узорочье, дополняя его. Именно они строили основной накладной орнамент на одежде, а жемчуг его оконтуривал, дополнял и связывал.

Предположительно определяются и некоторые детали одежды, украшенной бляшками: застежка ворота туникообразной одежды из клада в Киеве 1903 г. с рядом грушевидных пуговиц по краю; деталь застежки зарукавья из материалов Б. И. и В. Н. Ханенко.

Проведены стилистические реконструкции художественных ансамблей убора с использованием тисненых украшений и в соответствии с выделенными стилями и стилистическими группами: 1) из *гладкометаллических* украшений; 2) в *геометрическом* стиле с элементами *линейно-геометрического*, применявшегося в сочетании с зернью; 3) в *рифленном* стиле в сочетании с разными техниками; 4) в *завитковом* стиле, применявшемся в сочетании со сканью; 5) в *геометризованной стадии растительного* стиля, применявшегося в со-

четании с перегородчатой эмалью; 6) в *естественной стадии растительного* стиля — оригинальный и лучший для тиснения художественный ансамбль; 7) в *утрированной стадии растительного* стиля, применявшегося в сочетании с разными техниками; 8) в *пышном* стиле, применявшемся в сочетании с золотой филигранью и чеканкой; 9) в *плетеном* стиле, применявшемся в сочетании с чернью и орнаментацией тканей.

Стилистические реконструкции показали, что украшения некоторых стилей или стилистических групп бытуют долго. Гладкометаллические украшения *первой стилистической группы* и украшения в *рифленном* стиле имеют фоновый характер и сочетаются с широким разнообразием типов украшений — X — XIII вв. и XIII—XIV вв. Другие стили обнаруживают более узкую датировку и сочетаются с более ограниченным набором украшений. Ансамбли в *геометрической, завитковой и геометризованной стадии растительного стиля* характерны для второй половины XI в. и первой половины XII вв. Ансамбли, соответствующие *естественной стадии растительного стиля, относятся преимущественно к XII в.* Наборы украшений, соответствующие *утрированной стадии растительного стиля*, а также — *пышному и плетеному стилю*, относятся преимущественно к концу XII — рубежу XII—XIII вв.

Тиснение сначала находится под влиянием геометрического и линейно-геометрического орнаментов зерни, затем — завиткового орнамента скани, вырабатываются орнаментальные приемы, подражающие штампованной филигранью — ребристые пояски. Тиснение в свою очередь могло повлиять на появление растительной орнаментации на скано-зерненных колтах и рясах. Тиснение предложило один из видов заготовок для крупной зерни в форме тисненого колпачка. Дальше стилистические пути этих художественных техник расходятся, каждая останавливается на приемах, наибольшим образом соответствующих своим техническим и эстетическим возможностям. В тиснении преимущественно развивается растительная орнаментация, а формы изделий очерчиваются криволинейным контуром.

В результате небольшого конкретного исследования установлена ориентировочная хронология тисненых изделий, уточнены их назначение и роль в костюме. В древнерусском металлическом уборе они прошли путь от фоновых и вспомогательных деталей до лаконичной эмблемы княжеской власти.

Каталог тисненых изделий

I/II. Детали диадем и рясен.

Тип I — лунничные (далее цифрами обозначены экземпляры).

Вариант 1 — разомкнутые.

1. **Бляшка** 1 экз., золото (рис. 1: 1). 13×10×4 мм. Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 7аб, 1995, № 51. (Чернецов Отчет 1995: рис. 40: 2). Бляшка не имеет приспособлений для крепления, возможно, это незаконченное изделие.

Вариант 2 — сомкнутые (рис. 1: 2).

1. **Бляшки** на ярусных подвесках-ряснах 2 экз., серебро. 10×12 мм. Болоховское городище Хмельницкой обл., 1970 (Якубовский 2003: 51—69, рис. 40). Являются концевыми бляшками цепочек.

Тип II — бусинные.

Вариант 1 — сферические.

1. **Бусины** цепочек на ярусных подвесках-ряснах, 2 экз., серебро (рис. 1: 3). 8×10 мм. Болоховское городище Хмельницкой обл., 1970 (Якубовский 2003: 51—69, рис. 40). Являются промежуточными на цепочках.

Вариант 2 — биконические.

1. **Подвеска**, состоящая из двух биконических бусин и цепочки, 1 экз., серебро (рис. 1: 4). Бусина — 20×30 мм; общая длина около 10 см. Княжая Гора, 1891. Место нахождения неизвестно. (Беляшевский 1892: табл. II: 7; Корзухина 1954: № 117/9, табл. XLVIII: 9). Прикреплена к двойному шарниру цепи-рясна из круглых бляшек.

Вариант 1 — граненые поперек и продольно.

1. **Бусины** цепочек подвески-рясна 1 экз., золото. 7×15 мм. Чернигов, 1958 (Попудренко 1975: 82—83, рис. 1.). Являются промежуточными на цепочках, по 2 на каждой.

2. **Бусины** цепочек подвески-рясна, 1 экз., серебро. 7×15 мм. Случайная находка в м. Смелы. Каневский р-н, Киевской губ. (Бобринский 1887: табл. XIX: 1; Гуштин 1936: 37, 38, рис. 7). Являются промежуточными на цепочках по 1 на каждой.

3. **Бусины** цепочек подвески-рясна, 1 экз., золото (рис. 1: 5). 7×15 мм. ДРГ, 1851. Отделение II. Табл. 36. Старая Рязань, 1822 г. Являются промежуточными на цепочках по 3 на каждой.

Тип III — сферические.

1. **Подвеска**, 1 экз., золото (рис. 1: 6). Д=6 мм. Старая Рязань, охранные раскопки 1992 (Даркевич, Борисевич 1995: рис. 42: 3).

Тип IV — каплевидные.

1. **Подвеска**, 1 экз., золото, жемчуг (рис. 1: 7). 14×15 мм. Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 7 (Даркевич 1974: рис. 14: 1).

2. **Подвеска** 1 экз., золото, жемчуг (рис. 1: 8). 14×15 мм. Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 7 аб, 1995, № 51. (Чернецов Отчет 1995: рис. 40: 1).

3. **Подвеска**, 1 экз., золото (рис. 1: 9). 8×12 мм. Новогрудок. Раскопки Ф. Д. Гуревич, 1961 (Маркова 1976: табл. 11: 3).

Тип V — кольцеобразные.

1. **Колечки** — звенья рясна (1 экз.), соединяющиеся жемчугом, 163 экз., золото (рис. 1: 10). Д=11 мм (53 экз.); Д=9 мм (110 экз.). Киев, Михайловский монастырь, 1887 (Корзухина 1954: № 102/6).

Тип VI — грушевидные.

Вариант 1 — гладкие.

1. **Подвеска**, 1 экз., золото (рис. 1: 11). 8×10 мм.

Старая Рязань, Северное городище, раскоп № 28, № 233 (Чернецов Отчет 2000: 14, 15, рис. 24). Сохранилась в виде фрагмента и без деталей крепления.

Вариант 2 — граненые поперечно.

1. **Подвески** 6 экз., серебро с позолотой (рис. 1: 12). 10×15 мм. Клад II, 1978, с. Телиженцы Хмельницкой обл. (Якубовский 2003: 86, рис. 54). К центральной подвеске прикреплены по 4 цепочки с подвесками аналогичной формы.

Вариант 3 — граненые поперечно и продольно в верхней части и сферические в нижней.

1. **Подвески** к колоколовидному рясну, 1 экз., золото (рис. 1: 13). 7×15 мм. Чернигов, 1958 (Попудренко 1975: 82—83, рис. 1). Являются концевыми на цепочках.

Вариант 4 — граненые поперечно и продольно в нижней и верхней частях.

1. **Подвески** к рясну-сионцу, 1 экз., золото (рис. 1: 14). 10×17. Киев, клад 1887, Михайловский монастырь (Кондаков 1896: 134—136, табл. VII: 8; Корзухина 1954: 119, 120, № 102: 5). Прикреплены непосредственно к нижней части сионца.

III. Бусинные кольца/дужки.

Тип I — кольца/дужки многобусинные.

Вариант 1 — с разнообразными филигранными и тиснеными бусинами.

1. **Кольцо**, 1 экз., серебро (рис. 2: 1). Тип II, вариант 6 типологии бусин. 10×8 мм. Д. Шалахова Невельской у. Витебской губ., 1892 (Корзухина 1954: № 49/7; Гуштин 1936: табл. VI: 3). На центральной зоне одной из бусин выпуклые ромбы.

2. **Дужки**, 2 экз., серебро (рис. 2: 2, 3). Тип I, вариант 1 типологии бусин. Д=8—12 мм. Д. Шалахова Невельской у. Витебской губ., 1892 (Корзухина 1954: № 49/8; Гуштин 1936: табл. V: 3, 7). На каждой дужке, образовавшейся от разлома первоначального кольца, по 5 шарообразных бусин.

Тип II — кольцо однобусинное.

Вариант 1 — с гладкой шарообразной бусиной.

1. **Кольцо**, 1 экз., серебро (рис. 2: 4). Тип I, вариант 1 типологии бусин. Д=8—10 мм. Старая Рязань, погребение № 2, раскоп № 11 (Даркевич, Борисевич 1995: табл. 109: Б, 2).

Тип III — кольцо трехбусинное.

Вариант 1 — с шарообразными гладкими бусинами.

1. **Кольцо**, 1 экз., серебро (рис. 2: 5). Тип I, вариант 1 типологии бусин. Д=8 мм. Княжа Гора, 1898 (Корзухина 1954: № 123/2, табл. L: 4).

2. **Кольца**, 3 экз., бронза. Тип I, вариант 1 типологии бусин. Д=10—12 мм. Новгород, Неревский раскоп (26—33—1464; 21—1507; 16—1635) (Седова 1981: 14). Судя по новгородской ярусологии, бытовали в XI—XII вв.

Вариант 2 — с лопастными («ребристыми») бусинами.

1. **Фрагмент кольца**, 1 экз., серебро (рис. 2: 11). Тип II, вариант 1 типологии бусин. Д=8 мм. Могильник Новоселки, раскопки 1986, курган 14 (Микрофото Н. В. Жилиной).

Вариант 3 — с шарообразными бусинами с ромбическими уплощениями-вдавлениями.

1. **Кольцо**, 1 экз., золото (рис. 2: 6). Тип I, вариант 7 типологии бусин. Д=25; Д=6. Новгород,

Ильинский раскоп, 30—50-е гг. XII в. НГИАМЗ; № 25293, 36 41.

2. Кольца, 13 экз., серебро (рис. 2: 7, 8) (Микрофото Н. В. Жилиной). Тип I, вариант 7 типологии бусин. Д=45—50; Д=12—15; миниатюрные бусины Д=5—8. Псков, Окольный город, раскопки Т. В. Сергиной 1979 г., Б. Н. Харлашова, И. О. Колосовой. ПГИАХМЗ; № 18132; 27819, № А18/14; 30700, Л 1265/8—3. (Сергина 1983: 97—100, рис. 17).

3. Кольца, 2 экз., золото (рис. 2: 9, 10). Тип I, вариант 7 типологии бусин. Д=25; Д=10—15. Киев, ус. Есикорского, 1885 (Кондаков 1896: табл. IV: 16, 22; Корзухина 1954: 117, 118; № 98: 4). Наряду с тиснением использован зерновой орнамент типа сетки.

IV. Рясна-цепи.

IV/тип I — рясна-цепи из круглых бляшек.

1. Цепь-рясно из 14 полусферических круглых бляшек, 1 экз., серебро (рис. 3: 1). Общая длина около 13—14 см; Д бляшки — 15 мм. Княжая Гора, 1891 г. Место нахождения неизвестно. (Беляшевский 1892: табл. II: 7; Корзухина 1954: № 117/9, табл. XLVIII: 9). К двойной цепи прикреплена подвеска из двух биконических бусин и цепочки.

2. Фрагмент цепи-рясна из 7 полусферических круглых бляшек, 1 экз., серебро. Общая длина 13 см; диаметр бляшки — 15 мм. Городище летописного Губина, клад II, 1997 (Якубовский 2003: 105, рис. 62).

IV/тип II — рясна-цепи из колодочек (рис. 4 — номера на рисунке соответствуют номерам вариантов каталога).

Подтип I — двойные, из наборных колодочек подпрямоугольной формы с застежкой на цепочку и кольцо (рис. 5).

Вариант 1 — с шестью ребристыми поперечными полосами (указан размер прямоугольной наборной колодочки, остальные размеры оговорены).

1. Рясна-цепи, из 44 колодочек, 2 экз., серебро (рис. 5: 1). 30×8 мм; одна цепь состоит из 32 колодочек: общая длина — 25,5 см; в сложенном вдвое виде — 12—13 см. Киев, б. Владимирская, 1872 (Корзухина 1954: № 79/2, табл. XXXIII: 12).

2. Рясна-цепи, точное количество колодочек и цепей неизвестно, но три из них с цепочками, 4 экз., серебро (?) (рис. 5: 2). 30×8 мм. Киев, ул. Трехсвятительская, 1906. Местонахождение неизвестно (Корзухина 1954: № 108/16, табл. XLV: 7, 8).

3. Рясна-цепи 2 экз., серебро. 30×8 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (Корзухина 1954: № 103/10). Одна из цепей, с цепочкой и кольцом сохранилась на длину около 20 см; другая сохранила присоединенное кольцо, цепочка около 5 см длиной находится отдельно.

Вариант 2 — с пятью поперечными ребристыми полосами.

1. Рясна-цепи из 40 колодочек, 2 экз., серебро (рис. 5: 3). 30×8 мм. Киев, 1936. (Корзухина 1954: № 68/3, табл. XXIX: 5).

2. Рясна-цепи из 53 колодочек, 2 экз., серебро. 30×8 мм. Киев, ус. Есикорского, 1885. Не сохранились (Кондаков 1896: табл. III: 1, V: 15; Корзухина 1954: № 98/9). Несколько колодочек сплывались или прилипли к ткани или коже.

Вариант 3 — с четырьмя поперечными ребристыми полосами.

1. Рясно-цепь из 21 колодочки, 1 экз., серебро (рис. 5: 4). 23×8 мм (предположительно). Княжая Гора, 1892 (Тарновский 1898: табл. II: 113; Корзухина 1954: № 119/3, табл. XLIX: 15).

2. Рясно-цепь из 29 колодочки, 1 экз., серебро. 25×8 мм (предположительно). Мартыновка Каневского у., Киевской губ., 1886. Место хранения неизвестно (Бобринский 1887: 151, табл. XVIII: 3, 5; XX: 9; Корзухина 1954: № 129 (5)). Колодочки данного варианта чередуются в цепи с гладкими ребристыми, также с четырьмя более узкими делениями.

3. Рясна-цепи из 28—30 колодочек, 4 экз., серебро (рис. 5: 5). 23×8 мм. Божск Болоховской земли, 1970 (Якубовский 2003: 65, рис. 24, 35). В реконструкции В. Якубовского использовано по 2 рясна из колодочек на каждый колт, причем каждая цепь-рясно использована на всю длину в разогнутом состоянии, так что колты опускаются ниже плеч (Якубовский 2003: 65, рис. 95). Мне представляется правильным другой вариант реконструкции: крепление колта на одной сложной вдвойне цепи из 14 колодочек в длину, то есть примерно 12—13 см в длину, в таком случае колты висят выше плеч, но, вероятно, ниже лица.

Вариант 4 — с тремя поперечными ребристыми полосами.

1. Рясно-цепь из 43 колодочек, 1 экз., золото (рис. 5: 7). 15×6 мм. длина цепи около 26 см, в сложенном вдвойне виде около 13 см. Киев, ул. Стрелецкая, 1914. (Корзухина 1954: № 100/2, табл. XXXVIII: 6).

2. Рясна-цепи из 21 колодочки от 2 экз., серебро (рис. 5: 6). 15×6 мм; общая длина цепочки из 10 колодочек — 6—7 см. Княжая Гора, 1891. (Беляшевский 1892: табл. II: 10, 19; Тарновский 1898: рис. 114—116; Корзухина 1954: № 117/10, табл. XLVIII: 18—19). Застежка на кольцо и цепочку. Скорее всего, данная цепь была одинарной, хотя реконструкция затрудняется возможной фрагментарностью сохранности.

3. Рясна-цепи из 50 колодочек от 2 экз., золото. 22×6 мм. Сахновка, 1900. (Ханенко, Ханенко 1902: 51, табл. XXIX: № 1089—1090; Корзухина 1954: № 127/10). Застежка на кольцо и цепочку, у одной цепи кольцо утрачено, у другой оторвалось от первоначального места и осталось с цепочкой.

Вариант 5 — с двумя поперечными ребристыми полосами.

1. Рясна-цепи из 34 колодочек от 1 экз., серебро. 18×5 мм. Княжая Гора, 1896 (Ханенко, Ханенко 1902: 19, табл. XXV: 1091; Корзухина 1954: № 120/4, табл. XLIX: 13).

Вариант 8 — с двумя поперечными ребристыми полосами и реликтом кринообразного орнамента.

1. Рясно-цепь (фрагмент) из 6 колодочек от 1 экз., серебро (рис. 5: 8). 25×8 мм. С. Кресты Тульской обл., 1876. (Корзухина 1954: № 157/6, табл. LX: 7).

Вариант 11 — с тремя равными гладкими рельефными долями и дериватом кринообразного орнамента.

1. Рясна-цепи из 119 колодочек от 2 экз., серебро (рис. 5: 9). 25×8 мм. Д. Терихово Орловской обл., 1876 (Гущин 1936: табл. XIV: 12, 14; табл. XV: 12 Корзухина 1954: № 154/10;).

2. Рясна-цепи из 48 колодочек от 2 экз., серебро. 25×8 мм; общая длина одной цепи в сложенном вдвое виде около 10 см. Чернигов, 1883

(Рыбаков 1949: рис. 26).

Вариант 12 — с тремя гладкими рельефными долями, из которых центральная крупнее, и дериватом кринообразного орнамента.

1. **Рясна-цепи** из 50 колодочек от 2 экз., серебро. 22×7 мм. Ур. Святое Озеро Черниговской губ., 1908. (Самоквасов 1916: рис. 7; Корзухина 1954: № 152/5). Общая длина цепей составляет приблизительно 25 см.

Вариант 13 — с нерегулярным количеством и величиной рельефных долей (около 9).

1. **Рясно-цепь** из 32 колодочек, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 5: 2). 25×8 мм. Приблизительно 9—10 делений. Княжая Гора, 1897. Место хранения неизвестно (Корзухина 1954: № 122/3, табл. L: 24; Ханенко, Ханенко 1902: 19, табл. XXIV: 1092).

Вариант 14 — с регулярными рельефными долями.

1. **Рясно-цепь** из 52 колодочек, 1 экз., серебро (рис. 6: 1). 25×8 мм; общая длина цепи более 40 см, в сложенном вдвое виде — более 20 см. д. Льгов Черниговской губ., 1879. Не сохранилась (Гущин 1936: табл. XII: 12; Рыбаков 1949: 122, рис. 25; Корзухина 1954: № 151/3). Приблизительно 10 рельефных делений.

Вариант 15 — с нерегулярными рельефными долями (около 7).

1. **Рясно-цепь** из 29 колодочки, 1 экз., серебро. 25×8 мм (предположительно). Мартыновка Каневского у., Киевской губ., 1886. Место хранения неизвестно (Бобринский 1887: 51, табл. XVIII: 3, 5, XX: 9; Корзухина 1954: № 129/5). Колодочки варианта 15 чередуются в цепи с колодочками варианта 3, также с четырьмя более узкими делениями.

Вариант 16 — с тремя узкими и остальными более крупными рельефными долями.

1. **Рясно-цепь** из 8 колодочек от 1 экз., серебро (рис. 6: 3). 15×6 мм. Княжая Гора, 1892 (Беляшевский 1892: табл. II: 10, 19; Тарновский 1898: рис. 114—116; Корзухина 1954: № 117/10, табл. XLVIII: 20). Цепь сохранилась фрагментарно.

Вариант 19 — с более крупной центральной рельефной долей и четырьмя узкими.

1. **Рясно-цепь** из 13 колодочек — фрагмент 1 экз., серебро. 25×8 мм. Киев, ус. Гребеновского, 1889 (Кондаков 1896: табл. IX: 17; Корзухина 1954: № 99/13).

Вариант 20 — с более крупной центральной рельефной долей и узкими долями по краям.

1. **Рясна-цепи** из 70 колодочек от 2 экз., золото. 20×7 мм. Ур. Святое Озеро Черниговской губ., 1908 (Самоквасов 1916: рис. 6; Корзухина 1954: № 152/4). С гладкой центральной зоной и ребристыми концами. Общая длина цепи составляет приблизительно 20 см.

Вариант 21 — на более крупной центральной рельефной доле завитковый геометризованный орнамент, по краям узкие доли.

1. **Рясна-цепи** из 30 колодочек от 2 экз., золото. 17×5 мм. Чернигов, 1887 (Кондаков 1896: табл. XI: 10, 22; Рыбаков 1949: 122, рис. 26; Корзухина 1954: № 149/2). Завитковый орнамент на центральной зоне выражен нечетко, концевые зоны ребристые.

Подтип II — с застежкой на две цепочки (цепь могла быть использована и как двойная, и как одинарная).

Вариант 4 — с тремя ребристыми полосами.

1. **Рясно-цепь** из 37 колодочек от 1 экз., сере-

бро (рис. 7: 1). 18×5 мм; общая длина цепи около 20 см. Княжая Гора, 1896 (Ханенко, Ханенко 1902: 19, табл. XXV: 1091; Корзухина 1954: № 120/4, табл. XLIX: 13).

Подтип III — одинарная цепь, крепление двумя кольцами или петлями по концам (этот подтип мог быть переходным к подтипу с концевой колодочкой особой формы).

Вариант 3 — с четырьмя поперечными ребристыми полосами.

1. **Рясно-цепь** из 23 колодочек, 1 экз., золото (рис. 7: 2). 23×8 мм; общая длина цепи около 19 см. Киев, 1936 (Корзухина 1954: № 67/3, табл. XXXIII: 3). Застежка не сохранилась, но цепь можно предположительно отнести к данному подтипу, поскольку в кладе сохранилось кольцо, скорее всего относившееся к застежке этой цепи.

Вариант 9 — с пятью гладкими рельефными долями и дериватом кринообразного орнамента.

1. **Рясна-цепи** из 32 колодочек от 2 экз. (рис. 7: 3). 27×8 мм. Старая Рязань, 1970 (Даркевич, Монгайт 1978: табл. II, III).

Вариант 18 — с четырьмя узкими рельефными долями.

1. **Рясна-цепи** из 32 или более колодочек от 2 экз., серебро (рис. 7: 4, 5). 27×8 мм; общая длина цепи около 13 см. Старая Рязань, 1967 (Даркевич 1974: 30, 33, рис. 9, 11).

Подтип IV — одинарные с нижней колодочкой особой формы, в петлю которой вставлено сплошное кольцо.

Вариант 1 — с геометрическим орнаментом из ребристых полос на треугольной колодочке, с ромбической переходной деталью; наборная колодочка **Варианта 10** с четырьмя рельефными долями в центральной части и с дериватом кринообразного орнамента по краям.

1. **Рясна-цепи** из 36 колодочек от 3 экз. (рис. 8: 1—3). 25×8 мм; треугольная концевая колодочка — 22×25 мм; общая длина рясна около 12 см, оно состоит из 13 колодочек, учитывая концевую. Старая Рязань, 1974. (Даркевич, Фролов 1978: 343, рис. 1—4).

Вариант 2 — треугольная колодочка с округлым завершением с ребристым геометрическим орнаментом, наборные **Варианта 17** — с пятью рельефными долями.

1. **Рясна-цепи** из 57 колодочек, от 4 экз., серебро (рис. 7: 4—6, 8, 9). 8×25 мм, концевая треугольная колодочка — 25×25 мм. Старая Рязань, 2005 (Буланкина, Стрикалов, Чернецов 2005: рис. 13—15, 18).

Вариант 3 — треугольная колодочка с кринообразным орнаментом, наборные **Варианта 6** с четырьмя ребристыми полосами и кринообразным орнаментом по краям.

1. **Рясна-цепи** из 43 колодочек, от 3 экз., серебро (рис. 9: 1). 8×25 мм (приблизительно), концевая треугольная колодочка — 25×25 мм; общая длина рясна около 14 см, оно состоит из 15 колодочек, учитывая концевую. С. Вербов, Бережанского р-на, Львовской обл., 20-е гг. XX в. место хранения неизвестно. (Корзухина 1954: № 143/4, табл. LIX).

Вариант 4 — треугольная колодочка с филигранным завитковым орнаментом в строгом стиле, наборные **Варианта 7** с тремя ребристыми полосами и кринообразным орнаментом по краям.

1. **Рясна-цепи** из 43 колодочек, от 4 экз., серебро (рис. 9: 2). 8×25 мм, концевая треугольная

колодочка — 28×30 мм; общая длина рясна около 12 см, оно состоит из 12 колодочек, учитывая концевую. Клад № 5 из городища близ Шепетовки Болоховской земли. (Якубовский 2003: 114, 115, рис. 82: 1).

Вариант 5 — с нижней колодочкой полуквадрифолийной формы с полосой ребристого орнамента по краю, наборная **Варианта 3** — с четырьмя ребристыми полосами.

1. Рясна-цепи из 36 колодочек, 2 экз., серебро (рис. 9: 3,4). 22×7 мм. Киев, Десятинная церковь, до 1899 (Корзухина 1954: № 71/2; Церква Богородиці Десятинна в Києві 1996: 156, 158, № 28). Можно допустить, что эта рясна-цепь является двойной, поскольку вместе с ней сохранилась застежка на цепочку и кольцо, следует также принять во внимание количество колодочек, достаточное для двойной цепи.

Без типологического определения.

1. Колодочки, серебро. Чернигов, у Спасского собора, 1923. Место хранения уточнить не удалось. (Корзухина 1954: № 150/4).

2. Колодочка, 1 экз., Старая Рязань, 1974. (Даркевич, Фролов 1978: 343, рис. 1—4).

3. Колодочки, серебро (от одной цепи). Княжая Гора, 1898. (Корзухина 1954: № 123/4).

4. Колодочки, серебро (4 экз.). Киев, ул. Трехсвятительская, ус. Орлова, 1901. Место хранения уточнить не удалось. (Корзухина 1954: № 85/7).

5. Фрагменты рясен-цепей, серебро. С. Ключники Киевской губ., 1887. (Корзухина 1954: № 131/3). Место хранения уточнить не удалось.

IV/тип III — рясна-цепи из тисненых рифленых пластинчатых звеньев.

Вариант 1 — ширина звена цепочки приблизительно равна длине.

1. Рясна-цепи, 2 экз., золото (рис. 10: 1). Не сохранились. 6×8 мм (указывается размер одного звена, остальные оговариваются). Киев, Десятинная церковь, 1911 (ОАК за 1911 г.: рис. 100аб, 101; Корзухина 1954: № 69/3).

2. Рясна-цепь, 1 экз., серебро. Местонахождение неизвестно, изображение отсутствует. Киев, дом Климовича, 1862 (Корзухина 1954: № 77/6).

3. Рясна-цепь, 1 экз., серебро с позолотой. Изображение отсутствует, по сведениям из литературы аналогична экз., № 6. Киев, Большая Житомирская ул., 1902 (Ханенко, Ханенко 1902: 23, 24, № 957; Корзухина 1954: № 91/1).

4. Рясна-цепи, 2 экз., золото (рис. 10: 2). 6×8 мм; общая длина 55 см; от второго экземпляра сохранился фрагмент 13,5 см. Княжая Гора, 1891 (Корзухина 1954: № 117/11, табл. XLVIII: 12).

5. Рясна-цепь, 1 экз., серебро (рис. 10: 3). 6×8 мм; общая длина 25 см. С. Вербов Бережанского р-на Львовской обл. 20-е гг. XX в. (Корзухина 1954: № 143/3, табл. LIX).

6. Рясна-цепи, 2 экз., золото (рис. 10: 4). 6×8 мм; общая длина 54 см. Киев, усадьба Лескова, 1876 (Кондаков 1896: 115, 116, рис. 77; Корзухина 1954: № 80/3). Сохранились в трех фрагментах, на двух — замочные кольца.

7. Рясна-цепи, 2 экз., золото (рис. 10: 5). 6×8 мм. Киев, ул. Малая Житомирская, 1938 (Самойловский 1948: рис. 3; Корзухина 1954: № 88/2). С замочными кольцами.

Вариант 2 — ширина звеньев цепочки меньше длины.

1. Рясна-цепь, 1 экз., серебро (рис. 10:

6). 3×6 мм. Переяслав Полтавской губ., 1884 (Кондаков 1896: табл. XII: 1; Корзухина 1954: № 146/5). Сохранилась во фрагментах.

V. Бусины.

Подтип III.

XI — начало XII вв.

Тип I — шарообразные.

Вариант 1 — гладкие.

1. Бусины, 4 экз., серебро (рис. 11: 2). Д=15 мм. Близ Белогостицкого монастыря у г. Ростова Ярославской обл., 1836 (Спицын 1905: рис. 116; Корзухина 1954: № 63/8).

XII — первая треть XIII вв.

2. Бусины, 82 экз., серебро (рис. 11: 3). Д=15 мм. Дягунино Зубцовского у. Тверской губ., 1893 г. (Корзухина 1954: № 117/16, табл. XLVIII: 11). Заполнены глинисто-восковой массой.

3. Бусины, 2 экз., серебро с позолотой (рис. 11: 4). Д=10 мм. С. Телиженци Хмельницкой обл. клад II, 1978 (Якубовский 2003: 86—88, рис. 53, 56: 2).

Вариант 2 — с прямыми продольными рельефными ребрами.

1. Бусины, 10 экз., серебро (рис. 11: 30). Д=17 мм. Владимир, 1993 (Жарнов, Жарнова 1999).

Тип II — овальные в продольном сечении.

Вариант 1 — гладкие.

1. Бусины, 8 экз., серебро с позолотой (рис. 11: 5). 23×10 мм. С. Телиженци Хмельницкой обл. клад II, 1978 (Якубовский 2003: 86—88, рис. 53, 56: 2).

Вариант 2 — с прямыми продольными рельефными ребрами.

XV.

1. Бусина, 1 экз., серебро (рис. 11: 6). 34×17 мм. С. Юрковцы Липовецкого у., Киевской губ., 1864 (Корзухина 1954: № 15/5, табл. VII: 6).

XI — начало XII вв.

2. Бусины, 2 фрагмента, серебро (рис. 11: 7). 26×15 мм. Старая Ладога Петербургской губ., 1920 (Корзухина 1954: № 60/4, табл. XXV: 5).

XII — первая треть XIII в.

3. Бусины, 7 экз., серебро. Киев, ус. Лескова, 1876 (Кондаков 1896: табл. XV: 3, 7, 8; Корзухина 1954: № 80/8).

4. Бусины, 9 экз., серебро с позолотой (рис. 11: 16). 22×13 мм. Киев, ус. Орлова, 1901 (Корзухина 1954: № 85/5, табл. XXXV: 5).

5. Бусины, 3 экз., серебро (рис. 11: 11). 35×22 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: табл. V: 17; Корзухина 1954: № 103/7г). Зафиксирована связь бусин в ожерелье на пучке нескрученных нитей.

6. Бусины 3 экз., серебро (рис. 11: 13). 25×12 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 г. (ОАК за 1903 г., табл. V: 8; Корзухина 1954: № 103/96). Выпуклость с реликтом поперечного диаметрального ребра.

7. Бусины, 8 экз., серебро (рис. 11: 18). 25×13 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 г. (ОАК за 1903 г., табл. V: 4; Корзухина 1954: № 103/8г).

8. Бусины, около 25 экз. серебро. Киев, Трехсвятительская ул., 1906. Местонахождение не известно (Корзухина 1954: № 108/15). Сохранились в наборе ожерелья с криновидными подвесками.

9. Бусины, 9 экз., серебро с позолотой (рис. 11: 9). 22×15 мм. Киев, ул. Жертв революции, б. Трехсвятительская, 1949 (Самойловский 1952: рис. 3,

4; Корзухина 1954: № 109/5). Большая степень выпуклости продольных ребер.

10. Бусины, 7 экз., серебро с позолотой (рис. 11: 19). 25×13 мм. Киев, ул. Жертв революции, б. Трехсвятительская, 1949 (Самойловский 1952: рис. 3, 4; Корзухина 1954: № 109/5). Средняя степень выпуклости.

11. Бусины, 10 экз., серебро с позолотой (рис. 11: 20). 25×10 мм. Киев, ул. Жертв революции, б. Трехсвятительская, 1949 (Самойловский 1952: рис. 3, 4; Корзухина 1954: № 109/5). Меньшая степень выпуклости.

12. Бусина, 1 экз., золото (рис. 11: 14). 17×10 мм. Княжая Гора, 1891 (Корзухина 1954: № 117/16, табл. XLVIII: 10).

13. Бусины, 3 экз., серебро (рис. 11: 8, 12). 30×15 мм. Старая Рязань, 1979 № 1 (Даркевич, Пуцко 1982: 199, 200, рис. 4: 2).

14. Бусина, 1 экз., золото (рис. 11: 17). 15×10 мм. Старая Рязань, раскоп № 20, Южное городище (Даркевич, Борисевич 1995: 197, 198, табл. 74: 11, рис. 50: нижний ряд).

15. Бусина, 2 экз., золото (рис. 11: 10). 22×15 мм. Сахновка, Киевской губ., 1900 г. (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XIX: 1095; Корзухина 1954: № 127/11).

16. Бусина, 8 экз., золото (рис. 11: 15). 20×12 мм. Сахновка Киевской губ., 1900 (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XIX: 1095; Корзухина 1954: № 127/11).

Вариант 3 — с косым расположением ребер.

1. Бусина 1 экз., золото 18 (рис. 11: 21). 17×8 мм. Княжая Гора, 1891 (Корзухина 1954: № 117/16, табл. XLVIII: 11).

Вариант 4 — с зигзагообразным расположением ребер.

1. Бусины, 6 экз. серебро с позолотой (рис. 11: 22). 32×15 мм. Владимир, 1865 (Гуштин 1936: табл. XVII: 9; Корзухина 1954: № 167/5).

Вариант 5 — с зигзагообразным расположением ребер в выделенной двумя поперечными ободками центральной зоне.

1. Бусины, 3 экз., серебро (рис. 11: 23, 24). 30×15 мм. Д. Сельцо Новгородской обл., 1892 (Гуштин 1936: табл. XXXIV: 8—10; Корзухина 1954: № 174/3)..

2. Бусины, 3 экз., серебро (рис. 11: 25). 30×15 мм; 25×13 мм. С. Великие Болгары, Спасского у., Казанской губ. (Гуштин 1936: табл. XXXII: 8—10).

Вариант 6 — с тисненым геометрическим сетчатым узором по центральной зоне.

1. Бусины, 2 экз., серебро (рис. 11: 27, 28). 30×15 мм. Старая Рязань, 1979 № 1 (Даркевич, Пуцко 1982: 199, рис. 4: 1).

Вариант 7 — с тисненым геометрическим узором по центральной зоне.

XI — первая половина XII вв.

1. Бусины 2 экз., серебро. 20×10 мм. клад в д. Шалахова Невельского у. Витебской губ. (Гуштин 1936: табл. VI: 3; Корзухина 1954: № 49/7)..

Подтип II, Вариант 8 — с поперечным членением и тиснеными рельефными лопастями-полусферами.

1. Бусины, 3 экз., серебро с позолотой (рис. 11: 29). 23×10 мм. с. Телиженцы Хмельницкой обл. клад II, 1978 (Якубовский 2003: 86—88, рис. 53, 56: 2).

2. Бусины, 5 экз., серебро с позолотой (рис. 11: 29). 23×10 мм. Летописный Божск, Хмельницкая обл., клад 1970 (Якубовский 2003: 57, рис. 29: 2).

Подтип IV, Вариант 9 — с выделенным гладким поперечным валиком и четырьмя овальными

выпуклыми фигурами на каждой половине.

1. Бусины. 10 экз., серебро (рис. 11: 31). 20×10 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (Корзухина 1954: 103: 8г; ОАК за 1903 г.: табл. V: 1).

VI. Криновидные подвески.

Тип I — в виде трилистника (рис. 12).

Вариант 1 — центральная часть удлиненная с заостренными концами, боковые в виде полукруглых волотообразных фигур, элементы разделены полосой с ребристым орнаментом.

1. Подвеска, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 12: 1). 45×25 мм. Киев, ул. Орлова, 1901 (Корзухина 1954: № 85/5, табл. XXXV: 5).

2. Подвески, 3 экз., серебро (рис. 12: 2). 50×28 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: табл. V: 22; Корзухина 1954: № 103/8а, 9а).

Вариант 2 — центральная часть удлиненная с заостренными концами, боковые в виде полукруглых волотообразных фигур.

1. Подвески, 6 экз., серебро (рис. 12: 3). 35×25 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: табл. V: 20; Корзухина 1954: № 103/8а, 9а).

2. Подвески, 1 экз., золото (рис. 12: 4). Княжая Гора. 30×28 мм. Местонахождение неизвестно (Ханенко, Ханенко 1902: 48, табл. XVII: 1009).

Вариант 3 — центральная часть удлиненная асимметричная с заостренным концом, боковые в виде округлых фигур.

1. Подвеска, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 12: 5). 25×20 мм. Старая Рязань, 1868 (Гуштин 1936: табл. XXVI: 4; Корзухина 1954: № 163/8).

Вариант 4 — боковые части удлинены и слегка изогнуты, разделены полосой с ребристым орнаментом.

1. Подвеска, 1 экз., золото (рис. 12: 6). 30×22 мм. Сахновка, Киевской обл., 1900 (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XXIX: 1095; Корзухина 1954: № 127).

Вариант 5 — центральная и боковые части удлинены и слегка изогнуты и разделены гладкой полосой.

1. Подвески, 4 экз., серебро (рис. 12: 9). 40×28 мм. С. Телиженцы Хмельницкой обл., 1978 (Якубовский 2003: 86, рис. 53, 56).

2. Подвески, 9 экз., серебро (рис. 12: 15). 55×30 мм. Путивльский у. Курской губ. 1878 (Корзухина 1954: № 159/3).

Вариант 6 — центральная и боковые части удлинены и слегка изогнуты.

1. Подвески, 7 экз., серебро (рис. 12: 10). 40×35 мм Киев, ул. Лескова, 1876 (Кондаков 1896: табл. XV: 3; Корзухина 1954: № 80/8)..

2. Подвески, 8 экз., серебро с позолотой (рис. 12: 11). 45×30 мм. Киев, ул. Орлова, 1901 (Корзухина 1954: № 85/5, табл. XXXV: 5).

Вариант 7 — нижние концы боковых частей утонщены и удлинены, средняя часть укорочена.

1. Подвеска, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 12: 12). 40×38 мм. Киев, ул. Трехсвятительская, 1949. Местонахождение неизвестно (Самойловский 1952: 120—125, рис. 3; Корзухина 1954: № 109/5).

Вариант 8 — нижние концы боковых частей увеличены, верхние — укорочены, нижний конец средней части оформлен в виде ишиечки.

1. Подвески, 6 экз., серебро с позолотой (рис. 12: 13). 50×40 мм. Киев, ул.

Трехсвятительская, 1949. Местонахождение неизвестно (Самойловский 1952: 120—125, рис. 3; Корзухина 1954: № 109/5).

Вариант 9 — нижние концы боковых частей увеличены, верхние — укорочены, нижний конец средней части оформлен в виде кисти руки и усложнен двумя дополнительными листочками.

1. Лигейный полуфабрикат подвески, 1 экз., свинцово-оловянистый сплав (рис. 12: 14). 35×22 мм. Суздаль, слой XII — начала XIII вв. (Седова 1997: 177, рис. 63: 4).

Тип II — четырехконечные с трилистным завершением каждого конца (рис. 13).

Вариант 1 — равноконечные.

1. Подвески, 4 экз., серебро с позолотой (рис. 13: 1). 40×30 мм. Киев, ул. Трехсвятительская, 1949 (Самойловский 1952: 120—125, рис. 4; Корзухина 1954: № 109/5).

2. Подвеска, 1 экз., серебро (рис. 13: 2). 40×35 мм. С. Залесье Каменецкого р-на Подольской губ. Местонахождение неизвестно (Спицын 1915: 242, рис. 46; Корзухина 1954: № 144).

Вариант 2 — с удлиненным нижним концом.

1. Подвески, фрагменты от 3 экз., серебро с позолотой (рис. 13: 4, 5). Владимир, 1865 (Гущин 1936: табл. XVII: 6, 7, 10; Корзухина 1954: № 167/7).

2. Подвеска, 1 экз., серебро (рис. 13: 3). 35×25 мм. Старая Рязань, случайная находка на Южном городище (Даркевич, Борисевич 1995: табл. 93: 2).

Вариант 3 — с удлиненным нижним концом и удлиненными и изогнутыми нижними листьями боковых трилистников, концы нижнего и боковых трилистников сближены.

1. Подвески, 8 экз., серебро с позолотой (рис. 13: 6). 40×25 мм. Владимир, 1993 (Жарнов, Жарнова 1999: 458). Находились в составе ожерелья с медальоном с изображением архангела и ребристыми бусинами. Данный экземпляр является промежуточной формой от варианта 2 к варианту 3.

2. Подвеска, 1 экз., серебро (рис. 13: 7). 45×28 мм. С. Кресты Тульской обл., 1876 (Корзухина 1954: № 156/5, табл. LX: 6).

3. Подвески, 3 экз., серебро с позолотой (рис. 12: 8). 45×30 мм. Киев, ул. Трехсвятительская, 1949. Местонахождение неизвестно (Самойловский 1952: 120—125, рис. 4; Корзухина 1954: № 109/5).

Вариант 4 — с удлиненным нижним концом и удлиненными и изогнутыми нижними листьями боковых трилистников, с соединенными (сросшимися) концами всех трилистников.

1. Подвеска, 1 экз., серебро (рис. 13: 9). 47×30 мм. Старая Рязань, 2005 (Чернецов, Отчет 2006: рис. 6, рис. 12).

Без типологического определения.

1. Подвески. Путивльский у. Курской губ., 1878. (Корзухина: 1954: № 159/3).

VII. Нашивные бляшки.

Отдел 1.

Тип I — квадратные (рис. 14).

Вариант 1 — гладкие.

1. Бляшки, 7 экз., серебро (рис. 14: 1). Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК за 1903 г: рис. 381; Корзухина 1954: № 103/24).

2. Бляшки, 5 экз., серебро (рис. 14: 1). 10×10 мм. Старая Рязань, 1967, № 2 (Даркевич, Монгайт 1972: рис. 6: 1; Даркевич 1974: рис. 11: 4).

3. Бляшка, 1 экз., серебро (рис. 14: 1).

10×10 мм. Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 7 (Даркевич 1974: рис. 16: 21).

Вариант 2 — с двумя диагональными полосами с рифленным орнаментом.

1. Бляшка, 1 экз., золото (рис. 14: 2). Старая Рязань, 1822 (ДРГ 1851: табл. 37; Корзухина 1954: № 162/11).

Вариант 3 с завитковым орнаментом в виде двух односторонних завитков, повернутых в противоположные стороны.

1. Бляшки, 11 экз., серебро (рис. 14: 4). 15×15 мм. Старая Рязань, 1887. Не сохранились. (Гущин 1936: табл. XXIX: 7; Корзухина 1954: № 164/9). Бляшки, обнизанные мелким жемчугом, были закреплены на шелковой ленте; в составе клада были фрагменты парчовой ткани.

2. Бляшки, 2 экз., серебро (судя по иллюстрации) (рис. 14: 3). 15×8 мм. Святое Озеро, Черниговской губ., 1908 (Самоквасов 1916: рис. 5: 6/№). Опубликованы вместе с вещами клада в публикации Д. Я. Самоквасова, в сводной работе Г. Ф. Корзухиной не упомянуты.

Вариант 4 — с рельефным асимметричным растительным орнаментом.

1. Бляшки, 3 экз., золото/серебро (во фрагментах) (рис. 14: 5). Мартыновка, Киевский у. Киевской губ., 1886. Не сохранились (Бобринский 1887: табл. XVIII: 10; Корзухина 1954: № 129/6). К данному варианту отнесены предположительно.

Вариант 5 — с геометризованным, дугообразно-завитковым орнаментом.

1. Бляшки, 2 экз., серебро (рис. 14: 11, 12). 12×13. Владимир, Ветшаный город, 1837 (Корзухина 1954: № 166: 7; ДРГ 1851: табл. 37).

Отдел 2 — с внутренней прорезью.

Тип I — квадратные.

Вариант 1 — с квадратной прорезью.

1. Бляшки, 4 экз., серебро (рис. 14: 6). 20×20 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 383; Корзухина 1954: № 103/24).

2. Бляшки, 1 экз., золото/серебро (рис. 14: 7). 6×6 мм. Мартыновка Каневского у. Киевской губ., 1886. Не сохранились (Бобринский 1887: табл. XVIII: 6; Корзухина 1954: № 129/6).

Вариант 2 — с прорезным завитковым орнаментом.

1. Бляшки, 20 экз., серебро с позолотой (рис. 14: 9). 40×40 мм (судя по публикации). Киев, Михайловский монастырь, 1824. Не сохранились (Кондаков 1896: рис. 66; Корзухина 1954: № 107/10).

Вариант 3 — с прорезным завитковым орнаментом.

1. Бляшка, 7 экз. и 5 фрагментов, золото (рис. 14: 10). 10×10 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1939 (Пекарська 1996: 51, табл. 4г).

Вариант 4 — выпукло-четырёхгранные с центральным гнездом для вставки.

1. Бляшки, 8 экз., серебро (рис. 14: 8). 12×12 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903. (ОАК 1903: рис. 384; Корзухина 1954: № 103/24).

Отдел 1.

Тип II — прямоугольные (рис. 15).

Вариант 1 — гладкие.

1. Бляшки, 5 экз., серебро/золото (рис. 15: 3). 8×10 мм. Мартыновка, Киевский у. Киевской губ., 1886. Не сохранились (Бобринский 1887: табл. XVIII: 4, 11; Корзухина 1954: № 129/6).

2. Бляшки, 15 экз., серебро (рис. 15: 1, 2). 18×9 мм; 15×10 мм. Киев, Михайловский мона-

стырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 362, 363; Корзухина 1954: № 103/24). Часть экземпляров отличается общей треугольной выпуклостью.

3. Бляшки, 16 экз., золото (рис. 15: 5). 10×9 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67/5; Пекарська 1996: 51, табл. 4а).

4. Бляшки, 3 экз., золото (рис. 15: 4). 11×6 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67/5; Пекарська 1996: 51, табл. 4э).

5. Бляшки, 20 экз., серебро с позолотой (рис. 15: 9). 30×7 мм. Сахновка, Каневского у. Киевской губ. (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XXV: № 1094). Бляшки соединены в полосу, возможно составляющую деталь зарукавья.

Вариант 2 — с рифленным орнаментом из косых линий, направленных в одну сторону.

1. Бляшки, 2 экз., (судя по иллюстрации) серебро (рис. 15: 6). 13×6 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903. (ОАК за 1903 г: рис. 345; Корзухина 1954: № 103/24).

2. Бляшки серебро с позолотой 7 экз. (рис. 15: 12). 10×7 мм. Сахновка, Каневского у., Киевской губ. (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XXV: № 1094). Бляшки соединены в узкую полосу, вероятно, являющуюся застежкой и составляющую завершение детали одежды.

Вариант 3 — с рифленным орнаментом из косых линий, направленных в разные стороны из одной вершины («в елочку»).

1. Бляшка, 1 экз., серебро (рис. 15: 7). 15×8 мм. Старая Рязань, 1967, № 2 (Даркевич, Монгайт 1972: рис. 6: 2; Даркевич 1974: рис. 11: 4).

2. Бляшка, 1 экз., серебро (рис. 15: 8). 15×8 мм. Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 7 (Даркевич 1974: рис. 16: 20).

3. Бляшка, 1 экз., серебро (рис. 15: 8). 15×8 мм. Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 6 (Монгайт, Отчет 1950).

Вариант 4 — с рельефным плетеным орнаментом.

1. Бляшка, 1 экз., золото. 12×7 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67/5; Пекарська 1996: 51, табл. 4ж). Бляшка нашита на полоску ткани; нашивные бляшки (не сохранившиеся за исключением одного экземпляра) были разделены рядами жемчуга.

2. Бляшки, 17 экз., серебро с позолотой (рис. 15: 10). 14×12×3 мм. Старая Рязань, 1868 (Гуштин 1936: табл. XXVII: 4; Корзухина 1954: № 163). Имеется бордюр с ребристым орнаментом.

Вариант 5 — с рельефным изображением крина и двумя дополнительными листьями.

1. Бляшки, 17 экз., серебро с позолотой (рис. 15: 11). 13×11×2,5 мм. Старая Рязань, 1868 (Гуштин 1936: табл. XXVII: 2; Корзухина 1954: № 163).

2. Бляшка, 1 экз. (?), серебро. 15×10 мм. Старая Рязань, материалы А. В. Селиванова, 1888 (известна по фотографии из архива В. П. Даркевича).

Вариант 6 — с рельефным растительным орнаментом в виде удвоенного крина, прорастающего из двух удлиненных листьев, расположенных в виде косоугольного креста и ребристым бордюром по двум сторонам.

1. Бляшки, 8 экз., серебро с позолотой (рис. 15: 13). 18×13×4 мм. Старая Рязань, 1868 (Гуштин 1936: табл. XXVII: 8; Корзухина 1954: № 163). Один эк-

земпляр сохранился во фрагментах.

Вариант 7 — с выпуклой поверхностью в виде валика, сетчатым рельефным линейно-геометрическим орнаментом по поверхности, приспособленным для укладки жемчуга.

1. Бляшки, 28 экз., серебро (рис. 15: 14, 15). 20×10 мм. Новгород Великий, погребение Софийского собора (Гинзбург 1940: 64—66; Корзухина 1954: 52, рис. 8). Бляшки обнаружены в составе стоячего воротника с застежкой на петли и пуговицы.

Вариант 8 — с рифлеными бордюрами, бордюрами из рельефных точек, с рельефными окружными фигурами в центре.

1. Бляшки, 6 экз. и фрагменты от 5 экз., серебро с позолотой. 15×10 мм. Москва, Кремль, клад 1988, № 57742—57745; 2870 (Панова 1996: 46).

Вариант 9 — с рифлеными бордюрами, орнаментом из треугольных фигур, складывающихся в крестообразную фигуру.

1. Бляшки, 2 экз., серебро с позолотой. 15×10 мм. Москва, Кремль, клад 1988, № 57746, 57747 (Панова 1996: 46).

Отдел 2 — прорезные.

Тип II — прямоугольные.

Вариант 1 — с прямоугольной прорезью.

1. Бляшки, 5 экз., золото/серебро (рис. 15: 16). 10×8 мм. Мартыновка Каневского у., Киевской губ., 1886. Не сохранились (Бобринский 1887: табл. XVIII: 4; Корзухина 1954: № 129/6).

Вариант 2 — с фигурной несомкнутой прорезью, очерчивающей фигуру крина.

1. Бляшки, 8 экз., золото (рис. 15: 17). 20×18 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67/5; Каргер 1958: табл. С; Пекарська 1996: 49, табл. 1). Бляшки нашиты на полоску ткани, являющуюся наложным очелом; в публикации М. К. Каргера на фото 8 бляшек, в публикации Л. Пекарской на таблице 1 рисунке а — 7 бляшек, на рисунке б — 2 бляшки.

Вариант 3 — с фигурными несомкнутыми прорезями, очерчивающими фигуры двух кринов.

1. Бляшки, 2 экз., серебро с позолотой (рис. 15: 18). 40×25 (в реконструированном виде). Старая Рязань, 1868 (Гуштин 1936: табл. XXVII: 16; Корзухина 1954: № 163). Сохранились во фрагментах.

Вариант 4 — с фигурной несомкнутой прорезью, очерчивающей растительную фигуру с четырьмя листьями и тремя длинными изогнутыми побегами или лепестками.

1. Бляшки, 3 экз., серебро с позолотой (рис. 15: 19). 30×27×2,3. Старая Рязань, 1868 (Гуштин 1936: табл. XXVII: 14; Корзухина 1954: № 163). Некоторые экземпляры сохранились во фрагментированном виде.

2. Фрагмент бляшки, серебро с позолотой 1 экз. 23×20,5×2,7. Старая Рязань, 1868 г. (Гуштин 1936: табл. XXVII: 16; Корзухина 1954: № 163). На прямоугольной рамке нанесен бордюр из чередующихся зон ребристого орнамента и гладкой поверхности.

Вариант 5 — с фигурными прорезями, очерчивающими две встречно расположенные сердцевидные фигуры из пар завитков, концы которых оформлены в виде трех и пятилепестников.

1. Бляшка, 1 экз., серебро (рис. 15: 20). 60×25 мм. Владимир, Ветшаный город, 1837 (Корзухина 1954: № 166: 7; ДРГ 1851: табл. 37).

Отдел 1 — сплошные.**Тип III — ромбические.****Вариант 1 — гладкие.**

1. Бляшки, 2 экз., серебро (рис. 16: 1). 18×10 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 367; Корзухина 1954: № 103/24). Бляшка сохранилась во фрагментах.

2. Бляшки, 1 экз., золото (рис. 16: 2). 15×10 мм. Старая Рязань, 1822. Не сохранились (ДРГ 1851: табл. 37; Корзухина 1954: № 162/11).

Тип IV — в виде параллелограмма.

Вариант 1 — с рельефным рифленным орнаментом.

1. Бляшки, 9 экз., серебро с позолотой (рис. 16: 12). 12×8 мм. Старая Рязань, 1868 (Гуцин 1936: табл. XXVII: 11; Корзухина 1954: № 163).

Тип V — в виде прямоугольника с одной косо срезанной стороной.

Вариант 1 — с рельефным ребристым орнаментом и орнаментом из округлых фигур.

1. Бляшки, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 16: 13). 18×10 мм. Старая Рязань, 1868 (Гуцин 1936: табл. XXVII: 12; Корзухина 1954: № 163).

Отдел 1 — сплошные.**Тип VI — треугольные.****Вариант 1 — гладкие.**

1. Бляшка, 2 экз., серебро/золото (рис. 16: 3). 10×5 мм. Мартыновка Каневского у., Киевской губ., 1886. Не сохранились (Бобринский 1887: табл. XVIII: 11; Корзухина 1954: № 129/6). В виде равнобедренного треугольника.

2. Бляшка, 1 экз., серебро (судя по иллюстрации) (рис. 16: 4). 15×8 мм. Святое Озеро, Черниговской губ., 1908 (Самоквасов 1916: рис. 5: б/№). Опубликовано вместе с вещами клада в публикации Д.Я. Самоквасова, в сводной работе Г.Ф. Корзухиной не упомянуты. В виде равнобедренного треугольника.

1. Бляшки, 3 экз., серебро с позолотой. 6×6 мм. Москва, Кремль, клад 1988, № 57748/1—3 (Панова 1996: 46). В виде равностороннего треугольника.

Отдел 2.**Тип VI — треугольные.**

Вариант 1 — треугольная деталь с отверстием и двумя завитковыми фигурами с отверстиями по сторонам, обрисовывающими фигуру крива в центре.

1. Бляшки, 5 экз., серебро (рис. 16: 5а). Д=15 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК за 1903: рис. 377; Корзухина 1954: № 103/24).

Вариант 2 — треугольно-трапецевидные с треугольной прорезью.

1. Бляшки серебро 4 экз. (рис. 16: 5б).

Д=13 мм. Любеч, 1960 (Недошивина 1999: 193, рис. 2: 4).

1. Бляшки, 5 экз., серебро с позолотой. 50×40 мм. Москва, Кремль, клад 1988, № 57725—57729 (Панова 1996: 46). В виде равностороннего треугольника. Две бляшки практически не сохранили позолоты.

Отдел 1.**Тип VII — в виде соединенных треугольников.****Вариант 1 — гладкие.**

1. Бляшка, 1 экз., серебро Киев, Михайловский монастырь, 1903 (рис. 16: 10) (ОАК 1903: рис. 345; Корзухина 1954: № 103/24). Бляшка закреплена на фрагменте ткани, по предположению авторов публикации в ОАК, относившемуся к головной повязке.

Отдел 1.**Тип VIII — многоугольные.****Вариант 1 — пятиугольные гладкие.**

1. Бляшка, 1 экз., золото (рис. 16: 8). 16×11 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67/5; Пекарська 1996: 51, табл. 4а). Бляшка является концевой, вместе с другими прямоугольными нашита на узкую полоску ткани.

Тип VIII — многоугольные прорезные.

Вариант 1 — пятиугольные с пятиугольной прорезью.

1. Бляшки, 2 экз., серебро (рис. 16: 9а). 30×27 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 381; Корзухина 1954: № 103/24).

Вариант 2 — шестиугольные с круглым отверстием.

1. Бляшка, 1 экз., серебро (рис. 16: 9б). Д=13 мм. Любеч, 1960 (Недошивина 1999: 193, рис. 2: 3).

Отдел 1.**Тип IX — зигзагообразные.****Вариант 1 — гладкие.**

1. Бляшки, 1 экз., золото (рис. 16: 11). 14×10 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью 1936 (Корзухина 1954, № 67/5; Пекарська 1996: 49, 50, табл. 4г).

Отдел 1.**Тип X — подтрапецевидные.****Вариант 1 — гладкие.**

1. Бляшки, 2 экз., золото (рис. 16: 6). 25×15 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67/5; Пекарська 1996: 49, 50, табл. 1б). Концевые бляшки очелья с нашивными прямоугольными бляшками с кринообразной прорезью на основной части.

2. Бляшка, 6 экз., серебро с позолотой (рис. 16: 7). 40×4×2 мм. Старая Рязань, 1868 (Гуцин 1936: табл. XXVII: 9; Корзухина 1954: № 163). Бляшка играла роль основания под нашивную бляшку с перегородчатой эмалью в геометризованном стиле.

Отдел 1.**Тип XI — круглые.****Вариант 1 — гладкие.**

1. Бляшки, около 20 экз., серебро (рис. 17: 1, 2). Д=10 мм; Д=5 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903. (ОАК 1903: рис. 345, 369, 370; Корзухина 1954: № 103/24). В публикации количество указано суммарно с другими вариантами.

2. Бляшки, 5 экз., золото (рис. 17: 1). Д=8—10 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: 189, рис. 344; Корзухина 1954: № 103/25). Пришиты к позументу, вышитому золотой нитью, длиной 20 см.

3. Бляшка, 1 экз., золото (по рисунку на таблице) (рис. 17: 4). Д=10 мм. Старая Рязань, 1822. Не сохранились (ДРГ 1851: табл. 37; Корзухина 1954: № 162/11).

4. Бляшки, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 17: 5). Д=8 мм. Старая Рязань, 1868 (Корзухина 1954: № 163).

5. Бляшки, 54 экз. и 20 фрагментов, золото (рис. 17: 3). 14×7 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67/5; Пекарська 1996: 51, табл. 4е). Соединены попарно нитями.

6. Бляшка, 1 экз., бронза (рис. 17: 6). Д=65 мм. Старая Рязань, раскоп № 23. Северное городище (Даркевич, Борисевич 1995: табл. 103: 8).

7. Бляшки, 24 экз., серебро с позолотой.

Д=20 мм; Д=16 мм. Москва, Кремль, 1988, № 57731—57741; 2869 (Панова 1996: 46).

Вариант 2 — с рельефным изображением восьмилепестковой розетки.

1. **Бляшки**, 2 экз., золото (рис. 17: 10). Д=9 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67/5; Пекарська 1996: 49, 50, табл. 4б).

Вариант 3 — с рельефным изображением вертящейся розетки.

1. **Бляшка**, 1 экз., золото (рис. 17: 11). Д=11 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67/5; Пекарська 1996: 49, 50, табл. 4в).

Вариант 4 — с рельефным изображением крина (трилистника).

1. **Бляшка**, 10 экз., серебро (рис. 17: 12). Д=30 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 380; Корзухина 1954: № 103/24).

Отдел 2 — прорезные.

Тип XI — круглые.

Вариант 1 — гладкие плоские (кольцеобразные).

1. **Бляшки**, 4 экз. (фрагменты), серебро (рис. 17: 8а). Д=18 мм (в целом виде предположительно). Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 383; Корзухина 1954: № 103/24).

2. **Бляшка**, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 17: 8б). Д=9 мм. Старая Рязань, 1868 (Корзухина 1954: № 163).

Вариант 2 — гладкая полусферическая с продольной прорезью (в виде половинки бубенчика).

1. **Бляшка**, 1 экз., металл (рис. 17: 7). Д=15 мм. Старая Рязань, раскоп № 3. Южное городище. (Даркевич 1974: рис. 44: 4).

Отдел 2 — прорезные.

Тип XII — овыельные.

Вариант 1 — гладкие с овыельной прорезью.

1. **Бляшки**, 12 экз., золото (рис. 17: 9). 21×12 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67/5; Пекарська 1996: 49, 50, табл. 2а). В овыельных прорезях закреплены стеклянные вставки.

Отдел 1.

Тип XIII — миндалевидные.

Вариант 1 — гладкие.

1. **Бляшки**, 2 экз., золото (рис. 18: 1, 2). 20×10 мм; 30×23 мм. Старая Рязань, 1822. Не сохранились (ДРГ 1851: табл. 37; Корзухина 1954: № 162/11).

2. **Бляшка**, 1 экз., металл (рис. 18: 3). Д=15 мм. Старая Рязань, раскоп № 7. Южное городище (Даркевич 1974: рис. 16: 22).

Отдел 1.

Тип XIV — сердцевидные (или миндалевидные раздвоенные).

Вариант 1 — гладкие.

1. **Бляшка**, 1 экз., металл (рис. 18: 4). 15×12 мм. Старая Рязань, 1967, № 2 (Даркевич 1974: 11, 5).

Отдел 2 — прорезные.

Тип XIV — сердцевидные.

Вариант 1 — прорези очерчивают растительную фигуру из трех трилистников, соединенных утолщением («вазоном»), по сторонам две двулистные фигуры.

1. **Бляшка**, 1 экз., золото (рис. 18: 5). 50×40 мм. Старая Рязань, 1822. Не сохранились (ДРГ 1851: табл. 37; Корзухина 1954: № 162/11).

Отдел 1 — сплошные.

Тип XV — лунничные.

Вариант 1 — гладкие.

1. **Бляшки**, 21 экз., серебро (рис. 18: 7). Д=15 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 374; Корзухина 1954: № 103/24).

2. **Бляшка**, 2 экз., серебро (рис. 18: 6). 20×22 мм. Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 7 (Даркевич 1974: 41, рис. 16: 18, 19). Одна из бляшек сильно испорчена, о ее форме можно судить предположительно.

3. **Бляшка**, 1 экз., серебро (рис. 18: 8). Д=15 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 373; Корзухина 1954: № 103/24). Бляшка вырезана в виде узкой лунничной фигуры, вероятно, приспособлена для закрепления стеклянной вставки.

Отдел 2 — прорезные.

Тип XV — лунничные.

Вариант 1 — с прорезью, соответствующей контуру лунницы.

1. **Бляшка** серебро 1 экз. Д=22 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903. (ОАК 1903: рис. 375; Корзухина 1954: № 103/24)..

Отдел 1 — сплошные.

Тип XVI — двухлепестковые.

Вариант 1 — гладкие.

1. **Бляшка**, 16 экз., серебро (рис. 18: 10). 8×4 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 349, 368; Корзухина 1954: № 103/24). В кладе имеется случай закрепления подобных бляшек на фрагменте ворота из ажурной ткани с пуговицами; бляшки нашиты по краю внутри ячеек прямоугольной сетки, обозначенной мелким жемчугом.

Тип XVII — в форме геометрических фигур с лепестковым краем.

Отдел 1.

Вариант 1 — подпрямоугольные четырехлепестковые гладкие.

1. **Бляшка**, 22 экз., серебро (рис. 18: 11). 15×15 мм, 10×10 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903. (ОАК 1903: рис. 365, 366; Корзухина 1954: № 103/24).

Вариант 2 — подпрямоугольные четырехлепестковые с поперечным рельефным валиком.

1. **Бляшки**, 4 экз., серебро с позолотой (рис. 18: 13). 11×8×2,5 мм. Старая Рязань, 1868 (Корзухина 1954: № 163).

2. **Бляшка**, 1 экз., золото (рис. 18: 13). 10×9 мм. Киев, тайник под Десятинной церковью, 1936 (Корзухина 1954: № 67; Пекарська 1996: 51, табл. 4д).

Отдел 2.

Вариант 1 — ромбические восьмилепестковые с ромбической прорезью.

2. **Бляшка**, 1 экз., серебро (рис. 18: 17). 15×15 мм. Любеч, 1960 (Недошивина 1999: 193, рис. 2: 2).

Тип XVIII — листовидные.

Вариант 1 — сплошные гладкие.

1. **Бляшки** золото 1 экз. (судя по рисунку) (рис. 18: 15). 17×14 мм. Старая Рязань, 1822. Не сохранились. (ДРГ, 1851: табл. 37; Корзухина 1954: № 162/11).

2. **Бляшки**, около 10 экз., серебро (рис. 18: 12). 9×7 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 371; Корзухина 1954: № 103/24). В публикации количество указано суммарно вместе с другими бляшками.

Тип XIX — кринообразные (в виде кринов или их сочетаний).

Вариант 1 — в виде крина.

1. **Бляшки**, 2 экз., серебро (рис. 19: 1). 15×15 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903

(ОАК 1903: рис. 358; Корзухина 1954: № 103/24).

2. Бляшки, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 19: 2). 12×10 мм. Старая Рязань, 1868 (Гущин 1936: табл. XXVII: 12; Корзухина 1954: № 163).

3. Бляшки, 2 экз., серебро/золото (рис. 19: 3). 14×10 мм. Мартыновка Каневского у., Киевской губ., 1886. Не сохранились (Бобринский 1887: табл. XVIII: 1,2; Корзухина 1954: 129/6).

4. Бляшки, 2 экз., серебро (рис. 19: 4). 20×15 мм. Старая Рязань, охранные раскопки 1992, Южное городище («двор воеводы») (Даркевич, Борисевич 1995: 77, 78, рис. 42: 2).

5. Бляшка, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 19: 12). 30×7 мм. Сахновка, Каневского у., Киевской губ. (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XXV: № 1094). Бляшка является завершением узкого ремешка, орнаментированного бляшками типа II.

Вариант 2 — в виде половины крина.

1. Бляшки, 20 экз., серебро (рис. 19: 5). 27×15 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 376; Корзухина 1954: № 103/24).

Вариант 3 — четырехконечная с крином на каждом конце.

1. Бляшки, 3 экз., серебро с позолотой (рис. 19: 6). 50×50 мм. Старая Рязань, 1868 (Гущин 1936: табл. XXVI: 7; Корзухина 1954: № 163).

Вариант 4 — двухконечная угловая с половинками крина на каждом конце, расположенными под прямым углом друг к другу.

1. Бляшки, 3 экз. и фрагменты, серебро с позолотой (рис. 19: 7). 28×27×2 мм. Старая Рязань, 1868 (Гущин 1936: табл. XXVI: 17, 19; Корзухина 1954: № 163).

Вариант 5 — в виде трилистника в центре и двух растительных завитков по сторонам, с нижней частью, оформленной в виде двух побегов, обрисовывающих листовидную прорезь.

1. Бляшки, 6 экз., серебро с позолотой (рис. 19: 8). 30×23 мм. Княжая Гора, собрание Б. Н. Ханенко и В. И. Ханенко. Место хранения неизвестно (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XXVI: № 632—637). Рассчитаны на попарное нашивание друг под другом.

Вариант 6 — в виде крина на основании из двух полукринов (сохранилась фрагментарно).

1. Бляшка, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 19: 13). 30×25 мм. Старая Рязань, 1868 (Корзухина 1954: № 163).

Вариант 7 — кринообразно-крестообразная.

1. Бляшка, 1 экз., серебро с позолотой (рис. 19: 13). Д=9 мм. Старая Рязань, 1868 (Корзухина 1954: № 163).

Вариант 8 — кринообразно-завитковая.

1. Бляшки, 2 экз. и фрагменты, серебро с позолотой. 12×7 мм. Москва, Кремль, 1988 (Панова 1996: 46).

Отдел 2 — прорезные.

Тип XIX — кринообразные (в виде трилистников или их сочетаний).

Вариант 1 — в виде трилистника с прямоугольной прорезью.

1. Бляшки, 1 экз., золото (судя по рисунку) (рис. 19: 9). 30×15 мм. Старая Рязань, 1822. Не сохранились (ДРГ 1851: табл. 37; Корзухина 1954: № 162/11).

Вариант 2 — в виде пятиугольника с пятиугольной прорезью, конец усложнен кринообразно-завитковой фигурой.

1. Бляшки, 8 экз., серебро с позолотой (рис. 19: 10). 28×16×2 мм. Старая Рязань, 1868 (Гущин 1936:

табл. XXVII: 7; Корзухина 1954: № 163).

Вариант 3 — в виде плетеной фигуры с трилистником на вершине.

1. Бляшка, 1 экз., серебро (рис. 19: 11). Старая Рязань, раскоп № 28, Северное городище. № 134 (Чернецов, Отчет» 2000: 14, 15, рис. 24).

Без типологического определения.

Вариант 1 — округлой формы с рельефным плетеным орнаментом.

1. Бляшки, неопределенное количество экз., серебро. 12×12 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 360; Корзухина 1954: № 103/24). Сохранились фрагментарно.

Вариант 2 — округло-овальные гладкие.

1. Бляшки, около 8 экз., серебро. 14×10 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: рис. 361; Корзухина 1954: № 103/24).

Фрагменты бляшек без типологического определения:

1—5. Старая Рязань, 1868 (Корзухина 1954: № 163). Серебро с позолотой.

1 — подпрямоугольной формы с беспорядочными рельефными долями. 1 экз., 12×6 мм.

2 — подпрямоугольной формы с рельефными долями в виде прямого бордюра. 1 экз., 11×5 мм.

3 — фрагмент подпрямоугольной формы с рельефными долями в виде прямого бордюра. 1 экз., 9×7 мм.

4 — фрагменты различных форм с рельефными долями. 12 экз., 5×2 мм.

5 — гладкие различных форм. 11 экз., 7×3 мм.

6 — кринообразные различных форм. Киев, ул. Трехсвятительская, ус. Орлова, 1901. Корзухина 1954: 85/7. Место хранения не удалось уточнить.

VIII. Пуговицы (рис. 20).

XI — начало XII вв.

Тип I: сферические.

Вариант 1 — бусинные, гладкие, с валиком, на проволочном ушке.

1. Пуговица, 1 экз., серебро (рис. 20: 1). 15×18 мм. Белогостицкий монастырь под г. Ростовом Ярославской обл., 1836. Не сохранилась (Спицын 1905: рис. 119; Корзухина 1954: № 63/9).

Вариант 2 — биконические, гладкие, с орнаментацией зернью в нижней части в виде пирамидки.

1. Пуговицы, 2 экз., серебро (рис. 20: 2). 15×20 мм. Владимир, 1837 (Строганов 1841: табл. VI; ДРГ 1851: табл. 37; Корзухина 1954: № 166/6).

Тип II — округло-грушевидные.

1. Пуговицы, 5 экз., медь, позолота (рис. 20: 3). 8×10 мм. Киев, Михайловский монастырь, 1903 (ОАК 1903: 189, рис. 349; Корзухина 1954: № 103/26). Пришиты к вороту, вышитому золотой нитью.

Тип III — полусферические.

Вариант 1 — с изображением розетки и завитками.

1. Пуговицы, 2 экз., бронза. Д=20 мм. Дягунино, Зубцовского у. Тверской обл., 1893 (Корзухина 1954: № 172/9). Списаны из фондов музея в 1969 г., изображение не сохранилось.

IX. Каталог матриц для тисненных изделий (рис. 21).

(Типологические подразделения матриц обозначены в соответствии с типологией изделий, для изготовления которых они предназначены).

— для нашивных бляшек.

Отдел 1.

Тип II — прямоугольные.

Вариант 5 — с изображением крина выпукло и фоном углубленно.

1. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 1). Старая Рязань, раскоп № 17, Южное городище, усадьба «А», «двор ювелира» (Даркевич, Борисевич 1995: табл. 61: 6). В.П. Даркевич провел аналогию этой матрицы и бляшки старорязанского клада 1868 г.; но следует отметить, что орнамент матрицы отличен в деталях: отсутствуют дополнительные маленькие листья в углах.

Отдел 2.

Тип II — прямоугольные.

Вариант 3 — с двумя трилистными кринами.

1. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 2). Старая Рязань, раскоп № 17, Южное городище, усадьба «А», «двор ювелира» (Даркевич, Борисевич 1995: 191, 192, табл. 61: 3). В.П. Даркевич провел аналогию данной матрицы и бляшки из старорязанского клада 1868 г.; следует добавить, что орнамент матрицы проще, чем орнамент бляшек из клада.

Отдел 1 — сплошные.

Тип XI — круглые.

Вариант 2 — дисковидной формы с углубленным изображением четырехлепестковой розетки.

1. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 4). Старая Рязань, Южное городище, раскоп № 13 (Даркевич, Борисевич 1995: табл. 17: 9). Предназначена, вероятно, для двусторонней подвесной бляшки.

Вариант 4 — с углубленным изображением крина.

1. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 5). Старая Рязань, раскоп № 7, Южное городище (Даркевич 1974: рис. 20: 4). Предназначена для изготовления нашивных бляшек с выпуклым изображением крина.

Вариант 5 — с завитковым орнаментом.

1. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 3). Старая Рязань, из раскопок А.Л. Монгайта, без точных паспортных данных. (Монгайт 1955: 136, рис. 103: 1).

Отдел 2 прорезные.

Тип XIV миндалевидные.

Вариант 1 — с трехконечной растительной фигурой с завершенными кринами концами.

1. Матрицы, 2 экз., бронза (рис. 21: 6, 7). Старая Рязань, раскоп № 17, Южное городище (Даркевич, Борисевич 1995: табл. 54: 7; 61: 2). В.П. Даркевич провел аналогию матриц и бляшки клада 1822 г.; следует добавить, что матрицы демонстрируют иной стилистический вариант по сравнению с бляшкой клада: кринообразные элементы имеют естественные очертания, на бляшке же наблюдаются элементы пышного стиля.

Отдел 1 — сплошные.

Тип XIX — кринообразные.

Вариант 1 — в виде трилистной кринообразной фигуры.

1. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 8). Старая Рязань, из раскопок А.Л. Монгайта, без точных паспортных данных (Монгайт 1955: рис. 103: 2).

2. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 9). Старая Рязань, из раскопок А.Л. Монгайта, без точных паспортных данных (Монгайт 1955: рис. 103: 2).

Вариант 2 — в виде половины трилистной кринообразной фигуры.

1. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 11). Старая Рязань, раскоп № 17, Южное городище, «усадьба ювелира» (Даркевич, Борисевич 1995: табл. 61: 4). Матрицы стилистически аналогичны эмалевым нашивным бляшкам из клада в Старой Рязани, 1868.

2. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 12). Старая Рязань, раскоп № 13, Южное городище, «усадьба ювелира» (Даркевич, Борисевич 1995: табл. 27: 10).

Вариант 6 — в виде двулистно-завитковой фигуры.

1. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 10). Старая Рязань, Северное городище, № 372. (Чернецов, Отчет 2000: Рис. 24).

Отдел 1.

Тип XX зооморфные.

Вариант 1 — в виде головы зверя с миндалевидными глазами и с раскрытой пастью.

1. Матрица — бронза 1 экз. (рис. 21: 13). Старая Рязань, раскоп № 17, Южное городище, «усадьба ювелира» (Даркевич, Борисевич 1995: табл. 60: 1).

2. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 14). Старая Рязань, из раскопок А.Л. Монгайта, без точных паспортных данных (Монгайт 1955: 136, рис. 103: 4).

— для подвесок к ожерелью.

Тип I — в виде трилистной фигуры.

Вариант 4 — боковые части удлинены и слегка изогнуты и разделены полосой с ребристым орнаментом.

1. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 16). Место происхождения неизвестно (Рыбаков 1948: 315, 316, рис. 81).

2. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 15). С. Сахновка, Каневского у., Киевской губ. (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XVII: № 358).

Тип II — в виде четырехлистной фигуры.

Вариант 3 — в виде крестообразно-криновидной фигуры.

1. Матрица, 1 экз., бронза (рис. 21: 17). Старая Рязань, раскоп № 17, Южное городище, «усадьба ювелира» (Даркевич, Борисевич 1995: табл. 54: 8с).

Литература

- Беляшевский Н. 1982. *Раскопки на Княжеской Горе в 1891 г.* Киев.
- Бенчев И. 2005. *Иконы ангелов. Образы небесных посланников.* Москва: Интербук-бизнес (Москва).
- Бобринский А. А. 1887. *Курганы и случайные находки близ м. Смелы.* Т. I. Санкт-Петербург.
- Буланкина Е. В., Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В. 2005. Клад 2005 г. из раскопок на Южном городище. В: Чернецов А. В. (отв. ред.). *Великое княжество Рязанское (Историко-археологические ис-*

следования и материалы). Москва: Памятники исторической мысли, 198—210.

Бусева-Давыдова И. Л. 1997. *Храмы Московского Кремля: святые и древности.* Москва: Наука.

Вагнер Г. К. 1975. *Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII век.* Москва: Искусство.

Василенко В. М. 1977. *Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I в. до н. э. — XIII в. н. э.* Москва: Искусство.

№5. 2010

Литература

- Вздорнов Г. И. 1980. *Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв.* Москва: Искусство.
- Гинзбург В. В. 1940. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд. *КСИИМК VII*. Москва; Ленинград, 57—66.
- Гущин А. С. 1936. *Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв.* Москва; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение.
- Даркевич В. П. 1974. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969). В: Монгайт А. Л. (отв. ред.). *Археология Рязанской земли*. Москва: Наука, 19—71.
- Даркевич В. П. 1975. *Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв.* Москва: Искусство.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В. 1995. *Древняя столица Рязанской земли*. Москва: КРУГЪ.
- Даркевич В. П., Монгайт А. Л. 1972. Старорязанские клады 1967 г. *СА (3)*, 206—212.
- Даркевич В. П., Монгайт А. Л. 1978. *Клад из Старой Рязани*. Москва: Наука.
- Даркевич В. П., Пуцко В. Г. 1982. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.). *СА (2)*, 196—209.
- Даркевич В. П., Фролов В. П. 1978. Старорязанский клад 1974 г. В: Николаева Т. В. (отв. ред.). *Древняя Русь и славяне*. Москва: Наука, 342—352.
- ДРГ. 1851. Москва.
- Ениосова Н. В. 1998. Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Общество, экономика, культура и искусство славян. Труды VI МКСА*. 4. Москва: Эдиториал УРСС, 258—267.
- Жарнов Ю. Э., Жарнова В. И. 1999. Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире. В: Смирнова Э. С. (отв. ред.). *Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь*. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 451—462.
- Жилина Н. В. 1998а. Трехбусинные украшения древнерусских кладов XII—XIII вв. (типология, эволюция, технология и орнаментика). В: Кукушкин Ю. С. (предс. ред.). *Культура славян и Русь*. М: Наука, 297—315.
- Жилина Н. В. 1998б. Об эволюции металлических бус славянских типов. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Историческая археология. Традиции и перспективы*. Москва: Памятники исторической мысли, 106—113.
- Жилина Н. В. 1999. Искусство золотой филигрании по древнерусскимкладам (автохтонность и влияния). В: Чернецов А. В. (отв. ред.). *Древнерусская культура в мировом контексте. Археология и междисциплинарные исследования*. Москва: Российский Государственный гуманитарный университет, 158—185.
- Жилина Н. В. 2002. Русский ювелирный узор. *Родина (11—12)*. Москва, 160—165.
- Жилина Н. В. 2003. *Русская зернь и филигрань XI—XV веков*. Дисс. ... д-ра ист. наук. Москва.
- Жилина Н. В. 2005. *Славяно-русская филигрань VIII—X вв.* *Stratum plus (5)*, 21—170.
- Жилина Н. В. 2006. Русский женский головной узор XIV—XVII вв. В: Калашникова Н. М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. Материалы 9-й международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, Российский этнографический музей, 60—64.
- Жилина Н. В. 2006а. Зернь и скань рязанских барм. В: Некрасова М. А. (отв. ред.). *Георгий Карлович Вагнер — Ученый, художник, человек*. Москва: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 314—324.
- Жилина Н. В. 2007. Височные украшения славяно-русского убора: византийское влияние и собственные традиции. В: Строкова Л. В. (отв. ред.). *Музейні Читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки»*. Киев: Музей історичних коштовностей України, 86—101.
- История русского искусства. Искусство X — первой половины XIX века*. 1991. I. Под ред. М. М. Раковой и И. В. Рязанцева. Москва: Изобразительное искусство.
- Калашникова Н. М. 2006. Височные украшения. В: Захарова Н. А. (науч. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 137—145.
- Каргер М. К. 1958. *Древний Киев*. Т. I. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР.
- Кирпичников А. Н. 2002. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья. В: Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. Санкт-Петербург.
- Кондаков Н. П. 1896. *Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода*. Санкт-Петербург.
- Кондаков Н. П. 1906. *Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века*. Санкт-Петербург.
- Корзухина Г. Ф. 1946. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв. *КСИИМК*. Вып. XIII.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Лазарев В. Н. 1948. История византийской живописи. Т. II. Москва: Искусство.
- Ляпушкин И. И. 1958. Городище Новотроицкое (о культуре восточных славян в период сложения Киевского государства). *МИА 74*.
- Мальцев М. В. 1995. Почитание св. архистратига Михаила в русской православной традиции. В: Громыко М. М. (отв. ред.). *Православие и русская народная культура*. Кн. 5. Москва: Координационно-методический центр Прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 91—125.
- Макарова Т. И. 1975. *Перегородчатые эмали Древней Руси*. Москва: Наука.
- Макарова Т. И. 1985. Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска. *СА (3)*, 241—246.
- Макарова Т. И. 1986. Черневое дело Древней Руси. Москва: Наука.
- Макарова Т. И. 1998. Древнерусское наследие в ювелирном деле ранней Москвы XIV в. Москва: Наука.
- Монгайт А. Л. 1955. Старая Рязань. *МИА 49*.
- Монгайт А. Л. 1967. *Художественные сокровища Старой Рязани*. Москва: Наука.
- Недошивина Н. Г. 1999. Любечский клад. В: Недошивина Н. Г. (отв. ред.). *Археологический сборник. Труды ГИМ*. Вып. 111. Москва: Государственный исторический музей, 190—200.
- Некрасов А. И. 1913. *Очерки по истории славянского орнамента. Человеческая фигура в русском тератологическом орнаменте XIV в.* Санкт-Петербург.

- ОАК за 1903 г. 1906. Санкт-Петербург.
ОАК за 1911 г. 1914. Санкт-Петербург.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Ремесло Древней Руси*. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Рыбаков Б. А. 1949. Древности Чернигова. *МИА* 11, 7—93.
- Рыбаков Б. А. 1971. *Русское прикладное искусство XI—XIII вв.* Ленинград: Аврора.
- Рыбаков Б. А. 1987. *Язычество Древней Руси*. Москва: Наука.
- Пекарская Л. В. 2006. Новые данные о киевском кладе 1906 г. В: Пескова А. А., Щеглова О. А. (отв. ред.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. Санкт Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 100—102.
- ПВЛ. 1950. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Сабурова М. А. 1997. Древнерусский костюм. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Археология. Быт и культура*. Гл. 4. Москва: Наука, 93—109.
- Самоковасов Д. Я. 1916. *Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV археологического съезда*. Москва.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв.* Москва: Наука.
- Седова М. В. 1997. *Суздаль в X—XV веках*. Москва: Информационно-издательское агентство «Русский мир».
- Спицын А. А. 1905. Белогостицкий клад 1836 г. *ЗОРСА VII*, вып. 1. Санкт-Петербург, 154—159.
- Спицын А. А. 1915. Археологический альбом. *ЗОРСА XI*. Петроград, 225—250.
- Стерлигова И. А. 1996. Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI—XII вв. В: Лившиц Л. И. (отв. ред.). *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV века*. Москва: Наука, 26—68.
- Стерлигова И. А. 2000. *Драгоценный убор древнерусских икон XI—XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Строганов С. Г. 1841. О серебряных вещах, найденных во Владимирской и Ярославской губерниях в 1836 и 1837 гг. *Русский исторический сборник*. Т. IV. Кн. 2—3. Москва.
- Тарновский В. В. 1898. *Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского*. Киев.
- Фехнер М. В. 1993. Древнерусское золотное шитье X—XIII вв. в собрании Государственного исторического музея. В: Недошивина Н. Г. (отв. ред.). *Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ*. 82. Москва: Государственный исторический музей, 3—21.
- Фомин А. В. 1996. Куфические монеты Гнездовского клада В: Новосельцев А. П. (отв. ред.). *Древнейшие государства Восточной Европы* 1994. Москва: Археографический центр, 187—203.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. 1902. *Древности Приднестровья*. Киев.
- Попудренко М. А. 1975. Стародавні знахідки с Чернігова. *Археологія* (16), 82—86.
- Пекарська Л. 1996. Дорогоцінності Десятинної церкви В: *Церква Богородиці Десятинна в Києві*. 1996. Толочко П. (наук. ред.). Київ: Національний музей історії України, 48—53.
- Самойловський І. М. 1952. Новий скарб часів Київської Русі. *Археологія VI*. Київ, 120—125.
- Церква Богородиці Десятинна в Києві*. 1996. Толочко П. (наук. ред.). Київ: Національний музей історії України.
- Якубовський В. 2003. *Скарби Болохівської землі*. Кам'янець-Подільський: Інститут археології НАН України, Кам'янець-Подільський державний університет.
- Gates of Mystery. Treasures of orthodoxy from Holy Russia*. National Gallery and Alexandros Soutzos Museum, State Russian Museum of St. Petersburg (without year and place).
- Dekan J. 1980. *Moravia Magna: The Great Moravian Empire. Its art and times*. Bratislava: Tatran.
- Dostal B. 1966. *Slovanska pohrebiste ze stredni doby hradištni na Morave*. Praha: Academia nakladatelství Československe academie ved.

Архивные материалы

- Монгайт А. Л. 1950. *Отчет о раскопках Старорязанской экспедиции*. Архив ИА РАН, № 3374.
- Чернецов А. В. 1995. *Отчет о работах Старорязанской экспедиции за 1995 г.* Архив ИА РАН, № 20870.
- Чернецов А. В. 2000. *Отчет о работе Старорязанской экспедиции в 2000 г.* Архив ИА РАН, № 23687, 23688.
- Чернецов А. В. 2006. *Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции в 2006 г.* Архив ИА РАН, временный № ОПИ 878.

Монография поступила в номер 1 июня 2009 г.

Natalia Zhilina (Moscow, Russia). Doctor of historical sciences. Russian Academy of Science, Institute of Archaeology.

Natalia Zhilina (Moscow, Rusia). Doctor în științe istorice. Academia de Științe a Rusiei, Institutul de Arheologie.

Жилина Наталья Викторовна (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Учреждение Российской Академии Наук, Институт археологии РАН.

E-mail: nvzhilina@yandex.ru